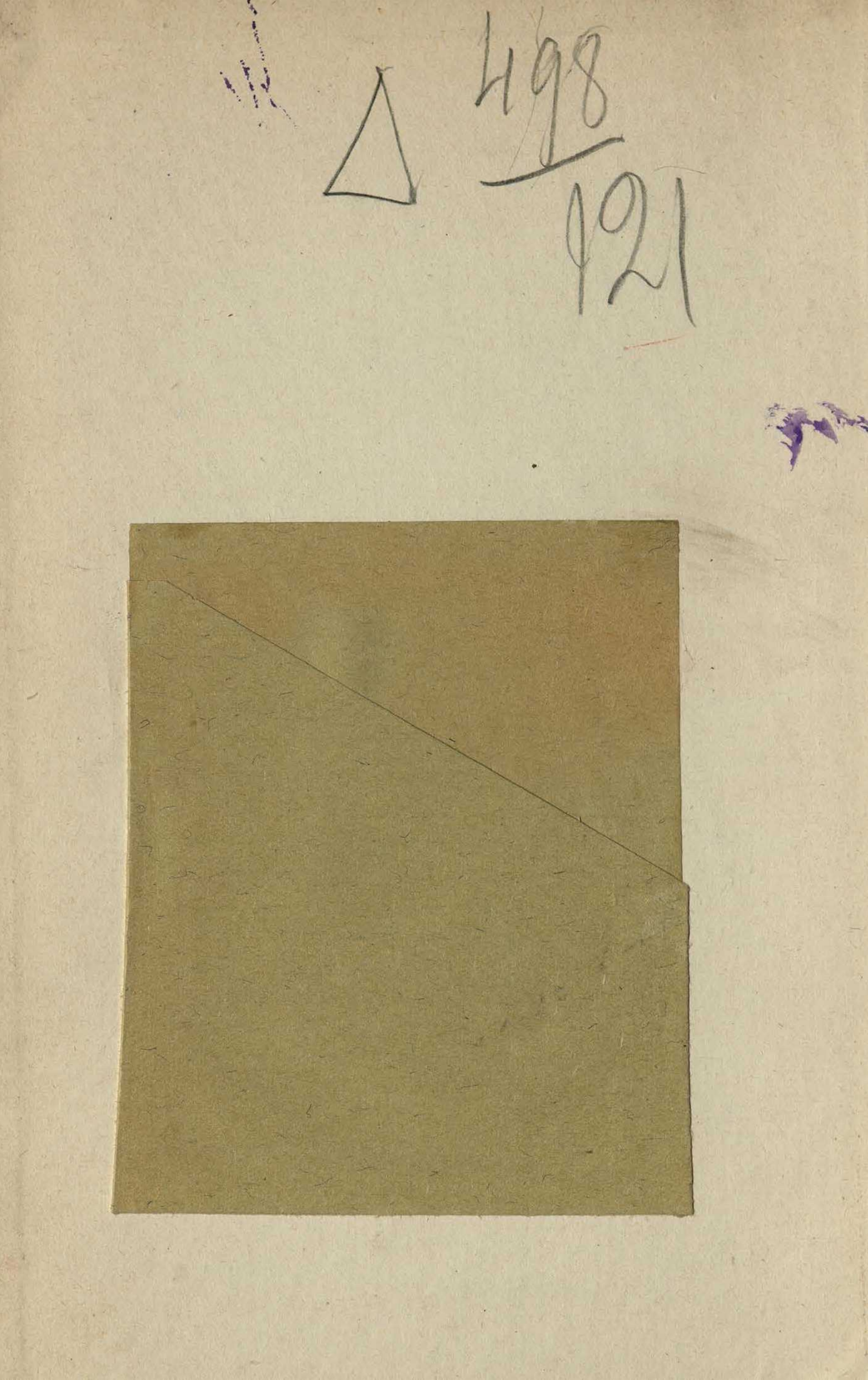
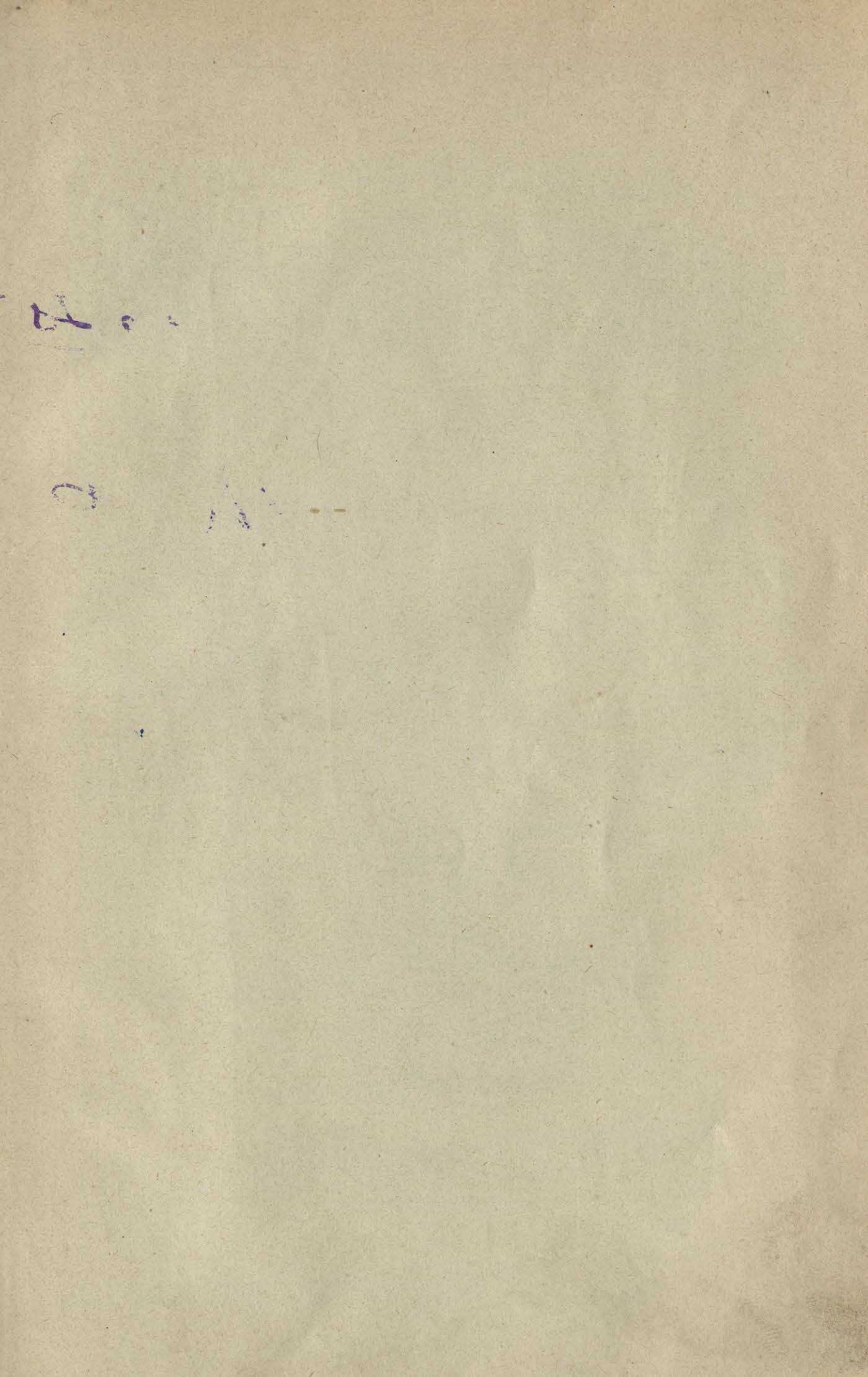

498
121



ВОСПОМИНАНІЯ ГЕЛЛЯВЕРДЫНЦА

о войнѣ 1877 — 1878 гг.

РАЗСКАЗЪ

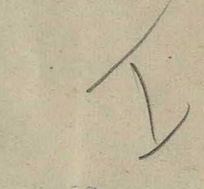
о походѣ 156-го пѣх. Елисаветпольскаго полка.

Съ планами, рисунками и портретами.

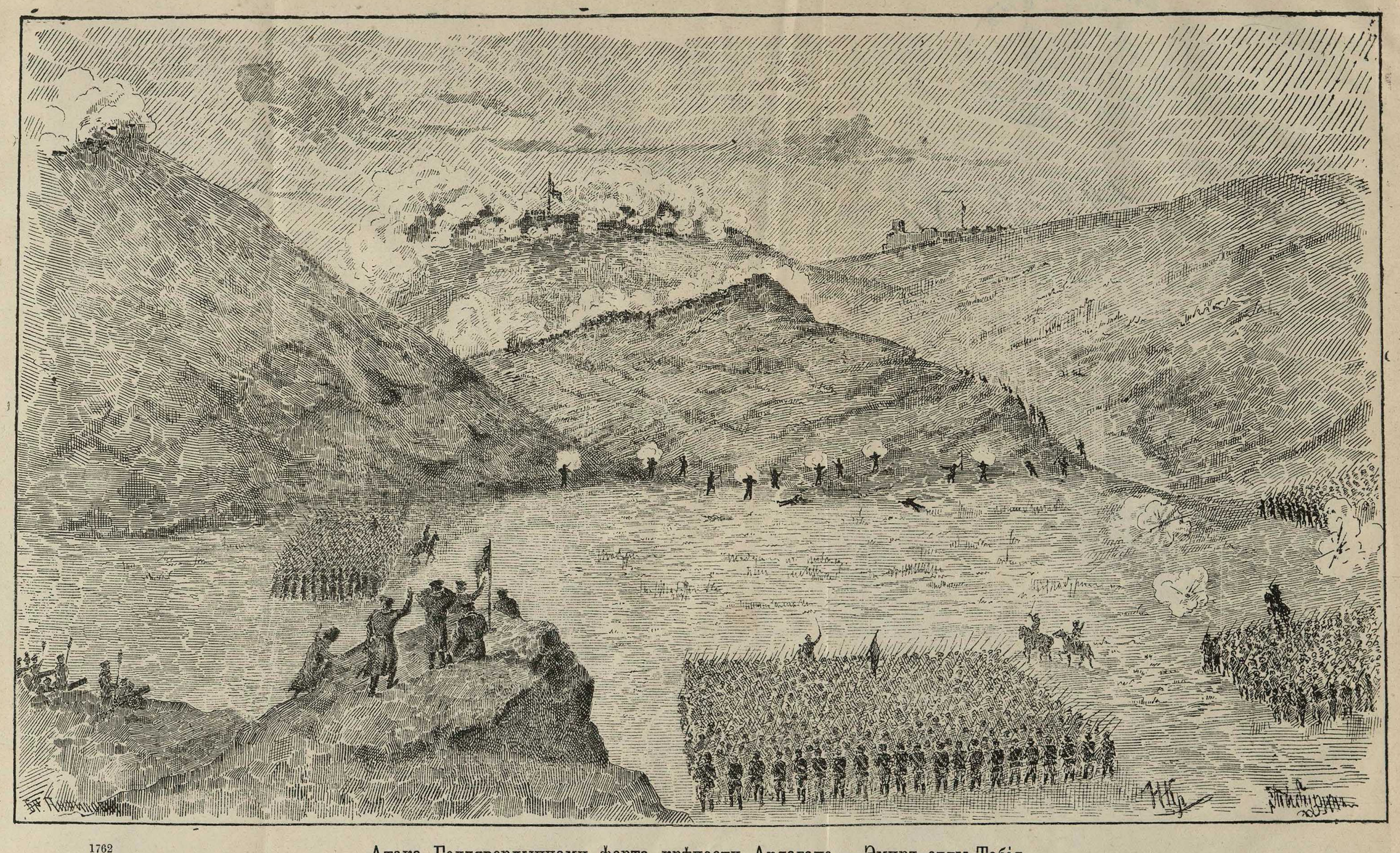
(Посвящается однополчанамъ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи журнала „Чтеніе для Солдатъ“
1889.

БИБЛІОТЕКА
ГЛАВНАГО ШТАБА



БИБЛІОТЕКА ГЕНЕРАЛЬНАГО и ГЛАВНАГО ШТАБА
1811 г.



1762

Атака Геллявердынцами форта крѣпости Ардагана — Эмиръ-оглы-Табія.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26-го іюня 1887 г.

Типографія В. С. Балашева, Екатерин. кан., д. № 78.

ВОСПОМИНАНІЯ

ГЕЛЛЯВЕРДЫНЦА

о войнѣ 1877 — 1878 гг.

(Посвящается однополчанамъ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи журнала „Чтеніе для Солдатъ".
1887.

Екатерининскій кан., № 78—5
2738

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 19-го ноября 1886 года.

ВОСПОМИНАНІЯ

ГЕЛЛЯВЕРДЫНЦА

о войнѣ 1877 — 1878 гг.

(Посвящается однополчанамъ).

I.

Походъ.

12-го апрѣля 1877 года, въ 8 часовъ утра, послѣ напутственнаго молебна, отслуженнаго на южной сторонѣ города Ахалкалаки, Елисаветпольцы, окропленные святою водою, стройно, весело, съ громкими пѣснями, выступили къ границѣ Турціи, въ составѣ авангардной колонны.

Совершивъ переходъ въ тридцать слишкомъ верстъ по грязной грунтовой дорогѣ, полкъ остановился на ночлегѣ за дер. Карзахъ, не доходя границы. Мѣсто ночлега было открытое, ровное и, вслѣдствіе безпрерывныхъ дождей, лившихъ въ предыдущіе три дня, крайне сырое. Вечеръ стоялъ холодный и пасмурный, обѣщавшій неблагопріятную ночь.

При приближенiи полка къ дер. Карзахъ, жители ея, армяне, вышли на встрѣчу съ иконами и хоругвями; сочувствуя священной цѣли похода, они плакали, благословляли на далекiй и многотрудный путь солдатъ, цѣлуя и осѣняя ихъ крестнымъ знаменiемъ. Бѣдно одѣтый деревенскiй священникъ, плаксивымъ голосомъ напѣвая молитвы армянскаго богослуженiя, обильно окроплялъ мѣрно шагавшiе ряды Елисаветпольцевъ. Солдаты, выходя въ сторону, снимали шапки, набожно крестились и цѣловали деревянный крестъ; тронутые крайнею бѣдностью священника, они бросали къ ногамъ его посильную лепту и, молча, продолжали движенiе. Обрадованный священникъ, предшествуя сѣрой толпѣ жителей, до двухъ верстъ провожалъ полкъ и неустанно нашептывалъ слова благословленiя на непонятномъ намъ языкѣ.

— Довольно, батюшка, вернитесь: мы вѣдь очекно далеко идемъ, — обратились къ священнику солдаты, видя его крайнее утомленiе.

Священникъ остановился, поднялъ руки съ крестомъ вверхъ и долго оставался въ такомъ положенiи, показывая, что не перестаетъ благословлять православныхъ воиновъ.

Обозъ застрялъ у дер. Карзахъ на всю ночь. Здѣсь дорога шла по болотистому мѣсту и грязь была до такой степени вязкая и глубокая, что колеса совершенно потонули, а рабочiе не могли подойти къ повозкамъ, чтобы подать помощь. Столпившiеся на небольшомъ пространствѣ, фургоны, патронные ящики и обывательскiя арбы, въ страшной темнотѣ ночи, кружились на одномъ мѣстѣ, наѣзжали другъ на друга

и не могли разобраться. Не многимъ посчастливилось выбраться изъ этого омута. Большая часть обоза осталась ночевать. Обозные выпрягли лошадей и, выѣхавъ на твердое мѣсто, полегли спать. Бѣдныя лошади были до такой степени изнурены, что не могли ѣсть и всю ночь лежали въ растяжку, тяжело всхрапывая.

Чуть-свѣтъ, карзахскій старшина выгналъ для вытаскиванія обоза обывательскихъ быковъ и буйволовъ. Только благодаря такому содѣйствію, обозъ и былъ освобожденъ, такъ какъ за ночь грязь замерзла и силами изнуренныхъ лошадей немыслимо было даже тронуть съ мѣста повозки.

По приходѣ на ночлегъ, часовъ въ 8 вечера, утомленные длиннымъ и труднымъ путемъ, офицеры и солдаты, какъ снопы, повалились на сырую землю и заснули, укрывшись чѣмъ Богъ послалъ. Ужина и палатокъ никто не ждалъ, зная, что обозъ не скоро придетъ, да и силъ не было для ожиданія. Менѣе чѣмъ черезъ полчаса, на бивакѣ стало тихо, спокойно и только тяжелыя всхрапыванія людей и лошадей, да шаги уходившихъ сторожевыхъ частей еще нарушали воцарившуюся на бивакѣ тишину. Въ полночь выпалъ глубокій снѣгъ и ударилъ сильный морозъ.

Объятый холодомъ, я проснулся и окинулъ взоромъ мѣсто ночлега. Кругомъ было такъ же тихо, лишь изрѣдка доносился окликъ часовыхъ сторожевой цѣпи: «кто идетъ!» да, въ сторонѣ Карзаха слышалось: «эй! ну! впередъ! ну, голубчики! ну, милыя! ну-ну!..» Я повернулся, думалъ какъ-нибудь заснуть, но морозъ все сильнѣе и сильнѣе пронизывалъ мнѣ бока; долго я вертѣлся такимъ образомъ, стараясь согрѣться въ своей

буркѣ, но напрасно... Вокругъ становилось все шумнѣе и шумнѣе. Молодые офицеры, улегшіеся на желѣзныхъ кроватяхъ, также не спали, звали деньщиковъ и выражали сожалѣніе, что пренебрегли совѣтомъ

731 Генералъ Амираджибовъ.

опытныхъ кавказскихъ офицеровъ, предлагавшихъ имъ воспользоваться способомъ «взаимнаго согрѣванія».

Кавказскіе ветераны, какъ и нижніе чины, лежали подъ снѣгомъ и не чувствовали вовсе холода. Странно было смотрѣть на бивакъ: какъ будто, кромѣ нѣсколь-

кихъ офицеровъ, ёрзавшихъ на кроватяхъ, да часовыхъ, бѣгавшихъ около ружейныхъ козелъ, никого здѣсь не было,—кругомъ ровно, гладко и все закрыто снѣжнымъ саваномъ.

— Михайло!—раздался вдругъ звонкій голосъ командира полка, князя Амираджибова.

Расторопный деньщикъ, спавшій подъ фургономъ, быстро всталъ и заглянулъ въ фургонъ.

— Чаю, Михайло, чаю; замерзъ я;—обратился къ нему князь, дрожа и щелкая зубами.

— Чичасъ, ваше сіятельство!—сонливо отвѣтилъ деньщикъ и отправился за дровами.

Князь Амираджибовъ то—вставалъ, то—опять ложился, всячески закутывался въ шерстяное одѣяло, но согрѣться никакъ не могъ. Его фургонъ съ постелью и другими вещами остался у Карзаха, въ числѣ другихъ повозокъ.

Дровъ на бивакѣ, за отсутствіемъ лѣса, нельзя было достать, а дер. Карзахъ находилась далеко; но для Михайлы невозможнаго не существовало. Въ числѣ другихъ деньщиковъ, также искавшихъ дровъ, онъ подошелъ къ маркитантскому фургону, подъ которымъ невозмутимо спалъ маркитантъ съ прислугой, и осторожно вытащилъ одну доску...

Въ районѣ расположенія офицеровъ затрещалъ небольшой костёрчикъ, около котораго суетливо ходили деньщики съ мѣдными чайниками и заваривали чай. Скоро, какъ князь Амираджибовъ, такъ и прочіе офицеры отогрѣвались горячимъ чаемъ. Офицеры же, проведшіе ночь подъ снѣгомъ, не только не нуждались въ согрѣвающихъ средствахъ, но наоборотъ, съ бранью

отгоняли назойливыхъ деньщиковъ, предлагавшихъ имъ чаю.

Настал день. Жаркіе лучи южнаго солнца быстро обогрѣли землю; снѣгъ сталъ таять, зашумѣли потоки. Бивакъ ожилъ: солдаты съ гикомъ, хохотомъ, выползали изъ-подъ снѣга, отряхивались и принимались готовить чай. Весь бивакъ задернулся дымомъ. Шумными толпами окруживъ маленькіе костёрчики, солдаты грѣлись, заваривали чай въ котелкахъ и острили другъ надъ другомъ, словно провели ночь въ теплыхъ ахалцыхскихъ казармахъ. Чай солдаты очень любили и пили его и въ жаркую пору, и сильный холодъ; для завариванія, у нихъ постоянно имѣлся въ ранцахъ запасъ щепокъ, а если послѣднихъ не случалось, грѣли сухой травой, не обращая вниманія на скверный запахъ, получаемый чаемъ.

— А-а-а! дѣдушка, гдѣ вы были? Какъ ноченьку проспали? Чай, вы совсѣмъ замерзли, дѣдушка? Садитесь съ нами, погрѣйтесь! — послышались вопросительные голоса у костровъ.

— Ничего, ребятки, тепленько. Здравствуйте!—по-николаевски забасилъ, любимый солдатами, николаевскій служака, кандидатъ Астафьевъ.

Солдаты привстали, разступились и дали старику мѣсто у огонька.

— Гдѣ вы почивали, дѣдушка? — обратились къ нему молодые.

— Тамъ, у знамени, дѣточки, у знамени!

— И не холодно было спать-то одному?

— Ничего, тепленько, дѣточки: я привыкъ вѣдь.

Солдаты, окруживъ старика, стали гладить ему

густую, сѣдую бороду и съ назойливымъ любопытствомъ разсматривали регаліи, съ которыми онъ никогда не разставался.

— Идите, дѣточки, лучше полюбопытствуйте, какъ тамъ, у знамени, моя хата построена, а я чайку малость попью,—обратился старикъ къ надоѣдливымъ сотоварищамъ.

Солдаты побѣжали; за знаменемъ они увидѣли желобообразную яму, въ которой старикъ провелъ ночь и, выразивъ удивленіе, вернулись обратно.

— И хитрый ты, дѣдушка; а насъ, вчера-то, не научилъ этой мудрости,—выразили они неудовольствіе.

— А зачѣмъ васъ учить, мои милые. Послужите—сами узнайте!—отвѣтилъ старикъ, обтирая рукавомъ длинные усищи, нѣсколько разъ побывавшіе въ котелкѣ съ чаемъ.

Добродушный николаевскій служака, кандидатъ Астафьевъ, не смотря на преклонныя лѣта (около восьмидесяти), былъ очень представительный и крѣпкій человѣкъ. Прослуживъ вѣрой и правдой около пятидесяти лѣтъ Царю и Отечеству, онъ обладалъ такимъ множествомъ разсказовъ о достославномъ времени царствованія Николая Павловича, что было чѣмъ и какъ удовлетворять любознательность своихъ молодыхъ сослуживцевъ, которые въ немъ души не чаяли за это. Множество, украшавшихъ его грудь, орденовъ обличали въ немъ человѣка храбраго, прошедшаго, какъ говорится, огонь и воду. Старикъ Астафьевъ двадцать слишкомъ лѣтъ носилъ знамя и, выступая въ походъ, говорилъ молодымъ соратникамъ, что онъ идетъ умереть славною смертью подъ знаменемъ. Но судьбѣ угодно

было иначе: послѣ Геллявердынскаго боя онъ захворалъ, вернулся въ г. Ахалцыхъ и здѣсь, въ 1880 году, скончался въ мирной обстановкѣ, въ кругу многочисленной своей семьи. Миръ праху твоему, дѣдушка.

Проснулись, наконецъ, и офицеры. Окруживъ тѣсно артельный фургонъ со всевозможными закусками и выпивками, съ жадностью поѣдали холодную баранину и кавказскій шашлыкъ (мясо, сжаренное на вертелѣ) и тянули изъ бутылокъ красное кахетинское вино. Дружная «мравалъ жамія» (грузинская застольная «многая лѣта») пріятно огласила воздухъ. Пошли тосты за Царя, Отечество, Главнокомандующаго, Начальника отряда, командира полка и солдатъ. Послѣ каждаго тоста весь полкъ кричалъ «ура». Солдаты повеселѣли и воодушевились.

— А что, братцы, развѣ и намъ выпить! Пойдемъ, ребята! — послышались голоса у потухающихъ огоньковъ.

И нестройная масса солдатъ, съ крикомъ «ура», ринулась къ маркитантскому фургону.

— Пажальтэ! пажальтэ! миластъ просэмъ! — раздался пискливый голосъ добродушнаго армянина Захара.

Солдаты шумною толпою окружили громаднѣйшій бурдюкъ съ водкой, давя и щупая любимаго Захара. Всѣ вооружились пятачками и ждали очереди.

— Зачимъ твоя доска коробчилъ (укралъ), а? Зачимъ пуркунъ портилъ, а? Таперча, братъ, пій, а послѣ, за энта, водка не получишь, — обращался Захаръ къ тѣснившимъ его со всѣхъ сторонъ солдатамъ.

— Шалишь, братъ, Захаръ, дашь и послѣ, за деньги-

то,—замѣтилъ стоящій въ сторонѣ Михайло, перемигиваясь съ соучастниками.

Захаръ замѣтилъ это.

— А-а! Энта твоя коробчилъ, а? Говори правда, ничво не будытъ!

Михайло обидѣлся, сталъ браниться, называя Захара «армяшкой».

— Ступай, ступай отселя!—крикнулъ выведенный изъ себя Захаръ,—самъ «русмяшка»; шутка не понимаишь, дуракъ!

Солдаты стали тюкать. Сконфуженный Михайло поспѣшно удалился, грозя жалобой командиру полка.

Было около десяти часовъ утра. Обозъ уже подтянулся. Обозные кормили лошадей и очищали колеса отъ грязи. Невдалекѣ отъ стоянки расположились кухни, готовя обѣдъ. Небо покрылось туманной завѣсой, но вскорѣ подулъ вѣтерокъ, очистилось небо и солнцѣ жарило еще съ большимъ усердіемъ. Поля залились снѣговою водою; лучи солнца, скользя по поверхности воды, отражались въ ней такъ ослѣпительно, что не было возможности остановить на нихъ взора. На юговосточномъ небосклонѣ грозно обрисовались, покрытые снѣгомъ, высокіе хребты горъ, къ которымъ намъ предстояло подойти сегодня же. «Что-то тамъ ожидаетъ насъ?»—думалось каждому.

Раздался сигналъ... полкъ выступилъ. Освобожденная отъ снѣга, дорога черной лентой обогнула карзахское озеро и, повернувъ у турецкой деревни Кянарбель круто направо, исчезла за переваломъ. Вотъ и громадный пограничный камень, торчащій, какъ часовой, на обширной равнинѣ, у самаго карзахскаго

озера. Здѣсь полкъ остановился передохнуть и выждать обоза и артиллеріи, едва преодолѣвавшихъ трудность дороги. Пользуясь свободной минутой, солдаты пошли посмотрѣть, кто—озеро, кто—гигантскій камень.

На нашей сторонѣ камня высѣченъ крестъ, который отъ времени вывѣтрился и едва былъ замѣтенъ.

— Тутъ — дома; а тута — у турокъ,— говорили солдаты, заходя то съ одной, то съ другой стороны.

Многіе усѣлись съ «домашней» стороны камня, достали сухариковъ, хватили по крышечкѣ и стали пѣть, хохотать и острить.

— Ѣшь, ребята, ѣшь, а тамъ ѣда будетъ иная!— говорили одни.

— Небойсь, захлебнешься!—отвѣчали другіе.

Но толпу этихъ весельчаковъ составляли солдаты, не оставившіе за собой ничего, достойнаго сожалѣнія— бобыли. Не то чувство отражалось на лицахъ призывныхъ бородачей, покинувшихъ многочисленныя семейства и благоустроенное хозяйство; съ тяжелою грустью оставляли они пограничный камень, наглядно давшій имъ знать, что они разлучаются съ родиной и идутъ въ Туретчину, гдѣ, быть можетъ, ихъ ожидаетъ голодъ, холодъ, а многихъ—и холодная могила, вдали отъ родныхъ полей; притихли, пригорюнились бородачи; потупили глаза и, съ выраженіемъ злой досады, сбрасывали комья грязи, то и дѣло, облипавшія ихъ богатырскія ноги.

Не слышно было ни пѣсень, ни шутокъ, ни залихватскихъ вскрикиваній вертлявыхъ плясуновъ — дорожныхъ увеселителей, заставлявшихъ товарищей забыться и не чувствовать тяжестей походной жизни.

Всѣ мысленно перенеслись назадъ, къ роднымъ очагамъ, грустно вспоминая все дорогое, все святое для сердца...

Вдругъ, въ тылу показался начальникъ ахалцыхскаго отряда *), генералъ-лейтенантъ Девель.

— Ѣдетъ!! Отецъ-генералъ ѣдетъ! — тихо передавали солдаты съ хвоста колонны.

Бородачи встряхнулись, поправили аммуницію, кашлянули, подняли головы вверхъ и бодро пошли въ ногу. Колонна приняла стройный, молодцоватый видъ. Раздалась команда «на плечо!»

— Здорово, голубчики, Елисаветпольцы! —прозвучалъ сильный голосъ начальника отряда.

Потрясающее «здравія желаемъ вашему превосходительству!» грянуло въ отвѣтъ.

— Спасибо, голубчики, спасибо! Богатырями идете! — благодарилъ и хвалилъ генералъ Девель, крупнымъ галопомъ опережая колонну.

Пріѣздъ начальника отряда (и 39-й дивизіи) оживилъ солдатъ. Едва разрѣшили идти вольно, какъ пѣсенники весело грянули:

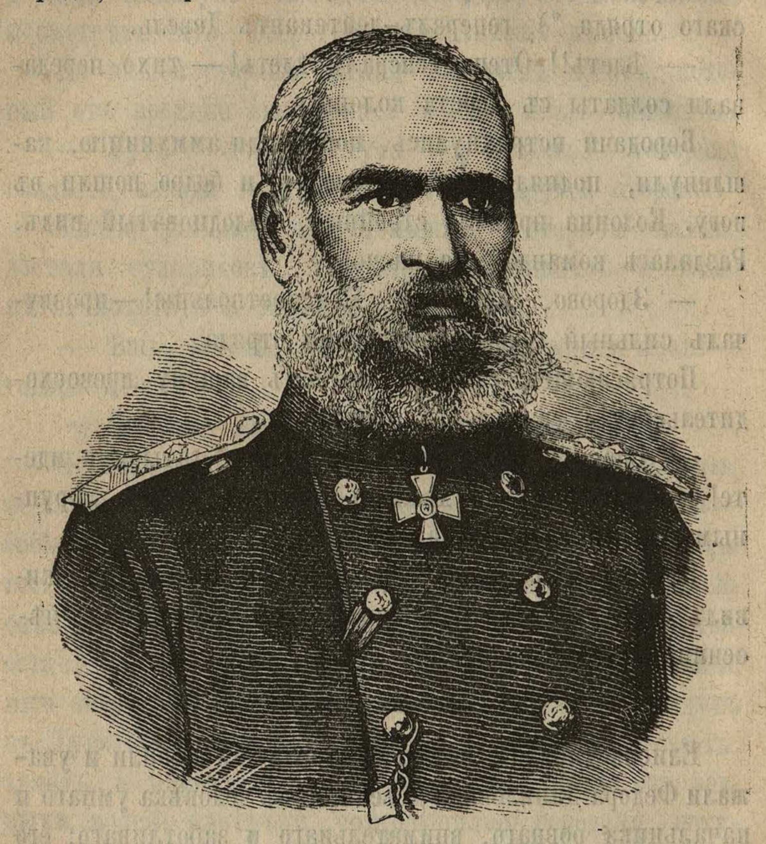
«Пойду-ли, выйду я»... и т. д.

Елисаветпольцы всѣми силами души любили и уважали Федора Даниловича Девеля, какъ человѣка умнаго и начальника ровнаго, внимательнаго и заботливаго; его доброе и въ то же время серьезное лицо внушало и уваженіе, и страхъ; его всегда сильныя, умныя рѣчи

---

*) Составъ отряда: 153-й Бакинскій и 156-й Елисаветпольскій пѣхотные полки, 4-й саперный бат., 3-я батарея 39-й артил. бригады и 5-я бат. 19-й арт. бригады, дивизіонъ 4-й конной Кубанской батареи, Владикавказскій и Полтавскій конные полки, сотня милиціи.

приводили въ восторгъ слушающихъ, потрясающе дѣйствуя на душу. Не было человѣка въ ахалцыхскомъ отрядѣ, который бы не преклонялся передъ умомъ,



1730 Генералъ-лейтенантъ Ф. Д. Девель.

представительностью и опытностью Федора Даниловича. Движимые этимъ чувствомъ, Елисаветпольцы старались быть аккуратными и въ служебномъ отношеніи, и въ частной жизни, боясь разогорчить Федора Даниловича.

Достаточно было и намека со стороны Федора Даниловича, чтобы причинить Елисаветпольцу сильную нравственную боль или, наоборотъ, поднять его духъ до полнаго самоотверженія и воспользоваться имъ, какъ слѣпымъ орудіемъ въ минуту надобности. Сознавая это, Федоръ Даниловичъ самъ отъ души любилъ Елисаветпольцевъ и не разъ, въ застольныхъ бесѣдахъ въ Ахалцыхскомъ военномъ собраніи, высказывался и выражалъ надежду, что онъ совершенно спокойно пойдетъ на Ардаганъ, имѣя подъ рукою Елисаветпольцевъ. Дальнѣйшее описаніе боевой дѣятельности Елисаветпольцевъ докажетъ, на сколько были вѣрны эти надежды. Къ пріѣзду его въ штабъ-квартиру всѣ готовились, какъ къ празднику. Передъ объявленіемъ войны, Федоръ Даниловичъ жилъ съ семействомъ въ Ахалцыхѣ полгода. Время это было самымъ веселымъ, самымъ пріятнымъ за всѣ одиннадцать лѣтъ пребыванія Елисаветпольцевъ въ гор. Ахалцыхѣ. Обладая прекраснымъ голосомъ, Федоръ Даниловичъ нерѣдко принималъ участіе въ пѣніи офицеровъ и приводилъ общество въ восторгъ, запѣвая своимъ чуднымъ баритономъ:

«Выйду я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю»... и т. д.

Федоръ Даниловичъ не былъ начальникомъ, который пренебрегаетъ общностью съ подчиненными и не признаютъ въ нихъ самолюбія. — «Служба—службой, дружба — дружбой», — часто говаривалъ Федоръ Даниловичъ. Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, но Елисаветпольцы и теперь не могутъ вспомнить его, безъ радостнаго содроганія. Да и возможно-ли забыть такого человѣка! Еще много, много пройдетъ времени, а имя

незабвеннаго Федора Даниловича, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, будетъ крѣпко держаться въ памяти Елисаветпольцевъ, воодушевляя ихъ и въ мирной обстановкѣ и среди громовъ войны. Солдаты любили отца-генерала еще и за то, что онъ мастерски владѣлъ солдатскимъ языкомъ, и, какъ старый кавказскій ветеранъ, близко знакомый съ душой солдата, умѣлъ выбирать такіе разговоры, которые приводили ихъ въ восторгъ.

Въ деревнѣ Кянарбель полкъ остановился на большомъ привалѣ. Здѣсь люди, благодаря солнечной погодѣ, обсушились, отдохнули и подкрѣпили силы для дальнѣйшаго труднаго пути. Сюда привели первыхъ плѣнныхъ турокъ (пограничный постъ), захваченныхъ казаками Полтавскаго полка наканунѣ; они были, повидимому, крайне опечалены и недовольны свою судьбою. Начальникъ поста (бимбаши) ужасно негодовалъ на нашихъ казаковъ, стоявшихъ на посту—противъ него и поддерживавшихъ все время съ нимъ куначество *). Они дали честное слово предупредить его въ случаѣ объявленія войны, а между тѣмъ, не только не исполнили слова, но сами руководили захватомъ поста. Турецкіе лошади съ сбруей были проданы съ аукціона, по самой дешевой цѣнѣ, такъ что наилучшая лошадь пошла въ пять рублей. Солдаты, окруживъ плѣнныхъ, съ любопытствомъ разсматривали ихъ и знакомились съ «магазинными» ружьями, которыя удивляли ихъ своимъ устройствомъ и способностью производить множество выстрѣловъ въ самое короткое время.

*) Доброе знакомство.

Отдохнувши, полкъ двинулся дальше и черезъ два часа, выйдя на перевалъ, опять остановился, въ ожиданіи обоза и артиллеріи, задержанныхъ крутымъ и грязнымъ подъемомъ.

При дальнѣйшемъ движеніи, пограничныя владѣнія наши стали скрываться за переваломъ. Солдаты, выходя въ сторону, бросали слезливый взглядъ на родныя горы и, проговоривъ: «прощай, матушка Россея!»—догоняли товарищей. На перевалѣ грунтъ былъ каменистый, а потому полкъ двигался очень быстро. Дорога зигзагами спускалась къ обширной равнинѣ, окаймленной стѣною скалистыхъ горъ, у подошвы которыхъ ютилось до пятнадцати турецкихъ деревень, такихъ же мрачныхъ и сѣрыхъ, какъ и горы. Равнина была испещрена множествомъ дорогъ, озерами и болотами. Казалось, полку не миновать ихъ; но, къ счастью, дорога наша повернула вправо и пошла по отлогому склону горъ, окаймлявшихъ равнину. По дорогѣ, не смотря на массу деревень, отрядъ никого не встрѣчалъ. На пространствѣ, доступномъ зрѣнію, не было ни одного деревца, ни одного кустика.

Въ семь часовъ вечера полкъ прибылъ въ деревню Зурзунъ и сталъ лагеремъ. Такъ какъ люди сильно утомились, то здѣсь была назначена дневка. Жители деревни Зурзуна — турки, благодаря кавалерійскимъ частямъ, предупредившимъ ихъ о миролюбивомъ настроеніи нашихъ войскъ, остались дома и въ слѣдующій день совершенно спокойно принялись за свои полевыя работы. Бѣжалъ только какой-то бекъ (князь-помѣщикъ), человѣкъ богатый и уважаемый туземцами. Имущество его, состоящее изъ хорошаго каменнаго

дома съ хозяйственными пристройками и множества рогатаго скота было конфисковано и отдано частямъ отряда, такъ что отрядъ три дня довольствовался на счетъ бека.

На другой день, 14-го числа, сюда прибылъ первый кавалерійскій отрядъ, открывшій связь между Александропольскимъ и Ахалцыхскимъ отрядами.

Населеніе Ардаганскаго санджака (округа) было сильно напугано турецкими властями, удалившимися въ виду нашего наступленія; власти увѣрили жителей, что наши войска будутъ предавать огню и мечу все, встрѣчающееся на пути. По этому, турки были крайне удивлены и обрадованы, когда имъ объявили, что войска идутъ драться съ войсками, а не съ мирными жителями, и что за все, взятое у нихъ, будутъ платить деньги. Слухъ объ этомъ быстро облетѣлъ все населеніе и турки не только не боялись насъ, но стали выходить на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью и привозить въ лагерь для продажи сыръ, масло, яйца и другіе предметы. Со временемъ, въ отрядѣ многіе обзавелись кунаками, которые своимъ знакомымъ приносили бешкеши (подарки) и глубоко обижались, когда имъ, по незнакомству съ обычаями страны, предлагали вознаграждeніе. Турки оказались народомъ очень любезнымъ, гостепріимнымъ и честнымъ.

Словомъ, благодаря человѣколюбивому обращенію съ населеніемъ, жизнь въ странѣ закипѣла съ прежней силой и отрядъ шелъ впередъ безопасно, встрѣчая всюду радушное привѣтствіе и всевозможныя услуги со стороны попутныхъ обывателей. Даже изъ деревень, находившихся еще въ рукахъ турецкихъ властей, тай-

комъ приходили жители и, изъявляя покорность, предлагали купить все, что необходимо для отряда. За такое сочувствіе къ намъ, многіе изъ нихъ были схвачены турецкими властями и преданы смертной казни.

Дорога отъ деревни Зурзуна поворачиваетъ на западъ и идетъ по волнообразной мѣстности, между двумя параллельными хребтами; въ нѣсколькихъ мѣстахъ она пересѣчена довольно глубокими оврагами, которые, впрочемъ, не дѣлаютъ ее неудобопроходимою.

II.

Стоянка въ окрестностяхъ Ардагана.

15-го апрѣля весь отрядъ стянулся къ деревнѣ Бекрехатунъ (переходъ 25 верстъ) и сталъ общимъ лагеремъ на продолжительную стоянку. 17-го числа, 4-й баталіонъ Елисаветпольцевъ, дивизіонъ Кубанской 5-й конной батареи, Полтавскій и Кубанскій казачьи полки и Ахалцыхская конная милиція *), подъ начальствомъ генералъ-маіора Ореуса **), выступили къ развалинамъ деревни Чагестанъ въ качествѣ передоваго отряда. Два параллельныхъ хребта, о которыхъ я говорилъ выше, у Чагестана соединяются вмѣстѣ; соединеніе это образуетъ собою послѣдній къ Ардагану перевалъ. На немъ-то,

*) Изъ ахалцыхскихъ армянъ и осетинъ Тифлисской губ.

**) Командира 2-й бригады 39-й пѣхотной дивизіи.

какъ на боевой позиціи, и сталъ лагеремъ выступившій отрядъ. Отсюда главныя силы находились въ пяти, а Ардаганъ — въ двадцати верстахъ. Перевалъ покрытъ небольшимъ сосновымъ лѣскомъ, который и пошелъ на топливо, устройство шалашей для кавалерійскихъ частей, неимѣвшихъ палатокъ, починку обоза и проч. Чагестанскій лѣсокъ, какъ единственный на пространствѣ ста верстъ, между Ахалкалаками и Ардаганомъ, долженъ былъ снабжать отрядъ топливомъ и при дальнѣйшемъ движеніи; поэтому, порубки въ немъ дѣлались не зря и расходовался онъ бережливо.

До занятія Чагестана, турки не показывались; только на отдаленнѣйшихъ высотахъ, изрѣдка, виднѣлись группы человѣческихъ фигуръ; но неизвѣстно, были-ли то турецкія войска, слѣдившія за ними, или просто любопытные жители. Послѣ же этого занятія, стали выѣзжать небольшія кавалерійскія партіи правѣе праваго фланга нашей позиціи. Отдѣленные отъ насъ рѣкою Курой, они считали себя въ полной безопасности. Однако, они ошиблись въ расчетѣ.

19-го числа, Ахалцыхскіе милиціонеры, предводимые храбрымъ своимъ командиромъ, маіоромъ Іоселіани, переплывъ рѣку Куру, около деревни Уръ, отважно бросились въ шашки на партію баши-бузуковъ, безпокоившихъ наши аванпосты анфиладнымъ огнемъ. Послѣ отчаянной рѣзни, баши-бузуки обратились въ бѣгство, провожаемые частымъ огнемъ милиціонеровъ. Непріятель оставилъ на мѣстѣ пятнадцать тѣлъ и четырехъ плѣнныхъ; въ числѣ послѣднихъ одинъ былъ инженерный офицеръ. Это были первые выстрѣлы, раздавшіеся въ Ахалцыхскомъ отрядѣ. Милиціонеры съ пѣс-

нями вернулись въ лагерь. Турки послѣ этого окончательно заперлись въ крѣпости; обаяніе ихъ среди населенія лѣваго берега Куры значительно ослабло.

Чагестанскій лагерь не былъ похожъ на обыкновенный, устроенный лагерь мирнаго времени. Дождевые потоки, обильно орошавшіе перевалъ, заставили разбить палатки на мѣстахъ возвышенныхъ, менѣе доступныхъ дѣйствію воды, почему лагерь былъ разбросанъ по всему лѣску въ безпорядкѣ и, вмѣстѣ съ казачьими шалашами, представлялъ весьма красивую картину. Лагерь же главныхъ силъ, правильно раскинувшись у деревни Бекрехатунъ, на широкой, ровной полянѣ, безпрестанно подвергался наводненію. Тяжко провелъ отрядъ эти немногіе дни стоянки: дожди, да дожди; то—лило, какъ изъ ведра, то—моросило, какъ черезъ мелкое сито. Густой туманъ, окутавшій лагерь и окрестности на далекое пространство, закрылъ солнце и все время держалъ подъ собою холодъ и сырость. Въ палаткахъ было то же, что и на дворѣ. Если же къ этому прибавить и недостатокъ, ощущаемый въ продовольственныхъ припасахъ и фуражѣ, то нашего положенія и туркамъ невозможно было пожелать.

Во время наводненія, вода врывалась прямо въ палатки и солдаты, буквально, плавали въ ней, спасая свое имущество и лагерь.

Трудно себѣ представить, что испытывалъ отрядъ въ такихъ случаяхъ, въ особенности въ ночное время. Въ лагерѣ подымался шумъ, плесканіе воды и крикъ людей. Отъ страшнаго грохота грозы сердце болѣзнено сжималось. Бывало, когда блеснетъ молнія, выглянешь изъ палатки посмотрѣть, что вокругъ происхо-

дитъ—и волосы становились дыбомъ: цѣлое море дождевой воды валило прямо на лагерь. Никто не спалъ; всѣ суетливо ходя, бѣгая и говоря, заняты были спасеніемъ своего и казеннаго имущества. Лагерь весь изрыли водоотводными канавами, палатки заслонили земляными насыпями, но ничто не спасало отъ грознаго явленія природы: вода, заполнивъ канавы, переходила черезъ верхъ и быстро размывала заслоны, покрывая палатки и вещи толстымъ слоемъ грязи. Кухни, залитыя водою, не могли варить пищу. Отряду приходилось по двое сутокъ не ѣсть, не спать. Не смотря на это, благодаря заботливости начальствующихъ лицъ и, главнымъ образомъ, несокрушимой натурѣ нашего солдата, санитарное состояніе отряда превзошло всякое ожиданіе; больныхъ было весьма мало.

Эти непріятности явились, словно, на потѣху солдатамъ: спасая себя, свое имущество и лагерь, по поясъ въ водѣ, они боролись, смѣялись, острили другъ надъ другомъ и тюкали, когда кто-нибудь изъ нихъ падалъ въ воду; или, бывало, соберутся, затянутъ плясовую и, по колѣна въ водѣ, «откалываютъ» трепака.

— И тепло, и весело; воды, сколько хошь, за версту не ходить!—поговаривали молодцы въ такую тяжелую минуту.

— Ну, ребята, спасай ротнаго! Спасай баталіоннаго адъютанта!—то и дѣло, раздавались озабоченные голоса фельдфебелей.

Солдаты, оставивъ все свое на произволъ судьбы, торопливо бросались къ палаткѣ начальника, валившейся отъ напора воды.

— Крѣпче, крѣпче забей передніе! — приказывалъ ротный командиръ.

Но колья не держались въ отмокшемъ черноземѣ. Солдатамъ приходилось держать палатку до ; были воды; имущество же свое, на другой день, розыскивали въ лагерѣ Бакинцевъ, или около Бекрехатунской рѣчки, и рѣдко удавалось находить. Но сердобольные ротные командиры всегда возвращали солдатамъ потерянныя вещи, покупая ихъ у армянъ.

Помню, какъ въ одну изъ такихъ ночей, капитанъ Састисовскій, шутя обратился къ солдатамъ, державшимъ его палатку:

— Ну, что, молодцы, тепловато?

— Ничего, ваше благородіе, баньку Богъ послалъ: вѣдь съ мѣсяцъ не купались! — весело отвѣтили молодцы, довольные вниманіемъ начальника.

— А на счетъ водочки, какъ вы? Небойсь, дерганули бы?

— Такъ точно, ваше благородіе!

— Далъ бы, молодцы, да у самаго одна—не хватитъ. Вотъ вамъ рубликъ, купите себѣ.

— Покорно благодаримъ, ваше благородіе! Вода глубока, нельзя пройдти къ маркитанту—потонемъ.

— Жаль; дѣлать нечего; подѣлимся. На, возьми, молодцы, бутылку, да смотри, больше половины ни-ни!

Солдаты радостно взяли бутылку и, произнося своеобразные тосты за здоровье ротнаго командира, выпили опредѣленное количество.

— А другую половину, — громогласно объявилъ капитанъ, — подарю тому, кто принесетъ мнѣ водочку отъ маркитанта!

Одинъ изъ смѣльчаковъ, прельщенный подаркомъ, отправился, но черезъ нѣсколько минутъ, вернувшись обратно, доложилъ, что вода большая, нельзя пройдти. Товарищи подняли хвастуна на смѣхъ.

При лучшемъ состояніи погоды, люди отдыхали, запасаясь силами для новой борьбы.

Въ лагерѣ становилось тихо. Только дневальные, тяжело шагая по невылазной грязи, чуть слышно переговаривались между собою, да маленькій дождичекъ, побрызгивая палатки, производилъ легкій шумъ. Строжайше запрещено было громко говорить, ходить по палаткамъ, ѣздить по лагерю и, вообще нарушать спокойствіе и тишину. Когда солдаты успѣвали выспаться и погода благопріятствовала, лагерь вступалъ въ свою обыденную шумную жизнь: вездѣ пѣсни, шутки, хожденіе по гостямъ и проч. Но жизнь все-таки была однообразная и скучная. Постоянно хмурая погода наводила подавляющую тоску и уныніе. Если и слышались пѣсни, то онѣ пѣлись крайне вяло, безжизненно и лишь для того, чтобы, что называется, отвести душу.

Препровожденіе времени офицеровъ разнообразилось поѣздками изъ лагеря въ лагерь. Большею частью ѣздили въ Чагестанскій, съ цѣлью полюбоваться живописнымъ видомъ лагеря, подышать сосновымъ воздухомъ и, самое главное, взглянуть на передовыя укрѣпленія Ардагана, которыя отсюда, иногда, были хорошо видны. Любопытство часто заносило офицеровъ за нѣсколько верстъ отъ линіи аванпостовъ, не смотря на возможность попасть въ руки турокъ.

«Ардаганъ! Ардаганъ!»—слышалось вездѣ и всюду.

Ардаганъ былъ предметомъ всеобщаго вниманія и постоянныхъ споровъ между офицерами. Каждый высказывалъ свое мнѣніе, каждый на свой ладъ, на основаніи читаннаго и слышаннаго, описывалъ устройство крѣпости и каждый неутомимо спорилъ о важномъ значеніи ея при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ отдяда.

Такъ проводили мы время на пресловутой стоянкѣ.

23-го апрѣля отрядъ предпринялъ общее движеніе къ окрестностямъ Ардагана; движеніе это имѣло цѣлью обрекогносцировать впереди лежащую мѣстность и добыть фуражъ и провіантъ, такъ какъ подвластные намъ жители обѣднѣли и ничего больше дать не могли. 25-го числа отрядъ перешелъ впередъ и сталъ лагеремъ впереди деревни Ольчекъ, находящейся въ четырнадцати верстахъ отъ Ардагана. Въ то же время, 4-й баталіонъ Елисаветпольцевъ, рота 3-го сапернаго баталіона и два орудія 5-й пѣшей батареи 19-й артиллерійской бригады, подъ начальствомъ маіора, князя Макаева, направились къ деревнѣ Уръ и, на правомъ берегу рѣки Куры, стали лагеремъ. Между лагерями было около четырехъ верстъ.

На другой день саперы приступили къ постройкѣ моста черезъ рѣку Куру. Работы шли быстро. Матеріалъ подвозился изъ брошенной жителями деревни, находившейся въ двухъ верстахъ отъ строившагося моста. Рѣка Кура въ этомъ мѣстѣ имѣетъ почти незамѣтное теченіе; ширина ея доходитъ до 20 саж., а глубина до 5 фут. Мостъ строился съ цѣлью производить фуражировки въ богатыхъ, еще не тронутыхъ деревняхъ лѣваго берега и для перехода войскъ, въ случаѣ надобности обрекогносцировать сѣверо-восточные верки крѣ-

пости. На противоположномъ скалистомъ берегу рѣки Куры, нѣсколько ниже строившагося моста, широко раскинулась деревня Уръ, населенная туркменами (турки и туркмены—племена различныя). Единственный деревянный домъ, размалеванный всевозможными яркими красками, стоя на высокомъ береговомъ утесѣ, составлялъ красу и гордость деревни; домъ этотъ, по словамъ жителей, принадлежалъ владѣтелю Аджаріи, Шарифъ-беку-Хамшіашвили, который въ это время войны, добровольно передался Россіи съ своимъ народомъ. Остальныя жилища были землянки, и деревня представляла видъ множества, въ безпорядкѣ разбросанныхъ, кургановъ. Съ переходомъ на новое мѣсто стоянки, измѣнилось все, какъ въ природѣ, такъ и въ лагерной жизни. Сошла съ неба туманная завѣса, давъ весеннему солнцу возможность проявить, наконецъ, свое благотворное дѣйствіе; тепло и сухо. Поля запестрѣли всевозможными цвѣтами и весело запѣли на нихъ жаворонки. Отрадно и торжественно было на сердцѣ послѣ минувшихъ тяжкихъ дней.

Солдаты раскинули свое бѣлье вокругъ лагеря и на палаткахъ, разлеглись на позеленѣвшихъ лугахъ и затянули свою любимую пѣсенку:

„Мамаша дочкѣ говорила:
Не будь влюблива, тороплива,
Въ клѣточку не попади...“ и т. д.

Не слышно больше роковаго крика дневальныхъ: «больныхъ въ околодокъ!»—ихъ нѣтъ ужъ въ отрядѣ. Доктора, заложивъ руки назадъ, гуляютъ по лагерю, скучая отъ бездѣлья. Отрядныя лошади, наѣвшись до отвала сочной травы, самодовольно катаются, кувыр-

каются и бѣшенно скачутъ по широкимъ, привольнымъ лугамъ. Словомъ, всѣ ожили и физически, и нравственно.

Утромъ, 28-го числа, когда мостъ достроивался, турки, выйдя неожиданно на Мангласскія горы, группировавшіяся на лѣвомъ берегу рѣки Куры, въ одной верстѣ отъ моста, сдѣлали три неудачныхъ выстрѣла по послѣднему; но первая же наша граната, пущенная поручикомъ Гоцомъ, попала такъ удачно, что они тотчасъ же снялись и торопливо отступили къ укрѣпленію Рамазанъ-табія, провожаемые артиллерійскимъ огнемъ, нанесшимъ имъ не мало вреда. Саперы встрѣтили удивительно хладнокровно это неожиданное нападеніе: всѣ остались на своихъ мѣстахъ и, постукивая топорами, съ усмѣшкой посматривали на падавшія тутъ же гранаты; когда наша граната попала прямо въ дымъ, только что вырвавшійся изъ орудія, они крикнули радостное «ура». Командиръ баталіона, полковникъ Баумъ, довольный поведеніемъ своихъ солдатъ, хвалилъ и благодарилъ ихъ за молодцоватость. Офицеры рукоплескали и кричали поручику Гоцу «браво».

На слѣдующій день, утромъ, саперы пошли въ общій лагерь, а 4-й баталіонъ перешелъ на другой берегъ и сталъ лагеремъ между мостомъ и дер. Уръ. Въ этотъ же день, наши фуражиры разбрелись по деревнямъ, но безуспѣшно: жители лѣваго берега не приняли нашихъ бумажныхъ денегъ (золота на мало-азіатскомъ театрѣ войны не отпускалось). Тогда маіоръ, князь Макаевъ, прибѣгнулъ къ хитрости. Потребовавъ мухтара *)

---

*) Старшину.

деревни Уръ, объявилъ ему, что онъ русскимъ правительствомъ назначенъ начальникомъ Ардаганскаго санджака и приказалъ ему, завтра же, собрать всѣхъ мухтаровъ ближайшихъ деревень, пригрозивъ смертною казнью, въ случаѣ неисполненія приказанія. Мухтаръ, пригнувшись къ землѣ, боязливо подошелъ къ князю, поцѣловалъ полу его сюртука и, проговоривъ «бали» *), удалился.

Вечеромъ офицеры пошли посмотрѣть домъ владѣтеля Аджаріи. Съ высокаго утеса, на которомъ стоялъ домъ, видъ былъ еще живописнѣе, чѣмъ казалось съ праваго берега. Домъ состоялъ изъ трехъ большихъ комнатъ съ одною наружною дверью и тремя маленькими обрѣшеченными оконцами; стѣны и потолки были изукрашены грубою восточною живописью. Осматривая хозяйственныя пристройки, офицеры, случайно, напали на громаднѣйшій складъ ячменя и пшеницы. По разспросамъ, складъ оказался принадлежащимъ домохозяину. Персіянинъ—повѣренный Шарифъ-бека, Хамшіашвили, получилъ 25 рублей вознагражденія отъ маіора, князя Макаева, а складъ цѣликомъ былъ отданъ, вернувшимся съ пустыми руками, фуражирамъ главныхъ силъ. На другой день, рано утромъ, офицеры опять пошли въ деревню, но съ цѣлью поблагодушествовать на живописномъ утесѣ. Разлегшись на берегу подъ вѣтвистымъ деревомъ, единственнымъ на пространствѣ трехъ-четырехъ верстъ въ окружности, они безмятежно разговаривали и пили чай... Прохладный утренній вѣтерокъ, тихо проносясь надъ утесомъ, освѣжалъ воздухъ и шеле-

*) Слушаюсь.

стилъ листьями убогаго дерева. Стая воробьевъ съ шумомъ кружилась вокругъ любимаго дерева, подъ которымъ расположились незванные гости. Первые лучи солнца ярко освѣтили утесъ.

Пестрая толпа туркменъ и туркменокъ, окруживъ домъ Шарифъ-бека, удивленно посматривала на офицеровъ. Отъ толпы отдѣлился, гигантскаго роста, сѣдобородый туркменъ подошелъ къ офицерамъ и, поклонившись до земли, поставилъ предъ княземъ Макаевымъ мѣдный подносъ съ лавашами *) и нитянымъ сыромъ **). Князь поблагодарилъ. Туркменъ, прислонившись къ дереву, слушалъ разговоръ, улыбался и качалъ головой, словно офицеры говорили на понятномъ ему языкѣ.

Было около девяти часовъ.

— Султанъ!—вдругъ проговорилъ туркменъ, обращаясь къ князю Макаеву и указывая рукою на Мангласскія горы,—аскеръ, аскеръ! ***).

Князь взглянулъ въ указанную сторону и, увидавъ турецкую пѣхоту, силою около баталіона, быстро всталъ и, не говоря ни слова, побѣжалъ въ лагерь. За нимъ послѣдовали и офицеры. Въ лагерѣ солдаты подняли крикъ: «турки! турки!» — и, разобравъ ружья, сами выстроились впереди лагеря въ четырехъ-взводной колоннѣ.

— Желаете идти на турку?—спросилъ князь Макаевъ солдатъ.

---

*) Хлѣбъ—вродѣ лепешки.

**) Сыръ мѣстнаго приготовленія имѣетъ видъ не сплошной массы какъ у насъ, а мотка.

***) Войско.

— Такъ точно, ваше сіятельство! — весело отвѣтилъ баталіонъ.

Баталіонъ быстро двинулся впередъ. По сіяющимъ, веселымъ лицамъ солдатъ, видно было, что они радовались случаю сразиться съ туркой; но желаніе ихъ, къ сожалѣнію, не сбылось: турки, допустивъ баталіонъ на ружейный выстрѣлъ, отступили восвояси. Баталіонъ дошелъ до той высоты, на которой, наканунѣ, потерпѣла неудачу турецкая артиллерія. Куски лафета, колесъ и человѣческая нога, валявшіеся на томъ мѣстѣ, ясно говорили о разгромѣ, причиненномъ гранатой поручика Гоца.

Къ пяти часамъ вечера баталіонъ вернулся обратно.

Мухтары окрестныхъ деревень, собравшись у палатки князя Макаева, сидѣли въ ожиданіи своего начальника. Когда князь Макаевъ подъѣхалъ, они почтительно встали.

— Саголъ! *)—привѣтствовалъ князь.

Мухтары поклонились, приложивъ правыя руки, по обычаю, къ груди, устамъ и ко лбу **). Человѣкъ князя взялъ у мухтаровъ принесенные ими бешкеши для «начальника санджака», состоящіе изъ овецъ, сыру, масла, яицъ и проч. Облачившись въ парадную форму, князь предсталъ передъ мухтарами съ строго-серьезнымъ выраженіемъ лица и, съ достоинствомъ дѣйствительнаго начальника санджака, обратился къ нимъ:

— Я васъ всѣхъ казню, если не будете сочувствовать и помогать намъ!

---

*) Здравствуйте.

**) Знаки эти выражаютъ пожеланіе всего хорошаго — душою, устами и помышленіемъ.

Мухтары перепугались, затряслись отъ страха и робко посматривали то—на князя, то—на офицеровъ, то—на солдатъ, которые, бросивъ чистку ружей, пришли поглядѣть въ чемъ дѣло.

— Деньги наши принимать! — продолжалъ князь, возвышая голосъ все сильнѣе и сильнѣе,—въ противномъ случаѣ, все даромъ возьмемъ: и пшеницу, и ячмень, и сѣно... все!

— Бали! — дребезжащимъ голосомъ проговорили мухтары.

— Будете внимательны къ намъ, никто васъ не обидитъ: мы не баши-бузуки; ступайте, да помните, что я вамъ говорилъ.

При этомъ, князь досталъ деньги и передалъ мухтару деревни Уръ, для раздачи, сказавъ: «это за бешкеши».

Мухтары, откланиваясь, попятились нѣсколько шаговъ назадъ, потомъ повернулись и ушли. Князь Макаевъ смѣялся и удивлялся, что онъ такъ искусно разыгралъ роль начальника санджака.

— Теперь, господа, у насъ всего вдоволь, — обратился князь къ офицерамъ: — можно 1-го числа изъ Ольчека пригласить командира полка, офицеровъ и съ шикомъ отпраздновать «маевку» на живописномъ утесѣ.

1-го мая 4-й баталіонъ выступилъ въ общій лагерь, въ деревню Ольчекъ. Для прикрытія же моста, изъ главныхъ силъ была прислана сотня Полтавскаго коннаго полка.

Наказъ князя Макаева принесъ ожидаемую пользу: жители лѣваго берега, послѣ этого, охотно принимали наши кредитные билеты, ласково обращались съ фура-

жирами и указывали имъ казенные (турецкіе) склады ячменя, брошеннаго турками, въ виду скораго нашего наступленія.

III.

Рекогносцировка Ардагана и штурмъ Геллявердынскихъ высотъ.

Съ переходомъ отряда въ дер. Ольчекъ, началось, такъ сказать, знакомство съ Ардаганомъ, сначала посредствомъ высылки кавалерійскихъ охотничьихъ командъ, а потомъ — рекогносцировокъ всѣми родами оружія. Охотники наши были на столько смѣлы и безцеремонны въ своихъ дѣйствіяхъ, что снимали съ постовъ турецкихъ часовыхъ и подъѣзжали къ городскимъ укрѣпленіямъ на ружейный выстрѣлъ. Однажды, охотники Полтавскаго коннаго полка, въ числѣ двадцати человѣкъ, среди бѣла дня, угнали громаднѣйшій табунъ лошадей, пасшійся въ полуверстѣ отъ города. Не ожидая такой смѣлости въ противникѣ, турки прикрыли табунъ только тремя-четырьмя кавалеристами, которые, завидя нашихъ охотниковъ, бросили табунъ и ускакали въ городъ. Укрѣпленіе «Рамазанъ-табія» провожало охотниковъ безвреднымъ артиллерійскимъ огнемъ. Полкъ сувари *), выѣхавшій по тревогѣ, успѣлъ только взглянуть на своихъ лошадей и казаковъ, вихремъ мчавшихся на далекомъ горизонтѣ.

---

*) Регулярная турецкая кавалерія — драгуны.

Отряды изъ всѣхъ родовъ оружія подходили къ городскимъ веркамъ на столько близко, что можно было видѣть самый городъ. Поэтому, каждый разъ приходилось имѣть дѣло съ гарнизономъ, который, выходя впередъ, старался не допускать насъ. Словомъ, къ пріѣзду корпуснаго командира, генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, Ардаганъ былъ тщательно обрекогносцированъ съ трехъ сторонъ: съ сѣверной, восточной и южной. Рекогносцировки эти привели генерала Девеля къ заключенію, что Ардаганъ, нѣкогда безъ боя сдававшійся русскимъ войскамъ, теперь настолько силенъ, что брать его силами Ахалцыхскаго отряда опасно. Взглядъ этотъ раздѣлялся всѣми, кто только успѣлъ хорошо ознакомиться съ устройствомъ крѣпости. Въ скоромъ времени, дѣйствительно, разнесся слухъ о слѣдованіи изъ подъ Карса Эриванскаго и Тифлисскаго гренадерскихъ полковъ, съ артиллеріей и кавалеріей, на усиленіе Ахалцыхскаго отряда. Слухъ этотъ произвелъ отрадное впечатлѣніе на, жаждавшихъ боя, офицеровъ и солдатъ, которымъ, какъ говорится, до смерти надоѣли фуражировки, рекогносцировки и вообще безконечныя скитанія по гористымъ окрестностямъ Ардагана.

1-го мая, утромъ, прибылъ корпусный командиръ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, сопровождаемый Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ; а въ шесть часовъ вечера прибыли гренадеры и стали лагеремъ на южной сторонѣ Ардагана, въ пяти верстахъ отъ лагеря Ахалцыхскаго отряда. Въ тотъ же день, осадный паркъ отряда, отставшій вслѣдствіе негодности дороги, прибылъ въ деревню Ольчекъ.

712 Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ.

Съ пріѣздомъ корпуснаго командира, начались опять рекогносцировки, но уже съ цѣлью найдти наиудобнѣйшій пунктъ, со взятіемъ котораго, паденіе Ардагана было бы вѣроятнѣе. Послѣ ряда рекогносцировокъ, сопряженныхъ съ небольшими потерями людей, такимъ пунктомъ были признаны Гелляверды нскія высоты и укрѣпленіе Эмиръ-оглы-табія, составлявшія оплотъ Ардагана съ восточной стороны. Съ занятіемъ ихъ, мы становились на командующихъ высотахъ, окаймляющихъ городъ съ юга, откуда могли громить городскія укрѣпленія артиллерійскимъ огнемъ и, кромѣ того, штурмовать городъ, не подвергаясь дѣйствію огня самаго сильнаго укрѣпленія, Рамазанъ-табія, орудія котораго были направлены къ сѣверу и востоку, т. е. къ сторонѣ Ахалцыха и Ахалкалаки.

Весь день, 3-го мая, и предшествующую ночь, отрядъ былъ занятъ передвиженіемъ къ заблаговременно избраннымъ мѣстамъ. Къ вечеру, 3-го числа, отрядъ занималъ такое положеніе относительно Ардагана: съ восточной стороны, противъ Гелляверды нскихъ высотъ, стояли Елисаветпольцы съ 3-й батареей 39-й артиллерійской бригады и дивизіономъ 4-й кубанской конной батареи; съ южной, за Алагёзскими горами,—Бакинцы и Эриванцы съ осадной артиллеріей, и съ западной — Тифлисцы; кромѣ того, къ укрѣпленію Рамазанъ-табія былъ высланъ, для демонстраціи, отрядецъ (баталіонъ Бакинскаго полка), подъ командою генерала Ореуса.

Турки не препятствовали движенію отряда; молчали упорно.

Частямъ приказано было укрѣпиться и устроить

прочные окопы для осадной артиллеріи, поставленной для дѣйствія противъ укрѣпленія Эмиръ-оглы-табія.

Завтра долженъ былъ начаться штурмъ.

Приказъ, по Ахалцыхскому отряду на 4-е мая, съ ранняго вечера извѣстилъ Елисаветпольцевъ о предстоявшемъ имъ штурмѣ Гелляверды̀нскихъ высотъ и укрѣпленія Эмиръ-оглы-табія. Извѣстіе это произвело чарующее впечатлѣніе: лагерь пришелъ въ лихорадочное движеніе; пошли объятія, цѣлованія и поздравленія съ грядущимъ, давно ожидаемымъ, днемъ сраженія. Диспозиція, быстро переходя изъ рукъ въ руки, съ конца на конецъ лагеря, съ жадностью читалась всѣми и каждымъ. Солдатики суетливо забѣгали, шныряя изъ палатки въ палатку, къ землякамъ и товарищамъ, и, крѣпко на крѣпко обнимаясь, поздравляли другъ друга со «страженіемъ».

— Спасибо, малютки, спасибо, мои милые, — гудѣлъ знакомый басъ старика Астафьева, въ отвѣтъ поздравлявшимъ его молодчикамъ;—наконецъ-то, Богъ сподобилъ насъ сразиться съ проклятыми нехристями!...

Возобновилось дѣятельное движеніе къ маркитанту и обратно, съ бутылочками и манерками. Лагерь принялъ шумный, праздничный видъ. Въ палаткѣ князя Амираджибова шелъ оживленный разговоръ между нимъ, корпуснымъ и отряднымъ командирами, и лицами корпуснаго и отряднаго штабовъ, гостившими въ этотъ день у Елисаветпольцевъ, по случаю ихъ «имянинъ», какъ выражались штабные. Въ разговорѣ слышалось торжество князя Амираджибова, которому судьба вручила завидную честь положить начало кровопролитію

за священную идею «освобожденія христіанъ отъ турецкаго ига». Кавказское «мравалъ жамія», громко отдававшееся въ разныхъ концахъ лагеря, давало знать, что и офицеры, проникнутые чувствомъ радости, ликуютъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ, лагерь былъ иллюминованъ: ярко горѣли артельныя и офицерскія дрова и подстилочное сѣно, выброшенное солдатами изъ палатокъ въ порывахъ радости. Лагерь окутался густымъ облакомъ дыма, распространявшаго удушливый запахъ. Ночь была тихая и ясная. Солдаты шумно толпились у огней, впереди лагеря и въ интервалахъ между баталіонами; одни прыгали черезъ нихъ, смѣялись и рѣзвились, какъ дѣти, другіе—стройно, громко распѣвали хоровыя пѣсни, третьи—веселились за чаркой и нескладно тянули:

„Ура, ура, ура, ура, ура, ура!
За здравье Бѣлаго Русскаго Царя!...“ и т. д.

Вотъ, какъ отнеслись Елисаветпольцы къ извѣстію о штурмѣ! Всѣ были безпредѣльно рады и готовы безъ содроганія броситься въ объятія смерти, чтобы только также достойно послужить Царю и Отечеству, какъ служили ихъ дѣды подъ Бородинымъ, Севастополемъ, въ горныхъ разсѣлинахъ дикаго Кавказа... Немногіе, но были, разумѣется, и такіе, которые, равнодушно шагая между огнями, или въ отдаленіи отъ лагеря, наединѣ крѣпкую думу думали; ихъ лица выражали озабоченность и крайнее безпокойство. Не трудно догадаться, о чемъ они думали, что ихъ такъ безпокоило? Имъ вспомнились родныя поля, изба, выстроенная на трудовые гроши, огороды, рѣки; вспомнились молодыя

жены, дѣтки-малолѣтки, старуха-мать..., которыхъ завтра судьба можетъ пустить по міру, лишивъ ихъ кормильца, опоры жизни.

— Чего пригорюнился? Думай—не думай, а машину, братъ, не выдумаешь! Небойсь, по Матрешѣ соскучился, а? Эхъ, ты! — подсмѣивались солдатики надъ такими товарищами.

Часовъ въ 9 вечера, корпусный командиръ уѣхалъ въ лагерь Эриванцевъ *), пожелавъ князю Амираджибову добраго успѣха въ предстоявшемъ боевомъ предпріятіи. Солдаты, увидя отъѣзжавшаго корпуснаго командира, быстро сбѣжались, окружили его и, съ крикомъ «ура», провожали до черты лагеря.

— Надѣюсь, Елисаветпольцы, — обратился генералъ Лорисъ-Меликовъ къ солдатамъ,—завтра разгромите, разнесете турку и дадите мнѣ возможность, въ укрѣпленіи Эміръ-оглы-табія, разцѣловать храбрѣйшихъ Елисаветпольцевъ.

Еще «ура», и корпусный командиръ, провожаемый Нижегородцами, скрылся во мракѣ ночи. Солдаты вернулись обратно.

Огни погасли и лагерь сталъ успокаиваться; только слышны еще голоса капраловъ-забіякъ, просившихъ у подчиненныхъ прощенія за разныя несправедливыя, пристрастныя свои дѣйствія относительно послѣднихъ; слышно, какъ добродушный русскій солдатъ, подъ вліяніемъ ожидаемой роковой минуты, все забылъ и плаксивымъ голосомъ выговариваетъ: «Богъ тебя проститъ, Степанъ Ульяновичъ!»

---

*) Т. е. Лейбъ-Эриванскаго полка.

Деньщики, разбирая и чистя посуду своихъ господъ, разговаривали въ полголоса, да неугомонные дневальные сердито окликали какихъ-то людей, возвращавшихся въ лагерь. Къ 10-ти часамъ всѣ успокоились и въ лагерѣ царствовала мертвая тишина...

Еще до разсвѣта, раздались сонливые голоса взводныхъ унтеръ-офицеровъ: «вставай! одѣвайся! умойся! помолись Богу! осмотри винтовку!»

Начали потягиваться богатыри.

— Ухъ, братцы, башка трещитъ, страсть!—жаловались нѣкоторые:—надо-ти опохмѣлиться!

Много толпилось солдатъ у полковаго маркитанта Захара, съ цѣлью полечиться, выпивши чарку-другую неизмѣнной микстурки-водочки.

Въ лагерѣ поднялся шумъ, говоръ, трескъ и бряцаніе сабель, котелковъ, штыковъ, затворовъ...

— Пошелъ, выходи къ разсчету! —грозно прокричали фельдфебеля.

Солдатики, толкая другъ друга, съ гикомъ, хохотомъ, выбивались изъ палатокъ, надѣвая на бѣгу шинель чрезъ плечо, сухарный мѣшокъ и пр.

Скоро по всей линіи пошли считать: «первый! второй! первый! второй!...»

Чуть-свѣтъ, три баталіона Елисаветпольцевъ, выстроившись впереди лагеря, стояли въ ожиданіи начальника отряда, генералъ-лейтенанта Девеля. Молодые офицеры 2-го баталіона, оставленнаго въ прикрытіе лагеря, лишенные возможности участвовать въ первомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ прочими товарищами, просили князя Амираджибова позволенія, идти въ бой въ качествѣ охотниковъ. Князь поблагодарилъ за геройское рвеніе и

разрѣшилъ имъ слѣдовать съ тѣми ротами, которыя имъ болѣе по сердцу. Героями этими были прапорщики: Карпинскій, Азнауровъ, Бакрадзе и Лавровъ; всѣ они, въ дѣлѣ 4-го мая, вели себя молодцами.

На прекрасномъ, золотистой масти, «карабахѣ», показалась старческая, но красивая и гордая фигура любимаго начальника отряда; его могучее привѣтствіе молніей облетѣло баталіоны. Громкое «здравія желаемъ вашему превосходительству»,—перекатнымъ эхомъ отдалось въ горахъ, окаймляющихъ лагерь. Объѣхавъ баталіоны, генералъ Девель сталъ передъ серединой и, со свойственнымъ ему искуствомъ, произнесъ короткую, но сильную, воодушевляющую рѣчь; затѣмъ, снявъ фуражку, троекратно перекрестился и благословилъ Елисаветпольцевъ. Солдаты послѣдовали его примѣру. Музыка заиграла «Боже, Царя храни».

— Съ Богомъ впередъ, голубчики-и! — еще разъ раздался голосъ генерала Девеля.

И полкъ началъ движеніе подъ звуки полковой музыки, игравшей «Славянскій маршъ». Офицеры вторили музыкѣ, напѣвая:

„Мы дружно на враговъ,
На бой мы поспѣшимъ,
За родину, за славу,
За честь мы постоимъ...“ и т. д.

Солдаты же затянули свою обычную, дорожную пѣсеньку:

„Поле чистое, турецкое,
Когда мы тебя пройдемъ?...“ и т. д.

Но скоро, какъ это всегда бываетъ въ походѣ, черезъ пять-шесть верстъ, замолкли и музыка, и пѣсни.

Утро стояло тихое, претихое; только тупой гулъ, отдававшійся отъ богатырскихъ солдатскихъ ногъ, лай собакъ деревни Гелляверды, почуявшихъ приближеніе незванныхъ гостей, да перелетный вѣтерокъ, вѣявшій благоуханіемъ майской природы, нарушали эту чудную тишину. Густой туманъ, нависшій надъ горами, тихо подымался вверхъ, обнажая вершины ихъ. Первые лучи солнца, съ трудомъ пробиваясь сквозь туманъ, бросали блѣдный свѣтъ, то—тамъ, то—сямъ на окружавшую мѣстность. На привольныхъ лугахъ весело распѣвали жаворонки, то—взвиваясь высоко къ небу, то—опускаясь на землю, въ густую, пушистую зелень, блестѣвшую, какъ алмазъ, отъ утренней росы. Чудная картина природы манила и призывала къ жизни; но Елисаветпольцы съ холоднымъ пренебреженіемъ посматривали на обольстительную природу,—о жизни и мысли не было.

Вотъ и деревня Гелляверды, отъ которой получили названіе «Геллявердынскія» высоты; жалобно посматривали на насъ ея жители—турки, кучами разсѣвшіеся на куполообразныхъ крышахъ своихъ сакель. «Куда вы, русскіе? Хотите побить нашихъ дѣтей и братьевъ? Хотите сдѣлать насъ несчастными? Вернитесь, умоляемъ васъ!...»—говорили ихъ лица, робко выглядывавшія изъ подъ пестрыхъ чалмовъ.

— Эй, кардашъ, башку секиръ! (кардашъ—братъ, секиръ—отрубимъ), — шутя обращались къ нимъ солдаты, указывая рукою на Геллявердынскія высоты.

Турки поднимали руки къ небу и со вздохомъ произносили: «Аллахъ! Аллахъ!...»

Въ двухъ верстахъ отъ деревни, полкъ остановился на отдыхъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ двигался.

Начальникъ отряда, взойдя со штабомъ на ближайшій холмъ, долго разсматривалъ въ бинокль Гелляверды нскія высоты и окопы. Отсюда и невооруженному глазу были хорошо видны: траншеи, тремя линіями опоясывавшія вершину правой Гелляверды нской высоты, небольшой лагерь на вершинѣ и массы турецкихъ солдатъ, очевидно, смотрѣвшихъ на нашу колонну; правѣе и сзади упомянутой вершины, чернѣлся сѣверный фасъ укрѣпленія Эмиръ-оглы-табія; лѣвѣе и нѣсколько позади, за глубокимъ оврагомъ, идущимъ отъ укрѣпленія Эмиръ-оглы-табія, виднѣлась другая (названная лѣвою) Гелляверды нская высота. Склоны обѣихъ высотъ съ нашей стороны, у вершинъ—очень круты, у подошвъ—отлоги; сѣверо-восточная сторона правой высоты покрыта хвойными кустарниками, представлявшими большія удобства для скрытнаго движенія войскъ, почти до самыхъ траншей; разстояніе отъ подошвы и до вершины до двухъ верстъ.

Въ 6 часовъ, 3-я батарея (подполковника Мусхелова) 39-й артиллерійской бригады открыла стрѣльбу по турецкому лагерю. Первая граната перелетѣла, вторая—недолетѣла, а третья, четвертая и т. д., всѣ разрывались въ лагерѣ. Массы турецкихъ солдатъ сначала бросились въ лагерь (вѣроятно—за ружьями), а потомъ суетливо разсѣялись по окопамъ.

— Дуй ихъ! Дуй! Тю, тю!—съ какою-то непонятною радостью кричали наши солдатики, видя печальную участь турецкаго лагеря и замѣшательство его обывателей.

Одновременно послышались выстрѣлы и нашей осадной артиллеріи, поставленной противъ укрѣпленія Эмиръ-оглы-табія, съ южной стороны.

После перваго выстрѣла батареи подполковника Мусхелова, служившаго сигналомъ, полкъ, перестроившись въ боевой порядокъ, продолжалъ движеніе къ подошвѣ правой Геллявердынской высоты. При слѣдованіи, колонна нѣсколько разъ останавливалась и, сообразно съ встрѣчавшимися мѣстными условіями, мѣняла форму боеваго порядка, то—удлиняя, то—укорачивая фронтъ.

Въ 7 часовъ, штурмовая колонна подошла къ подошвѣ и остановилась на нѣсколько минутъ, чтобы отдохнуть. Турецкіе снаряды, недолетавшіе до сихъ поръ, здѣсь попадали прямо въ колонну. Сначала они навели страхъ на солдатиковъ, но послѣ нѣсколькихъ случаевъ безвреднаго паденія, ихъ перестали бояться.

— Грому хватитъ на всѣхъ, а толку никакого,— говорили солдаты.

Турецкіе снаряды были на столько плохи, что или не разрывались, или, разорвавшись, не выбрасывали осколковъ изъ земли.

Штурмовая колонна была направлена съ такимъ разсчетомъ, чтобы, уперевшись лѣвымъ флангомъ въ упомянутый выше глубокій оврагъ, узкимъ фронтомъ атаковать правый флангъ непріятеля; но мѣстныя условія разсчетъ этотъ совершенно измѣнили и, къ завязкѣ боя, 4-й баталіонъ былъ весь въ цѣпи, два остальныхъ баталіона, развернувшись по ротно въ одну линію, составили ротные резервы, а въ общій резервъ были вызваны двѣ роты 2-го баталіона, которыя подошли только къ концу боя и, можно сказать, не принимали въ немъ участія.

Такъ-какъ, вслѣдствіе большой растянутости, управ-

леніе 4-мъ баталіономъ стало затруднительно, то князь Макаевъ правый флангъ цѣпи поручилъ командиру 13-й роты, капитану Черделери, а самъ остался на лѣвомъ. Я, какъ баталіонный адъютантъ, находился при князѣ Макаевѣ.

Отдохнувши, колонна двинулась на гору. Съ разстоянія болѣе 2,500 шаговъ, турки открыли жесточайшій ружейный огонь. Тысячи пуль и гранатъ, разсѣкая воздухъ надъ головою и между рядами, зловѣще шипѣли, визжали и свистѣли; на первый разъ онѣ произвели крайне непріятное впечатлѣніе: всѣ какъ-то невольно пригибали головы, то—влѣво, то—вправо, то—внизъ, въ противоположную отъ пули сторону. Однако, это не мѣшало намъ взбираться на гору безъ стрѣльбы, соблюдая строгую тишину и порядокъ, примѣняясь къ мѣстнымъ закрытіямъ, которыхъ, противъ ожиданія, оказалось очень много. Чѣмъ болѣе мы приближались къ непріятелю, тѣмъ огонь становился все сильнѣе и сильнѣе. Не смотря на это, роты шли мужественно все выше и выше, не открывая огня и не теряя порядка. Офицеры, слѣдуя впереди своихъ частей, старались подавать примѣръ храбрости и самоотверженія; но солдаты не нуждались въ этомъ примѣрѣ: ихъ безупрсчное поведеніе и взглядъ, выражавшій холодное пренебреженіе къ окружавшей ихъ опасности, ясно говорили, что они не ударятъ лицомъ въ грязь. Душа радовалась, смотря на этихъ беззавѣтныхъ удальцовъ!

— Идите сзади, ваше благородіе,—обращались они къ офицерамъ: — солдатъ у Царя-Батюшки много, а васъ—не Богъ-вѣсть сколько.

Раненые и убитые, выбывая изъ строя, съ раздирающимъ душу крикомъ, не производили ровно никакого впечатлѣнія на солдатъ, какъ будто это такъ и слѣдовало; только, бывало, когда ранятъ офицера, они передавали извѣстіе съ фланга на флангъ, крича: «раненъ такой-то, раненъ такой-то».

Маіоръ, князь Макаевъ, предшествуя цѣпи, самъ выбиралъ мѣсто для остановки ея на отдыхъ. Когда мы приблизились шаговъ на 1,500, турки избрали меня и князя цѣлью и пристрѣлялись такъ ловко, что пули ихъ стали падать въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ; я предложилъ ему слѣзть съ лошади и идти пѣшкомъ. Князь не послушался, увѣряя, что это не хорошо подѣйствуетъ на людей и что пуля не тронетъ человѣка, если не суждено. Но пули стали ложиться все ближе и ближе. Наконецъ, одна, шальная, прорвала ему правый рукавъ. Князь, пришпоривъ лошадь, поскакалъ впередъ, въ мертвое пространство.

— Увѣряю тебя, — продолжалъ князь Макаевъ,— если не суждено, ничего не будетъ, а я предчувствую, что меня не...

Не успѣлъ онъ договорить, какъ «шальная» въ томъ же рукавѣ прорвала другую дыру и отбила кусокъ серебра отъ азіатской шашки. Князь слѣзъ съ лошади и, передавъ ее барабанщику, легъ за гребнемъ. Въ шести-семи шагахъ отъ него прилегъ и я. Цѣпь подымалась медленнымъ шагомъ; солдаты были въ поту и сильно запыхались. Едва только показались головы нашихъ стрѣлковъ на гребнѣ, какъ турки тотчасъ же открыли адскій огонь, и градъ пуль, падая округъ насъ, бороздилъ землю и поднималъ пыль.

Стрѣлки посунулись назадъ и перестали стрѣлять.

— Пошелъ на гребень! Срамъ, ребята!—крикнулъ на нихъ князь Макаевъ.

Стрѣлки опять вышли на гребень и открыли такую трескотню, что пришлось принять мѣры противъ преждевременной растраты патроновъ.

— Рѣже, ребята, рѣже! — голосили по всей линіи офицеры.

Но стрѣлки, открывъ секретъ, что съ усиленіемъ нашего огня, слабѣлъ непріятельскій, знать ничего не хотѣли.

— Не хватитъ—подвезутъ,—говорили они про себя.

Горько раскаявались они послѣ, когда пришлось пойти впередъ безъ патроновъ...

На правомъ флангѣ, около 9-ти часовъ утра, раздалось первое «ура». Цѣпь наша бросилась въ штыки на турецкую, занимавшую опушку хвойныхъ кустовъ. Турки не выдержали атаки и въ безпорядкѣ бѣжали на гору. Правый флангъ, войдя въ чащу, безнаказанно дошелъ почти до самыхъ траншей. Лѣвый же, находясь при неблагопріятныхъ условіяхъ, отсталъ, такъ что, когда правый флангъ велъ безуспѣшныя атаки на первую линію траншей, лѣвый еще лежалъ въ 700 шагахъ отъ непріятеля и не смѣлъ трогаться съ мѣста. Солдаты не могли равнодушно слышать «ура», доносившееся съ праваго фланга, и каждый разъ обращались къ баталіонному командиру, словно намекая ему, что пора впередъ.

— Тамъ «ура» кричатъ, ваше сіятельство!... Въ атаку пошли, ваше сіятельство! — говорили они, горя нетерпѣніемъ двинуться впередъ.

Но князь Макаевъ медлилъ наступленіемъ, въ ожиданій благопріятной минуты; но случай все не представлялся. Тогда онъ, перекрестившись, всталъ, вышелъ на гребень и крикнулъ: «цѣпь впередъ!» Цѣпь, съ крикомъ «ура», подъ страшнымъ огнемъ, перебѣжала шаговъ двѣсти впередъ и остановилась въ мертвомъ пространствѣ. Утомленные крутымъ подъемомъ, солдаты повалились на землю, задыхались и долго немогли выйдти на гребень, чтобы открыть огонь. Ротные санитары быстро перевязывали раненыхъ и уносили на перевязочный пунктъ. Дивизіонныхъ санитаровъ на лѣвомъ флангѣ почему-то не было, хотя ихъ присутствіе здѣсь, при многочисленности раненыхъ, было крайне необходимо. Князь Макаевъ получилъ приказаніе наступать быстрѣе. Въ это время, на правомъ флангѣ грянуло рѣшительное «ура». Наши стрѣлки, лихорадочно ожидавшіе приказанія, подъ вліяніемъ этого «ура», не могли удержаться и сами бросились впередъ; взбѣжавъ на гору еще шаговъ двѣсти, они залегли за гребнемъ и открыли сильный огонь. Отсюда до окоповъ было разстояніе прямаго выстрѣла, поэтому, стрѣлки били турокъ на выборъ, цѣлясь въ красныя головы, торчавшія надъ траншеями. Резервы, перебѣжавъ частями (не болѣе отдѣленія), расположились непосредственно за цѣпью. Турки обдавали насъ адскимъ огнемъ и, повидимому, рѣшили держаться въ своихъ окопахъ до послѣдней возможности. Число раненыхъ возросло до такой степени, что санитары не успѣвали перевязывать, и раненые, въ страшныхъ мученіяхъ, стонали и неистово кричали.

Было около 11-ти часовъ. День стоялъ тихій и ясный. Солнце неумолимо жарило сквозь густой пороховой дымъ, окутавшій шумную вершину Гелляверды. Князь Макаевъ и я лежали за цѣпью, надъ оврагомъ,

Маіоръ, князь Макаевъ.
Раненъ въ дѣлахъ 4-го мая и 21-го сентября 1877 г.

раздѣлявшимъ Гелляврдынскія высоты, и смотрѣли, какъ турки волокли два подбитыхъ орудія съ лѣвой высоты, въ укрѣпленіе Эмиръ-оглы.

— Видно, досадила-таки наша «осадная» этой батареѣ; то-то она перестала стрѣлять,—разсуждалъ князь про себя, опустивъ голову на скрещенныя руки.

Вдругъ, онъ перевернулся на бокъ, поднялъ голову, поблѣднѣлъ и сталъ пристально смотрѣть на меня.

— Что съ вами, ваше сіятельство? — невольно вырвался у меня вопросъ.

Князь, продолжая смотрѣть, долго не отвѣчалъ, но потомъ тихимъ, дребезжащимъ голосомъ проговорилъ:

— Кажется, я раненъ; посмотри пожалуйста.

Я подползъ къ нему, посмотрѣлъ... о, ужасъ! кровь струилась изъ четырехъ ранъ на мягкой части!

— Васъ турки жестоко высѣкли, ваше сіятельство,—объявилъ я ему.

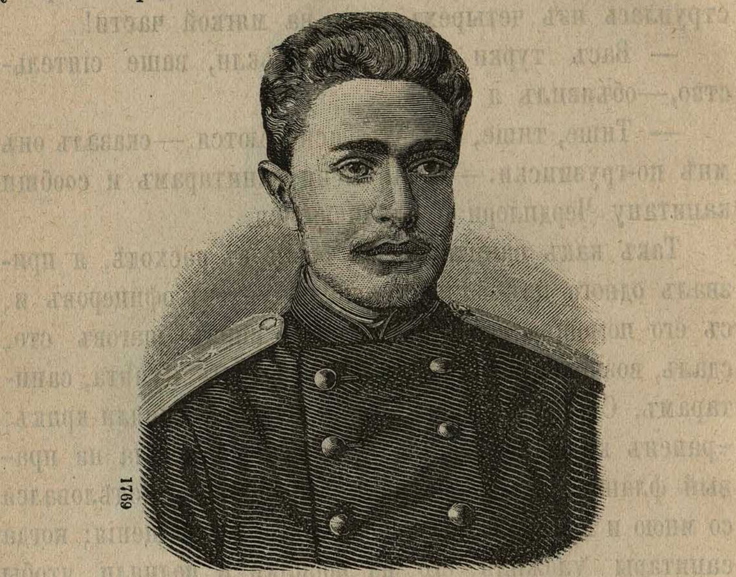
— Тише, тише, солдаты испугаются,—сказалъ онъ мнѣ по-грузински. — Сдай меня санитарамъ и сообщи капитану Чердилери о случившемся.

Такъ какъ санитары всѣ были въ расходѣ, я призвалъ одного изъ близлежавшихъ унтеръ-офицеровъ и, съ его помощью, стащивъ князя внизъ шаговъ сто, сдалъ, возвращавшимся съ перевязочнаго пункта, санитарамъ. Стрѣлки, увидя это волоченіе, подняли крикъ: «раненъ князь Макаевъ!» — и депеша пошла на правый флангъ. Князь Макаевъ, прощаясь, поцѣловался со мною и пожелалъ благополучнаго возвращенія; когда санитары уложили его на носилки и подняли, чтобы нести, онъ съ усмѣшкою проговорилъ:

— Вотъ тебѣ и предчувствіе!...

Въ этотъ періодъ, бой принялъ для насъ, нѣкоторымъ образомъ, неблагопріятный оборотъ. Турецкая цѣпь, спустившись съ лѣвой высоты, обошла нашъ флангъ и начала анфилировать. Огонь былъ не особенно чувствителенъ, благодаря разстоянію, отдѣлявшему насъ отъ турецкой цѣпи; но избавиться отъ него мы могли только въ концѣ боя, или отступивши назадъ. Полковникъ, князь Амираджибовъ, узнавъ объ

этомъ, поспѣшно пріѣхалъ, осмотрѣлъ мѣстность, чтобы скрыть людей отъ огня, но мѣстность неблагопріятствовала; тогда онъ приказалъ командиру 12-й роты, капитану Гургенидзе, разсыпать роту по берегу оврага и сильнымъ огнемъ остановить турокъ, спускавшихся уже въ оврагъ.



Прапорщикъ Арды-швили
(раненъ въ дѣлѣ 4-го мая 1877 года).

Стрѣлки 12-й роты, не переваривъ дерзости турокъ, не дожидая приказанія, бросились въ штыки. Напрасно капитанъ Гургенидзе старался ихъ остановить, крича въ догонку: «стой, ребята, стой!»—стрѣлки твердо порѣшили наказать турокъ; перебѣжавъ, подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ, оврагъ, они дружно обрушились на непріятеля и приняли его въ штыки.

Турки, послѣ непродолжительной схватки, показали тылъ. Стрѣлки, преслѣдуя, безпощадно сажали ихъ на штыки; но, свѣжія массы турокъ, спустившіяся на помощь, заставили ихъ остановиться на противоположномъ берегу. Эта отвага стоила 12-й ротѣ болѣе 35-ти человѣкъ убитыми и ранеными, не говоря о томъ, что она, своимъ отсутствіемъ, ослабила численную силу лѣваго фланга.

Сдавши князя Макаева санитарамъ, я направился къ тому мѣсту, гдѣ остались моя и князя лошади съ барабанщикомъ. Лошади стояли подъ скалою, въ безопасномъ мѣстѣ, опустивъ головы до самой земли; онѣ тряслись, какъ въ лихорадкѣ, и каждый разъ падали на колѣни, какъ только надъ ними съ трескомъ проносилась граната. Отсюда, я во весь духъ поскакалъ на правый флангъ, къ капитану Чердилери. Это было около 12-ти часовъ. День стоялъ ясный и жаркій; но порывистый вѣтерокъ, дувшій съ востока, умѣрялъ жару. Я выѣхалъ на линію резервовъ праваго фланга. Роты, широко раскинувшись за кустами, буграми, камнями и обрывами, лежали тихо, неподвижно. Офицеры, полулежа, о чемъ-то бесѣдовали; видно, имъ ужасно надоѣло безконечное лежаніе. Отъ массы летавшихъ пуль, гранатъ и бомбъ, хвойные кусты были избиты, изодраны, всюду валялись оторванныя вѣтки и, лишь тамъ и сямъ, торчали жалкіе остовы. Вездѣ жаловались на недостатокъ въ патронахъ и спрашивали, приняты-ли мѣры къ доставкѣ ихъ. Къ сожалѣнію, я столько же зналъ объ этомъ, сколько и они. Командиръ 2-й роты, капитанъ Соколовъ, сообщилъ мнѣ, что преждевременныя атаки обошлись дорого 1-му ба-

таліону и что сильно ранены прапорщики: Арды-швили и Чернявскій. Недалеко отсюда, въ чащѣ кустовъ, сидя на лошадяхъ, разговаривали князь Амираджибовъ и командиръ 1-го баталіона, маіоръ Скосаревскій. Послѣдній просилъ позволенія отправить двѣ роты въ обходъ траншеи и увѣрилъ князя, что маневръ этотъ онъ произведетъ лично и съ несомнѣнной пользой.

— Не допускаю,—возражалъ князь,—чтобы турки не предусмотрѣли: вѣрно, тальвегъ (т. е. русло оврага), по которому вы разсчитываете двигаться, обстрѣливается откуда-нибудь.

— Нѣтъ, ваше сіятельство,—увѣрялъ маіоръ Скосаревскій,—отъ Эміръ-оглы до тальвега болѣе тысячи-двухсотъ шаговъ, а съ вершины Гелляверды онъ не обстрѣливается,—тамъ не видно ни людей, ни траншеи.

— Ну, хорошо, поѣдемъ и посмотримъ вмѣстѣ,— предложилъ князь.

Они поѣхали шагомъ вправо. Желая найдти капитана Чердилери, и я поѣхалъ въ ту же сторону.

— Безъ этого маневра побѣда врядъ-ли выгоритъ, ваше сіятельство,—продолжалъ маіоръ Скосаревскій,— а если и выгоритъ, то при такомъ разбросанномъ нашемъ расположеніи, будетъ стоить неимовѣрныхъ жертвъ.

— Такъ-то такъ; безспорно, мы находимся въ скверныхъ условіяхъ, но, отдѣливши безъ видимой пользы еще двѣ роты, мы рискуемъ поставить себя въ гораздо худшія условія,—отвѣтилъ князь.

Разговаривая такимъ образомъ, они въѣхали на небольшую террасу, въ сферу страшнаго ружейнаго огня, а я свернулъ нѣсколько ниже и, по-за-кустами, выѣхалъ на 1-ю роту. Дальше ужъ никого не было.

Не найдя и здѣсь капитана Чердилери, я вернулся назадъ. На обратномъ пути, я встрѣтился съ поручикомъ, княземъ Аваловымъ, несшимъ въ цѣпь пачекъ десять патроновъ.

— Вы не знаете, князь, гдѣ находится капитанъ Чердилери? — обратился я къ нему.

— Правда, Титико раненъ (Титико—Макаевъ)?— спросилъ онъ меня.

— Да. Но скажите, гдѣ Чердилери?

— То-ештъ такъ жалко мнѣ бѣднаго Титико, что представить, то-ештъ, не можэмъ,—продолжалъ князь.

— Да скажите же, наконецъ, гдѣ Чердилери?!

— Ну, хорошо, хорошо; слѣдуй, то-ештъ, за мной, я покажу его, — проговорилъ князь Аваловъ и широкими шагами заковылялъ на гору.

Старый кавказецъ, худой, какъ скелетъ, князь Аваловъ любилъ въ свою рѣчь вставлять «то-ештъ». Я передалъ лошадь барабанщику и пошелъ съ поручикомъ Аваловымъ на верхъ. Капитанъ Чердилери лежалъ на линіи цѣпи; онъ былъ покрытъ пылью до такой степени, что трудно было его узнать.

— Князь Макаевъ раненъ, я знаю! Поѣзжайте за патронами, а иначе, совсѣмъ безъ патроновъ останемся! — крикнулъ онъ мнѣ раньше, чѣмъ я дошелъ до него.

Не говоря ни слова, я опять спустился внизъ, сѣлъ на лошадь и помчался къ подошвѣ Гелляверды; я сталъ разъѣзжать вправо и влѣво, окидывая взоромъ далекое пространство, но напрасно: патронныхъ ящиковъ нигдѣ не было. Снизу подымались нѣсколько человѣкъ санитаровъ. На вопросъ мой, не видали-ли они подпору-

чика Вардана-швили (ему было поручено питаніе патронами), или патронныхъ ящиковъ, они отвѣтили, что подпоручикъ Вардана-швили на перевязочномъ пунктѣ, а патронныхъ ящиковъ нигдѣ не встрѣчали. Съ такими безотрадными свѣдѣніями я возвращался назадъ, когда встрѣтилъ команду солдатъ, торопливо спускавшуюся внизъ за патронами. Видя, что солдаты направляются въ ту сторону, откуда только что вернулись санитары, я посовѣтовалъ имъ спуститься влѣво, на дорогу въ Ардаганъ, полагая, что патронные ящики по ошибкѣ, или по невозможности подняться на крутой подъемъ, могли направиться туда.

Я выѣхалъ на 10-ю и 11-ю роты. Цѣпь поддерживала рѣденькій огонь. Тутъ резервы лежали въ такомъ же забытіи, какъ и на правомъ флангѣ. Командиръ 11-й роты, капитанъ Састисовскій, съ своимъ субалтерномъ, поручикомъ Паковичемъ, полулежали за скромнымъ обѣдомъ изъ вареннаго мяса, нѣсколькихъ яицъ и бутылки водки. Не вдалекѣ отъ нихъ стоялъ на колѣняхъ черномазый, приземистый деньщикъ капитана Састисовскаго и, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, посматривалъ на своего господина, которому онъ принесъ обѣдъ въ такое страшное время, когда на это могъ рѣшиться только самый преданный и любящій слуга.

— Хлѣбъ-соль, капитанъ! — крикнулъ я, подъѣзжая.

— Слѣзайте съ коня, прапорщикъ!—забасилъ невнятно тучный капитанъ, разжевывая кусокъ мяса.— Что новенькаго? Что пріятнаго? Разсказывайте! Карпо! А ну-ка, «подсыпь» прапорщику.

Я слѣзъ съ коня и подсѣлъ. Черномазый хохолъ поставилъ передо мной винный стаканъ водки.

— Ну-съ, пейте, батенька, да разсказывайте,— повторилъ капитанъ.

Я выпилъ стаканъ водки, съѣлъ кусокъ мяса и началъ разсказывать о положеніи дѣла на правомъ флангѣ, о безплодномъ путешествіи за патронами и о командѣ, отправившейся на поиски.

— Плохо-съ, — со вздохомъ произнесъ капитанъ, оставшись недоволенъ моимъ разсказомъ; онъ опустилъ брови, потупилъ глаза и, послѣ продожительнаго молчанія, флегматично повернувъ голову налѣво, проговорилъ:—«Ишь, сколько безпробудныхъ-то, а? А все одна «дистанціонная» анафема угораздила ихъ!»

Въ это время, вдругъ, цѣпь ринулась назадъ. Капитанъ Састисовскій быстро всталъ и испуганно обратился къ прапорщику Азнаурову, отступавшему вмѣстѣ съ цѣпью:

— Въ чемъ дѣло?! Зачѣмъ?! Куда!? Что?! Какъ?!

Люди 11-й роты, поднявъ головы, недовѣрчиво посматривали, то — на цѣпь, то — на ротнаго командира.

— Патроновъ нѣтъ; дайте, ради Бога!—отвѣтилъ Азнауровъ.

— Ну, такъ бы и сказали! — замѣтилъ капитанъ Састисовскій.

Онъ приказалъ передать въ цѣпь всѣ патроны, а самъ опять сѣлъ на прежнее мѣсто.

Прапорщикъ Азнауровъ, заручившись патронами, побѣжалъ съ цѣпью на гребень.

Одновременно, къ намъ подошелъ маленькаго роста,

тщедушный и юркій солдатикъ, съ откинутой на затылокъ кепкой.

— Позвольте, ваше благородіе, пострѣлять, — проговорилъ онъ скороговоркой, обращаясь къ капитану Састисовскому.

— Куда понесло?

— Въ цѣпь, ваше благородіе!

— Патроны ѣсть?

— Такъ точно; есть пачечка, ваше благородіе!

— А почему не передалъ?

— Самому охота стрѣлять, ваше благородіе!

— Иди, дуракъ!

— Покорно благодарю, ваше благородіе,—произнесъ молодецъ и исчезъ.

— Вотъ, видите-съ, батенька,—обратился ко мнѣ опять капитанъ,—солдатикъ, повидимому, невзрачный, а сколько въ немъ прыти; онъ у меня молодецъ въ полномъ смыслѣ: и стрѣлокъ, и фехтовальщикъ, и все...

Не успѣлъ онъ договорить слова, какъ «шальная» (мы сидѣли за хорошимъ закрытіемъ), пролетѣвъ мимо самаго носа капитана, обожгла ему носъ до такой степени, что у него хлынули слезы изъ глазъ.

— Чего разхныкался!—смѣясь замѣтилъ поручикъ Паковичъ.

— Ничего, батенька, всѣхъ слезъ не выплачу, останутся и на твою долю,—отвѣтилъ капитанъ.

Я лежалъ спиною къ непріятелю. Услыша роковое предсказаніе, поручикъ Паковичъ подползъ ко мнѣ, прижался вплотную и предложилъ капитану щедрѣе расходовать свои слезы, такъ какъ, будучи теперь

въ полной безопасности, онъ въ нихъ не можетъ болѣе встрѣтить надобности. Спустя нѣсколько минутъ, къ намъ залетѣла другая «шальная»; ударившись о камень, лежавшій въ двухъ шагахъ и нѣсколько ниже нашихъ ногъ, она скользнула по немъ, отлетѣла всторону и шлепнулась въ колѣно поручика Паковича. Отъ сильной боли, поручикъ Паковичъ вскочилъ, сталъ прыгать на одной ногѣ и кричать: «ой! ой! пропало колѣно»; но, спустя нѣкоторое время, боль притихла, Паковичъ поднялъ сплюснутый свинецъ и, пробормотавъ что-то по польски, положилъ его въ кошелекъ.

— А что, батенька, вы въ полной безопасности?— спросилъ, смѣясь, капитанъ Састисовскій.

Поручикъ Паковичъ легъ на старое свое мѣсто, снялъ сапогъ и перекрестился, когда на ногѣ увидѣлъ только синее пятно.

Въ цѣпи, въ это время, солдаты подняли крикъ: «берегись, Сафроновъ! берегись, Сафроновъ!»

— Э-э! — проговорилъ капитанъ Састисовскій и, быстро ставъ, побѣжалъ на гору.

— Какой это Сафроновъ? — спросилъ я поручика Паковича.

— Сафроновъ—тотъ самый, маленькій, плюгавенькій солдатикъ, который недавно напросился въ цѣпь. Пойдемте, посмотримъ, если хотите.

Мы поднялись на гребень и увидѣли слѣдующую картину:

Рядовой Сафроновъ стоялъ за громаднѣйшимъ камнемъ, находившимся шагахъ въ 120-ти отъ траншеи, и держалъ лѣвою рукою (за дульную часть) ружье гигантскаго роста арабистанца, не давая его послѣднему.

Арабистанецъ, будучи не въ силахъ вырвать свое ружье, произвелъ выстрѣлъ, но пуля, къ счастью Сафронова, пролетѣла мимо лѣваго бедра, прорвавъ полу мундира; тогда арабистанецъ влѣзъ на камень, чтобы обнять нашего молодца, но не тутъ-то было: Сафроновъ, вывернувъ, въ правой рукѣ, свое ружье прикладомъ впередъ, нанесъ гиганту такой ударъ въ голову, что тотъ, какъ пьяный, отшатнулся назадъ и, обливаясь кровью, продолжалъ дергать ружье.

— Молодецъ, Сафроновъ!—въ восторгѣ вскричалъ капитанъ Састисовскій.

Сафроновъ, услыша голосъ ротнаго командира, отдалъ арабистанцу ружье, отошелъ въ сторону отъ камня и, ставъ въ боевую стойку, громогласно пригласилъ врага: «иди, братъ, коль охота фехтоваться!» Арабистанецъ, какъ тигръ, сталъ бросаться на нашего пигмея. Сафроновъ, отступая, ловко отпарировалъ удары.

— Сафроновъ, впередъ, не трусь! — далъ знать о себѣ капитанъ Састисовскій.

Слова ротнаго командира произвели магическое дѣйствіе на Сафронова; онъ моментально завоевалъ починъ и заставилъ гиганта отступить на гору. Еще прыжокъ—и гигантъ чебурахнулся замертво.

Солдаты-очевидцы въ восторгѣ кричали: «ай, да Сафроновъ! Молодчина, Сафроновъ!»

Уничтоживъ врага, Сафроновъ опять легъ за камень и оставался тамъ до общаго движенія и, какъ и прежде, продолжалъ бить на смерть всѣхъ, кто осмѣливался показать голову изъ-за траншеи; на разстояніи болѣе чѣмъ 150-ти шаговъ, онъ приковывалъ къ траншеямъ и офицеровъ, и солдатъ, не позволяя имъ стрѣ-

лять въ нашу цѣпь. При общемъ движеніи, Сафроновъ былъ все время впереди и, примѣромъ беззавѣтной отваги, увлекалъ товарищей.

Во время единоборства, продолжавшагося до 5-ти минутъ, какъ турки, такъ и наши солдаты-очевидцы, были до такой степени увлечены дѣйствіями своихъ героевъ, что стрѣльба совершенно остановилась.

— А что, батенька, вы схватили моментъ, когда этотъ мой молодецъ успѣлъ всадить штыкъ?—спросилъ меня капитанъ Састисовскій съ выраженіемъ необычайнаго удовольствія.

— Что ловко, то ловко!—отвѣтилъ за меня поручикъ Паковичъ.

Поблагодаривъ за хлѣбъ-соль, я поѣхалъ къ своему новому баталіонеру. Резервы лежали въ томъ самомъ порядкѣ, въ той же тишинѣ, какъ и раньше; тѣ же жалобы и сѣтованія на недостатокъ въ патронахъ. Огонь цѣпи былъ все еще рѣденькій, экономный. Около 11-й роты, за бугромъ, обѣдали: маіоръ Илькевичъ, капитанъ князь Магабели и прапорщикъ Третьяковъ; первый весело хвалилъ своего косоглазаго Хабидуллина, за принесенный имъ обѣдъ. Далѣе, встрѣтился со мною поручикъ Яновскій, жалонерный офицеръ, ѣхавшій съ далекаго праваго фланга; онъ былъ сильно утомленъ и едва сидѣлъ на лошади.

— Чего, Костя, согнулся и ѣдешь, какъ червонаръ?—обратился я къ нему.

— Усталъ, какъ собака. Не найдется-ли у тебя рюмочка водки?

Я досталъ изъ сѣдельнаго кабура завѣтную стклянку, отдалъ и спросилъ:

— А куда направляешься?

— Да куда? Къ Чердилери.

— Вотъ отлично, и я туда же; а зачѣмъ тебѣ онъ понадобился?...

Въ это время музыка заиграла «Боже, Царя храни» и прозвучалъ сигналъ «всѣ» и «наступленіе».

— Ахъ, чортъ возьми!—проговорилъ тревожно поручикъ Яновскій.—Передай, пожалуйста, Чердилери, что по этому сигналу будетъ общее наступленіе, а я поѣду дальше, а то, опоздаю. Прощай!

— Прощай! прощай!—отвѣтилъ я и, пришпоривъ лошадь, поскакалъ налѣво, на гору.

Капитана Чердилери не засталъ тамъ, гдѣ я его оставилъ. На томъ мѣстѣ, между кустами, подъ бугромъ, валялась его убитая лошадь. На томъ же самомъ мѣстѣ, катившійся снарядъ оторвалъ ногу у моей лошади. Такъ какъ это случилось на карьерѣ, то я вмѣстѣ съ лошадью кувырнулся нѣсколько разъ. Быстро вставъ, я досталъ револьверъ изъ сѣдельнаго кобура и стремглавъ побѣжалъ на верхъ. Звуки рожковъ, бой барабановъ, свистъ пуль, трескъ гранатъ и неумолкаемое, потрясающее «ура» произвело на меня какое-то непонятное, опьяняющее впечатлѣніе. Я невольно прослезился и шелъ безсознательно, не чувствуя совершенно окружавшаго хаоса. Какъ въ туманѣ, я видѣлъ капитана Чердилери, солдатъ и суетившихся турокъ. Куполообразная вершина Гелляверды, какъ вулканъ, трещала, гремѣла и покрылась сплошной массой дыма, въ которомъ, то и дѣло, обрисовывались длинныя ленты залповаго огня. Тысячи пуль съ шумомъ проносились надъ колоннами, но проносились безвредно, такъ-какъ

они были пущены на авось, нерѣшительными, трусливыми руками врага. Колонны шли твердо, рѣшительно, неуклонно—«панъ или пропалъ». За траншеями стояли турецкіе офицеры, съ обнаженными саблями, и едва удерживали своихъ солдатъ, оробѣвшихъ въ виду грознаго, неуклоннаго движенія нашихъ массъ. Среднія роты, гдѣ былъ капитанъ Чердилери, раньше другихъ заняли укрѣпленія, выбивъ турокъ штыками. Люди страшно утомились, необходимъ былъ отдыхъ; поэтому резервы остановились за траншеями, а цѣпь нѣсколько впереди; раздѣлившись на двѣ части, цѣпь начала послѣдними патронами обстрѣливать, влѣво и вправо, укрѣпленія, занятыя еще турками.

Оказалось, достаточно было и такого огня, чтобы заставить ихъ очистить и фланги. Роты, выбившіяся изъ силъ, остановились отдохнуть. Турки залегли во второй линіи укрѣпленій и продолжали обстрѣливать еще съ большимъ ожесточеніемъ, открыто и близко остановившагося противника; но, видно, первая неудача на нихъ повліяла; огонь ихъ былъ суетливъ и потому недѣйствителенъ.

Прозвучалъ еще сигналъ «наступленіе»... Елисаветпольцы двинулись дальше. Напрасно турецкіе офицеры стрѣляли, рубили и кололи своихъ солдатъ, чтобы удержать ихъ на мѣстѣ: турки, безпорядочною толпою, ринулись назадъ, разстрѣливаемые своими же резервами, бывшими на сильно укрѣпленной Геллявердынской высотѣ. Мы заняли вторую линію траншей безъ особенныхъ потерь. Два табора (баталіона), пришедшіе на помощь изъ укрѣпленія Эмиръ-оглы, прочно заняли возвышенность и, повидимому, рѣшили держаться до по-

слѣдней возможности. Жутко приходилось нашимъ стрѣлкамъ, лежавшимъ на открытомъ мѣстѣ, въ 300 шагахъ отъ непріятеля. Какъ ни былъ необходимъ для нихъ отдыхъ, но они предпочли лучше идти впередъ, чѣмъ оставаться подъ такимъ, по истинѣ адскимъ, огнемъ;

Подполковникъ Скосаревскій.

не дождавшись приказанія, стрѣлки сами бросились въ атаку, добѣжали до непріятеля и заставили его прекратить огонь и принять штыковый бой. Резервы двигались безнаказанно, быстро, и въ короткое время обрушились на турокъ съ трехъ сторонъ. Во время движенія, музыка играла «полковой маршъ». Ожесточенная штыковая борьба за обладаніе Гелляверды длилась около получаса. Превосходившіе насъ въ силѣ, турки дрались

геройски и, быть можетъ, имѣли бы успѣхъ, если бы въ тылу ихъ не грянуло зловѣщее «ура» двухъ обходныхъ ротъ, предводимымъ храбрымъ маіоромъ Скосаревскимъ. Турки, въ страшномъ безпорядкѣ, бросились въ укрѣпленіе Эмиръ-оглы, усѣявъ возвышенность множествомъ труповъ; не много бы ихъ ушло, будь у нашихъ молодцовъ патроны!

Ровно въ 2 часа, Гелляввердынскія высоты были въ рукахъ Елисаветпольцевъ.

Во время схватки, унтеръ-офицеръ 13-й роты Мельниковъ предложилъ молодому турецкому офицеру положить оружіе и сдаться въ плѣнъ. Офицеръ, вмѣсто согласія, сдѣлалъ въ Мельникова два неудачныхъ выстрѣла изъ револьвера, обозвалъ его «гяуромъ» и скрылся въ массѣ соотечественниковъ. Мельниковъ былъ огромнаго роста, отлично стрѣлялъ и фехтовался. Послѣ схватки, храбрый турецкій офицеръ, прикрываемый тремя арабистанцами, отступилъ послѣднимъ. Унтеръ-офицеръ Мельниковъ, отдѣлившись отъ товарищей, стрѣлою понесся впередъ, чтобы наказать врага, оскорбившаго его браннымъ словомъ. Трехъ арабистанцевъ онъ уже уложилъ тремя выстрѣлами, почти въ упоръ. Офицеръ же бѣжалъ такъ быстро, что невозможно было его догнать; но жажда мести несла Мельникова все впередъ и впередъ. Наконецъ, офицеръ, выбившись изъ силъ, остановился и попытался убить неотвязчиваго врага послѣднимъ выстрѣломъ изъ револьвера; но видя, что врагъ живъ и невредимъ, швырнулъ револьверъ и саблю впередъ, къ ногамъ Мельникова, опустился на колѣни и, поднявъ руки вверхъ, проговорилъ: «явашъ, кардашъ, явашъ» (постой, братъ, постой)! Но неумо-

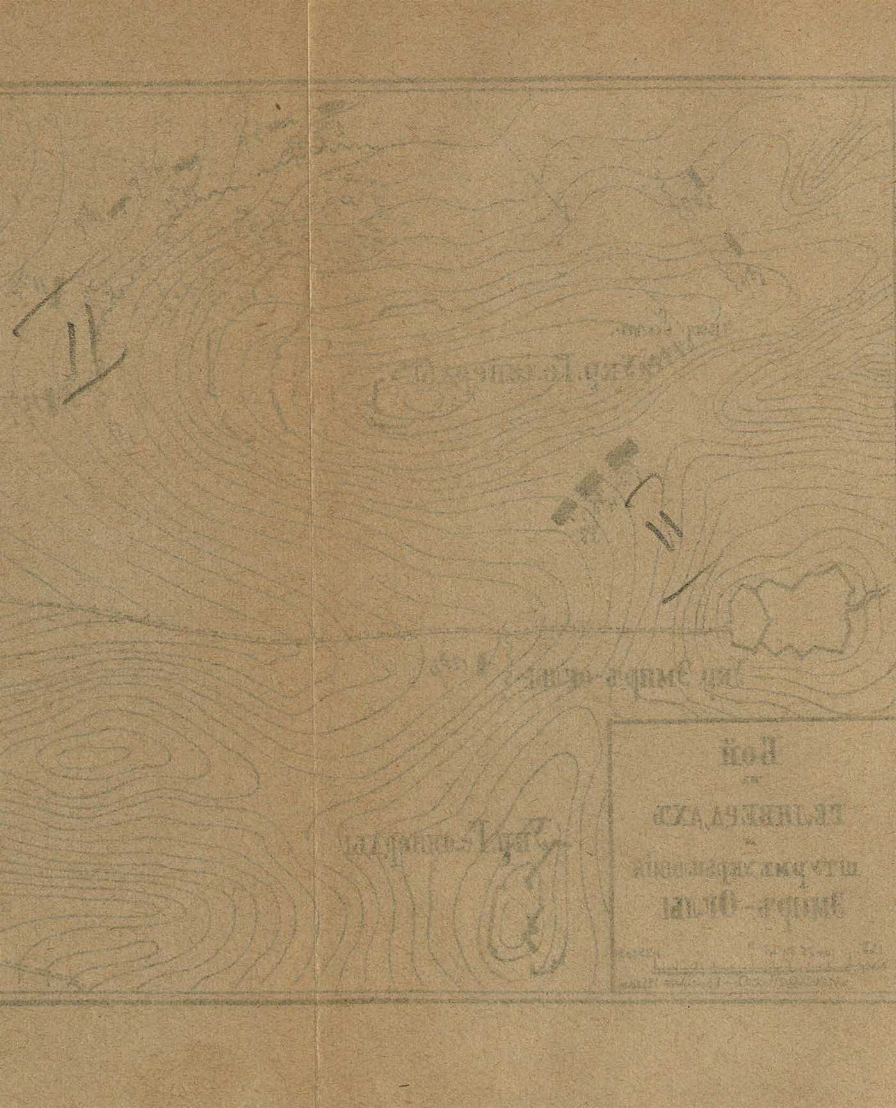
лимый Мельниковъ всадилъ ему штыкъ въ животъ до самой трубки и отвѣтилъ: «вотъ теперь, такъ ты нашъ». Офицеръ былъ убитъ, что называется, подъ самымъ носомъ у турокъ. Осыпаемый градомъ пуль и гранатъ, Мельниковъ благополучно отбѣжалъ назадъ. До десяти дыръ въ мундирѣ, шароварахъ и шапкѣ, доказывали, какъ близокъ былъ къ смерти неустрашимый нашъ герой.

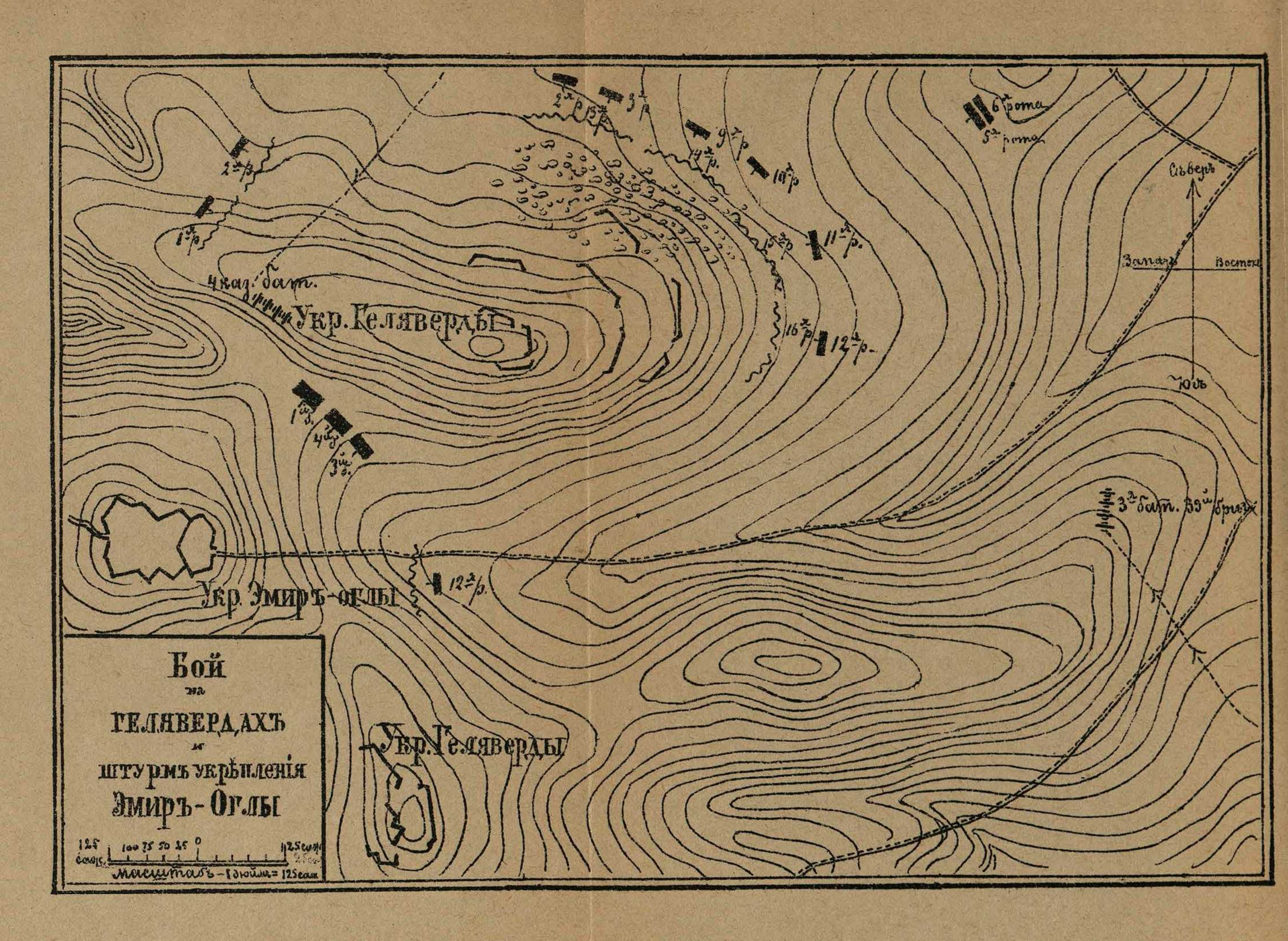
IV.

Атака укрѣпленія Эмиръ-оглы.

Въ восьмистахъ шагахъ впереди занятой Елисаветпольцами возвышенности, за глубокой сѣдловиной, грозно обрисовалось, долговременной профили, сомкнутое укрѣпленіе Эмиръ-оглы, обрамленное десятью лоснившимися крупповскими орудіями; оставивъ безъ вниманія нашу артиллерію, оно сосредоточило весь свой адскій огонь на возвышенности, за которой въ безпорядкѣ лежали смѣшавшіеся массы Елисаветпольцевъ. Гранаты и мортирныя бомбы, безпрерывно падая и разрываясь въ рядахъ Елисаветпольцевъ, буквально, засыпали ихъ камнями, щебнемъ и землей. Сомкнутымъ частямъ въ особенности невозможно было вылежать и пяти минутъ на одномъ мѣстѣ. Турки, хорошо знакомые съ мѣстностью, направляли снаряды именно туда, гдѣ могли скрываться крупныя части.

Подъ такимъ-то огнемъ, генералъ Девель поднялся наверхъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣла. Князь Амираджибовъ выѣхалъ на встрѣчу.




Бой
на
ГЕЛЯВЕРДАХЪ
и
ШТУРМЪ УКРѢПЛЕНІЯ
ЭМИРЪ-ОГЛЫ
Укр. Гелявердьі
Укр. Эмиръ-оглы
Укр. Гелявердьі
4 каз. бат.
6я рота
5я рота
Сѣверъ
Западъ
Востокъ
Югъ
3й бат. 39й бриг.
Масштабъ — 1 дюймъ = 125 саж.

— Не безпокойтесь, ваше превосходительство, — обратился онъ къ начальнику отряда, — поѣзжайте внизъ: вы еще понадобитесь Россіи, а съ турками я самъ раздѣлаюсь.

Генералъ Девель, невозмутимо, спокойнымъ шагомъ проѣхалъ по линіи расположенія Елисаветпольцевъ, похвалилъ ихъ за храбрость, взглянулъ на Эмиръ-оглы и, поблагодаривъ князя Амираджибова, спустился въ болѣе безопасное мѣсто.

Чтобы скорѣе покончить дѣло, солдаты рвались впередъ. Много труда стоило офицерамъ удержать ихъ до подготовки атаки. Непрерывный огонь нашей артиллеріи, наносившій страшный уронъ и разрушеніе въ укрѣпленіи, недостаточно облегчалъ трудное положеніе Елисаветпольцевъ; поэтому, почуявъ потребность въ ближайшемъ участіи артиллеріи, солдаты стали кричать: «антиллерію! давай антиллерію!». Въ это время, словно внявъ гласу Елисаветпольцевъ, правѣе Гелляверды, на косогоръ выѣхалъ дивизіонъ 4-й Кубанской конной батареи и открылъ огонь. Но первый-же орудійный залпъ, пущеный изъ Эмиръ-оглы, подбилъ два орудія, уничтожилъ массу людей и лошадей и заставилъ дивизіонъ поспѣшно сняться. Спустя нѣкоторое время послѣ этого, на гору сталъ съ трудомъ подыматься дивизіонъ 3-й батареи, подполковника Мусхелова. Солдаты побѣжали на помощь, но всѣ усилія поднять орудія оказались напрасными. Дивизіонъ вернулся обратно. Скоро, однако, къ общей радости, подоспѣла помощь поблагонадежнѣе: подвезли патроны. Солдаты накинулись на мѣшки, разодрали ихъ и, мгновенно разобравъ патроны, побѣжали, довольные и

веселые, къ своимъ мѣстамъ. Заручившись патронами, почти весь полкъ принялъ участіе въ стрѣльбѣ. Тысячи, полетѣвшихъ въ укрѣпленіе, пуль заставили турокъ замолчать, не давая имъ возможности заряжать орудія и стрѣлять. Огонь нашихъ батарей становился съ каждой минутой все ожесточеннѣе. Десятки гранатъ, врываясь одновременно въ укрѣпленіе, взрывали насыпи, казематы, пороховые боченки и бороздили внутренность укрѣпленія по всѣмъ направленіямъ. Эмиръ-оглы представлялъ изъ себя адъ, со всѣми его ужасами, въ которомъ, на бѣломъ конѣ, въ бѣломъ одѣяніи, медленно разъѣзжалъ начальникъ гарнизона— Кавталъ-бекъ (кавказскій горецъ) и примѣромъ личной храбрости воодушевлялъ солдатъ. На дерновомъ казематѣ стоялъ высокаго роста, худощавый мулла (духовное лицо) и неистово оралъ: «Аллахъ! Аллахъ!». Много пуль было пущено въ этихъ молодцовъ.

Въ половинѣ 4-го, огонь турокъ сталъ замирать. Скрылся бѣлый рыцарь и вопіющій голосъ муллы замолкъ; въ укрѣпленіи, подъ дымною мглою, замѣтили суету, а на дорогѣ въ Ардаганъ — кучи бѣгучихъ турокъ.

— Это, кажись, дерку задаютъ!—радостно заговорили солдатики.

Опять прозвучалъ сигналъ: «атака»; забили барабаны, музыка заиграла «Боже, Царя храни». Межъ рядами, на сѣромъ конѣ, мелькнула мощная фигура князя Амираджибова.—«Ура!» скомандовалъ князь. И нестройная масса Елисаветпольцевъ бурною волною хлынула впередъ. Раздался изъ укрѣпленія залпъ, другой, третій... Но масса съ оглушительнымъ ре-

вомъ «ура», валила все впередъ и впередъ. «Аллахъ! Аллахъ!»—огласилось укрѣпленіе и турки ринулись въ горжу, давя другъ друга и падая подъ ударами штыковъ и прикладовъ храбрыхъ Елисаветпольцевъ. Къ 4-мъ часамъ, «ключъ» Ардагана былъ въ нашихъ рукахъ и первое кровопролитіе «за освобожденіе христіанъ» увѣнчалось блистательной побѣдой.

Несмолкаемое «ура» долго, долго звучало въ воздухѣ надъ Эмиръ-оглы и окрестностями, возвѣщая о славѣ и величіи русскаго оружія, водрузившаго побѣдоносное знамя надъ Ардаганомъ. Торжествующіе Елисаветпольцы бросали вверхъ шапки, обнимались, цѣловались и, со слезами радости, поздравляли другъ-друга съ побѣдой. Солдаты пили красный ромъ, найденный въ укрѣпленіи, за здоровье Царя, Россіи, Русской арміи и турокъ; подъ вліяніемъ радостнаго чувства, они безъ стѣсненія подходили къ офицерамъ, обнимали и цѣловали ихъ, произнося сквозь слезы: «ваше благородіе, имѣю честь поздравить васъ съ побѣдой!». Никогда наши солдатики не были такъ хороши, какъ въ эту памятную минуту! Безпредѣльная любовь и преданность Царю и Отечеству, беззавѣтная храбрость и отвага, и слѣпое, безотчетное стремленіе къ славѣ Отечества, свѣтившіяся на ихъ сіяющихъ лицахъ, внушали уваженіе, благоговѣніе и производили отраднѣйшее чувство. Въ упоеніи торжествомъ побѣды, никто не обращалъ вниманія на смертоносные «подарки», посылаемые и изъ Ардагана, и изъ батарей полковника Гарковенко, еще не знавшаго о занятіи Эмиръ-оглы. Сигнальная ракета, долженствовавшая извѣстить наши батареи, отсырѣла и не воспламенялась. И только платки

и шапки, надѣтыя на ружьяхъ, и громкое «ура», кое-какъ остановили нашу артиллерію. Но, до пяти гранатъ, успѣвшихъ влетѣть въ укрѣпленіе, надѣлали все-таки не мало бѣдствій: двумъ солдатамъ оторвало ноги, а четверо были легко ранены.

Съ тыльной стороны показался генералъ Девель.

— Смирно! Разберись по-ротно, по-баталіонно! — скомандовалъ князь Амираджибовъ.

Но какъ тутъ было разобраться?! Взявши «на плечо», солдаты остались въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ были. Потрясающее «ура» обозначало въѣздъ отца-генерала въ укрѣпленіе.

— Гелляведынцы!.... началъ было генералъ Девель свое привѣтственное слово, но, отъ душившаго его чувства радости, лишился способности говорить, и обильныя слезы, оросившія старческое лицо, сказали все остальное, за отца-генерала.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ корпусный командиръ. Елисаветпольцы встрѣтили его восторженнымъ, безконечнымъ «ура», бросая шапки и потрясая ружьями и саблями, поднятыми вверхъ.

— Славные Гелляверлынцы! Вы первые обрадовали Царя-батюшку, вы подали славный примѣръ молодой Русской арміи, убѣдивъ ее, что турокъ теперь также легко бить, какъ били наши дѣды. Слава вамъ, молодцы!—обратился генералъ Лорисъ-Меликовъ къ Елисаветпольцамъ, обливаясь слезами.

Трудно объяснить, какое чувство овладѣло Елисаветпольцами послѣ этихъ словъ. Полчаса гремѣло оглушительное «ура». Гелляверлынскія высоты громко и отчетливо повторяли «ура» Елисаветпольцевъ, словно

вмѣстѣ съ послѣдними и онѣ были прочувствованы словами генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова.

Слѣзши съ коня, корпусный командиръ приказалъ представить выдавшихся храбростью солдатъ. Четыре молодца въ струнку вытянулись передъ нимъ. Корпусный командиръ поблагодарилъ ихъ и началъ прикрѣплять Георгіевскіе кресты 4-й степени, поздравляя каждаго отдѣльно съ Монаршей милостью. Когда дошелъ до рядоваго Сафронова, стоявшаго на лѣвомъ флангѣ, онъ невольно обратилъ вниманіе на, ничего не обѣщавшую, его фигуру и, прикрѣпляя къ груди крестъ, спросилъ, смѣясь:

— А ты чѣмъ отличился, молодецъ?

— Подвалилъ, ваше высоко-превосходительство!— отвѣтилъ скороговоркой Сафроновъ.

— Кого?

— Арапа, ваше высоко-превосходительство.

— Большаго?

— Такъ точно, ваше высоко-превосходительство.

— Больше тебя?

— Въ трое, ваше высоко-превосходительство.

— Однако, не особенно большаго, если только въ трое, — замѣтилъ, шутя, генералъ Лорисъ-Меликовъ, ласково трепля рукою по щекѣ Сафронова.

Затѣмъ, приказавъ выдать по семи прусскихъ марокъ, присланныхъ, какъ говорили, Германскимъ Императоромъ въ подарокъ первымъ русскимъ героямъ, онъ обратился къ остальнымъ Елисаветпольцамъ, съ завистью посматривавшихъ на раздачу крестовъ и предложилъ имъ поздравить своихъ героевъ съ Монаршей милостью.

— Поздравляю васъ съ производствомъ въ св. Георгія! — раньше всѣхъ подхватилъ, стоящій вблизи, вольноопредѣляющійся В. (изъ грузинъ), разсмѣшивъ корпуснаго командира и всѣхъ присутствующихъ.

Еще разъ поблагодарилъ корпусный командиръ Елисаветпольцевъ и, провожаемый несмолкаемымъ крикомъ «ура», выѣхалъ изъ укрѣпленія.

Названіе «Гелլявердынцевъ» Елисаветпольцы сохранили навсегда въ устномъ преданіи. Лица, бывшія свидѣтелями славнаго Гелլявердынскаго боя, съ того времени иначе и не называютъ полкъ.

Трофеями были: восемь крупповскихъ орудій, одно мѣдное, стараго образца, одна мортира, масса ружей Пибоди, Снайдера, Ремингтона и Ньюкестера, масса пороха, патроновъ, артиллерійскихъ снарядовъ, галетъ и коровьяго масла, котораго хватило отряду на нѣсколько дней; кромѣ того, въ казематированныхъ помѣщеніяхъ цѣликомъ остались вещи офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которыми, въ минуту торжества, воспользовались какіе-то курды.

Укрѣпленіе Эмиръ-оглы-табія, послѣ погрома, представляло ужаснѣйшую картину: земляныя стѣны были сильно разрушены, внутренность укрѣпленія была изрыта вдоль и поперекъ и усѣяна ружьями, чугунными черепками, пулями и трупами, валявшимися во всевозможныхъ положеніяхъ; стѣны казематовъ, орудія и насыпи были обрызганы человѣческою кровью и мозгомъ; въ казематахъ, обращенныхъ, буквально, въ рѣшето, все валялось въ страшномъ безпорядкѣ: котлы, столы, дрова, люди, овцы и проч. Въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ котловъ варилась бритая голова кашевара,

да, какъ лодка, плавала его красная феска. Прижавшись въ уголъ, робко ожидалъ своей участи лохматый козелъ—единственное живое существо среди этой ужасной картины разрушенія.

Гелляверды нскій бой, сравнительно съ важностью достигнутой цѣли, обошелся не особенно дорого: всего убито и ранено 140 человѣкъ нижнихъ чиновъ и 4 офицера. Такою незначительною потерей мы были обязаны вполнѣ разумнымъ и цѣлесообразнымъ распоряженіямъ генерала Девеля, полковника князя Амираджибова и офицеровъ, характеру мѣстности и поразительному дѣйствію нашей артиллеріи, безподобно подготовлявшей атаки; не мало способствовала и неудовлетворительная подготовка турецкихъ войскъ, только что вооруженныхъ ружьями Пибоди и Снайдера и еще не успѣвшихъ даже ознакомиться съ постановкой прицѣла.

Потеря турокъ неизвѣстна; но, несомнѣнно, она была велика, судя по числу труповъ, валявшихся только въ укрѣпленіи, гдѣ ихъ насчитали до ста-пятидесяти.

Геллявердынскія высоты и укрѣпленіе Эмиръ-оглы защищались четырьмя баталіонами; изъ нихъ два состояли изъ арабистанцевъ, вооруженныхъ ружьями Пибоди,—отважнѣйшаго войска изъ всей турецкой арміи. Какъ храбрѣйшіе, эти два баталіона занимали передовыя укрѣпленія и, дѣйствительно, дрались, что называется, до послѣдней капли крови, уступая противнику мѣсто лишь послѣ неимовѣрныхъ усилій и жертвъ. Когда раздался первый нашъ сигналъ «атака», храбрые арабистанцы предупредили насъ, перейдя сами

въ наступленіе на роты, предводимыя капитаномъ Чердилери; но, обданные мѣткимъ залповымъ огнемъ, одни полегли на мѣстѣ, а другіе геройски умерли на штыкахъ нашихъ.

Вотъ, съ такими-то войсками имѣли дѣло молодые Елисаветпольцы, предводимые старыми кавказскими ветеранами, вселившими въ нихъ тотъ самый несокрушимый «боевой духъ», который нѣкогда громилъ народы дикаго Кавказа, а теперь взялъ сильныя Гелявердынскія высоты и укрѣпленіе Эмиръ-оглы.

Славный этотъ бой далъ тремъ баталіонамъ Елисаветпольцевъ Георгіевскія знамена, по 20-ти крестовъ на роту, 3 офицерскихъ Георгіевскихъ креста (князю Амираджибову, маіору Скосаревскому и прапорщику Пузино, какъ вошедшимъ первыми въ Эмиръ-оглы) и награды всѣмъ прочимъ офицерамъ.

Корпусный командиръ, по тщательномъ осмотрѣ ардаганскихъ укрѣпленій, пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что Ардаганъ, лишенный такого важнаго пункта, какъ Эмиръ-оглы-табія, не можетъ болѣе оказать серьезнаго сопротивленія и предрекъ ему паденіе. На этомъ основаніи, тутъ-же была написана и отправлена имъ въ Петербургъ телеграмма: «Сегодня «ключъ» Ардагана взятъ Елисаветпольцами; завтра Ардаганъ будетъ у ногъ Вашего Величества».

По этой-же причинѣ, найдя участіе Елисаветпольцевъ лишнимъ во взятіи самаго Ардагана, онъ приказалъ оставить одинъ баталіонъ для присмотра за взятымъ имуществомъ, а остальнымъ вернуться въ лагерь и отдыхать.

Захвативъ съ собою орудія, Елисаветпольцы, съ

громкими пѣснями, двинулись въ обратный путь. Проливной дождь съ градомъ, полившій сейчасъ послѣ занятія Эмиръ-оглы, сопровождалъ Елисаветпольцевъ до деревни Гелляверды. Солдаты были одѣты въ турецкихъ шинеляхъ, а офицеры—въ резиновыхъ плащахъ. Баталіоны шли въ безпорядкѣ, въ перемѣшку, не соблюдая правилъ походнаго движенія. На подъемахъ, гдѣ затруднялось поднятіе орудій, полкъ останавливался и съ крикомъ «ура» вытаскивалъ орудія.

Горько зарыдали гелляверденскіе турки, увидя орудія, плащи и торжествующаго непріятеля, — такъ наглядно говорившихъ объ участи, постигшей ихъ соотечественниковъ; тяжело вырывалось у нихъ изъ груди: «Аллахъ, Аллахъ».

— Эй, кардашъ, Османъ пропалъ! — обращались къ нимъ расходившіеся герои, показывая кулаки и еще болѣе увеличивая, и такъ большое, горе ихъ.

Въ девять часовъ вечера полкъ прибылъ въ лагерь и началъ праздновать побѣду. Знакомый Захаръ, тронутый доблестью полка, на свой счетъ угощалъ офицеровъ и солдатъ. «Кахетинское» полилось рѣкою. Офицеры усѣлись въ карэ, составленное изъ турецкихъ орудій, за орудіями стали пѣсенники со всего полка, а за ними разные торговцы, курды и турки, пришедшіе изъ окрестныхъ деревень. Впереди лагеря и въ интервалахъ шумно толпились солдатики, выпивая безъ мѣры даровую водку и качая своихъ георгіевскихъ кавалеровъ съ крикомъ «ура».

Въ самый разгаръ веселья, какъ и ожидали, пріѣхали бакинцы—поздравить и подѣлиться съ кунаками радостью. Въ числѣ ихъ былъ и мой двоюродный

братъ, молодой подпоручикъ, только что выпущенный изъ Константиновскаго училища. Онъ былъ угрюмъ и блѣденъ. На вопросъ мой, о причинѣ такого состоянія, онъ не отвѣтилъ и, холодно поцѣловавъ меня, подсѣлъ къ товарищамъ. Удивленный такимъ равнодушіемъ, я хотѣлъ было ему это замѣтить, но покатившіяся по его лицу слезы, заставили меня воздержаться. Сидя съ поджатыми ногами, онъ все время молчалъ, ничего не ѣлъ, ничего не пилъ, тупо всматривался то—въ орудія, то—въ пѣсенниковъ, то—въ свѣчи и, всѣ старанія товарищей, какъ-нибудь развлечь, растормошить его, были напрасны,—онъ не обмѣнялся съ ними ни единымъ словомъ.

Въ 11 часовъ вечера, послѣ полнаго затишья, вдругъ поднялся сильный, порывистый вѣтеръ, нависли свинцовыя тучи и пошелъ проливной дождь. Всѣ разбѣжались по палаткамъ. Кунаки же наши, закутавшись въ бурки, въ карьеръ помчались въ свой лагерь. Передъ отъѣздомъ, братъ мой отозвалъ меня въ сторону и, передавъ письмо къ матери, добавилъ:

— Извинись, дорогой мой, за мое невѣжество передъ Елисаветпольцами. Повѣрь слову, я всѣми силами старался повеселиться съ ними, но какое-то безотчетное, гнетущее чувство овладѣло мною такъ сильно, что не дало мнѣ возможности сочувствовать общему веселью и торжеству. Еще одна къ тебѣ просьба: въ случаѣ, если я буду убитъ, отправь къ матери мою азіатскую шашку; она отцовская и должна перейдти къ брату. Бѣдная мамаша! что съ нею будетъ, если мое предчувствіе оправдается?

При этихъ словахъ, братъ сильно зарыдалъ, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ.

Трудно себѣ представить, какъ непріятно поразили меня слова брата. Вернувшись въ палатку, я повалился на кровать, чтобы отдохнуть послѣ тяжкаго дневнаго бодрствованія, но роковыя слова, слезы и опечаленная физіономія брата, не давала мнѣ покоя. Я всталъ, сѣлъ за походный столикъ и началъ читать, переданное братомъ, письмо. Прочитавши, я какъ-то невольно опустилъ голову на скрещенныя руки и задремалъ, но, черезъ нѣсколько минутъ, я былъ разбуженъ крикомъ: «держи! держи его! Турку, держи! Ура!» Не сообразивъ, спросонка, въ чемъ дѣло, я выбѣжалъ изъ палатки и спросилъ дневальнаго, что случилось. Оказалось, что это кричалъ какой-то солдатъ во снѣ. По возвращеніи, я впалъ опять въ мучительное размышленіе. Снова вспомнился мнѣ братъ, представилась глубокая скорбь его старухи-матери, въ случаѣ смерти сына, скорбь, которая такъ прекрасно выражена въ стихотвореніи Огарева:

«Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя,
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самаго героя.
Увы! утѣшится жена
И друга лучшій другъ—забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна,
Она до гроба помнить будетъ.

Средь малодушныхъ нашихъ бѣдъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я слезы подсмотрѣлъ,
Святыя, искреннія слезы,—
То – слезы бѣдныхъ матерей;
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей».

V.

Взятіе Ардагана.

На слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, пользуясь свободой, предоставленной нашему полку, я отправился на Геллявердынскія высоты, чтобы быть свидѣтелемъ взятія Ардагана и, кстати, узнать что-либо о братѣ, судьба котораго меня сильно безпокоила; на пути я встрѣтился съ солдатами 1-го баталіона, несшими до 20-ти посинѣлыхъ и обезображенныхъ тѣлъ нашихъ героевъ. Склоны правой Геллявердынской высоты были усѣяны жителями деревни Гелляверды, собиравшими тѣла убитыхъ турокъ. Недалеко отъ укр. Эмиръ-оглы, другая часть жителей, подъ наблюденіемъ сѣдобородаго, почтеннаго муллы, готовила двѣ, довольно большихъ размѣровъ, ямы, для усыпленныхъ въ бою соотечественниковъ. Надъ Ардаганомъ царила мертвая тишина. День былъ безоблачный. Тихій восточный вѣтерокъ, временами, вѣялъ пріятною весеннею прохладой. Офицеры 1-го баталіона, бывшіе на аванпостахъ, спали крѣпкимъ богатырскимъ сномъ; остальные стояли на сѣверномъ, высокомъ брустверѣ укрѣпленія и, смотря на Ардаганъ, о чемъ-то тихо разговаривали. Я подошелъ къ нимъ, поздоровался и, послѣ взаимныхъ спросовъ и разспросовъ, сталъ внимательно разглядывать Ардаганъ. Мѣстность, окружающая Ардаганъ, съ трехъ сторонъ—гористая, а съ четвертой — открытая и ровная. Съ сѣвера прилегаютъ Мангласскія горы, съ юга — Алагезскія, съ востока—Геллявердынскія, а съ запада

разстилается широкая и гладкая долина рѣки Куры, Гелляведынскія и Алагезскія горы находятся въ разстояніи 4-хъ верстъ отъ крѣпости. Извиваясь по долинѣ серебристой лентой, рѣка Кура дѣлитъ Ардаганъ на двѣ половины и тутъ же врѣзывается въ глубокое, съ отвѣсными берегами, ущелье, отдѣляющее Мангласскія горы отъ Гелляведынскихъ. Въ Ардаганъ идутъ четыре дороги: ахалцыхская, ахалкалакская, карсская и батумская; послѣдняя шоссирована. Четыре отдѣльныхъ укрѣпленія, прикрывавшихъ эти дороги, давали Ардагану значеніе сильной крѣпости. Изъ нихъ самыя сильныя—Рамазанъ-табія и Эмиръ-оглы-табія заграждали пути изъ Ахалцыха и Ахалкалаки. Кромѣ того, городъ обрамленъ небольшими, хорошо укрѣпленными холмами, составляющими ближайшій оплотъ.

Ардаганъ, какъ уже сказано выше, лежитъ на обоихъ берегахъ Куры. На лѣвомъ берегу, надъ рѣкою, высится цитадель и амфитеатромъ расположены одноэтажные дома жителей, съ плоскими земляными крышами. На правомъ—находятся казенныя постройки: госпиталь, таможня, комендантскій домъ, казначейство, провіантскіе склады и пр. Во время половодья, Кура здѣсь непроходима; берега ея соединены двумя деревянными мостами: одинъ—безъ перилъ и служитъ для проѣзда экапажей, а другой—съ перилами, узкій, для пѣшеходовъ.

Изъ всего вышеизложеннаго, не трудно заключить, что Ардаганъ находился въ совершенной зависимости отъ окружающихъ его высотъ; взявъ одну изъ послѣднихъ, имъ совсѣмъ легко было овладѣть. Въ такомъ именно положеніи находился Ардаганъ въ тотъ

моментъ, когда я его разсматривалъ съ высоты Гелляверды.

Въ ночь на 5-е мая, батареи наши всѣ были придвинуты впередъ и поставлены для дѣйствія противъ города. Войска также подвинулись ближе и, ставъ на указанныхъ диспозиціей пунктахъ, ожидали дальнѣйшаго распоряженія. Батареи наши молчали, вслѣдствіе ихъ неготовности и, какъ говорили, въ ожиданіи отвѣта отъ ардаганскаго коменданта на предложеніе генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова,—сдать крѣпость.

Отвѣтъ былъ полученъ поздно и неудовлетворительный. Поэтому, батареи наши, около 3-хъ часовъ пополудни, сразу открыли огонь и началось бомбардированіе города и укрѣпленій. Одновременно раздались выстрѣлы и со стороны Ардагана. Передъ штурмомъ, войска стояли въ слѣдующемъ порядкѣ: Бакинцы — у правой Гелляверды́нской высоты, лѣвѣе, у Алагеза—Эриванцы съ саперами, съ открытой стороны — Тифлисцы, и съ востока, противъ Рамазанъ-табія—баталіонъ Бакинцевъ съ кавалеріей.

Дѣйствія нашей артиллеріи были настолько изумительны, что уже около 5-ти часовъ вечера, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, послѣ тщательныхъ наблюденій, счелъ атаку достаточно подготовленною.

Ровно въ 6 часовъ вечера раздался сигналъ «наступленіе», поданый корпуснымъ командиромъ, и штурмовыя колонны, перестроившись въ боевой порядокъ, двинулись впередъ. Батареи наши усилили огонь. Войска шли быстро, твердо и неуклонно, словно на мирныхъ маневрахъ, не обращая вниманія на разру-

шительное дѣйствіе снарядовъ береговыхъ орудій, десятками разрывавшихся въ колоннахъ. Съ разстоянія болѣе 2,000 шаговъ, турки открыли жестокій ружейный огонь. Но колонны, не отвѣчая на выстрѣлы, двигались молодецки все впередъ и впередъ. По мѣрѣ приближенія къ укрѣпленіямъ, резервы подходили все ближе и ближе къ цѣпи и, наконецъ, слились въ общую массу, наступая неправильною дугою. Залпы тысячи ружей и орудій слились въ протяжный гулъ; Ардаганъ покрылся густымъ слоемъ дыма, подъ которымъ не видно было ни домовъ, ни укрѣпленій. Рамазанъ-табія, выкативъ одно орудіе, приняло безполезное участіе въ защитѣ города.

Въ 7 часовъ вечера, Ардаганъ огласился потрясающимъ «ура» и храбрыя колонны, почти одновременно ворвавшись въ крѣпость, скрылись въ облакѣ пороховаго дыма. Еще съ часъ кипѣлъ жестокій бой въ нѣдрахъ Ардагана и затѣмъ сразу наступила могильная тишина.

Сердце судорожно сжималось при видѣ этой ужасной картины атаки. Казалось, смотрѣть со стороны страшнѣе, чѣмъ быть въ бою. Предположивъ, что Ардаганъ уже взятъ, я рысью поѣхалъ внизъ. Сначала убитые и раненые встрѣчались очень рѣдко, но чѣмъ больше я приближался къ городу, тѣмъ они попадались все чаще и чаще. Пробираясь между ранеными и убитыми, я со страхомъ озирался кругомъ, боясь узнать между ними своего брата.

Въ шагахъ 300 отъ укрѣпленій, на бугрѣ, я увидѣлъ лежавшаго на спинѣ офицера, съ распростертыми руками и откинутою въ сторону головой; около него

валялась азіатская шашка въ серебряной оправѣ, фуражка и револьверъ. Красный околышъ и воротникъ давали знать, что это былъ Бакинецъ. Подойдя тихими, робкими шагами, я, къ ужасу, узналъ своего брата. Пуля пробила ему насквозь голову и усыпила вѣчнымъ, безпробуднымъ сномъ. Я приказалъ санитарамъ Бакинскаго полка немедленно отнести его въ городъ и передать товарищамъ. Самъ же, обливаясь слезами, поѣхалъ дальше, къ укрѣпленіямъ Сингеръ и Казъ-табія. Рвы этихъ укрѣпленій были завалены трупами Эриванцевъ и Бакинцевъ, перемѣшанныхъ съ арабистанцами. По всему видно было, что турецкая цѣпь лежала здѣсь, за гласисомъ, до штыковой схватки, а резервы, бывшіе внутри укрѣпленій, бѣжали, оставивъ лишь нѣсколькихъ артиллеристовъ, привязанныхъ къ орудіямъ. За Кязь-табія санитары тихо несли на носилкахъ двухъ раненыхъ офицеровъ Бакинскаго полка: поручика Кваліева и подпоручика Чичуа. Въ укр. Сингеръ, два орудія и одна мортира были сильно подбиты. Ограничившись этимъ, за темнотою вечера, я вернулся въ лагерь.

На другой день, утромъ, нашъ полкъ перешелъ въ Ардаганъ и сталъ лагеремъ на восточной сторонѣ упомянутыхъ выше укрѣпленій. Тутъ же расположились госпиталь и Красный крестъ. Раненыхъ перенесли на носилкахъ. Нижніе чины 4-го баталіона, увидя носильщиковъ, несшихъ князя Макаева, выбѣжали на встрѣчу, взяли любимаго баталіоннаго командира и съ крикомъ «ура» принесли его ко мнѣ въ палатку. Князь, тронутый вниманіемъ солдатъ, прослезился и благодарилъ ихъ. Собрались и офицеры привѣтствовать князя.

Солдаты, окруживъ тѣсно мою палатку, запѣли пѣсни. Лихо сочинялъ запѣвало 16-й роты, ряд. Колотушка:

„Пущай знаетъ про насъ турка,
Что мы взяли Ардаганъ.
Съ нами биться вѣдь не шутка—
Будетъ дѣло, братъ, яманъ“, и т. д.

Офицеры весело разговаривали, передавая другъ другу еще живыя впечатлѣнія, вынесенныя изъ гелявердынскаго сраженія. По обычаю кавказскаго гостепріимства, я потребовалъ нѣсколько бутылокъ кахетинскаго вина и водки солдатамъ, что еще больше воодушевило публику. Князь Макаевъ былъ въ веселомъ настроеніи и даже принималъ участіе въ пѣніи «мравалъ жамія», не смотря на сильныя боли, причиняемыя ранами при малѣйшемъ движеніи; узнавъ о подвигѣ унтеръ-офицера Мельникова, онъ позвалъ его въ палатку, поцѣловалъ, поздравилъ его съ монаршей милостью и подарилъ 5 руб. Мельниковъ расплакался, увидя блѣдное, болѣзненное лицо любимаго начальника. Боли, однако, такъ обострились, что князь, при всемъ желаніи, не могъ долѣе оставаться. Солдаты, съ громкими пѣснями, отнесли его въ госпиталь.

Въ 3 часа пополудни, я поѣхалъ къ Бакинцамъ, присутствовать на похоронахъ. Съ южной стороны Ардагана, на холмѣ, близъ укрѣпленія Ахали, была вырыта широкая и глубокая братская могила для нижнихъ чиновъ, а въ трехъ–четырехъ шагахъ отъ нея—для брата,—единственнаго офицера, убитаго въ дѣлѣ 5-го мая. Онъ лежалъ въ наскоро сколоченномъ гробѣ, усыпанный вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ. На панихидѣ присутствовали всѣ высшія начальствую-

щія лица, командиры полковъ, офицеры и солдаты разныхъ частей. По окончаніи панихиды, послѣ прочувствованной рѣчи священника Бакинскаго полка, законченной словами: «Миръ вамъ, честные, доблестные воины, положившіе жизнь свою за благо братьевъ своихъ—христіанъ», раздался троекратный залпъ и тѣла усопшихъ начали опускать въ могилу и засыпать землей. Высокій деревянный крестъ, водруженный на братской могилѣ, обозначалъ мѣсто упокоенія славныхъ сыновъ Россіи, павшихъ на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество.

Послѣ похоронъ, я, въ числѣ многихъ офицеровъ нашего и Бакинскаго полковъ, поѣхалъ осмотрѣть городъ. Дорóгой, кунаки разсказывали намъ про свою дѣятельность 5-го мая и на мѣстности показывали ея результаты. Тѣла турокъ еще не были прибраны и валялись въ множествѣ повсюду. Отъ укрѣпленій праваго берега, къ двумъ упомянутымъ выше мостамъ, шли шоссированныя дороги. Отъ узла, соединившаго пути изъ Сингера, Казъ-табія и Ахали, мы свернули вправо и выѣхали на небольшой холмъ, оканчивающійся высокимъ обрывомъ, подъ которымъ шумно пробирается рѣка Кура. На холмѣ и уступахъ обрыва лежало до 400 убитыхъ турокъ—это были защитники Сингера и Казъ-табія, которымъ Бакинцы отрѣзали путь отступленія къ мостамъ и, прижавъ къ обрыву, разстрѣляли залповымъ огнемъ до послѣдняго человѣка. Видя неизбѣжную гибель въ тылу, большинство изъ нихъ бросалось съ обрыва въ воду, разсчитывая какъ-нибудь спастись; но, разбиваясь о скалы, одни оставались на недоступныхъ уступахъ, а другіе по-

глощались свирѣпыми волнами Куры. Отсюда мы спустились на широкую набережную улицу, вымощенную плитнякомъ. Улица была завалена трупами до такой степени, что невозможно было ходить по ней не наступивши на трупъ. Не далеко отъ госпиталя, въ который упиралась набережная улица, городскіе жители рыли двѣ громаднѣйшія ямы, для павшихъ защитниковъ города. Въ госпиталѣ находилось до 300 человѣкъ больныхъ; оттуда слышался, раздирающій душу, крикъ раненыхъ, лежавшихъ безъ призрѣнія, по малочисленности медицинскаго персонала и отсутствію перевязочныхъ средствъ. Окна госпитальнаго зданія и прилегающихъ частныхъ домовъ, гдѣ также лежали раненые, всѣ были побиты. Подъ окнами лежали 5 человѣкъ убитыхъ гренадеръ Тифлисскаго полка, по какому-то случаю еще не прибранныхъ. Судя по массѣ разбросанныхъ ружей Пибоди и Бердана и другимъ признакамъ, здѣсь произошла кровавая схватка. Проѣхавъ мимо госпиталя узкимъ переулкомъ, мы очутились у большаго западнаго моста. Кура имѣетъ здѣсь тихое, почти незамѣтное теченіе. Сотни труповъ, грудами наваленныхъ на мосту, согнули перекладины. Струи крови окрашивали курскую воду въ ярко-красный цвѣтъ. Ниже, у береговъ, плавали выброшенныя водою тѣла потонувшихъ. Около моста, какъ и на набережной улицѣ, въ безпорядкѣ валялись тысячи цѣлыхъ и поломанныхъ ружей, сабель, шашекъ, ятагановъ, тесаковъ, патроновъ и пр. Прилежащія къ мосту, зданія сильно пострадали отъ нашихъ гранатъ. Комендантскій домъ, обнесенный деревяннымъ заборомъ, былъ пробитъ насквозь гранатой и потрясенъ такъ

сильно, что обвалилась крыша. Во дворѣ дома, на балконѣ, въ конюшнѣ и курятникѣ валялось до 300 убитыхъ турокъ, арабистанцевъ и частныхъ лицъ, защищавшихъ бригаднаго генерала Али-пашу, жившаго вмѣстѣ съ бѣжавшимъ комендантомъ крѣпости. Трехъугольныя раны на убитыхъ доказывали, что здѣсь работалъ, преимущественно, штыкъ. Лѣвый берегъ представлялъ совершенно такую же картину, но съ меньшимъ числомъ убитыхъ.

Потеря турокъ была громадная: однихъ убитыхъ предано землѣ до 2,000. По показаніямъ городскихъ жителей, въ Курѣ погибло до 1,000 человѣкъ. Число порубленныхъ нашей кавалеріей, преслѣдовавшей бѣжавшій гарнизонъ, неизвѣстно. Офицеровъ пало въ крѣпости до 120 человѣкъ.

Въ плѣнъ взято незначительное число турокъ, кромѣ 300 больныхъ и раненыхъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и Али-паша.

Потеря наша заключалась: въ 1 убит. и 6 ранен. офицерахъ и 300 нижн. чиновъ убитыхъ и раненыхъ.

Турки оставили намъ 95 новѣйшихъ орудій, большихъ калибровъ, 5 береговыхъ мортиръ, большое количество огнестрѣльныхъ и продовольственныхъ припасовъ и шанцеваго инструмента.

Славный штурмъ, сокрушившій Ардаганъ и обратившій его въ могилу въ кратчайшее время, былъ слѣдствіемъ быстраго и вѣрнаго разсчета генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова и храбрости молодыхъ, отлично подготовленныхъ, нашихъ войскъ, вполнѣ унаслѣдовавшихъ безцѣнныя боевыя качества своихъ дѣдовъ — кавказскихъ героевъ.

7-го числа былъ назначенъ общій парадъ. Войска, въ 9 часовъ утра, выстроились покоемъ на полянѣ, между городомъ и укр. Рамазанъ-табія. Послѣ благодарственнаго молебствія, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ по-ротно, развернутымъ фронтомъ. Корпусный командиръ хвалилъ и благодарилъ роты за молодцеватость и стройность. 8-го числа войска выступили къ городу Карсу, въ Мацринскій лагерь. Ахалцыхскій отрядъ, исполнивъ свою задачу, былъ расформированъ и вошелъ въ составъ Александропольскаго.

VI.

По дорогѣ къ Карсу.

Дорога, идущая изъ Ардагана въ Карсъ, сначала проходитъ тѣсное ущелье, раздѣляющее Алагезскія горы на двѣ части, потомъ, выйдя на обширную равнину, направляется на юго-востокъ, къ довольно высокимъ скалистымъ горамъ, примыкающимъ къ самому Карсу; ближе къ послѣднему, она узка, неразработана, и съ весьма крутыми подъемами и спусками;—все это дѣлало ее крайне неудобною для движенія войскъ и обозовъ. Разстояніе между Ардаганомъ и Карсомъ, по этому пути, шестьдесятъ верстъ. Множество горныхъ хребтовъ, окаймляющихъ упомянутую равнину, переплетаются между собою и нагромождены такими грудами, что, въ общемъ, представляютъ видъ развалинъ послѣ сильнаго землетрясенія; сѣрѣя въ далекой синевѣ неба, онѣ производятъ какое-то гнетущее, подавляющее чувство. За то, чудна сама рав-

нина: широкою и гладкою скатертью развернулась она межъ дикихъ и мрачныхъ громадъ, покрылась тысячами самыхъ разнородныхъ цвѣтовъ, окрашивающихъ равнину то — въ красный цвѣтъ, то — синій, то — лиловый, то — фіолетовый. Тысячи пернатыхъ, въ родѣ: бекасовъ, дупелей, перепелокъ, утокъ и пр. нашли здѣсь безопасный пріютъ, подъ защитою Корана Магомета, воспрещающаго послѣдователямъ своимъ ѣсть и истреблять полевую дичь. Сотни горныхъ, хрустальчыхъ ручьевъ, извиваясь серебристой лентой по роскошной равнинѣ, съ тихимъ журчаніемъ спѣшатъ въ объятія царицы здѣшнихъ водъ—Куры.

Вотъ, на эту-то равнину и вышелъ нашъ полкъ изъ тѣснаго ущелья въ десять часовъ утра. Свернувшись въ баталіонныя колонны, полкъ остановился на большомъ привалѣ, у самаго выхода.

День стоялъ солнечный и жаркій, предвѣщавшій ненастную погоду, хотя на небѣ не было ни одного облачка. Съ востока повѣялъ тихій вѣтерокъ, пропитанный благоуханіемъ цвѣтовъ. Составивъ ружья въ козлы, солдаты улеглись въ тѣни растянутыхъ на козлахъ шинелей. Черезъ нѣсколько минутъ прогремѣлъ знакомый голосъ, приглашавшій офицеровъ къ столу отца-генерала. Загорѣлые, запыленные герои Гелляверды утомленными шагами направились къ фургону, около котораго, на разостланной буркѣ, въ безпорядкѣ стояли бутылки, стаканы и рюмки; закуски изъ отвареной холодной баранины, колбасы, сардинокъ и проч. еще не были разложены. Генералъ Девель полулежалъ, разстегнувшись, на другомъ концѣ бурки, подъ фургономъ.

— Извините старику, гг. геллявердынцы!—обратился онъ къ первымъ подошедшимъ офицерамъ.

Офицеры, по привычкѣ, безцеремонно усѣлись и улеглись вокругъ бурки, пододвинули къ себѣ бутылки съ краснымъ кахетинскимъ виномъ, развязали солфетки съ закусками и стали угощаться. Въ числѣ приглашенныхъ былъ и командиръ нашей батареи, подполковникъ Мусхеловъ, съ своими офицерами. Скоро начались заздравные тосты и воздухъ огласился пріятнымъ пѣніемъ «мравалъ жамія». Весело, незамѣтно прошло время отдыха. Обѣдъ кончился. Генералъ Девель, окруженный офицерами, съ стаканомъ вина въ рукѣ, подошелъ къ солдатамъ, уже приготовившимся къ выступленію, и обратился къ нимъ:

— Славные геллявердынцы! Пью, голубчики, за ваше здоровье!

Несмолкаемымъ «ура» солдаты выразили отцу-генералу благодарность за доброе пожеланіе. Дружные хоры пѣсенниковъ тѣсно окружили любимаго начальника. Генералъ Девель подошелъ къ запѣвалѣ 10-й роты, остановился передъ нимъ и, пристально всматриваясь въ его лицо, съ наслажденіемъ слушалъ, какъ тотъ чистымъ, звучнымъ голосомъ напѣвалъ:

«Онъ на островѣ родился,
Во Франціи очутился,
То нашъ Полеонъ!... и т. д.»

Сіяющее, довольное выраженіе лица отца-генерала доказывало, что онъ былъ въ восторгѣ отъ этого пѣнія; едва дотянулъ запѣвало послѣднее слово пѣсни, какъ генералъ, ударивъ пѣвца по щекѣ, громко произнесъ:

— Молодецъ!...

— Радъ стараться, ваше превосходительство!— отвѣтилъ пѣвецъ почти одновременно.

На лицахъ солдатъ, видѣвшихъ это, появилась улыбка чрезвычайной радости.

— Вы черти, а не солдаты!—проговорилъ генералъ Девель, махнувъ рукою и, отойдя въ сторону, приказалъ двигаться.

Ударилъ барабанъ и полкъ, вытянувшись въ колонну по отдѣленіямъ, началъ движеніе. Солдатики, по обыкновенію, закурили трубочки; понесло острымъ запахомъ махорки. Столбъ пыли сопровождалъ колонну. Жара усиливалась все болѣе и болѣе. Съ запыленныхъ лицъ солдатиковъ ручьемъ струился потъ, оставляя грязныя полоски. Въ воздухѣ стало тихо и душно. Но вдругъ, съ запада подулъ сильный порывистый вѣтеръ, небо заволокло черными тучами, блеснула молнія и дождь полилъ, какъ изъ ведра. Черноземная почва быстро пропиталась водою, образовавъ непролазную грязь. Ни шинели, ни турецкіе плащи, взятые изъ Гелляверды про всякій случай,—ничто не спасло солдатиковъ отъ дождя: всѣ промокли, что называется, до костей. Остались сухими только офицеры, укрытые азіатскими бурками и резиновыми плащами. На дорогѣ и въ сторонѣ отъ нея образовались цѣлыя озера дождевой воды. Но солдаты молодецки преодолѣвали трудность дороги,—не было ни одного отставшаго; иногда они даже сами, безъ приказанія начальства, вытаскивали погрузшія орудія нашей батареи, дружно напѣвая:

«Ну-ка, дернемъ еще разикъ, ухъ!»

Пройдя около шестнадцати верстъ отъ мѣста привала, полкъ, въ 6 часовъ вечера, остановился ноче-

вать на берегу небольшаго ручейка, въ центрѣ равнины. Дождь лилъ не переставая и съ одинаковою силою. На противоположномъ берегу ручейка, расположились, прибывшія заблаговременно, кухни; обѣдъ къ приходу полка былъ уже готовъ. Лишь только полкъ успокоился и каждый баталіонъ и рота нашли соотвѣтствующія мѣста, — потянулись длинныя, шумныя вереницы солдатиковъ за обѣдомъ, побрякивая мѣдными котелками. Я съ завистью посматривалъ на веселыя, беззаботныя лица солдатиковъ, хлебавшихъ щи, что называется, съ волчьимъ аппетитомъ; сидя на корточкахъ, съ накинутыми на головы шинелями, вокругъ котелковъ, они хохотали, острили и не обращали ровно никакого вниманія на обильно орошавшій ихъ дождь.

— Должно, братцы, кашеваръ сальца скралъ, что Господь подбавляетъ, — говорили они, съ жадностью поѣдая крутую ячменную кашу, обливаемую дождевой водой.

Начало вечерѣть. Холодъ и голодъ давали себя чувствовать. Офицеры, въ ожиданіи обоза, а съ нимъ и всего, что крайне необходимо для человѣка въ такую пору, стояли группами и держали совѣтъ, какъ имъ устроиться на ночь. Но напрасно они всматривались въ широкую, безконечную даль: ужъ стемнѣло, а обоза все нѣтъ и нѣтъ. Сознавъ, что ожиданіе безполезно, они закутались въ свои неизмѣнныя бурки и улеглись спать. Такъ поступили и нижніе чины.

***

Утро стояло тихое и совершенно безоблачное. Востокъ уже окрасился въ багряный цвѣтъ, предвѣ-

щающій скорый восходъ солнца. Тысячи пташекъ, распѣвая, пріятно оглашали поле, привѣтствуя грядущаго царя природы и маня другъ-друга на любовное свиданіе. Вершины непривлядныхъ, безобразныхъ горъ покрылись снѣжнымъ саваномъ и тоже ожидали восхода солнца, чтобы сбросить съ себя холодное покрывало и принять снова свой постоянно мрачный, безутѣшный видъ. Бивуакъ еще спалъ; только часовые мѣрно шагали около ружейныхъ козелъ, торчавшихъ, какъ живая изгородь, межъ сѣрыми полосами спящихъ богатырей, да запоздалые фурштаты копошились около лошадей, протирая имъ глаза и дергая за холки и хвосты, словно надѣясь этимъ способомъ возстановить въ нихъ, утраченныя за тяжкую ночь, силы.

Восемь орудій нашей батареи, стоя на стражѣ передъ серединой полка, грозно смотрѣли на юго-востокъ. Сторожевыя части, снявшись съ постовъ, медленно возвращались домой.

Взошло, наконецъ, солнце; первые косые лучи его, павшіе на дремлющій бивуакъ, обогрѣли всѣхъ, и скоро холодное утро смѣнилось жаркимъ днемъ. Бивуакъ, проснувшись, пришелъ въ суетливое движеніе. Забилъ барабанъ, солдаты, надѣвъ ранцы, выстроились въ колонны; поле огласилось привѣтственными возгласами массъ... полкъ, вытянувшись по извивающейся змѣей грязной дорогѣ, двинулся съ пѣснями дальше.

Скалистыя горы, за которыми скрывался грозный Карсъ,—предметъ всеобщаго вниманія,—стали обрисовываться все отчетливѣе. На равнинѣ, надъ ручейками и болотами, нависли густыя длинныя полосы тумана, тихо, незамѣтно подымавшагося все выше и выше. День стано-

вился жарче и удушливѣе. Дорога сохла быстро. Быстро шли и солдатики по равнинѣ, уже утомившей ихъ взоры своимъ однообразіемъ. Верховые офицеры, отъ скуки, выѣхали впередъ и открыли лихую джигитовку, хвастаясь другъ передъ другомъ своими лошадьми. Вотъ, наконецъ, и горы. У подошвы ихъ, полкъ принялъ привѣтствіе обогнавшаго отца-генерала, остановился, чтобы пообѣдать, отдохнуть и съ новыми силами вступить въ горы.

— Теперича, за ефтими горами, кажись, и Карція будетъ!—радостно заговорили солдатики.

Черезъ два часа полкъ потянулся въ гору, по каменистой дорогѣ. Съ востока дохнулъ свѣжій горный вѣтерокъ и жара нѣсколько умѣрилась, освѣживъ и давъ людямъ возможность съ большей охотой двигаться впередъ. Чтобы обозъ и артиллерія не отставали отъ колонны, къ нимъ было назначено большое число рабочихъ людей. Близость непріятеля заставила усилить охранительныя мѣры высылкой къ сторонѣ Карса лишняго числа наблюдательныхъ кавалерійскихъ разъѣздовъ и патрулей. Желаніе скорѣе взглянуть на Карсъ, влекло солдатиковъ впередъ съ неимовѣрной быстротой; они, можно сказать, просто летали съ горы на гору, не чувствуя утомленія. Только и было разговору, что о «Карціи».

Въ часъ дня, полкъ вышелъ на послѣдній къ Карсу перевалъ и остановился на кратковременномъ отдыхѣ. Отсюда карсскія укрѣпленія и нашъ лагерь были видны какъ на ладони. Грозно обрисовались передъ нами форты Карса: Карадагъ, Арабъ, Мухлисъ, Инглисъ, Шарохъ, Тохмазъ и проч., уставленные громаднѣйшими

стальными орудіями, сіявшими въ солнечныхъ лучахъ, какъ звѣзды на дикихъ и мрачныхъ горныхъ громадахъ, придавшихъ Карсу славу неприступной крѣпости. Отъ Заимскаго лагеря отдѣляло насъ глубокое, съ совершенно отвѣсными берегами, ущелье, по которому тихо пробиралась рѣка Карсъ-чай, раздѣляющая Карсскую крѣпость на двѣ половины. Заимскій лагерь раскинулся съ сѣверо-восточной стороны Карса, въ верстахъ 25-ти отъ послѣдняго надъ Карсъ—чаемъ. Дорога, по которой мы шли, нѣсколько ниже перевала развѣтвлялась: одна вѣтвь шла вправо на Карсъ, а другая—влѣво, въ деревню Заимъ, въ нашъ лагерь.

Какъ только полкъ стянулся въ колонны и устроился на мѣстѣ отдыха, всѣ, какъ офицеры, такъ и солдаты, ставъ группами, тотчасъ же направили любопытные взоры на тотъ чудовищный Карсъ, о которомъ на Руси и теперь ходятъ ужасающіе легендарные толки.

Такъ вотъ онъ, знаменитый, кровью русской насыщенный, Карсъ! Вотъ онѣ, достопамятныя преграды, о которыя разшиблись Муравьевскіе чудо—богатыри, въ 1855 году! Грустно, тяжело смотрѣть на васъ, мрачныя, дикія громады, вспоминая далекое прошлое: сколько тысячъ славныхъ отцовъ нашихъ усыпили вы подъ каменистой своей почвой, обагренной ихъ святою кровью! Но дни твои, все-таки, сочтены, гордый Карсъ: рано или поздно, а на высокихъ мечетяхъ твоихъ возсіяетъ Православный крестъ, на неприступныхъ стѣнахъ гордо распустятся побѣдоносныя знамена Сѣвера и восторжествуетъ двухглавый орелъ. Взгляни сюда и увидишь, что недалекъ этотъ роковой твоей

судьбы часъ. Видишь, какъ угрожающе посматриваютъ сыны, спящихъ въ нѣдрахъ твоихъ, богатырей? Они пришли отмстить тебѣ, кровопіецъ, и, повѣрь, скоро камня на камнѣ не оставятъ. До свиданья, злополучный Карсъ! До смертельнаго объятья!!

Вотъ, что говорили сосредоточенные взоры Геллявердынцевъ.

Но не одна русская кровь пролита на многогрѣшной землѣ Карса. Если заглянемъ въ отдаленнѣйшія времена его существованія, то мы увидимъ, что Карсу приносили такую же жертву многіе народы: персы, армяне, мавры, греки, римляне, монголы, турки... Здѣсь побывали съ несмѣтными полчищами великіе полководцы: Александръ Македонскій, Помпей, Киръ—царь персидскій, Тамерланъ и много, много другихъ. Сотни народовъ защищали и брали Карсъ цѣною потоковъ крови.

Карсъ получилъ свое названіе, какъ говоритъ грузинское преданіе, отъ царицы Грузіи—Тамары, въ 12-мъ столѣтіи. Разсказываютъ, что царица Тамара здѣсь уничтожила, до послѣдняго человѣка, 800,000 армію какого-то турецкаго хана, грозившаго Грузіи раззореніемъ. Послѣ побѣды, она совершила торжественный въѣздъ въ природную крѣпость, въ которой защищались враги. Изъ крѣпости подулъ вѣтеръ, зараженные трупнымъ запахомъ и болотною гнилью, и царица произнесла «карсъ», т. е. воняетъ. Въ воспоминаніе этого доблестнаго событія для Грузіи и ея великой правительницы, произнесшей это слово, крѣпость была обновлена и названа грузинами «Карсомъ». Рѣка Карсъ-чай и теперь, въ крѣпости, имѣетъ тихое, почти не-

замѣтное теченіе, вся покрыта водорослью и, дѣйствительно, разитъ болотною гнилью и въ лѣтнее время вода ея негодна для употребленія.

Насмотрѣвшись вдоволь, полкъ двинулся въ лагерь. У рѣки Карсъ-чай, офицеры Кубанскаго полка, выѣхавшіе впередъ, пригласили насъ на кунацкій обѣдъ. Въ виду лагеря полкъ остановился на нѣсколько минутъ, почистился, принарядился и продолжалъ движеніе. Такъ какъ нашему полку отведено было мѣсто на лѣвомъ флангѣ, то намъ пришлось пройти черезъ весь Заимскій лагерь. При прохожденіи, всѣ части, бывшія въ лагерѣ, вышли съ музыкой на встрѣчу и привѣтствовали насъ крикомъ «ура». Кубанцы, поднявъ на руки офицеры—офицеровъ, а солдаты—солдатъ, понесли насъ обѣдать. Сочувствіе къ доблестямъ нашего полка было такъ искренно и трогательно, что невозможно было удержаться отъ слезъ. Въ особенности Кубанцы обрадовались нашимъ георгіевскимъ кавалерамъ, которыхъ они, угостивъ до безчувствія, качали и подбрасывали съ крикомъ «ура» до позднягo вечера. За обѣдомъ, длившимся до часу ночи, гремѣло «ура», играла музыка и раздавались громкія пѣсни веселившихся офицеровъ. Тамъ былъ и любимый отецъ-генералъ; онъ управлялъ «компаніей» и воодушевлялъ ее своими остроумными рѣчами.

VII.

Подъ Карсомъ.

И такъ, 11-го числа мая, нашъ полкъ присоединился къ Александропольскому отряду, дѣйствовавшему

противъ Карса и вступилъ, такъ сказать, на другое поле боевой дѣятельности. Первые пять-шесть дней были даны полку на отдыхъ, устройство лагеря, мытье бѣлья и приведеніе въ порядокъ обуви и одежды, требовавшихъ исправленія и обновленія. Громаднѣйшій базаръ, разбросанный въ безпорядкѣ за лагеремъ, далъ возможность пріобрѣсти все необходимое. Затѣмъ, полкъ вступилъ въ исправленіе общихъ обязанностей военно-лагерной службы.

Еще 12-го мая, какъ говорили, лазутчики извѣстили корпусный штабъ объ энергичномъ приготовленіи и намѣреніи Мухтара-паши вторгнуться на карсскую плоскость; передовые отряды его, занявъ высоты Саганлугскаго хребта, стояли въ ожиданіи главныхъ силъ и приказанія своего мушира (главнокомандующаго), чтобы двинуться впередъ. Большой кавалерійскій отрядъ изъ горцевъ, выселившихся сюда послѣ покоренія Кавказа, спустился на карсскую плоскость и стоялъ лагеремъ у деревни Бегли-Ахметъ, подъ командой бывшаго генерала нашей арміи, Мусы Кундухова.

Такое положеніе дѣла заставило генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова обложить Карсъ и, такимъ образомъ, помѣшать сообщенію карсскаго гарнизона съ формировавшеюся за Саганлугомъ арміею. Съ этою цѣлью, 15-го мая, Александропольскій отрядъ *) былъ раздѣ-

*) *Составъ отряда*: Кавказская гренадерская и 39-я пѣх. дивизія, 1-й и 2-й Кавказскіе саперные баталіоны, 1-я и 2-я Кавк. кавалерійскія дивизіи, Кавказскій и 2-й Владикавказскій казачьи полки, Дагестанская конно-иррегулярная бригада, Кабардинско-Кумыкскій, Александропольскій и Шорагельскій конные полки, Кавказская гренадерская артиллерійская бригада, пять батарей 39-й артиллерійской бригады, 1-я Терская и 2-я и 5-я Кубанская конно-артиллерійскія казачьи батареи.

ленъ на двѣ колонны: одна колонна *), подъ командой генерала Геймана, перешла на юго-западную сторону Карса, въ дер. Когалы, а другая—подъ командой генерала Девеля, 22-го числа, подвинулась на десять верстъ ближе къ Карсу и стала у дер. Мацра лагеремъ, оставивъ въ Заимѣ 3-й баталіонъ нашего полка при отрядной хлѣбопекарнѣ. Колонны эти имѣли главною цѣлью блокированіе, бомбардированіе и подробное изученіе подступовъ къ карсскимъ укрѣпленіямъ на случай штурма, предполагавшагося, по подготовкѣ его осадной артиллеріей. Колонна генерала Геймана, составленная изъ надежнѣйшихъ частей отряда, должна была, кромѣ того, не допустить турецкія войска, двигавшіяся съ Саганлуга, войти въ связь съ Карсомъ.

Изъ дер. Заимъ, на юго-западную сторону Карса, идутъ двѣ дороги: кратчайшая дорога, пролегающая по гористой, мало доступной мѣстности, огибаетъ Карсъ (если стать лицомъ къ югу) съ правой стороны, а длинная, но удобная для движенія войскъ—съ лѣвой; въ виду этой выгоды, предпочтеніе было отдано послѣдней. Кромѣ того, лѣвая дорога имѣла еще и то преимущество, что по ней, какъ по кратчайшей изъ Когалы въ Курюкъ-дара, гдѣ находился нашъ складъ,

---

*) *Составъ колонны*: 14 баталіоновъ гренадерской дивизіи, 1-й Кавказскій саперный баталіонъ, 2-я сводная кавалерійская дивизія, Кавказскій казачій полкъ, 2-й Дагестанскій, Кабардинско-Кумыкскій и Александропольскій иррегулярные полки, Кавказская гренадерская артиллерійская бригада и 2-я Кубанская и 1-я Терская конно-артиллерійскія батареи; остальныя части отряда, кромѣ двухъ баталіоновъ гренадерской дивизіи, роты 1-го Кавказскаго сапернаго баталіона и Ейскаго казачьяго полка, прикрывавшихъ путь сообщенія, вошли въ составъ колонны генерала Девеля.

можно было возить продовольственные и артиллерійскіе припасы прямо въ колонну генерала Геймана.

По этой-то дорогѣ и было предписано генералу Гейману двигаться 13-го мая. Но колонна его, по неимѣнію восьми-дневнаго сухарнаго запаса, не могла выступить ранѣе 15-го числа. Между тѣмъ, событія за Саганлугомъ не позволяли медлить. Турецкія войска, сойдя на карсскую плоскость, не допустили бы насъ занять юго-западную сторону Карса. Въ виду такого важнаго обстоятельства, отъ колонны генерала Геймана была выдѣлена передовая колонна изъ кавалеріи, которая, не дождавшись снабженія провіантомъ, быстро двинулась, черезъ дер. Магараджикъ, въ дер. Хаджихалиль, гдѣ, остановившись въ ожиданіи главной колонны, выслала наблюдательные отряды къ Беглиахмету и другимъ пунктамъ.

Турки, еще съ утра, замѣтили движеніе нашей кавалеріи къ Магараджику и зорко слѣдили за нею. Когда колонна втянулась въ глубокое магараджикское ущелье, карсскій комендантъ произвелъ вылазку, намѣреваясь отрѣзать ее отъ главной колонны. Однако, комендантъ ошибся въ разсчетѣ: не такъ легко было справиться съ нашей кавалеріей, какъ онъ полагалъ. Спѣшившись, кавалерія наша заняла позицію на магараджикскихъ высотахъ и, послѣ упорнаго боя, отбросивъ турокъ во-свояси, двинулась дальше.

15-го мая, рано утромъ, выступила колонна Геймана, при которой находился и корпусный командиръ. На второй день, въ 11 часовъ дня, послѣ многихъ трудовъ и лишеній, колонна прибыла въ дер. Хаджихалиль, гдѣ расположилась бивуакомъ.

17-го мая разъѣзды наши донесли о громаднѣйшемъ турецкомъ лагерѣ, замѣченномъ ими у дер. Бегли-ахметъ: это была 25,000-ая конница Мусы-паши Кундухова.

Для уничтоженія этого скопища, въ тотъ же день корпусный командиръ выслалъ всю наличную кавалерію, подъ начальствомъ генералъ-маіора, князя Чавчавадзе. Съ наступленіемъ ночи, кавалерія наша прибыла въ дер. Большая-Тикма и остановилась тамъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ турецкаго бивуака, озареннаго множествомъ огней. Ночь была пасмурная и темная, хотя изъ-за тучъ, изрѣдка, выглядывала луна. Турки, со свойственною имъ безпечностью, спали крѣпкимъ, невозмутимымъ сномъ, не позаботясь прикрыть себя сторожевыми частями.

Князь Чавчавадзе раздѣлилъ кавалерію на нѣсколько отрядовъ, которые, обойдя бивуакъ турецкой конницы, должны были обрушиться на нее неожиданно, со всѣхъ сторонъ. Разсчетъ былъ вѣрный, но въ темнотѣ ночи трудно исполнимый. Такъ и случилось: одинъ изъ отрядовъ сбился съ своего пути и турки открыли нашъ замыселъ, хотя и очень поздно. Всполошилась спавшая конница, раздались выстрѣлы ружейные и орудійные, огласился мрачный ночной воздухъ громовымъ «ура» и разыгралась та кровавая, молодецкая бегли-ахметская драма, которая покрыла нашу кавказскую кавалерію неувядаемой славой. Къ разсвѣту, 25,000-ая турецкая конница была смята и разсѣяна по карсской плоскости разъ навсегда; вмѣстѣ съ тѣмъ, лопнула, какъ мыльный пузырь, и смѣлая мысль Мусы Кундухова, разсчитывавшаго, съ помощью

этой толпы, произвести возстанiе въ тылу нашего корпуса, на Кавказѣ. Непрiятель оставилъ намъ свою артиллерiю, обозъ, вьючныхъ лошадей, палатки и усѣялъ поле брани сотнями труповъ. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличились Сѣверцы, которые понесли самый большой уронъ.

Услыхавъ выстрѣлы у Бегли-ахмета, на другой день, утромъ, карсскiй комендантъ выслалъ нѣсколько баталiоновъ въ тылъ нашей кавалерiи, но, замѣтивъ движенiе нашей колонны изъ дер. Ардостъ, баталiоны вернулись обратно.

Въ этотъ же день, колонна генерала Геймана пришла въ дер. Когалы и стала лагеремъ. Какъ только колонна устроилась на новомъ мѣстѣ, укрѣпивъ дер. Когалы, начались рекогносцировки мѣстности впереди Шорахскихъ и Чахмахскихъ высотъ, на случай открытiя противъ нихъ осадныхъ дѣйствiй.

Въ то время, какъ колонна Геймана производила осмотръ западной стороны Карса, генералъ Девель опредѣлялъ блокадную линiю съ сѣверо-восточной стороны, противъ укрѣпленiй Карадага, Араба и Мухлиса, съ участiемъ чиновъ корпуса топографовъ и инженерныхъ офицеровъ. Съемки мѣстности впереди названныхъ укрѣпленiй были сопряжены съ большими затрудненiями и производились, преимущественно, подъ прикрытiемъ кавалерiйскихъ частей.

Блокада Карса вызвала необходимость передвинуть колонну генерала Девеля ближе къ Карсу. Поэтому, какъ я уже писалъ выше, 22-го мая колонна перешла въ дер. Мацра и расположилась лагеремъ въ девяти верстахъ отъ укрѣпленiй Карадага и Араба. Мѣст-

ность между Мацринскимъ лагеремъ и этими укрѣпленіями представляетъ видъ широкой (около 4-хъ верстъ) сѣдловины, усѣянной невысокими холмиками и изрѣзанной небольшими овражками, идущими къ Карсъчаю. Грунтъ преимущественно каменистый, покрытый, мѣстами, тонкимъ слоемъ чернозема. Мацринскій лагерь находился въ трехъ слишкомъ верстахъ отъ Карсъчая и въ этомъ отношеніи новая стоянка колонны представляла большое неудобство. Людямъ приходилось ходить за пищей и водой для питья очень далеко, что, при іюньской жарѣ, было крайне утомительно. Но нашъ полкъ, благодаря сосѣдству съ дер. Мацра, находился въ лучшихъ условіяхъ. Небольшой родничекъ у самой деревни, заключавшій количество воды, достаточное для питья на полкъ, средствами полка былъ разчищенъ, устроенъ съ резервуаромъ и мы пользовались чистою, здоровою водою. Въ дер. Мацра, благодаря постоянной отеческой заботливости князя Амираджибова о солдатахъ, была устроена баня, въ которой полкъ выкупался первый разъ по выступленіи изъ штабъ-квартиръ. Обиліе всевозможныхъ овощей, доставаемыхъ на базарѣ весьма не дорого, давало возможность имѣть сытную и вкусную пищу. Хлѣбъ, получаемый изъ отрядной хлѣбопекарни, былъ на столько хорошъ, что и въ мирное время не ѣдали такого. Однимъ словомъ, въ Мацринскомъ лагерѣ мы благодушествовали въ полномъ смыслѣ этого слова, что бываетъ очень рѣдко въ военное время. Благодаря такому матеріальному благосостоянію, соединенному съ прекрасными гигіеническими условіями занимаемой лагеремъ мѣстности, санитарное состояніе полка, если не

считать нѣсколькихъ случаевъ заболѣванія дезентеріей, было отличнѣйшее.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о служившихъ въ военно-временныхъ лазаретахъ и въ «Красномъ Крестѣ».

Медицинскій персоналъ велъ себя болѣе, чѣмъ похвально, а «Красный Крестъ» могъ смѣло похвастаться прекрасною организаціей и безупречными человѣческими отношеніями къ своему долгу. Сестры милосердія, дѣйствительно, служили утѣшеніемъ для больныхъ и раненыхъ, которыхъ было не мало въ періодъ бомбардированія Карса. Надо быть на войнѣ, чтобы судить о томъ, на сколько пріятно человѣку, въ особенности больному, страдающему, вдали отъ родины, слышать и видѣть мягкія, крайне осторожныя обращенія и ласки, свойственныя женщинѣ! Что-то необъяснимо-отрадное вливаетъ ея обращеніе въ душу больнаго человѣка, въ особенности только что покинувшаго поле брани, гдѣ каждая секунда потрясала нервы и угрожала смертью.

Никогда, послѣ, на призрѣніе больныхъ и раненыхъ не было обращаемо такого строгаго вниманія, какъ въ Мацринскомъ лагерѣ. Его Высочество Великій Князь Николай Михаиловичъ, неустанно навѣщая госпитали, лично слѣдилъ за дѣятельностью медицинскаго персонала и, именемъ Августѣйшаго Главнокомандующаго, возлагалъ ордена на отличавшихся храбростью офицеровъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Такъ какъ сообщеніе между колоннами, съ восточной стороны, было слишкомъ длинное и, по отсутствію воды, совершенно открытое, и турки стали перехваты-

вать нашихъ нарочныхъ, то рѣшено было устроить сообщеніе съ западной, гористой стороны, гдѣ блокада могла содержаться гораздо строже. Дорога и мостъ черезъ Карсъ-чай, у дер. Меликёй, были готовы къ 24-му мая и, въ слѣдующій же день, по ней генералъ Девель, со всѣми главными начальниками, отправился къ корпусному командиру, въ дер. Самоватъ.

На совѣщаніи было рѣшено начать немедленно осадныя дѣйствія подъ Карсомъ. Такое рѣшеніе не могло не измѣнить порядка размѣщенія блокадныхъ колоннъ. Поэтому, колонна генерала Геймана, оставивъ въ Когалы два баталіона, перешла въ дер. Аравартанъ. Генералъ Шереметьевъ, съ кавалерійскимъ отрядомъ, остался въ дер. Самоватѣ, для поддержанія связи между колоннами. Корпусный штабъ перешелъ въ Мацринскій лагерь.

Какъ только войска заняли назначенныя имъ новыя мѣста, тотчасъ же начались приготовленія къ осадѣ; но приступить къ послѣдней могли не скоро, такъ какъ осадныя орудія находились еще въ д. Курюкъдара и, по недостаточности перевозочныхъ средствъ и дурнаго качества дороги, они подвозились очень медленно.

Блокадой и осадой мы разсчитывали принудить гарнизонъ сдаться; это было для насъ крайне необходимо, чтобы мы могли идти всѣми силами на встрѣчу, превосходившему насъ численностью, непріятелю.

Въ ожиданіи осадной артиллеріи, съ 26-го мая начались опять рекогносцировки, съ цѣлью заблаговременно опредѣлить и намѣтить мѣста для постановки батарей. Рекогносцировкамъ этимъ турки не препятствовали, ограничиваясь лишь нѣсколькими выстрѣ-

лами изъ орудій; только разъ, 27-го мая, при движеніи генерала Геймана, съ цѣлью ближе ознакомиться съ Шорахскими высотами, турки вышли въ большомъ числѣ и стрѣляли съ нѣскольких фортовъ. Но генералъ Гейманъ, сдѣлавъ все необходимое, отошелъ назадъ, провожаемый выстрѣлами баши-бузуковъ.

27-го мая, послѣ долгихъ ожиданій, изволилъ прибыть въ Мацру Его Императорское Высочество, Главнокомандующій арміею. Войска Мацринскаго лагеря выстроились шпалерами впереди лагеря и стояли въ радостномъ ожиданіи, въ особенности герои Ардагана. Въѣздъ Его Высочества въ лагерь обозначился взвившимися ракетами и орудійными залпами. Войска, привѣтствуя Главнокомандующаго, кричали торжественное «ура». Барабанщики били, музыканты играли «встрѣчный маршъ». Подъѣхавъ къ нашему полку, Его Высочество милостиво поцѣловалъ князя Амираджибова, бывшаго своего адъютанта, называя его, по грузински, именемъ «Михако», затѣмъ поздоровался съ полкомъ и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ хвалилъ и благодарилъ его за вѣрность, храбрость, молодцоватость. Мимоѣздомъ, Его Высочество останавливался около солдатъ—георгіевскихъ кавалеровъ, поздравлялъ ихъ съ Монаршей милостью и каждаго спрашивалъ, за что получилъ крестъ; когда очередь дошла до знакомаго намъ Сафонова, Его Высочество взглянулъ на него, улыбнулся и произнесъ:

— Ишь, какой онъ молодчина!

Вообще, пріѣздъ Его Высочества произвелъ благотворное впечатлѣніе на корпусъ: въ лагерѣ стало веселѣе и всѣ какъ будто освѣжились, ожили.

Въ этотъ день прибылъ второй баталіонъ нашего полка изъ Ардагана, гдѣ онъ временно оставался въ отрядѣ генерала Комарова, дѣйствовавшаго на Ольтинскомъ трактѣ.

***

Слѣдующій день прошелъ въ совѣщаніи у Его Высочества, куда были приглашены всѣ главные начальники, не исключая и прибывшихъ изъ Тифлиса. На совѣщаніи этомъ было рѣшено открыть осадныя дѣйствія противъ Карса съ двухъ сторонъ: со стороны Карадага, Араба и Мухлиса, по обѣимъ берегамъ Карсъ-чая и со стороны Шорахскихъ высотъ; дѣйствія начать одновременнымъ устройствомъ батарей въ ночь съ 31-го мая на 1-е іюня. Поэтому, явилась необходимость перевести 2-ю бригаду нашей дивизіи, съ двумя батареями 39-й артиллерійской бригады, на лѣвый берегъ Карсъ-чая, для прикрытія осадныхъ работъ. 29-го мая, чуть свѣтъ, бригада наша, подъ начальствомъ генерала Ореуса, перешла и стала лагеремъ противъ укрѣпленія Мухлиса, на берегу Бердикъ-чая. Послѣ обыденныхъ хлопотъ по устройству лагеря, кухонь и проч., всѣ улеглись спать, чтобы запастись силами для предстоявшихъ ночныхъ работъ. Въ лагерѣ стало тихо и спокойно. День былъ знойный. Миріады мошекъ облѣпили палатки пришельцевъ, злостно кусая ихъ и заставляя безпокойно ворочаться съ боку на бокъ. Дневальные, то и дѣло, отмахивались отъ нихъ, шлепая себя ладонью по шеѣ послѣ каждаго укушенія. Но никто не чаялъ, что прилетятъ въ лагерь мошки еще безпокойнѣе и страшнѣе. Вдругъ, въ этой

тишинѣ, надъ лагеремъ раздался громовой трескъ, потомъ другой, третій, четвертый... и тысячи пуль и осколковъ, зловѣще шипя и визжа, осыпали палатки, обративъ ихъ въ рѣшето. Стряслась бѣда нежданная, негаданная. Всполошились солдатики, быстро выскочили изъ палатокъ и бросились къ своимъ любимымъ винтовкамъ. Явились съ заспанными, обезпокоенными лицами начальники и повели баталіоны впередъ, къ нарушителямъ спокойствія. Впереди шли Елисаветпольцы правильнымъ боевымъ строемъ; они нисколько не смутились тѣмъ, что непріятельскій огонь застигъ ихъ врасплохъ: они наступали съ такимъ же твердымъ, непоколебимымъ намѣреніемъ, какъ на Геллявердынскихъ высотахъ и, Богъ-вѣсть, чѣмъ бы кончилось дѣло, прими турки бой. Но, видно, турки вышли сражаться съ спавшимъ врагомъ; едва они увидѣли, что врагъ не спитъ, какъ тотчасъ же снялись и поспѣшно отступили на укр. Мухлисъ.

Въ это время, Его Императорское Высочество возвращался изъ Араввартана, послѣ осмотра колонны генерала Геймана. Найдя 2-ю бригаду готовою встрѣтить непріятеля, Великій Князь поблагодарилъ войска и поѣхалъ въ Мацринскій лагерь.

Отъ непріятельскаго огня въ лагерѣ 2-й бригады пострадало множество палатокъ, нѣсколько ранцевъ, котелковъ, ружей и одна ротная кухня. Раненыхъ и убитыхъ не было. Одна граната разорвалась въ палаткѣ старшаго врача нашего полка, Самборскаго, въ то время, когда онъ спалъ, но такъ счастливо, что пострадалъ только походный столикъ съ лекарствами и нѣсколькими книгами медицинскаго содержанія. Самъ

врачъ Самборскій былъ такъ сильно оглушенъ, что долго не могъ придти въ себя.

Не смотря на такой непріятный случай, батареи все-таки были заложены и на другой день открыли стрѣльбу по Мухлису. Но вскорѣ убѣдились, что огонь нашъ не приносилъ непріятелю никакого вреда, а держать цѣлую бригаду въ отдѣлѣ было невыгодно. Поэтому, Его Высочество приказалъ батареи упразднить, 2-й бригадѣ перейти обратно въ Мацринскій лагерь, а закладку осадныхъ батарей отложить на 3-е іюня.

1-го іюня турки произвели вылазку на кавалерійскій лагерь генерала Шереметьева, переведеннаго за день изъ Самовата на восточную сторону Карса, для дѣйствія противъ укр. Хафисъ. Сознавая опасность, въ которой находился небольшой нашъ отрядецъ, Мацринскій лагерь по тревогѣ двинулся на помощь. Завидя движеніе нашихъ войскъ, турки, въ числѣ 10-ти баталіоновъ, спустились съ Карадага и Араба и правильнымъ боевымъ строемъ двинулись на встрѣчу. Солдаты были неизмѣримо рады, видя намѣреніе непріятеля сразиться съ ними на открытомъ полѣ.

— Стало-быть, и они не трусы, коль сами вышли. Ишь, у нихъ, какъ и у насъ, и цѣпь, и резервы, и антилерія,—порядокъ, значитъ, единственный,—разговаривали они, спѣша къ непріятелю, пока онъ не раздумалъ принять бой, «на чистоту», какъ выражались молодцы.

Скоро, однако, настало непріятное для солдатиковъ разочарованіе: какъ смѣло и быстро перешли турки въ наступленіе, такъ же смѣло и быстро отступили они во свояси, въ виду рѣшительнаго нашего движе-

нія. Войска къ вечеру вернулись обратно въ лагерь, страшно досадуя, что даромъ прогулялись. Отрядъ генерала Шереметьева самъ справился съ врагами, выдержавъ часовой бой молодецки.

Въ этотъ день, въ 12 часовъ, 3-й баталіонъ нашего полка прибылъ изъ Заима, оставивши отрядную хлѣбопекарню на попеченіе Кабардинско-Кумыкскаго иррегулярнаго полка.

2-го іюня, еще съ ранняго утра, Мацринскій лагерь началъ готовиться къ постройкѣ батарей: осадная артиллерія выстроилась впереди лагеря, былъ сдѣланъ разсчетъ рабочихъ и прикрытія, розданы инструменты, мѣшки для носки земли и мѣшочки для обшивки внутреннихъ сторонъ батарей.

Цѣлый день шелъ то — дождь, то — градъ и, къ вечеру, сильный вѣтеръ нагналъ столько тучъ на небо, что на перемѣну погоды нельзя было разсчитывать. Не смотря на это, войска, раздѣленныя, по числу закладываемыхъ батарей, на эшелоны, въ 7 часовъ вечера двинулись къ назначеннымъ пунктамъ. Для указанія мѣста закладки батарей, къ каждому эшелону были приданы по два саперныхъ офицера. За эшелонами слѣдовали осадныя орудія и мортиры съ огнестрѣльными припасами, какъ тѣ, такъ и другія везлись духоборами, на собственныхъ лошадяхъ. Шумъ, говоръ, куреніе табаку, командованіе вслухъ и стрѣльба были строжайше воспрещены. Чтобы не нарваться на непріятеля случайно, эшелоны прикрыли цѣпью, которой вмѣнялось въ обязанность слѣдовать тихо и не терять связи съ эшелонами.

Такъ какъ эшелоны двигались при одинаковыхъ

условіяхъ и вернулись одинаково безрезультатно, то описаніе движенія одного эшелона даетъ полное представленіе объ общей картинѣ этой ночи. Поэтому я опишу движеніе того эшелона, въ которомъ я находился, въ качествѣ командира роты.

Эшелонъ этотъ, состоявшій изъ 2-хъ ротъ Кубанскаго полка и 3-го баталіона нашего, долженъ былъ выстроить самую крайнюю, лѣво-фланговую, батарею, для дѣйствія противъ Карадага. Отдѣлившись, съ сумерками, отъ общей линіи движенія, онъ повернулъ сначала на юго-восточную сторону, а потомъ, черезъ нѣсколько часовъ пути, на югъ. Дождь лилъ все сильнѣе и сильнѣе, ночь становилась темнѣе и темнѣе и, наконецъ, насталъ такой мракъ, что нельзя было видѣть не только слѣдовавшей впереди цѣпи, но и рядомъ шедшихъ людей. Кубанцы и Елисаветпольцы смѣшались между собою; офицеры сгруппировались и молча шли впереди эшелона, двигавшагося не правильнымъ строемъ, а безпорядочною толпой. Духоборы, какимъ-то образомъ, упустили изъ виду эшелонъ и поѣхали по направленію къ Александрополю. Одиночные люди, отдѣлившіеся по какому-либо случаю отъ эшелона на нѣсколько секундъ, не находили своей части и блуждали всю ночь по мрачному полю, никого не слыша, никого не видя.

Было уже около 12-ти часовъ. Раскаты грома потрясали землю. Цѣлыя рѣки дождевой воды шумѣли и ревѣли по овражкамъ и склонамъ горъ, серебристо освѣщаясь послѣ каждаго удара грозы. Закутавшись въ башлыки, тихо, уныло ковылялъ нашъ эшелонъ съ горы на гору, съ оврага въ оврагъ. Подбились

страшно солдатики, сгорбились, тяжело вздыхали и едва-едва волочили ноги, облипавшія липкою грязью.

Но сильна, неисчерпаема мощь русскаго солдата, когда онъ любитъ Царя, родину и сознаетъ чувство долга,—сотни верстъ пройдетъ, не спрашивая: зачѣмъ ведутъ и куда ведутъ.

Вотъ, наконецъ, спустились въ какой-то глубокій оврагъ и, по тихой, едва слышной командѣ: «баталіонъ, стой», эшелонъ остановился. Но задніе ряды не слыхали команды и навалились на передніе; произошла суматоха.

— Куда тебэ прет̃ь, бисова душа! Що, ослипъ!?— гнѣвались черномазые хохлы на товарищей.

— Ишь, темень-то какая, прости Господи: ни зги не видать,—отговаривались задніе ряды.

Обрадовались солдатики, услыхавъ слова баталіоннаго командира, маіора Илькевича: «кажется, здѣсь, пришли».

— Ну, слава Богу, пришли; отдохнуть бы маненько, а то, моченьки нѣтъ,—послышалось въ массѣ.

Эшелонъ повалился на сырую землю, на продолжительный отдыхъ. Вырвались изъ могучихъ грудей солдатъ глубокіе свободные вздохи, какъ это бываетъ обыкновенно послѣ сильнаго утомленія. Въ полной увѣренности, что дальше движенія не будетъ, одни, закутавшись въ шинели, собрались вздремнуть, другіе, проголодавшись, стали грызть сухари, а третьи вооружились трубочками и ожидали позволенія.

— Эхъ, покурить бы теперь, братцы! — говорили любители куренія вслухъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы слышало начальство.

Въ такихъ случаяхъ, разумѣется, отказывать не приходилось, зная, какъ дорога солдату махорочка, въ особенности въ такіе тяжкіе, безутѣшные моменты. Посмотрѣлъ вправо и влѣво маіоръ Илькевичъ и, видя, что мѣсто кругомъ закрытое и опасности нѣтъ, разрѣшилъ молодцамъ, но съ условіемъ, курить подъ шинелями, чтобы огоньковъ не было видно. Вскорѣ клубы махорочнаго дыма, паря надъ эшелономъ, рѣзали некурившимъ глаза.

Спустя нѣкоторое время, саперные офицеры, при свѣтѣ спички, посмотрѣли компасъ, чтобы опредѣлить направленіе для дальнѣйшаго движенія.

— Э-э, братцы, кажись, побредемъ дальше: саперы компацъ глядятъ,—вдругъ заговорили солдатики, бросивъ тревожный взглядъ къ сторонѣ саперныхъ офицеровъ.

Скоро, дѣйствительно, послѣдовала команда: «встать, баталіонъ ружья вольно, шагомъ маршъ» и солдатики покряхтѣли, покашляли, плюнули со злобой и потянулись на крутую каменистую гору. Погода значительно улучшилась: вѣтеръ затихъ, южный небосклонъ обнажился, засіявъ миріадами звѣздъ, дождичекъ накрапывалъ только слегка и непроницаемый мракъ смѣнился тѣмъ полумракомъ, который, обыкновенно, бываетъ въ ясную звѣздную ночь. Поднявшись на гору, эшелонъ остановился снова, чтобы отдохнуть и, кстати, опредѣлить въ какомъ положеніи находился онъ относительно цѣпи и Карса. Время, потраченное на путь, ввело всѣхъ въ недоумѣніе: «не прошли-ли мы Карсъ?»—думалось каждому. Для разъясненія этого

недоразумѣнія, былъ посланъ баталіонный адъютантъ, прапорщикъ Третьяковъ.

Не дождавшись возвращенія адъютанта, мы двинулись дальше. Было уже около двухъ часовъ ночи, когда эшелонъ спустился въ какое-то низменное мѣсто. Не успѣли мы остановиться, какъ въ сторонѣ Карса, въ одной верстѣ отъ насъ, раздались ружейные залпы, перешедшіе потомъ въ учащенный одиночный огонь. Нѣсколько пуль тихо пронеслись надъ эшелономъ. Солдаты остановились и съ робкимъ, напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ доносившимся звукамъ выстрѣловъ.

— Что бы могло это значить? Не попали-ли мы въ западню? — едва слышно спрашивали другъ друга офицеры.

Но недоразумѣніе скоро объяснилось. Со стороны Карса послышался конскій топотъ, становившійся все яснѣе и яснѣе; наконецъ, въ полумракѣ обрисовалась фигура какого-то наѣздника, во весь духъ мчавшагося прямо на эшелонъ.

— Это нашъ, или нѣтъ?! — раздался испуганный голосъ прапорщика Третьякова, остановившагося въ почтительномъ разстояніи отъ эшелона.

— Нашъ! нашъ!—отвѣтилъ маіоръ Илькевичъ.

Прапорщикъ Третьяковъ подъѣхалъ и разсказалъ о своемъ непріятномъ приключеніи.

Оказалось, что онъ, отыскивая нашу цѣпь, неожиданно наѣхалъ на турецкіе аванпосты, которые открыли по немъ стрѣльбу. Нѣсколько человѣкъ верховыхъ, объѣзжая его съ двухъ сторонъ, намѣревались схватить, но добрый конь выручилъ своего хозяина изъ бѣды.

Натыкаясь на камни, бугры и овражки, прапорщикъ Третьяковъ нѣсколько разъ падалъ вмѣстѣ съ конемъ, но судьба была такъ милостива къ нему, что онъ отдѣлался лишь легкими ушибами на рукахъ.

Близость непріятеля, однако, не помѣшала намъ слѣдовать дальше. Эшелонъ перевалилъ еще двѣ-три горки и спустился въ глубокій оврагъ, на противоположномъ берегу котораго обрисовалось нѣсколько человѣческихъ силуэтовъ. Капитанъ Левицкій взялся узнать, что это за люди. Оказалось, что это былъ полковникъ Бульмерингъ (руководящій постройками батарей), съ конвоировавшими его казаками; онъ попалъ на это мѣсто тоже совершенно случайно и стоялъ въ ожиданіи эшелона.

— Поздно, поздно, господа,—обратился онъ къ намъ съ тономъ неудовольствія:—ничего не успѣемъ; идите обратно домой.

Непріятно прозвучали въ ушахъ эти слова, сознавая, что намъ придется еще разъ испить чашу такихъ же трудовъ и лишеній, какъ въ эту ночь; да дѣлать нечего: на то и война, чтобы терпѣть лишенія и расходовать силы.

— Поворачивай оглобли, ребята! — послышались шутливые голоса солдатиковъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, эшелонъ повернулся и зашагалъ въ обратный путь.

Разсвѣтъ засталъ возвращавшіеся эшелоны еще въ сферѣ крѣпостнаго огня, но турки, почему-то, не нашли нужнымъ стрѣлять. Отставшіе солдаты по одиночкѣ прибывали въ лагерь до самаго вечера. По возвращеніи мы узнали, что и прочіе эшелоны вернулись въ лагерь безуспѣшно.

Такимъ образомъ, одновременная закладка не состоялась и, какъ послѣ объяснилось, не могла и состояться даже при благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ на каменистой почвѣ, въ продолженіе ночи, невозможно выстроить батарею, способную выдержать огонь крѣпостной артиллеріи.

Совѣтомъ военно-начальниковъ у Его Высочества, 3-го же іюня, было рѣшено производить закладку батарей постепенно.

Въ этотъ же день, вечеромъ, въ лагерѣ стало извѣстно, что карсскій комендантъ, воспользовавшись отсутствіемъ бдительности въ колоннѣ генерала Геймана, выслалъ 8 баталіоновъ съ приказаніемъ произвести неожиданное нападеніе на Аравартанскій лагерь. Турки, благодаря пересѣченной мѣстности, способствовавшей скрытному движенію, подошли близко, заняли командующія высоты и открыли по лагерю огонь. Послѣ первыхъ же выстрѣловъ, лагерь Геймана сталъ на ноги и пошелъ на встрѣчу непріятелю. Бой былъ жаркій, ожесточенный. Молодецкія атаки Грузинцевъ заставили турокъ отступить. Подоспѣвшая изъ Когалы наша кавалерія, съ генераломъ Чавчавадзе во главѣ, врѣзалась въ поспѣшно отступавшія колонны непріятеля и, оторвавъ два табора (баталіона) боевой линіи, изрубила ихъ до послѣдняго человѣка. Въ этомъ славномъ дѣлѣ отличились Грузинцы и Сѣверцы.

4-го іюня заложили первую параллель и батарея Михаила Николаевича открыла огонь по Арабу. Затѣмъ, послѣдовательно, были воздвигнуты еще 11 батарей. Ближайшія батареи находились въ двухъ верстахъ отъ карсскихъ фортовъ и стрѣляли по городу, направляя

снаряды на магометанскія части города. Батареи были вооружены: дальнія—24-хъ-фунтовыми осадными орудіями, а ближайшія—6-ти-дюймовыми мортирами и полевыми пушками. Въ прикрытіе батарей, ежедневно, поочереди, наряжался одинъ полкъ, который смѣнялся въ сутки разъ, по вечерамъ.

Такимъ образомъ, въ колоннѣ генерала Девеля «траншейная служба» выпадала каждому полку въ четыре дня разъ.

Для изученія подступовъ къ укр. Арабъ и узнанія степени разрушительности нашихъ снарядовъ, 7-го іюня была сформирована охотничья команда въ 400 человѣкъ изъ Кубанцевъ и Елисаветпольцевъ. Начальникомъ команды былъ назначенъ нашего полка поручикъ Джаваховъ, а помощниками послѣднему: подпоручикъ князь Аваловъ, прапорщикъ Бакрадзе и одинъ офицеръ Кубанскаго полка. 8-го іюня, въ 7 часовъ вечера, команда выступила по направленію къ Карсу и, миновавъ наши батареи, боевымъ строемъ поднялась на скалистую гору, откуда наканунѣ слышалось перекликиваніе турецкихъ часовыхъ. Ночь была тихая и звѣздная. На горѣ, по какому-то случаю, никого не оказалось. Охотники были отдѣлены отъ своей цѣли только одною балкой; на противоположномъ берегу балки чернѣлась полоса передняго фаса Араба, а на днѣ, подъ скалою, ютилась единственная палатка, къ которой было привязано нѣсколько лошадей. Больше никого и ничего. Глубокая балка, съ своими обрывистыми, скалистыми берегами и безобразно изрытымъ дномъ, представляла такое страшное, дикое явленіе природы, что рядомъ съ нею укр. Арабъ-табія не

производило ровно никакого впечатлѣнія; казалось, было легче взять Арабъ, нежели рѣшиться сойдти въ эту балку. Однако, наши охотники не остановились передъ такою опасностью; сохраняя строгую тишину и порядокъ, они осторожно спустились внизъ и, окруживъ убогую палатку, стали отвязывать лошадей. Но вдругъ, въ палаткѣ раздались выстрѣлы и сотни пуль завизжали и засвистали во всѣ стороны. Охотники не потерялись; набросившись на дерзкихъ жильцовъ, они стали ихъ колоть и бить прикладами. Въ это время, въ темной дали, показалась кавалерійская масса, вихремъ мчавшаяся къ сторонѣ палатки. Охотники сдѣлали по ней нѣсколько залповъ, но, видя, что масса не останавливается, поспѣшно отступили къ тѣмъ камнямъ и скаламъ, которыя передъ тѣмъ выглядывали такъ непривѣтливо и внушали страхъ. Турецкая кавалерія, не имѣя возможности преслѣдовать, провожала охотниковъ бойкимъ огнемъ. Карадагъ, Арабъ и Мухлисъ зажглись, стрѣляя на обумъ въ воображаемаго непріятеля. Такой неожиданный грохотъ среди ночи не могъ не обратить на себя вниманія: Мацринскій лагерь проснулся и долго любовался прекраснымъ фейерверкомъ.

Отойдя около версты, команда остановилась. Офицеры начали повѣрять людей, причемъ, къ общему удивленію и сожалѣнію, не оказалось на лицо подпоручика князя Авалова.

— Что дѣлать, господа? — безпокойно обратился поручикъ Джаваховъ къ офицерамъ.

— Какъ что? — отвѣтилъ прапорщикъ Бакрадзе, — пойдемъ впередъ и попытаемся найдти его, вотъ и все.

Такъ и поступили. Развернувшись въ боевой порядокъ, команда опять пошла впередъ; но не успѣла отойдти нѣсколько сотъ шаговъ, какъ впереди, въ тишинѣ ночи, раздался пронзительный голосъ князя Авалова:

— Ахъ, вы подлечи! Мошенники, то-囧штъ! Бросили меня, а еще товарищи, то-ештъ!...

Офицеры невольно разразились хохотомъ.

— Да, вамъ «хахеньки», а я, то-ештъ, чуть въ плѣнъ не попалъ. Подлечи!

Разгнѣвался князь Аваловъ не въ шутку, всю дорогу ворчалъ, всячески бранился и никакъ не могъ успокоиться. На вопросъ товарищей, гдѣ былъ и что случилось, онъ отвѣчалъ бранью и выходилъ изъ себя. Только на другой день онъ могъ разсказать о случившемся. Оказалось, старческія силы измѣнили ему: онъ не могъ преодолѣть крутаго подъема и, нагоняемый спѣшившимися кавалеристами, спрятался въ трещинѣ скалы. Десятки баши-бузуковъ, съ оружіемъ въ рукахъ, прошли передъ самымъ носомъ князя, но темнота ночи скрыла его отъ неминуемой гибели. Когда кавалеристы, проводивъ охотниковъ, вернулись обратно въ балку, князь Аваловъ вышелъ изъ трещины и стремглавъ понесся въ нашу сторону.

* * *

Пока мы копошились подъ Карсомъ, стараясь осадой принудить карсскій гарнизонъ къ сдачѣ, силы Мухтара-паши за Саганлугомъ росли съ неимовѣрной быстротой, а господство наше на театрѣ войны, вмѣстѣ съ тѣмъ, становилось, съ каждымъ днемъ, все сомни-

тельнѣе. Скоро въ лагерѣ стало извѣстно, что турецкій главнокомандующій, покончивъ формированіе своей арміи, намѣревается часть войскъ оставить на Зевинской позиціи противъ непріятеля, блокировавшаго Карсъ, а съ остальными—обрушиться на отрядъ генерала Тергукасова, дѣйствовавшаго со стороны Эривани и выдвинувшагося, послѣ ряда побѣдъ, далеко впередъ. Такое положеніе дѣла не могло не измѣнить первоначальнаго плана дѣйствій. Судьба Эриванскаго отряда стала сильно безпокоить всѣхъ. Поэтому, рѣшено было, осаду Карса предоставить Мацринскому лагерю, а колонну генерала Геймана, усиливъ нѣкоторыми частями, двинуть за Саганлугъ; движеніе это имѣло цѣлью помѣшать муширу привести свое намѣреніе въ исполненіе, оттянувъ его войска къ Саганлугу. 8-е число іюня прошло въ приготовленіяхъ, а 9-го, чуть-свѣтъ, колонна выступила подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира, генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова.

Тѣмъ временемъ, Мацринскій лагерь увеличилъ число батарей, подвинулъ ихъ впередъ до двухъ верстъ и бомбардировалъ сѣверные верки крѣпости. Съ отходомъ колонны Геймана, намъ пришлось вести неравную борьбу съ непріятелемъ, превосходившимъ насъ численностью слишкомъ на 7 баталіоновъ и дѣйствовавшимъ подъ покровительствомъ сильной крѣпостной артиллеріи. Если къ этому прибавить и то, что, кромѣ осады, мы были обязаны удержать карсскій гарнизонъ отъ движенія въ тылъ колоннѣ ген. Геймана, то можно себѣ представить, какъ трудна была задача Мацринскаго лагеря. Дѣйствовать наступательно противъ такой крѣ-

пости, какъ Карсъ, съ 23-мя баталіонами гарнизона, было болѣе чѣмъ дерзко съ нашей стороны.

Сознаніе, что силы Мацринскаго отряда слишкомъ недостаточны для такого дѣйствія, таилось въ душѣ каждаго офицера, каждаго солдата; но бояться и говорить объ этомъ не приходилось: русскій солдатъ не привыкъ считать враговъ.

— Насъ мало, но мы—славяне!—частенько говаривали офицеры между собою, шутя.

И говорили, и были таковыми. Мацринскій лагерь, не смотря на свою малочисленность, блистательно выполнилъ свою задачу: изъ Карса не вышелъ къ Саганлугу ни одинъ человѣкъ, бомбардированіе велось энергично и съ успѣхомъ, а вылазки отбивались на столько молодецки, что, въ послѣднее время, турки боялись выйти изъ предѣловъ крѣпости.

Посмотримъ теперь, какъ жилось нашимъ въ траншеяхъ.

Какъ я уже писалъ выше, каждому полку доставалось сторожить батареи въ четыре дня разъ, заступая по вечерамъ, т. е. въ такое время, когда непріятельскій огонь не могъ мѣшать движенію смѣнявшихся частей. Очередной полкъ, согласно приказа по лагерю, обыкновенно выступалъ въ 8 часовъ вечера, слѣдуя до первой параллели въ совокупности, а отсюда—по-баталіонно, къ заблаговременно извѣстнымъ мѣстамъ, поступая въ распоряженіе полковника, графа Граббе.

Кстати, скажу нѣсколько словъ о полковникѣ Граббе, какъ о человѣкѣ и товарищѣ по траншейной службѣ.

Полковникъ гр. Граббе, убитый 6-го ноября, при штурмѣ Карса, былъ личность въ высшей степени свѣтлая,

человѣкъ добродушный, прямой и преданный Царю и Отечеству до глубины души. До послѣдней войны онъ былъ въ отставкѣ и, какъ самъ разсказывалъ намъ въ траншеяхъ, въ аду крѣпостнаго огня, жилъ въ своемъ богатомъ имѣніи вольготно и счастливо; но когда раздался первый громъ войны, онъ, покинувъ семейный очагъ, вступилъ снова въ ряды Отечественной арміи.

— Я страдалъ, я чувствовалъ какой-то душевный гнётъ, видя, что мои товарищи идутъ на войну, а я сижу дома тихо и мирно,—говорилъ намъ полковникъ гр. Граббе.

Своимъ мягкимъ, человѣчнымъ обращеніемъ съ поступавшими подъ его начальство войсками, полковникъ Граббе пріобрѣлъ общее уваженіе и любовь. Всякій съ особеннымъ удовольствіемъ созерцалъ его личность, всякій съ рвеніемъ исполнялъ его приказаніе, какъ дѣльнаго начальника и, главнымъ образомъ, какъ человѣка, къ которому всѣ какъ-то невольно благоговѣли. Кромѣ того, полковникъ гр. Граббе нравился офицерамъ еще и потому, что онъ, по своему характеру и нраву, былъ чисто-кавказскій офицеръ. Живя безотлучно на батареяхъ, онъ, какъ постоянный жилецъ, въ большомъ прочномъ блиндажѣ имѣлъ постель, походный столикъ, вино и закуски всѣхъ видовъ и сортовъ. Приходившихъ на смѣну офицеровъ вѣжливо привѣтствовалъ, дѣлалъ указанія по службѣ по товарищески, и когда части успокоивались, занявъ свои мѣста, приглашалъ ихъ къ себѣ (ближайшихъ къ блиндажу) закусить, а иногда и самъ гостилъ у нихъ. Не

знаю, такъ-ли принималъ онъ офицеровъ другихъ частей, но насъ всегда встрѣчалъ съ словами:

— Съ вами, господа Геллявердынцы, я всегда спокоенъ. «Аллахъ верды» *), господа!

При этомъ, онъ выпивалъ стаканъ краснаго кахетинскаго вина, и единственный стаканъ переходилъ изъ рукъ въ руки, опоражниваясь послѣ словъ: «яхшiолъ» **), Михаилъ Павловичъ!»

Вѣчная память тебѣ, доблестный соратникъ и незабвенный товарищъ, графъ Михаилъ Павловичъ Граббе!

Мѣстность подъ батареями была совершенно безводная, кромѣ далекаго праваго фланга, омываемаго Карсъчаемъ. Поэтому, прикрывающiя части съ первыхъ же дней стали ощущать недостатокъ въ водѣ и испытывать страшныя мученiя отъ жажды; при этомъ еще, какъ на грѣхъ, дни установились невыносимо жаркiе; отъ палящихъ лучей iюньскаго солнца просто не знали куда дѣваться. Случаи заболѣванiя отъ солнечнаго удара были не рѣдки. Всѣ считали за особенное счастье попасть на правый флангъ, не смотря на то, что здѣсь турки, отдѣленные глубокимъ карсъ-чайскимъ оврагомъ, смѣло подходили къ послѣднему и безпрестанно безпокоили фланговымъ огнемъ. Частямъ лѣваго фланга приходилось ходить за водой слишкомъ 3 версты къ Карсъ-чаю, черезъ линiю батарей подъ крѣпостнымъ огнемъ, причинявшимъ не мало потерь.

---

*) Турецкое—«Богъ далъ»; это выраженiе употребляется грузинами за общимъ столомъ, въ смыслѣ пожеланiя всего хорошаго.

**) Турецкое—«и вамъ»; при этомъ отвѣтѣ, по обычаю, принято чокаться стаканами.

Для устраненія этого неудобства и вообще для предохраненія частей отъ напрасныхъ потерь, по распоряженію полковника, гр. Граббе, впереди мортирныхъ батарей была построена общая траншея, идущая непрерывно отъ лѣваго до праваго фланга. Траншея эта была разсчитана такимъ образомъ, чтобы она скрывала отъ взоровъ непріятеля не только команды, слѣдовавшія за водой, но и прикрывающія части, которыя болѣе не представляли изъ себя такой выдающейся цѣли, какъ прежде, на открытомъ мѣстѣ. Кромѣ того, она имѣла значеніе оборонительнаго укрѣпленія, въ случаѣ попытки турокъ броситься на наши осадныя батареи.

Довольствіе людей въ эти сутки заключалось въ фунтѣ отвареннаго мяса и сухаряхъ, или хлѣбѣ. Догадливые и состоятельные солдаты имѣли съ собою запасъ водки и дровецъ для завариванія чаю, который доставлялъ имъ удовольствіе и подъ крѣпостнымъ огнемъ. Огни разводились для этого, разумѣется, въ закрытыхъ мѣстахъ, или траншеѣ, которая завѣшивалась предварительно шинелями съ непріятельской стороны и сверху.

Сторожевая служба неслась очень строго: никому не разрѣшалось спать, кромѣ артиллеристовъ, которые, вслѣдствіе своихъ дневныхъ трудовъ, только и заслуживали эту привиллегію. Посты выставлялись на полверсты впередъ отъ послѣдней линіи батарей. Заставы и главные караулы могли лежать, но не снимая ранцевъ и не составляя ружей въ козлы. Такъ какъ турецкіе аванпосты находились очень близко отъ нашихъ, то патрулямъ, высылаемымъ почти ежечасно, строжайше

запрещалось говорить пропускъ вслухъ,—для этого заблаговременно объявлялся условный знакъ, въ родѣ свиста, удара по прикладу и пр. Отъ сторожевой части высылались небольшія команды охотниковъ, которые безпрестанно тревожили турокъ, стараясь захватывать ихъ часовыхъ. Доставалось, конечно, и нашимъ аванпостамъ. Однажды, намъ пришлось всю ночь цѣлымъ полкомъ отгрызаться отъ турецкихъ охотничьихъ командъ. Иногда и наши артиллеристы посылали охотничьи снаряды, чтобы учинить въ бомбардируемыхъ фортахъ неожиданный переполохъ. Направивъ, съ сумерками, орудія нѣсколькихъ батарей въ одинъ пунктъ, артиллеристы, въ часъ или два ночи, когда, по ихъ разсчету, турки спали беззаботно около орудій, открывали залповую стрѣльбу. О таковой стрѣльбѣ войска предупреждались заблаговременно, чтобы не учинить переполоха у себя. Но скоро турки сами стали посылать такіе же несвоевременные сюрпризы, и, помню, однажды зѣло досталось нашимъ молодцамъ на 8-й батареѣ.

Такъ какъ огонь нашей артиллеріи производилъ слабое дѣйствіе вслѣдствіе отдаленности осадной линіи отъ крѣпостныхъ верковъ, то мы начали заднія батареи подвигать впередъ и увеличивать ихъ число.

Замѣтивъ это, турки, какъ бы желая помѣшать нашимъ работамъ, 10-го іюня сдѣлали большую вылазку на лѣвый флангъ осадной линіи. 3-й и 4-й баталіоны нашего полка и 2-я и 3-я бат. 39 арт. бригады, занявъ высоты лѣвѣе осадной линіи, приготовились къ встрѣчѣ. Мацринскій лагерь, по тревогѣ, двинулся на помощь. Черезъ часъ, Тверской драгун-

скій и Владикавказскій казачій полки понеслись въ атаку. Но, не обращая вниманія на нашу кавалерію, отражаемую залповымъ огнемъ, турецкіе баталіоны двигались прямо, быстро и смѣло; ни ружейный огонь, ни гранаты, вырывавшія десятки людей изъ ихъ колоннъ,—ни что не могло ихъ остановить; они подошли на 400 шаговъ и готовы были уже обрушиться на наши батареи, какъ въ это время Бакинцы вступили въ сферу ружейнаго огня и сразу пошли въ атаку; скоро грянуло потрясающее «ура» Бакинцевъ. А «ура» для турокъ—острый ножъ; повернули они назадъ и безпорядочной толпой ринулись на укр. Карадагъ, усѣявъ поле сотнями труповъ. Понатѣшилась вдоволь надъ ними наша кавалерія, преслѣдовавшая вплоть до самаго Карадага. Это была послѣдняя вылазка.

11-го іюня турки взорвали у насъ одну батарею (кажется, шестую), причемъ убито до восьми человѣкъ нижнихъ чиновъ, повреждены двѣ мортиры. Несчастье это случилось такимъ образомъ: граната, пущенная изъ Карадага, пробила недоконченный брустверъ и взорвала боченокъ съ порохомъ, находившійся въ нишѣ. Картина была ужасная: четыре мортиры повалились на бокъ, придавивъ своей тяжестью пять человѣкъ прислуги, а, взрытый до основанія, брустверъ завалилъ и засыпалъ остальную часть прислуги, съ командиромъ батареи, такъ что нашимъ солдатамъ пришлось три часа слишкомъ откапывать мортиры и артиллеристовъ, издававшихъ раздирающій душу крикъ.

За то, въ слѣдующій день, наши артиллеристы учинили такой взрывъ, что Арабъ молчалъ цѣлые сутки. Трудно сказать, что именно было взорвано, пороховой

погребъ или, какъ у насъ, только боченокъ, но судя по величинѣ дыма, застлавшаго все укрѣпленіе, взорвано большое количество пороху. Послѣ взрыва, гарнизонъ Араба поспѣшно вышелъ изъ укрѣпленій и, поставивъ 10 полевыхъ орудій на косогорѣ, надъ карсъчайскимъ оврагомъ, сталъ, съ какимъ-то остервенѣніемъ, обстрѣливать наши батареи.

Въ этотъ день, я, съ ротой, занималъ караулъ у ставки Его Высочества.

Взрывъ на Арабѣ произошелъ въ то время, когда Его Высочество разсматривалъ въ телескопъ сѣверные верки Карса, слѣдя за паденіемъ нашихъ снарядовъ.

— Квитъ! — радостно вскрикнулъ Великій Князь, увидя большой столбъ дыма надъ Арабомъ.

Онъ позвалъ къ себѣ Августѣйшаго Сына и приказалъ Ему немедленно узнать, которая батарея взорвала Арабъ.

Его Высочество Николай Михаиловичъ, въ сопровожденіи шести человѣкъ казаковъ, поскакалъ на батареи, но какой-то казакъ доложилъ раньше, что взрывъ произведенъ мортирнымъ снарядомъ батареи Николая Михаиловича.

Видя, что осадой принудить карсскій гарнизонъ къ сдачѣ трудно, рѣшено было взять Карсъ приступомъ, ночью, съ 13-го на 14-е іюня. Въ роты были выданы лѣстницы и другіе штурмовые снаряды. Въ 10 часовъ утра, 12-го іюня, всѣ начальники частей, отъ командировъ полковъ до ротныхъ, собрались въ палаткѣ генерала Девеля, для полученія обстоятельнаго указанія къ предстоявшему штурму. Развернувъ большой планъ крѣпости, онъ слишкомъ два часа разска-

зывалъ и показывалъ на планѣ, кому куда идти и что дѣлать; длинный разсказъ свой онъ заключилъ словами:

— Господа! уничтожатъ первую линію,—вторая впередъ, уничтожатъ вторую—третья впередъ, а Карсъ должны взять во что бы то ни стало. Идите, господа, и приготовьтесь. Дай Богъ обняться съ вами въ нѣдрахъ Карса!

Непріятно, зловѣще отдались эти слова въ сердцахъ ротныхъ командировъ—непосредственныхъ предводителей солдатъ; тяжелая грусть отпечаталась на поблѣднѣвшихъ ихъ лицахъ; глубоко задумались они передъ роковыми словами: «Уничтожатъ первую—вторая впередъ, уничтожатъ вторую—третья впередъ...» —Значитъ, шабашъ! — какъ-то невольно наворачивались на языкъ эти слова.

«Шабашъ или нѣтъ, а иди, братъ, куда долгъ велитъ и безъ разсужденія неси свой крестъ»,—думалось каждому въ то же время. Такъ, разумѣется, и вышло. Затаивъ въ душѣ чувство опасенія, всѣ приготовились съ достоинствомъ встрѣтить смерть подъ стѣнами Карса.

Но не суждено было осуществиться паденію Карса такъ рано. На другой день, т. е. 13-го іюня, въ лагерѣ пролетѣла печальная вѣсть о неудачѣ, постигшей колонну ген. Геймана за Саганлугомъ. Штурмовые снаряды были сожжены, а штурмъ отмѣненъ.

Съ этого времени, по день снятія осады, батарей мы болѣе не строили, а занимались устройствомъ блиндажей, траверсовъ, пороховыхъ погребовъ и исправленіемъ поврежденій.

Зивинскій погромъ далъ туркамъ возможность дѣй-

ствовать смѣлѣе: они выдвинули нѣсколько батарей впередъ, а одну, вооруженную четырьмя полевыми орудіями, заложили на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, для дѣйствія фланговымъ огнемъ; послѣдняя причиняла намъ столько вреда, что пришлось ее взять открытой силой.

Для атаки была сформирована охотничья команда изъ артиллеристовъ, а въ помощь имъ назначены: рота Дербентскаго пѣхотнаго и сотня Владикавказскаго казачьяго полковъ. Атаку рѣшили произвести 12-го іюня, въ 2 часа пополудни, такъ какъ раньше было замѣчено, что въ это время турки отдыхали и батарея безмолствовала.

Пользуясь характеромъ мѣстности, способствовавшей скрытному движенію, охотники незамѣтно подошли къ батареѣ, вырѣзали гарнизонъ, вынули замки изъ орудій, взорвали брустверъ динамитными патронами и отступили, потерявши убитыми и ранеными до 30-ти человѣкъ, большая часть которыхъ пришлась на долю артиллеристовъ. Въ моментъ атаки, наши батареи открыли сильную канонаду по всѣмъ видимымъ фортамъ. Разгромъ турецкой батареи былъ совершенъ такъ неожиданно и быстро, что турки не успѣли подать помощи.

За этотъ подвигъ, артиллеристы наши удостоились особаго милостиваго вниманія Его Высочества и храбрѣйшіе изъ нихъ награждены знаками отличія Военнаго ордена.

Въ лагерѣ ходилъ слухъ, будто бы, во время отступленія охотниковъ, одинъ изъ братьевъ милосердія (фамиліи не помню), ведя раненаго артиллериста, отсталъ отъ команды и былъ взятъ въ плѣнъ баши-бу-

зуками. По просьбѣ его родной сестры, бывшей въ отрядѣ въ качествѣ сестры милосердія, корпусный командиръ списался съ турецкимъ главнокомандующимъ, предложивъ ему помѣняться плѣнными, но получилъ отвѣтъ, что брата милосердія въ числѣ плѣнныхъ нѣтъ.

Полагая, что братъ милосердія палъ жертвой хищничества дикихъ баши-бузуковъ, въ отрядѣ всѣ были сильно возмущены.

Въ день взятія фланговой турецкой батареи, осадную линію прикрывалъ нашъ полкъ. Отъ нечего дѣлать, съ ранняго утра, я пошелъ на правый флангъ, побесѣдовать и посидѣть съ товарищами. Турецкая батарея такъ свирѣпствовала, пуская гранату за гранатой, что я былъ не радъ своему путешествію. Офицеры, сидя въ траншеѣ по два, по три человѣка, одни—пили чай, другіе—разговаривали, а третьи—еще спали. Я пристроился къ распивавшимъ чай. Послѣ обыденнаго привѣтствія и неизбѣжнаго вопроса: «какъ тамъ у васъ, на лѣвомъ флангѣ?»,—мнѣ дали мѣсто и стаканъ чаю.

— Не высоко солнце, а жарко у насъ; не правда-ли?—обратился ко мнѣ прапорщикъ Бакрадзе, намекая на жару отъ близости турецкой батареи.

И пошелъ у насъ разговоръ на эту тему. Зная про замыселъ артиллеристовъ, офицеры называли неистовство турецкой батареи «предсмертной агоніей, послѣднимъ вздохомъ умирающаго».

Послѣдній-ли былъ вздохъ, или нѣтъ, а отъ этого вздоха становилось такъ жутко, что не было возможности лежать въ траншеѣ. Видя безцѣльность стрѣльбы въ хорошо замаскированную непріятельскую батарею,

наши артиллеристы прекратили стрѣльбу. Тогда турки сосредоточили весь огонь на нашей траншеѣ. Осколки сыпались такъ щедро, что солдаты предпочли лучше лежать на открытомъ мѣстѣ въ разсыпную, нежели въ совокупности въ укрѣпленіи, и потому разбрелись по полю.

Недалеко отъ насъ лежалъ, на разостланной буркѣ, капитанъ Састисовскій; долго крѣпился старый, закаленный въ бояхъ кавказецъ, не обращая вниманія на свиставшіе и визжавшіе надъ нимъ осколки гранатъ, но и онъ, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія. Выйдя изъ траншеи, скорыми шагами направился онъ къ ближайшей батареѣ, чтобы заставить артиллеристовъ возобновить стрѣльбу и тѣмъ облегчить положеніе нашихъ солдатиковъ.

Воспользовавшись отсутствіемъ ротнаго командира, одинъ изъ взводныхъ унтеръ-офицеровъ перешелъ на его мѣсто, развалился на буркѣ, выпилъ стаканъ командирской водки и, благодушно вздохнувъ, самодовольно опустилъ голову на мягкую подушку отъ азіятскаго сѣлла. Въ это время, въ воздухѣ раздался трескъ и огромный осколокъ размозжилъ унтеръ-офицеру голову, усыпивъ его вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ.

Увидя такую картину, капитанъ Састисовскій съ сожалѣніемъ покачалъ головой, перекрестился и съ усмѣшкой произнесъ:

— Не лѣзь, галунъ, куда не просятъ!

20-го іюня, Мухтаръ-паша съ своей арміей спустился съ Саганлуга и вошелъ въ сношеніе съ карскимъ гарнизономъ.

Съ 20-го іюня начали перевозить склады провіантскаго и артиллерійскаго довольствій изъ Мацра въ деревню Курюкъ-Дара на интендантскихъ транспортахъ и обывательскихъ арбахъ. Особенно трудную задачу представляло снятіе осады и увозка орудій. Для того, чтобы турки не заподозрили насъ въ этомъ и не помѣшали, наканунѣ, 25-го числа, приказано было стрѣлять изъ всѣхъ батарей, направляя выстрѣлы на карадахскія укрѣпленія. Съ наступленіемъ темноты, для увозки орудій на осадную линію, привели лошадей, а для снарядовъ — фургоны. Къ разсвѣту осадная линія была пуста, и нашему полку пришлось прикрывать, въ слѣдующій день, однѣ лишь земляныя насыпи. А такъ-какъ безъ артиллеріи нельзя было оставаться, то утромъ, про всякій случай, прислали къ намъ взводъ нашей батареи (полковника Мусхелова), который остановился у дальней параллели.

За нѣсколько дней передъ этимъ, я сдалъ роту поручику Левицкому, какъ старшему, и опять вступилъ въ исправленіе должности адъютанта 4-го баталіона, которымъ завѣдывалъ капитанъ Чердилери.

4-й баталіонъ лежалъ на самомъ лѣвомъ флангѣ осадной линіи, около 13-й батареи, частью въ общей траншеѣ, частью—за порожними батареями. Офицеры заняли блиндированныя помѣщенія. Въ блиндажѣ 13-й батареи поселились вмѣстѣ: капитанъ Чердилери, подпоручикъ Черковъ (командующій 14-й ротой) и я.

Турки, по обыкновенію, открыли съ ранняго утра сильную канонаду, но, видя холодное пренебреженіе нашихъ батарей къ ихъ огню, къ полудню они умѣрили

стрѣльбу, пуская гранаты и бомбы «черезъ часъ по ложечкѣ»,—какъ выражались солдаты.

Вслѣдствіе-ли того, что на осадной линіи царствовала непривычная тишина, или подъ давленіемъ чувства сознанія превосходства противника надъ собою, но въ этотъ день насъ обуяла какая-то томительно-непонятная тоска. Офицеры, забившись въ блиндажи, лежали въ полудремотѣ, стараясь провести во снѣ докучливый денекъ, а солдаты, пуская тонкія струи махорки, сидѣли молча подъ навѣсами изъ шинелей и только изрѣдка перекидывались словами, высказывая умозаключенія о новомъ, грустномъ событіи на театрѣ войны.

— А что, Иванъ Поликарпычъ, кажись, малость не подвезло нашимъ? — спросилъ какой-то молодецъ своего взводнаго.

— Чаго не подвезло,—отвѣтилъ взводный утѣшительно,—развѣ у нашего Батюшки-Царя солдатъ мало: пришлетъ, ну, и опять, значитъ, впередъ.

День стоялъ тихій, жаркій и удушливый. Миріады насѣкомыхъ роились въ воздухѣ, жужжали и кусались такъ сильно, что блиндажъ, въ которомъ жило мое общество, пришлось закрыть шинелью; но въ немъ стало темно, сыро и душно до такой степени, что скоро опять открыли и предпочли лучше отдать себя на истязаніе надоѣдливымъ насѣкомымъ. Въ такомъ мучительномъ положеніи мы находились до трехъ часовъ пополудни. Въ 3 часа жара спала, съ востока повѣялъ тихій перелетный вѣтерокъ; исчезли и насѣкомыя. Скоро послышались всхрапыванія глубокаго, сладкаго сна.

Но вдругъ, съ задней параллели раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, четвертый и т. д.

— Турка! турка!—испуганно кричали сторожевые пикеты и нѣсколько человѣкъ стремглавъ бѣжали, чтобы поднять на ноги спящіе резервы.

Но резервы были на ногахъ еще послѣ перваго выстрѣла и стояли въ ожиданіи непріятеля. Турецкія колонны дошли до нашихъ сторожевыхъ пикетовъ, пустили нѣсколько пуль и отступили на укрѣпленіе Арабъ; какъ видно, онѣ вышли только съ цѣлью узнать причину бездѣятельности нашихъ батарей.

Войска разошлись по своимъ мѣстамъ и устроились въ прежнемъ порядкѣ. Но возобновить сна, при всемъ желаніи, не могли, и до самаго вечера зѣвали, курили и лѣниво тарабарничали. Капитанъ Чердилери повернулся лицомъ къ стѣнѣ, закрылъ голову башлыкомъ и задумалъ спать. Я и подпоручикъ Черковъ начали о чемъ-то говорить, но разговоръ не вязался, стали пѣть романсъ: «Не искушай меня безъ нужды»,—не ладилось.

— Адъютантъ! — проговорилъ, спустя нѣкоторое время, капитанъ Чердилери, — поѣзжайте на правый флангъ за Кіазо Бакрадзе; съ нимъ будетъ намъ веселѣе: онъ позабавитъ насъ анекдотами.

Прапорщикъ Бакрадзе дѣйствительно былъ хорошій анекдотистъ; отлично владѣя русскимъ, грузинскимъ, армянскимъ, турецкимъ и, отчасти, италіянскимъ языками, онъ зналъ множество анекдотовъ изъ быта поименованныхъ народовъ и разсказывалъ ихъ мастерски.

Я поѣхалъ. Прапорщикъ Бакрадзе, въ числѣ нѣсколькихъ офицеровъ, лежалъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ унтеръ-офицеръ 11-й роты, вмѣсто капитана Састисовскаго. Такъ какъ у него болѣла нога,

то пришлось ему уступить свою лошадь, такъ что онъ ѣхалъ, а я рядомъ съ нимъ шелъ пѣшкомъ. Когда мы прошли полпути, на Арабѣ раздался выстрѣлъ и огромная граната съ трескомъ провизжала надъ нашими головами такъ близко, что Бакрадзе упалъ съ лошади на больную ногу, поднявъ неистовый ревъ, а я одновременно прыгнулъ въ траншею, вдоль которой мы слѣдовали. Скоро мой спутникъ успокоился и мы пошли дальше. Бакрадзе заключилъ, что граната была пущена именно въ него и что его приняли за важнаго начальника, воодушевлявшаго и ободрявшаго войска. Съ этимъ, пожалуй, можно согласиться, такъ-какъ батареи отсюда находились очень далеко, а по траншеѣ, представлявшей слишкомъ малую цѣль, изъ Араба никогда не стрѣляли. Пріѣзду Бакрадзе мое общество очень обрадовалось, но усилившеюся болью ноги анекдотистъ былъ лишенъ способности говорить; онъ растянулся въ блиндажѣ и все время только кряхтѣлъ, еще болѣе раздражая и безъ того не веселое наше настроеніе.

Насталъ вечеръ. На дворѣ установилось то пріятное состояніе вечерняго воздуха, которое бываетъ послѣ невыносимо жаркихъ, удушливыхъ іюньскихъ дней. Турецкіе форты упорно молчали. Солдатики, выйдя изъ подъ шинельныхъ навѣсовъ, разбрелись по полю, попарно, по три; одни разговаривали, другіе разсматривали форты, третьи, лежа на спинахъ, глядѣли въ небо, курили махорку и отплевывались, а четвертые рвали на портянки мѣшочки, которыми были обиты внутреннія стороны батареи. Я и подпоручикъ Черковъ, покинувъ тѣсный блиндажъ, вышли подышать свѣжимъ воздухомъ.

— А знаешь что,—обратился ко мнѣ подпоручикъ Черковъ, спустя нѣкоторое время: — давай, устроимъ развлеченіе для нашей публики.

— Какимъ это образомъ?

— Да очень просто: возьмемъ порожніе пороховые боченки и положимъ ихъ на амбразуры открытой стороной впередъ; турки примутъ ихъ за орудія и откроютъ стрѣльбу. Вотъ и развлеченіе.

— А откроютъ-ли? Вѣдь они знаютъ, что батареи наши пусты.

— Попытка—не пытка; можетъ быть и не знаютъ.

— Но попыткѣ можетъ послѣдовать пытка, — отвѣтилъ я, совѣтуя не рисковать, такъ какъ солдаты представляли открытую цѣль.

Но Черковъ не согласился со мною. 13-я батарея была вооружена пороховыми боченками и шутка удалась какъ нельзя быть лучше: турки со всѣхъ фортовъ открыли огонь по нашей батареѣ. Какъ мы, такъ и солдаты, безпечно разгуливавшіе по полю, стремглавъ бросились въ укрѣпленія. Одна бомба разорвалась около нашего блиндажа и потрясла его такъ сильно, что чуть-чуть онъ не обвалился. Капитанъ Чердилери, не зная въ чемъ дѣло, бранилъ турокъ и удивлялся непріятной причудѣ. Однако, какъ мы ни торжествовали въ виду успѣха, а сердечко заёкало: еще одинъ случай такого же паденія бомбы—и блиндажъ могъ придавить насъ. Мы порѣшили снять боченки.

— Что посѣялъ, то и жни, — проговорилъ съ усмѣшкой Черковъ, выползая изъ блиндажа.

Я побѣжалъ на ближнюю половину батареи, а

Черковъ—на дальнюю. Скоро батарея была разоружена и турки стали стрѣлять рѣже, т. е. также «черезъ часъ по ложкѣ», какъ и въ полдень.

Тихій, прохладный вечеръ смѣнился темною, бурною ночью: завылъ вѣтеръ, заволокло небо свинцовыми тучами и полилъ проливной дождь съ градомъ. Баталіоны стянулись на своихъ участкахъ въ сомкнутыя колонны и молча стояли въ ожиданіи смѣны. Вой бури дополнялся страшными раскатами грома, поминутно освѣщавшаго сѣрыя полосы колоннъ и окрестности. Въ непроницаемой темнотѣ, то и дѣло раздавались голоса офицеровъ и солдатъ, случайно оторвавшихся отъ своихъ частей.

— Эй, ребята, гдѣ 14-я рота?! Гдѣ 4-й баталіонъ?!...

Настала уже полночь. О смѣнѣ ни слуху. Погода все неистовствовала. Солдатики стояли тихо, мирно и безропотно подчинялись постигшей ихъ горькой участи; ни прилечь, ни присѣсть, ни покурить,—положеніе было, по истинѣ, плачевное. Въ особенности жутко чувствовалось солдатикамъ безъ махорочки, которая, какъ и благодатныя спички Ведерникова, отсырѣла и не доставляла болѣе удовольствія. Подпоручикъ Черковъ, прапорщикъ Сосновскій и я, чтобы не мокнуть въ водѣ, еще послѣ перваго дождя сѣли на коней и, завернувшись плотно въ бурки, находились въ такомъ же томительномъ ожиданіи смѣны, какъ и солдаты; но видя, что смѣна не приходитъ, а утомленіе наше все возрастаетъ, мы порѣшили прибѣгнуть къ защитѣ знакомаго намъ блиндажа; послѣдній былъ засыпанъ снаружи землею при разборѣ солдатами мѣшочковъ.

Передавъ лошадей барабанщикамъ, мы приступили къ расчисткѣ, разбрасывая землю руками. Скоро блиндажъ былъ готовъ и мы расположились въ немъ спать. На разсвѣтѣ меня разбудилъ какой-то солдатъ, который, заглянувъ въ блиндажъ, громко проговорилъ:

— Тута очинно хорошо: тута, братцы, дождь-то не возьметъ!

Дорожа спокойствіемъ товарищей, я приказалъ незнакомцу убраться.

— Кто тута?—спросилъ незнакомецъ.

Я прикрикнулъ.

— Виноватъ, ваше благородіе!—проговорилъ незнакомецъ и попятился назадъ.

Полная тишина въ блиндажѣ дала мнѣ знать, что сожители мои не были потревожены случившимся безпорядкомъ и еще крѣпко спали. Я же, какъ не старался, возвратить себѣ сна не могъ, соскучился и сталъ будить товарищей.

— Павелъ Платоновичъ! — крикнулъ я изъ-подъ бурки.

Отвѣта не послѣдовало.

— Петръ Адамовичъ, вы спите?!—обратился къ другому сожителю.

Опять молчаніе.

— Эй, вы, народы! Проснитесь, чортъ возьми! — сталъ я кричать еще громче.

Но отвѣта нѣтъ, какъ нѣтъ. Меня взяло подозрѣніе; я развернулъ бурку, взглянулъ на Божій свѣтъ и что же увидѣлъ: на дворѣ было совершенно свѣтло, а въ блиндажѣ—никого и ничего.

Удивленный неожиданнымъ исчезновеніемъ товари-

щей, я покинулъ свое логовище и вышелъ на дворъ. Надъ землею стлался густой туманъ, а въ воздухѣ чувствовалась рѣзкая сырость. Въ шагахъ тридцати стояла куча офицеровъ. Закинувъ руки на затылокъ, я сталъ зѣвать и потягиваться, какъ это бываетъ обыкновенно послѣ безпокойно проведеной ночи и, обратясь къ толпѣ офицеровъ, спросилъ съ неудовольствіемъ:

— Что-же это, дьяволы Дербентцы не смѣняютъ насъ?

Озадаченные неожиданнымъ вопросомъ, офицеры быстро оглянулись въ мою сторону.

— Да ты откуда? Изъ земли, что-ли? Чего бранишься?—заговорило одновременно нѣсколько голосовъ.

Я вытаращилъ глаза, всматриваюсь сквозь густой туманъ, окутавшій толпу офицеровъ и... вдругъ, вижу синія петлицы... то были Дербентцы! Подойдя къ нимъ, сконфуженный, я поспѣшилъ извиниться. Какъ оказалось, Дербентцы смѣнили насъ еще въ часъ ночи, но сожители мои, почему-то, забыли меня разбудить...

Изъ двадцати-семидневнаго пребыванія подъ карсскимъ крѣпостнымъ огнемъ, я понялъ, что только плохая пѣхота можетъ поколебаться отъ дѣйствія артиллерійскаго огня и что громъ артиллеріи вліяетъ на духъ войскъ только въ первомъ бою и въ первые его моменты. Дальнѣйшее описаніе докажетъ, на сколько справедливо мое заключеніе.

VIII.

Отступленіе и оборонительныя дѣйствія.

Мѣстность къ востоку отъ Карса (въ 18-ти верстахъ) до деревни Курюкъ-дара, въ общемъ, имѣетъ характеръ обширной равнины, замкнутой съ сѣверной стороны рѣкою Карсъ-чаемъ, съ восточной — Арпа-чаемъ, съ южной — группами высокихъ Аладжинскихъ горъ, называемыхъ: Визинкёвскою, Орлокскою, Авліарскою, Большія и Малыя Ягны, Узунъ-сыртъ и пр.; горы эти, идя съ запада на сѣверо-востокъ, почти параллельно съ рѣкою Карсъ-чаемъ, въ разстояніи 20-ти верстъ отъ нея, упираются въ пограничную рѣку Арпа-чай. Около Курюкъ-дара равнина пересѣкается небольшимъ хребтомъ Караяльскихъ горъ. Между караяльскимъ и аладжинскимъ хребтами высятся двѣ, совершенно отдѣльныя, самостоятельныя высоты: Кизиль-тапа и Ючъ-тапа. Небольшая рѣчка Маврякъ-чай, берущая начало съ узунъ-сыртскихъ горъ и впадающая въ Арпа-чай, составляетъ единственную воду, употребляемую жителями равнины для питья и орошенія полей. Богатство почвы и обиліе пастбищныхъ мѣстъ привлекли сюда довольно большое населеніе изъ турокъ, армянъ и курдовъ, занимающихся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Пространство же между аладжинскими горами и Карсомъ, вслѣдствіе отсутствія воды, не заселено и пустынно.

Изъ деревни Мацра въ Курюкъ-дара идутъ двѣ дороги: одна — по правой, гористой сторонѣ Карсъ-чая,

а другая—по лѣвой, низменной; обѣ удобны для движенія войскъ, но послѣдняя, какъ пролегающая по ровной мѣстности и ближайшая къ водѣ, представляетъ лучшія условія.

Вотъ, по этимъ-то дорогамъ и началъ отступленіе дѣйствующій корпусъ, 28-го іюня, чуть свѣтъ. Отойдя около семи верстъ, корпусъ остановился на позиціи и, пропустивъ обозъ, двинулся въ деревню Енгикёй, куда прибылъ въ часъ дня и сталъ лагеремъ, выставивъ къ сторонѣ Карса наблюдательный кавалерійскій отрядъ. 2-я бригада 39-й пѣхотной дивизіи, съ частью артиллеріи и кавалеріи расположилась на правомъ берегу Карсъ-чая, а остальныя войска—на противоположномъ. Передовая позиція была укрѣплена траншеями небольшой профили.

До 2-го іюля турки насъ не безпокоили, но въ этотъ день, часовъ въ 11 утра, они произвели кавалеріей рекогносцировку, для раскрытія нашихъ силъ; оттѣснивъ наши аванпосты, они заняли ближайшія высоты, высмотрѣли расположеніе корпуса и быстро отступили. Вечеромъ наблюдательный отрядъ далъ знать о движеніи турецкихъ войскъ по направленію къ аладжинскимъ высотамъ.

На другой день, рано утромъ, корпусъ выступилъ въ Курюкъ-дара двумя колоннами; одна—подъ начальствомъ генерала Девеля (39-я дивизія), направилась на деревню Мешко, по правой сторонѣ Карсъ-чая, а другая—подъ начальствомъ генерала Геймана, по лѣвой. Такимъ образомъ, корпусъ совершилъ фланговое движеніе, имѣя колонну генерала Девеля въ боковомъ авангардѣ. Отдѣленная отъ главныхъ силъ непроходи-

мымъ карсъ-чайскимъ оврагомъ, колонна генерала Девеля находилась въ постоянной опасности быть разбитою отдѣльно, тѣмъ болѣе, что турецкія войска, въ большихъ силахъ, уже находились между авліарскими и булаханскими горами, а кавалерійскія части ихъ, у Большихъ Ягновъ, перестрѣливались съ нашими боковыми патрулями. Не смотря на это, колонна у деревни Мешко остановилась на продолжительное время, дала главнымъ силамъ и обозу пройти къ Паргету и въ тихомъ, грозномъ порядкѣ продолжала движеніе; пройдя 25 верстъ безводнаго пути, колонна прибыла въ деревню Курюкъ-дара, выставивъ въ сторонѣ аладжинскихъ высотъ сторожевыя войска. Колонна же генерала Геймана, переправившись черезъ Карсъ-чай по наскоро устроенному саперами мосту, остановилась невдалекѣ отъ деревни Паргетъ.

Неторопливое, спокойное движеніе корпуса, совершенное въ виду непріятеля съ сознаніемъ своей силы, убѣдило солдатъ, что дѣла наши еще не такъ плохи, какъ имъ казалось послѣ зивинскаго погрома. Поэтому, не смотря на отступательныя наши дѣйствія, солдаты не падали духомъ.

— Зачѣмъ, ваше благородіе, пошли мы назадъ? Развѣ ужъ плохо стало?—справлялись солдатики.

— Совсѣмъ не плохо, ребята, — объясняли офицеры;—мы отступили для того, чтобы вызвать турокъ на открытое поле, а драться въ крѣпости съ ними труднѣе.

— Такъ точно; начистоту сподручнѣе ихъ бить, ваше благородіе! — соглашались солдатики, вполнѣ удовлетворенные толкованіемъ офицеровъ.

И пошли вездѣ и всюду пляски, шутки и веселыя залихватскія пѣсни:

„Эхъ малина, эхъ калина!
Въ лѣсъ по ягоды ходила!...“ и т. д.

Одновременно съ приходомъ корпуса въ деревню Курюкъ-дара и Мухтаръ-паша занялъ Аладжинскія горы, такъ что на другой же день, весь хребетъ, на пространствѣ слишкомъ 20-ти верстъ, былъ усѣянъ тысячами палатокъ, группировавшихся, преимущественно, около командующихъ высотъ, увѣнчанныхъ черными лентами укрѣпленій.

6-го іюля, колонна ген. Геймана передвинулась въ Курюкъ-дара, а колонна ген. Девеля выдѣлила авангардъ изъ 8-ми баталіоновъ съ соотвѣтствующимъ числомъ артиллеріи и кавалеріи, который, въ 3 часа пополудни, сталъ лагеремъ у деревни Башъ-кадыкляръ, въ трехъ верстахъ отъ Кизиль-тапы; въ составѣ авангарда былъ и нашъ полкъ.

Намъ пришлось пройдти тѣ достопамятныя мѣста, гдѣ, въ 1854 году, разыгралось знаменитое сраженіе при Башъ-кадыклярѣ. Съ нами слѣдовалъ и славный Нижегородскій драгунскій полкъ, истоптавшій и искрошившій здѣсь турецкую пѣхоту, покрывъ себя неувядаемой славой, которою онъ не даромъ и до сихъ поръ гордится. Массы чугунныхъ черепковъ и заржавленныхъ бомбъ, валявшихся всюду отъ Караяла до Башъ-кадыкляра, молча говорили намъ о достославномъ быломъ времени. Небольшой курганъ у подошвы караяльскаго хребта, густо заросшій бурьяномъ, пріютилъ у себя павшихъ чудо-богатырей для вѣчнаго

покоя. Нѣсколько укрѣпленій на высотахъ Караяла, осыпавшіяся отъ времени, показывали мѣсто расположенія славнаго отряда князя Бебутова. Какое-то непонятно-тяжкое чувство щемило сердце, глядя на этихъ нѣмыхъ свидѣтелей и на широкія поляны, гдѣ гремѣло побѣдоносное «ура» нашихъ войскъ и текла кровь ручьемъ. Вѣчная память вамъ, чудо-богатыри!

Еще не успѣлъ авангардъ нашъ устроиться на новомъ мѣстѣ стоянки, какъ со стороны Суботана послышались выстрѣлы. Такъ какъ ниже командира полка въ отрядѣ никто не посвящался въ тайны диспозиціи и, вообще, въ преднамѣренія высшаго начальства, то никто, конечно, и не зналъ, что это за явленіе; вотъ почему, бросивъ разбивку лагеря, всѣ направили удивленные взоры въ безконечную даль, откуда едва-едва доносились звуки частаго ружейнаго огня, спрашивая другъ-друга: что это значитъ? Какъ туда попали наши войска? Не джигитуютъ-ли баши-бузуки по случаю какого-либо байрама *)? Но скоро недоумѣніе объяснилось неожиданной тревогой, по которой выступила къ Суботану наша кавалерія двумя колоннами: одна—подъ командой начальника кавалеріи, князя Чавчавадзе, а другая—князя Эристова. Перестрѣлка длилась до поздняго вечера. Какъ объяснилось впослѣдствіи, перестрѣлку эту турки вели съ Владикавказскимъ казачьимъ полкомъ, прикрывавшимъ вмѣстѣ съ другими кавалерійскими частями отступленіе колонны генерала Геймана изъ Паргета въ Курюкъ-дара. Многочисленныя массы турецкой кавалеріи стали сильно тѣснить Вла-

*) Байрамъ—праздникъ.

дикавказцевъ, но храбрый командиръ полка, полковникъ Панинъ, собравъ нѣсколько сотень, ударилъ туркамъ во флангъ и, послѣ ожесточенной схватки, опрокинулъ ихъ въ оврагъ. Поддержанная пѣхотой, спустившеюся съ узунъ-сыртскихъ высотъ на помощь, непріятельская кавалерія оправилась и возобновила атаку, но, завидя наши колонны, отступила на свои пѣхотныя части. Къ вечеру наша кавалерія вернулась обратно. Потеря была незначительна.

Башъ-кадыклярская кавалерія отличалась необыкновенной пестротой; въ составъ ея, кромѣ драгунъ и казаковъ, входили еще: Лезгинскій и Кабардинско-Кумыкскій иррегулярные полки, Тифлисскій дворянскій дивизіонъ, Тушинская, Борчалинская и Куртинская милиціи. Всѣ они были въ своихъ національныхъ костюмахъ, на собственныхъ коняхъ и въ старинномъ своемъ вооруженіи, оставленномъ имъ прародителями вмѣстѣ съ беззавѣтною храбростью и отвагой. Какъ истые, природные воины, они любили свое оружіе и хвастались имъ, показывая всѣмъ и каждому разныя изображенія и нѣмыя надписи на клинкахъ шашекъ, которыя, по ихъ непоколебимому мнѣнію, пережили крестовые походы. Такія шашки цѣнились баснословно, хотя онѣ, по качеству, далеко уступали современнымъ драгунскимъ клинкамъ. Въ особенности такимъ хвастовствомъ отличались мои земляки—тифлисскіе дворяне и князья; съ ними я въ первый разъ встрѣтился въ Башъ-кадыклярѣ и былъ очень обрадованъ, найдя между ними своихъ дальнихъ родственниковъ. Въ дворянскомъ дивизіонѣ было много старыхъ, шестидесятилѣтнихъ грузинъ, которые пошли на войну лишь для того

только, чтобы доблестно завершить остатокъ жизни и дать грядущему молодому поколѣнію право гордиться подвигами отцовъ и дѣдовъ. Многіе изъ нихъ были уже убиты и ранены въ зивинскомъ сраженіи и подъ Карсомъ; отличившіеся гордо носили георгіевскіе кресты, къ которымъ грузины относятся съ особеннымъ уваженіемъ, какъ ревностные почитатели св. Георгія Побѣдоносца.

Время, съ 6-го іюля по 6-е августа, для авангардной колонны,—если не считать единственнаго случая, когда нашему полку пришлось выйдти по тревогѣ, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ рекогносцирующаго отряда, высланнаго изъ главныхъ силъ,—прошло, можно сказать, совершенно бездѣятельно и потому однообразно и скучно. Обыденная лагерная жизнь разнообразилась лишь отправленіемъ сторожевой службы и очереднымъ хожденіемъ на передовую позицію, Кизиль-тапу, гдѣ смѣлые баши-бузуки вели вѣчную борьбу съ нашими казаками на аванпостахъ. Кизиль-тапу занимали днемъ однимъ баталіономъ, а ночью—двумя.

Однажды, Кизиль-тапу сторожилъ 4-й баталіонъ нашего полка. Впереди шла страшная перепалка между казаками Владикавказскаго полка и баши-бузуками; то—одни брали верхъ, то—другіе. Наконецъ, многочисленные баши-бузуки прорвали линію нашихъ аванпостовъ и Гаврилычамъ пришлось удирать.

— Насядаютъ, ваше благородіе! — жалобно обратился къ капитану Чердилери рыжебородый казачина, прося поддержки.

Капитанъ Чердилери приказалъ поручику Будкевичу спуститься съ ротой внизъ и отогнать баши-бу-

зуковъ. Замѣтивъ движеніе пѣхоты, баши-бузуки сами отошли назадъ и, остановившись, стали ждать, пока казаки займутъ линію аванпостовъ, чтобы возобновить нападенія. Тѣмъ временемъ, поручикъ Будкевичъ, по овражкамъ, незамѣтно провелъ роту впередъ около полверсты и остановился въ закрытомъ мѣстѣ, предложивъ казакамъ заманить баши-бузуковъ на засаду. Одинъ изъ урядниковъ, собравъ человѣкъ 30, бросился съ ними въ атаку и въ 200 шагахъ отъ непріятеля повернулъ назадъ. Баши-бузуки съ дикимъ, пронзительнымъ «алла», ринулись впередъ. Вдругъ, почти въ упоръ, раздался залпъ, затѣмъ другой, третій и т. д. Груда людей и лошадей такъ и рухнулась на землю. Человѣкъ 40 казаковъ, бывшихъ въ другомъ оврагѣ, ударили во флангъ ошеломленнымъ баши-бузукамъ и довершили пораженіе. Съ тѣхъ поръ, казаковъ никто не безпокоилъ. Баши-бузуки держались въ почтительномъ разстояніи. Около Кизиль-тапы водворилась непривычная тишина, навѣявшая скуку и уныніе.

Кизиль-тапа, какъ уже было сказано, была передовой позиціей для авангарднаго отряда; какъ самостоятельная высота, она, дѣйствительно, представляла всѣ условія хорошей позиціи и, кромѣ того, хорошаго наблюдательнаго пункта, откуда весь сѣверный склонъ аладжинскаго хребта былъ виденъ, какъ на ладони; но, не укрѣпленная, безъ артиллеріи, съ баталіономъ горнизона и громаднымъ непріятелемъ подъ бокомъ, она совершенно теряла значеніе сильнаго опорнаго пункта.

Для опредѣленія силъ и расположенія арміи Мухтара-паши на аладжинскихъ горахъ, въ періодъ времени съ 6-го іюля по 6-е августа, корпусный коман-

диръ произвелъ четыре рекогносцировки: въ тылу, на флангахъ и центрѣ непріятельской позиціи; въ тылу и на правомъ флангѣ произведена рекогносцировка одною кавалеріей, а въ центрѣ и лѣвомъ флангѣ—всѣми родами оружія. Рекогносцировка противъ лѣваго фланга, какъ говорили, имѣла цѣлью заставить турецкаго главнокомандующаго отказаться отъ мысли ворваться въ наши предѣлы черезъ Арпа-чай, доказавъ ему, что онъ можетъ быть отрѣзанъ отъ Карса.

Чтобы окончательно обезпечить наши предѣлы, въ которые, все-таки, могли вторгаться отдѣльныя кавалерійскія партіи и тревожить населеніе, явилась необходимость прикрыть нашу границу. Съ этою цѣлью, 18-го іюля, первая бригада нашей дивизіи и 3-й саперный баталіонъ съ двумя батареями, подъ командой генерала Цитовича, перешли къ развалинамъ города Ани и, ставъ лагеремъ, заняли всѣ переправы черезъ Арпа-чай. Такимъ образомъ, корпусъ вытянулся съ сѣверо-запада къ юго-востоку на 20 слишкомъ верстъ и очутился относительно расположенія непріятеля подъ острымъ угломъ, сосредоточившись въ трехъ пунктахъ: у Караяла, Башъ-кадыкляра и у развалинъ города Ани. Такое растянутое расположеніе было крайне опасно для насъ, такъ какъ колонна генерала Цитовича могла подвергнуться отдѣльному пораженію, но опытный генералъ Лорисъ-Меликовъ зналъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло и въ этомъ отношеніи онъ рѣдко ошибался.

Въ это время, событія на эриванскомъ театрѣ войны приняли для насъ неблагопріятный оборотъ: тѣснимый превосходнымъ непріятелемъ, Эриванскій отрядъ отступилъ назадъ и Измаилъ-паша, съ 30-ю баталіонами,

былъ уже на нашей землѣ. Генералъ Тергукасовъ убѣдительно просилъ подкрѣпленія.

Въ виду близости 40-й дивизіи, находившейся на маршѣ около города Александрополя, усиленіе Эриванскаго отряда было признано возможнымъ. Съ этою цѣлью, генералу Цитовичу было предписано выступить, 24-го іюля, въ Эриванскій отрядъ форсированнымъ маршемъ. Переправы же прикрывали баталіоны Дербентскаго полка, 3-й саперный баталіонъ и Кизляро-гребенскій казачій полкъ, которыя, перейдя на правую сторону Арпа-чая, у Кизиль-килиса стали укрѣпленнымъ лагеремъ.

На другой же день, турки заняли развалины города Ани и думали здѣсь перейти Арпа-чай, но, принявъ движеніе колонны генерала Цитовича за намѣреніе атаковать ихъ правый флангъ, въ тотъ же день отошли назадъ.

Въ лагерѣ у насъ разсказывали, что два офицера гвардіи, незная ничего объ оставленіи развалинъ города Ани колонной генерала Цитовича, поѣхали туда, посмотрѣть остатки древней столицы Арменіи, и чуть-чуть не попали въ плѣнъ баши-бузукамъ, которые открыли по нимъ стрѣльбу.

Кстати, нѣсколько словъ о гвардейцахъ, прибывшихъ въ дѣйствующій корпусъ добровольцами, въ среднихъ числахъ іюня.

Въ каждомъ полку Кавказской гренадерской и 39-й пѣхотной дивизіи было по три, по четыре человѣка молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ; какъ старшіе въ чинахъ, всѣ они, съ перваго же дня, приняли роты отъ новыхъ товарищей, уже испытанныхъ и побывавшихъ

съ своими ротами въ нѣсколькихъ дѣлахъ. Поэтому, сначала кавказцамъ пришлись не совсѣмъ по душѣ гвардейцы, отнявшіе у нихъ роты; но потомъ, когда поближе познакомились и замѣтили въ нихъ качества отличныхъ товарищей, подружились и полюбились. Въ нашъ полкъ попали поручики Финляндскаго полка: Серьяновъ, Бурмейстеръ, Палинъ и Кохановъ; первые изъ нихъ служили со мною въ одномъ батальонѣ, а Бурмейстеръ жилъ даже въ одной палаткѣ. Говорить много о гвардейцахъ, въ особенности бывшихъ въ нашемъ полку, не приходится. Ужъ одно то обстоятельство, что они пошли добровольно на войну, достаточно рекомендуетъ ихъ, какъ храбрыхъ и преданныхъ сыновъ матушки Россіи. Въ средѣ же новыхъ товарищей они держали себя съ достоинствомъ, свойственнымъ гвардейцу и оставили добрую память. Къ сожалѣнію, гвардейцы не долго гостили въ Кавказской арміи; послѣ дѣла 6-го августа, они выѣхали на европейскій театръ войны, куда, къ этому времени, былъ вызванъ Гвардейскій корпусъ.

Въ 20-хъ числахъ іюня прибыла, наконецъ, 40-я дивизія и расположилась правѣе Башъ-кадыклярскаго лагеря. Одновременно пришли изъ подъ Ардагана Севастопольскій и Владикавказскій пѣхотные полки и 1-й и 4-й Кавказскіе стрѣлковые баталіоны.

Съ приходомъ этихъ войскъ, мы вышли изъ того затруднительнаго положенія, въ которое поставило насъ отсутствіе колонны генерала Цитовича. Туркамъ же, въ то же время, пришлось отказаться отъ завѣтной мечты, ворваться въ наши предѣлы, и вообще предпринимать что-либо серьезное, безъ опасенія быть разби-

тыми. Въ лагерѣ стало оживленнѣе и радостно поговаривали о наступательныхъ дѣйствіяхъ, будто-бы задумываемыхъ въ корпусномъ штабѣ.

Въ концѣ іюля три баталіона 155-го Кубанскаго полка и одна батарея, подъ командой генерала Ореуса, выступили изъ Башъ–кадыкляра и къ вечеру стали на позиціи впереди развалинъ города Ани. Чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ колонны Ореуса, къ Суботану были высланы части Гренадерской дивизіи, которыя, завязавъ небольшую перестрѣлку, къ вечеру отступили назадъ.

1-го августа турки атаковали нашу позицію у Ани, съ цѣлью отнять переправы и вступить въ наши предѣлы, но, встрѣченные сильнымъ огнемъ, отступили на Инахъ-тепеси съ большимъ урономъ.

2-го числа, Кубанцы и баталіонъ Дербентскаго полка выступили изъ Ани для усиленія Эриванскаго отряда, а вмѣсто нихъ въ командованіе генерала Ореуса поступили три баталіона Кутаисскаго полка.

Слухи о наступательныхъ дѣйствіяхъ, ожидаемыхъ войсками съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, начали, наконецъ, оправдываться. Вечеромъ 5-го августа, къ начальнику отряда были вызваны всѣ полковые и баталіонные командиры Башъ-кадыклярскаго лагеря, для ознакомленія ихъ на планѣ съ расположеніемъ непріятеля на Аладжинскихъ горахъ и цѣлью общей рекогносцировки, предполагаемой 6-го августа. Указавъ все необходимое, начальникъ отряда предупредилъ, что рекогносцировка, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ обратиться въ бой и приказалъ не увлекаться

послѣднимъ, а занимать только то, что будетъ доставаться безъ особенныхъ усилій и потерь.

Вѣсть о предстоявшемъ боѣ, какъ искра пробѣжала по всему башъ-кадыклярскому лагерю.

— Ура, братцы! Завтра сраженіе. Надоѣло ужъ лежать по пустому, да и турка, небойсь, соскучился безъ насъ. Завтра дѣло, братцы, сраженіе! Ура! — кричали солдатики, шныряя изъ палатки въ палатку съ торжествующимъ видомъ.

Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, раздались въ лагерѣ веселыя плясовыя пѣсни:

«Шелковымъ платочкомъ,
Самымъ уголочкомъ!
Люшеньки люли!»...

Изъ дворянскаго лагеря, то и дѣло, долеталъ громовой припѣвъ грузинской походной пѣсни:

«Архалало, дарялало, э-э-о-о!»

Изъ лезгинскаго—монотонные, хватающіе за душу, звуки:

«Дела, дела, делала!»...

Словомъ, вездѣ и всюду слышалось и сказывалось то неизбѣжное торжество, съ которымъ Русскіе воины искони ходятъ на враговъ Царя и Отечества.

Общему настроенію какъ-будто сочувствовала и сама природа: весь день 5-го августа былъ вѣтеръ, освѣжавшій воздухъ и уносившій съ собою миріады насѣкомыхъ, чтобы дать войскамъ возможность выспаться и запастись силами для предстоявшихъ трудовъ. Башъ-кадыклярскіе жители, пользуясь прохладой дня, до поздняго вечера молотили хлѣбъ на своихъ тѣсныхъ гумнахъ,

обнесенныхъ каменными оградами и неистово тянули свою однообразную пѣсню: «го! го! го!»...

Съ поздними сумерками, получилось приказаніе снять къ разсвѣту лагерь и всѣ тяжести направить къ штабу начальника авангарднаго отряда, а людямъ къ этому времени отобѣдать, запастись фунтовыми порціями мяса, сухарями и приготовиться къ выступленію.

Лишь только востокъ началъ алѣть и спала мрачная завѣса ночи, башъ-кадыклярскій лагерь былъ уже на ногахъ и ждалъ приказанія двигаться. Но воздухъ, пропитанный необыкновенно рѣзкою сыростью, предвѣщалъ неблагопріятную погоду. И дѣйствительно, не успѣлъ отрядъ еще тронуться съ мѣста, какъ безоблачное лазурное небо заволокло густымъ, непроницаемымъ туманомъ, который, тихо опустившись на землю, задержалъ отрядъ до 6-ти часовъ утра. Скоро подулъ вѣтеръ и туманъ разсѣялся. Солдаты стали въ ружье. Генералъ Девель, сопровождаемый своимъ штабомъ и казаками, вихремъ облетѣлъ полки, поздоровался и приказалъ двигаться; съ нами онъ поздоровался на пути, такъ-какъ, будучи отозванъ корпуснымъ командиромъ, пріѣхавшимъ по случаю замедленія движенія отряда, не успѣлъ доѣхать до насъ.

Корпусъ выступилъ двумя колоннами: войска курюкъ-даринскаго лагеря, подъ начальствомъ генерала Геймана, направились на лѣвый флангъ непріятельскаго расположенія, къ визинкевскимъ горамъ, а войска башъ-кадыклярскаго лагеря, подъ начальствомъ генерала Девеля,—къ правому флангу, на Инахъ-тепеси. Елисаветпольцы слѣдовали на самомъ лѣвомъ флангѣ боевой линіи и въ такомъ порядкѣ:

2-й и 4-й баталіоны были въ первой линіи (въ колоннѣ «по ротно, въ двѣ линіи»), имѣя въ интервалѣ 8 орудій нашей батареи, а 1-й и 3-й баталіоны—въ резервѣ, на линіи полковъ 40-й дивизіи. Въ такомъ порядкѣ полкъ двигался до открытія турками артиллерійскаго огня, затѣмъ остановился, выслалъ влѣво, для удлиненія боевой линіи, 1-й баталіонъ и продолжалъ движеніе на деревни Керъ-хана и Джала. Во время остановки, «наша батарея» открыла огонь на Инахъ-тепеси. Съ удлиненіемъ боевой линіи, въ интервалы между баталіонами вошли еще двѣ батареи 40-й артиллерійской бригады. Такъ-какъ продолжательныя остановки подъ довольно мѣткимъ огнемъ турецкой артиллеріи были невыгодны намъ, тѣмъ болѣе, что наша артиллерія, какъ замѣтили, вовсе не вредила хорошо замаскированнымъ батареямъ на Инахъ-тепеси, то полкъ двигался впередъ очень быстро, перебѣгая съ позиціи на позицію вслѣдъ за орудіями, мчавшимися въ карьеръ. Въ особенности досталось 1-му баталіону, которому пришлось двигаться въ косвенномъ (облическомъ) направленіи, чтобы стать съ восточной стороны Инахъ-тепеси. 2-й баталіонъ оторвался отъ общей линіи полка и кратчайшимъ путемъ направился на дер. Керъ-хана. Въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ двухъ упомянутыхъ деревень, батареи наши остановились на послѣдней позиціи и открыли частый огонь по Инахъ-тепеси и деревнямъ, въ которыхъ засѣли кавалерійскія массы турокъ и осыпали наши баталіоны ружейнымъ огнемъ. Елисаветпольцы, не отвѣчая на выстрѣлы, быстро двигались все впередъ и впередъ. Въ виду такого наступленія, кавалеристы оставили деревни и

безпорядочною толпой бросились на Инахъ-тепеси. Въ полдень, деревни были заняты почти одновременно. Полку приказано было остановиться и ждать дальнѣйшаго распоряженія. Отсюда до подошвы Инахъ-тепеси считали около 1,200 шаговъ, но, вѣроятно, было больше, иначе турецкая пѣхота не замедлила-бы открытіемъ огня. Въ окрестностяхъ деревень солдаты находили множество прокламацій, нарочно разбросанныхъ турецкими кавалеристами. Какъ разсказывали, онѣ были написаны венгерскими и польскими волонтерами, поступившими въ турецкую службу въ эту войну. Въ присутствіи этихъ лицъ въ турецкой арміи всѣ были убѣждены, такъ-какъ въ дѣлахъ подъ Ардаганомъ и Карсомъ не разъ приходилось перебраниваться съ волонтерами и слышать польскій разговоръ. Въ своихъ прокламаціяхъ, правовѣрные всячески поносили все дорогое, все святое для Русскаго сердца и въ то-же время предлагали нашимъ солдатамъ перейдти въ ихъ лагерь, суля при этомъ, конечно, золотыя горы. Очевидно, турки не были знакомы съ непоколебимой силой привязанности Русскаго воина къ своему «обожаемому Монарху и матушкѣ Россіи» и разсчетъ свой основывали на томъ, что и ихъ соотечественники десятками перебѣгали въ нашъ лагерь.

— Ишь, богомерзкія хари! Самимъ, почитай, жрать нечего, а насъ просятъ пожаловать. Паршивая татарва!...—сердились солдатики, постигнувшіе смыслъ прокламацій.

Нѣсколько экземпляровъ были предъявлены начальству, а остальные пошли солдатикамъ на «сигарки».

Подъ Инахъ-тепеси мы пролежали около двухъ ча-

совъ времени, развлекаясь чтеніемъ прокламацій и ожесточенной канонадой между нашей и турецкой артиллеріей. Проголодавшіеся солдаты бродили по дер. Джала и покупали у немногочисленныхъ жителей-турокъ сыръ, молоко и чуреки *). По всему протяженію Аладжинскаго хребта раздавались орудійные громы и ружейная трескотня. Длинныя ленты пороховаго дыма обозначали мѣста расположенія противниковъ. Адъютанты сновали взадъ и впередъ, передавая приказанія. Скоро турки стали снимать палатки.

— Что это значитъ? Отступаютъ, что-ли? Неужели ужъ такъ плохи ихъ дѣла? Вѣрно, гдѣ-нибудь прижали ихъ!—разсуждали и спрашивали другъ друга офицеры въ недоумѣніи.

Всѣ твердо рѣшили, что рекогносцировка обратится въ бой и съ нетерпѣніемъ ждали приказанія о наступленіи. Въ особенности Елисаветпольцамъ предстояла трудная и опасная задача. Высота Инахъ-тепеси, торчавшая вдали, какъ бородавка у подножія Аладжинскаго хребта, вблизи представляла грозное явленіе: она имѣла видъ усѣченнаго конуса, съ крутыми, недоступными склонами, обложенными обломками камней; соединенная съ Аладжинскимъ хребтомъ небольшой сѣдловинкой, она обстрѣливалась со всѣхъ укрѣпленій, ярусами тянувшихся въ четырехстахъ шагахъ отъ нея, по склону Аладжи. Поэтому, занятіе Инахъ-тепеси далеко не рѣшало задачу Елисаветпольцевъ. Но Елисаветпольцы, какъ и при взятіи Геллявердынскихъ высотъ, не разсуждали о томъ, доступна непріятель-

*) Чурекъ—хлѣбъ, въ родѣ лепешки.

ская позиція, или нѣтъ; они лишь ждали приказанія, чтобы обрушиться на дикія, непривѣтливыя громады, скрывавшія за собой турокъ.

Но вотъ, съ праваго фланга, вдоль боевой линіи, понесся въ карьеръ какой-то адъютантъ. Въ полной увѣренности, что сейчасъ послѣдуетъ приказаніе о наступленіи, нѣкоторые солдаты встали заблаговременно, стряхнули съ себя пыль, перекрестились и приготовились къ движенію, а офицеры, горя нетерпѣніемъ узнать, въ чемъ дѣло, пошли адъютанту на встрѣчу. Толпы солдатъ, оставивъ деревню, спѣшили къ своимъ мѣстамъ.

— Отступать!—крикнулъ мимоѣздомъ во всю свою могучую глотку красивый гвардеецъ, обратясь къ кучкѣ офицеровъ.

Это слово, какъ обухомъ хватило солдатиковъ.

— Что евто значитъ? Весь Божій день бродили, бѣгали, жарились, потѣли—и на попятную!—ворчали они втихомолку.

Елисаветпольцы не повѣрили адъютанту и остались на своихъ мѣстахъ. Черезъ нѣсколько минутъ, прискакалъ самъ отецъ-генералъ и съ тономъ неудовольствія приказалъ отступать не торопясь, медленно, начиная съ 1-го баталіона, лежавшаго лѣвѣе деревни Джала. Это было около 12-ти часовъ. День стоялъ тихій и знойный.

Нечего дѣлать, начали отступать. Едва только оставили дер. Джала, какъ толпа турецкой иррегулярной кавалеріи, выѣхавъ изъ-за Инахъ-тепеси, стала преслѣдовать, щедро осыпая наши колонны пулями своихъ шестнадцати-зарядныхъ магазинокъ. Мы отходили медленно, не отвѣчая на выстрѣлы, выказывая

при этомъ полное пренебреженіе къ ихъ огню. Смѣлость ихъ одиночныхъ всадниковъ дошла до того, что они подъѣзжали къ нашей цѣпи и стрѣляли почти въ упоръ; но такъ какъ стрѣльба производилась на карьерѣ, то она была совершенно безвредна. Въ такомъ положеніи полкъ отступилъ на Кизиль-тапу, пройдя около 7-ми верстъ безводнаго пространства, подъ палящими лучами полдневнаго солнца. Обремененные тяжестью походнаго снаряженія, солдаты падали въ изнеможеніи и скоро всѣ наличныя полковыя фуры были нагружены больными. Лѣвѣе Кизиль-тапы полкъ остановился и еще часъ времени велъ перестрѣлку съ надоѣдливыми турецкими кавалеристами, затѣмъ отошелъ на дер. Кюль-веранъ и впереди нея сталъ лагеремъ.

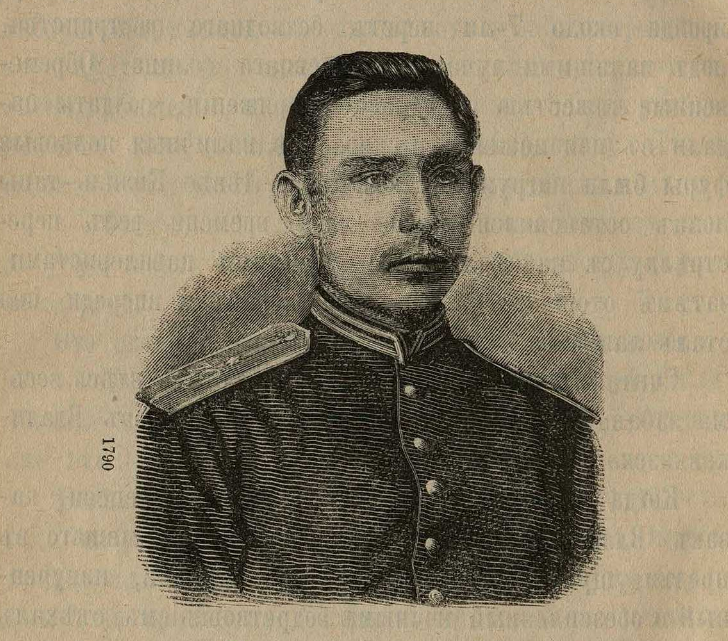
Считаю не безъинтереснымъ помѣстить здѣсь весьма забавный случай съ однимъ изъ казаковъ Владикавказскаго коннаго полка.

Когда колонна наша лежала у Инахъ-тепеси, казакъ Владикавказскаго коннаго полка, бывшаго въ предъидущую ночь на аванпостной службѣ, изнуренный и обезсиленный ночнымъ бодрствованіемъ, съѣхалъ въ оврагъ, чтобы прилечь отдохнуть и незамѣтно заснулъ. Въ это время, колонна, преслѣдуемая турецкой кавалеріей, отступила на Кизиль-тапу. Казакъ проснулся и, къ крайнему изумленію, увидѣлъ себя въ тылу у непріятеля.

— Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ, а сдаваться живымъ казаку непристойно,—произнесъ рѣшительно попавшій въ западню линеецъ.

Съ этими словами, стянувъ туго подпруги, онъ

сѣлъ на коня и непринужденной рысью поѣхалъ къ турецкой цѣпи, съ твердымъ намѣреніемъ умереть, или пробиться. А конь у линейца, нужно замѣтить, былъ добрый, хорошій скакунъ. Сознавая, «что одинъ въ полѣ—не воинъ», линеецъ задумалъ провести непрія-



Прапорщикъ Фоминъ.

теля, пользуясь сходствомъ своего костюма съ многими турецкими кавалеристами. Съ этой цѣлью, онъ, подъѣзжая къ цѣпи, нарочно умѣрилъ ходъ своей лошади, заголилъ винтовку и сдѣлалъ въ нашу сторону нѣсколько выстрѣловъ. Хитрость удалась какъ нельзя быть лучше: всадники приняли его за своего человѣка

и преспокойно продолжали джигитовать, стрѣляя изъ своихъ магазинокъ. Хлыстнувъ коня нѣсколько разъ нагайкой, онъ во весь духъ помчался вслѣдъ за партіей баши-бузуковъ, которые, выѣхавъ на бугоръ, остановились и открыли стрѣльбу по нашей цѣпи. Увлеченные своимъ дѣломъ, баши-бузуки сначала не замѣтили казака, но когда послѣдній опередилъ ихъ и они увидѣли на немъ русскіе погоны и винтовку Бердана, стремительно бросились за нимъ съ обнаженными шашками. Но было уже поздно: добрый конь уносилъ своего хозяина все дальше и дальше отъ враговъ. Все это происходило впереди цѣпи Елисаветпольцевъ. Стрѣлки уже готовы были подстрѣлить бѣшенно скачущаго казака, какъ тотъ, повернувшись на карьерѣ, выстрѣлилъ въ противуположную сторону въ ближайшаго баши-бузука, который кубаремъ скатился съ лошади.

— Нашъ! нашъ!—подняли крикъ стрѣлки.

Доѣхавъ до своихъ, казакъ остановился и слѣзъ съ коня; онъ былъ сильно взволнованъ; еще свѣжее впечатлѣніе ужасной смерти, ожидавшей его отъ рукъ дикихъ баши-бузуковъ, приводило казака въ боязливое волненіе, которое ясно отражалось на его сильно поблѣднѣвшемъ лицѣ. Я подарилъ ему три рубля и похвалилъ за храбрость. Нѣсколько солдатъ окружили его и тоже хвалили по своему:

— Молодчина, нашъ куркуль *): не сплошалъ!

Въ этотъ день, нашъ полкъ потерялъ ранеными 1-го офицера (прапорщика Фомина) и 8 человѣкъ

*) Почему-то солдаты называли линейныхъ казаковъ «куркулями».

нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Большая потеря была, какъ говорили, въ отрядѣ генерала Комарова, дѣйствовавшаго противъ Большихъ-Ягновъ.

Дѣло 6-го августа открыло намъ силу и расположеніе турецкихъ войскъ и убѣдило насъ въ своемъ безсиліи для наступательныхъ дѣйствій; слѣдствіемъ этого убѣжденія было выжидательное положеніе, въ которомъ находился дѣйствующій корпусъ до прихода изъ Москвы Гренадерской дивизіи, 16-го сентября.

Въ Кюль-веранѣ полкъ занимался устройствомъ батарей на позиціи, правѣе Кизиль-тапы, для дальнобойныхъ орудій, слѣдовавшихъ изъ гор. Александрополя; кромѣ того, чередуясь съ полками 40-й пѣхотной дивизіи, оставшимися въ Башъ-кадыклярѣ, полкъ высылалъ по одному баталіону въ прикрытіе Кизиль-тапы.

Въ ночь съ 7-го на 8-е августа было произведено нападеніе на турецкій кавалерійскій лагерь у Суботана, въ которомъ участвовали: Владикавказскій конный полкъ, Тифлисскій дворянскій дивизіонъ, Тушинская и Борчалинская сотни; для поддержки ихъ были вызваны 1-й и 4-й баталіоны нашего полка съ 3-й батареей 39-й артил. бригады.

Трудно сказать, какъ велика была потеря турокъ въ ту ночь, но наша кавалерія, напавъ неожиданно, учинила страшную рѣзню и истоптала весь непріятельскій лагерь. Въ лагерѣ оказались и женщины, которыя, при нападеніи, подняли пискъ; ихъ, конечно, не тронули. На другой день, чуть-свѣтъ, войска вернулись назадъ. Дворяне, Борчалинцы и Тушинцы, ведя человѣкъ тридцать плѣнныхъ баши-бузуковъ,

ободранныхъ и общипанныхъ, съ громкими пѣснями прошли черезъ Кюль-веранскій лагерь въ Башъ-кадыклярь.

Въ этотъ день, въ нашемъ лагерѣ случилось презабавное происшествіе. У прапорщика Кидіа-швили была слѣпая лошадь, купленная имъ на аукціонѣ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку; вполнѣ заслуженно офицеры именовали ее «Россинантомъ», а солдаты—«водовозной клячей»; какъ кляча, она не пользовалась любовью хозяина, почему очень часто служила солдатамъ предметомъ забавы. Такъ, напримѣръ, въ Башъ-кадыклярѣ солдаты садились на нее и бросались въ атаку на складъ саману (мелкая солома), при чемъ, какъ лошадь, такъ и всадникъ падали, кувыркались, барахтались и возбуждали въ зрителяхъ хохотъ. Изъ опасенія, что кляча свалится куда-нибудь въ кручу, по своей слѣпотѣ, хозяинъ держалъ ее всегда на привязи, позади своей палатки. Но вотъ, нашъ «Россинантъ», вслѣдствіе-ли щедраго кормленія ячменемъ, или, просто, надоѣло ему толочься на одномъ мѣстѣ, однажды вздумалъ измѣнить своему постоянно невозмутимому нраву; сталъ метаться во всѣ стороны и, наконецъ, порвавъ недоуздокъ, пошелъ ковылять по лагерю. Обрадовавшись случайной свободѣ «Россинанта», шалуны-солдаты тотчасъ же окружили его, начали тюкать, тормошить и колоть штыками, чтобы вывести бѣдное животное изъ себя и доставить себѣ развлеченіе и потѣху. Цѣль была достигнута: послѣ ряда довольно чувствительныхъ уколовъ штыками, «Россинантъ» рванулся въ атаку на лагерь; натыкаясь на палатки, ружейные козлы, тумбы и проч., онъ со всего размаха

то—падалъ, то—вставалъ, то—опять падалъ, разрушая и ломая въ дребезги все, что только подворачивалось подъ ноги. Напрасно старались солдаты остановить разсвирѣпѣвшее животное, гурьбою набрасываясь на него каждый разъ, когда оно падало, запутавшись въ сѣти палаточныхъ веревокъ. Истоптавъ и изломавъ рядъ солдатскихъ палатокъ, «Россинантъ» свернулъ на офицерскую линію и сначала обрушился на палатку капитана Гургенидзе, благодушно возлежавшаго на походной кровати послѣ сытнаго обѣда, потомъ на мою и поручика князя Авалова, затѣмъ на офицерскую арбу, съ которою вмѣстѣ и полетѣлъ въ рѣчку Маврякъ-чай. «Россинантъ» оставилъ слѣды страшнаго опустошенія на своемъ пути: кровати, сундуки, походные столики, стулья—все было разшиблено въ куски; рапорты, списки, свѣдѣнія и пр. мои адъютантскія принадлежности сдѣлались вѣчнымъ достояніемъ дувшаго въ это время сильнаго вѣтра. Самъ-же «Россинантъ», обезсиленный и разбитый, только вечеромъ могъ выйдти на берегъ, чтобы насладиться послѣдними минутами жизни; судъ пострадавшихъ приговорилъ его, за учиненный дебошъ, къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Въ виду говора о движеніи нашего полка въ Эриванскій отрядъ, куда лежалъ весьма далекій путь, прапорщикъ Кидіа-швили много и напрасно хлопоталъ о помилованіи. На другой день приговоръ надъ бѣднымъ «Россинантомъ» привели въ исполненіе. Шалуны-же постояли на линейкѣ подъ ранцами нѣсколько часовъ, поминая «водовозную клячу» лихомъ.

***

11-го августа Елисаветпольцы, вмѣстѣ съ 160-мъ Абхазскимъ полкомъ и двумя батареями—4-хъ фунтовой и горной—выступили подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Девеля на театръ дѣйствій Эриванскаго отряда, предполагавшаго перейдти въ наступленіе съ присоединеніемъ этихъ 8-ми баталіоновъ.

Движеніе въ Эриванскій отрядъ было крайне непріятно Елисаветпольцамъ; кромѣ ожидавшихъ ихъ путевыхъ лишеній и трудовъ, они лишались счастливой доли быть непосредственными участниками предстоявшихъ военныхъ дѣйствій, долженствовавшихъ, въ скоромъ времени, рѣшить судьбу войны въ Малой Азіи.

Дорога, по которой двинулся отрядъ генерала Девеля, пролегаетъ сначала по слегка волнообразной мѣстности, потомъ, перейдя р. Арпа-чай у дер. Аргинъ, поворачиваетъ на юго-востокъ и идетъ по подошвѣ отроговъ Алагезскихъ горъ, прилегающихъ къ р. Арпачай до Камбинскаго поста; отсюда направляется на востокъ и вьется узкой тропой по сильно гористой, изрѣзанной крутыми оврагами, мѣстности, представляя страшныя неудобства для движенія обоза и артиллеріи.

Пройдя около 16-ти верстъ пути, отрядъ, въ 5-ть часовъ послѣ обѣда, остановился на ночлегъ, на правомъ берегу р. Арпа-чай. Послѣ разбивки лагеря, людямъ разрѣшено было купаться, мыть бѣлье, а желающимъ пріобрѣсти покупкою, въ дер. Аргинъ, съѣстные припасы, въ родѣ: сыру, молока, яицъ, куръ и проч., какъ для себя, такъ и для офицеровъ.

12-го числа, перейдя Арпа-чай въ бродъ, отрядъ прибылъ въ дер. Кизиль-килиса и впереди нея сталъ

лагеремъ, въ ожиданіи Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Кавказской арміей, имѣвшаго слѣдовать съ нами въ Эриванскій отрядъ.

Дер. Кизиль-килиса лежитъ въ одной верстѣ отъ р. Арпа-чай, на весьма каменистой почвѣ. Небольшая каменная церковь, старинной архитектуры, служитъ единственнымъ украшеніемъ деревни, дома которой сѣры, мрачны и врыты на половину въ землю, какъ и вообще въ армянскихъ деревняхъ этого края. Несмотря на скудость почвы, жители, какъ хорошіе земледѣльцы, живутъ богато и привольно. Доказательствами хозяйственнаго благосостоянія служили множество рогатаго скота, амбары, склады сѣна и скирды ячменя, въ громадной массѣ свезеннаго и свозимаго еще съ далекихъ окрестностей. Воспользовавшись приходомъ войскъ, жители сбывали съѣстные припасы въ большомъ количествѣ и баснословно дешево, хотя деревенскій священникъ и бранилъ ихъ за то, что они заломили небывалыя цѣны. Многіе изъ офицеровъ, обрадовавшись такой дешевизнѣ, закупили провизію чуть-ли не на весь путь.

Въ полу-верстѣ отъ Кизиль-килиса, на небольшомъ холмѣ, чернѣлась наша батарея, вооруженная двумя 24-хъ фунтовыми орудіями, смотрѣвшими по направленію къ развалинамъ Ани; за батареею виднѣлись верхушки палатокъ 3-го Кавказскаго сапернаго баталіона и военно-походнаго телеграфнаго парка.

Настали сумерки. Люди, поужинавъ, пропѣли, по обыкновенію, молитву «Отче нашъ» и гимнъ «Боже Царя храни» и легли спать. Ночь настала ясная и тихая, оглашавшаяся лишь криками шедшихъ съ работъ

жителей и однообразнымъ журчанiемъ Арпа-чая, протекающаго здѣсь по глубокому оврагу, почти съ отвѣсными берегами, усѣянными громадными обломками камней.

Чуть свѣтъ, отрядъ былъ встревоженъ частыми орудiйными выстрѣлами, послышавшимися со стороны Кизиль-тапы.

Солдаты, таинственно разговаривая, какъ-то невольно встали, одѣлись, сняли палатки, разобрали ружья и вышли на линейку, въ надеждѣ, что сейчасъ послѣдуетъ приказанiе двинуться на выстрѣлы. Прошли уже томительныхъ три часа. Лучи восходящаго солнца ярко освѣщали вершины горъ. Жители Кизиль-килисы затянули свое тоскливое «го! го! го!» Деревенскiй священникъ, услыша громъ орудiй, усердно звонилъ въ два маленькихъ колокола. Свободныя отъ работъ армянки, таинственно закутавшись въ бѣлые саваны, спѣшили на молебствiе, чтобы вознести искреннiя молитвы о восторжествованiи креста надъ луною. Стоя лицомъ къ церкви, солдаты благоговѣйно крестились и усердно шептали молитвы. Между тѣмъ, орудiйная канонада становилась все ожесточеннѣе, переходя перiодически то—въ одиночный частый огонь, то—въ залповый. Очевидно, около Кизиль-тапы шелъ жаркiй бой.

Не зная въ чемъ дѣло и не получая никакихъ извѣстiй, генералъ Девель, наконецъ, рѣшилъ двигаться дальше. Едва отрядъ отошелъ отъ Кизиль-килисы двѣ версты, какъ получилась телеграмма отъ начальника штаба армiи о занятiи турками Кизиль-тапы, прося содѣйствiя взять ее обратно. Извѣстiе о потерѣ Ки-

зиль-тапы произвело удручающее впечатлѣніе, въ особенности на нижнихъ чиновъ; всѣхъ обуяло уныніе и тоска. Кизиль-тапа, за которою Елисаветпольцы ухаживали столько времени, стерегли и лелѣяли, какъ зеницу ока, вдругъ отдана туркамъ! Разумѣется, обидно.

Не останавливаясь, отрядъ повернулъ лѣвымъ плечомъ, чтобы, переправившись черезъ Арпа-чай, кратчайшимъ путемъ выйдти во флангъ турецкимъ войскамъ, занявшимъ Кизиль-тапу. За невозможностью переправиться черезъ Арпа-чай, 4-хъ-фунтовая батарея была оставлена на мѣстѣ, подъ покровительствомъ 3-го сапернаго баталіона.

Переправа черезъ Арпа-чай была ужасно трудная. Въ глубокій скалистый оврагъ, сотнями зигзаговъ, спускалась и подымалась на противоположную сторону единственная тропинка, по которой войска могли двигаться только гуськомъ, а горныя орудія, навьюченныя на вьюки, съ опасностью опрокинуться въ кручу. Рѣка Арпа-чай имѣетъ здѣсь довольно быстрое теченіе и каменистый, неровный фарватеръ; глубина ея доходитъ, мѣстами, до пяти футовъ, а ширина—тридцати шаговъ. При этихъ условіяхъ, отрядъ началъ переправляться и черезъ два часа совершенно благополучно вышелъ на противоположный берегъ. По мѣрѣ того, какъ люди подымались наверхъ, они снимали обувь, выливали воду и надѣвали ее снова на ноги, обмотанныя сухими портянками. Отсюда отрядъ двинулся форсированнымъ маршемъ и, приблизительно около 2-хъ часовъ пополудни, остановился лѣвѣе высоты Ючъ-тапы, перестроившись въ боевой порядокъ.

Отсюда мы во очію увидѣли, что Кизиль-тапа

больше не принадлежала намъ. Дымки изъ стрѣлявшихъ на ней орудій вырывались въ нашу сторону, а сзади сновали турецкія войска, то—подымаясь на Кизиль-тапу, то—спускаясь. Скоро цѣлые полки турокъ, занявъ холмы правѣе Кизиль-тапы, стали противъ насъ и открыли артиллерійскую стрѣльбу. Солдаты страшно досадовали и злились, видя Кизиль-тапу занятой турками, зная какія войска остались сторожить ее и не допуская мысли, что здѣсь не было оплошности, они пушили защитниковъ Кизиль-тапы, что называется, «во всю ивановскую».

Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ было думать иначе, когда на Кизиль-тапу трудно даже вскарабкаться и достаточно расположить на вершинѣ баталіонъ, чтобы ее никто и никогда не взялъ.

Но Кизиль-тапу, какъ увидимъ дальше, войска отдали при совершенно случайныхъ условіяхъ.

Въ такомъ положеніи отрядъ оставался до 6-ти часовъ вечера, подвигаясь то—впередъ, то — назадъ въ какой-то нерѣшительности.

— Идтить-такъ, идтить! чего-жъ мы толчемся зря;— негодовали въ озлобленіи солдатики.

Солдаты, конечно, не могли сознать причину бездѣйствія отряда. Секретъ состоялъ въ томъ, что у насъ не было артиллеріи, а безъ нея атака была немыслима. Горныя-же орудія, по свойству своего огня, не могли оказать отряду необходимую услугу; къ тому же, они не пользовались довѣріемъ нижнихъ чиновъ, которые вполнѣ остроумно называли ихъ «собачками»; стрѣльба ихъ по образцовой турецкой артиллеріи, дѣйствительно, имѣла много общаго съ «лаемъ моськи на слона».

Вотъ почему генералъ Девель, еще съ приходомъ отряда къ высотѣ Ючъ-тапа, просилъ корпуснаго командира о присылкѣ одной 9-ти-фунтовой батареи и въ ожиданіи ея ничего не предпринималъ.

Около 5-ти часовъ утра, 4-я батарея Кавказской гренадерской бригады, уже подходила къ Ючъ-тапѣ. Еще не поздно было ударить непріятелю во флангъ, но въ это время начальникъ отряда получилъ телеграмму, въ которой ему предписывалось отступить на Арпачай, къ дер. Кегачъ, и ждать распоряженія. Къ тому-же, огонь около Кизиль-тапы къ этому времени совершенно затихъ и было понятно, что Кизиль-тапу рѣшили оставить. Недождавшись 4-й батареи, отрядъ двинулся обратно и въ 8 часовъ вечера сталъ бивакомъ впереди дер. Кегачъ.

Такимъ образомъ, нашъ отрядъ, слѣдуя безъ дорогъ, по горамъ, по доламъ, прошелъ около 35-ти верстъ безводнаго пути, томимый голодомъ и жаждой. Обезсиленные и голодные солдаты, завернувшись въ неизмѣнныя свои шинели, съ ранняго вечера повалились спать, съ сладкой надеждой, что къ разсвѣту подойдутъ кухни, оставшіяся у Кизиль-килиса, и покормятъ ихъ горячей пищей. Они не ошиблись: чуть-свѣтъ, на берегу Арпа-чая дымились ротныя кухни, готовя какую-то похлебку, въ которой, какъ солдаты выражались, «крупинка за крупинкой гонялась съ дубинкой». Но въ подобныхъ случаяхъ, да еще голодному, не приходилось быть разборчивымъ, и потому похлебку поѣли съ такимъ удовольствіемъ, что въ котлахъ, кажется, не осталось ни одной крупинки съ дубинкой. Послѣ завтрака, отъ нечего дѣлать, одни изъ солдатъ пошли

удить рыбу, другіе, просто, поплевать въ воду, а офицеры, собравшись въ кучку, горячо разсуждали о Кизиль-тапѣ и, самое главное, о томъ, что сдѣлаютъ съ отрядомъ; направятъ-ли его опять въ эриванскій отрядъ, или оставятъ при дѣйствующемъ корпусѣ. Но вопросъ этотъ скоро разрѣшился. Въ 8-мь часовъ утра ударилъ барабанъ «сборъ»; отрядъ собрался и выступилъ форсированнымъ маршемъ, спѣша занять выступъ Ючъ-тапы. Понятна радость всѣхъ при такомъ желательномъ оборотѣ обстоятельствъ.

Я уже имѣлъ случай говорить объ Ючъ-тапѣ, какъ о самостоятельной высотѣ, возвышающейся на равнинѣ между Караяльскимъ и Аладжинскимъ хребтами; она, собственно говоря, состоитъ изъ трехъ возвышенностей, расположенныхъ другъ отъ друга на совершенно одинаковыхъ разстояніяхъ и соединенныхъ между собою сѣдловинами, такъ что, если соединить три эти вершины прямыми линіями, то получится равносторонній треугольникъ, одинъ изъ угловъ котораго, самый высокій, выдастся къ сторонѣ Аладжинскаго хребта.

Вотъ, на этотъ-то уголъ, и взобрался отрядъ около 12-ти часовъ дня. Устроившись въ порядкѣ бивуачнаго расположенія, всѣ собрались у передняго ската горы и съ любопытствомъ стали обозрѣвать новое расположеніе турецкихъ войскъ на Аладжѣ и Кизиль-тапѣ. Кизиль-тапа была вся испещрена длинными ярусами траншей; на вершинѣ ея лоснилось пять-шесть орудій, на скатахъ копошились тысячи рабочихъ, быстро сооружавшихъ полевыя укрѣпленія, а сзади виднѣлся большой лагерь, около котораго турки спокойно производили ученіе. Видя это, стыдно становилось за на-

шихъ полевыхъ инженеровъ, которые, какъ говорили, за нѣсколько дней до катастрофы, донесли корпусному командиру, что для укрѣпленія Кизиль-тапы и постановки на ея вершинѣ орудій потребуется много рабочихъ силъ и много времени. Турки-же, однако, укрѣпили Кизиль-тапу въ одну ночь, а орудія были поставлены тотчасъ-же по занятіи ея.

Въ то время, когда мы были увлечены картиной впереди лежащаго пространства, занятаго непріятелемъ, изъ дер. Джала выѣхала партія баши-бузуковъ, въ числѣ 60-ти человѣкъ, и смѣло понеслась на Ючъ-тапу. Мы приняли ихъ за нашихъ казаковъ—охотниковъ и продолжали стоять совершенно спокойно. Баши-бузуки подъѣхали шаговъ на 1,000, остановились и открыли по насъ безвредную стрѣльбу. Солдаты, съ крикомъ «тю», осадили назадъ, за гребень горы, а офицеры съ генераломъ Девелемъ и кн. Амираджибовымъ остались на мѣстѣ, раздвинувшись вправо и влѣво. Нѣсколько пуль упало у самыхъ ногъ князя Амираджибова, но онъ продолжалъ стоять съ невозмутимымъ спокойствіемъ, показывая видъ, будто не замѣчаетъ.

Послѣ перваго выстрѣла изъ горнаго орудія, баши-бузуки разсѣялись и отошли назадъ. Многіе изъ присутствовавшихъ офицеровъ явленіе это объясняли намѣреніемъ турокъ предупредить насъ занятіемъ Ючъ-тапы, но объясненіе это неправильно: турки не могли не замѣтить два полка пѣхоты на вершинѣ Ючъ-тапы; вѣрнѣе всего, это была рекогносцировка, произведенная съ цѣлью узнать, какимъ числомъ войскъ заняли мы Ючъ-тапу, обладаніе которою туркамъ было весьма

важно, такъ какъ съ потерей ея, мы лишались опорнаго пункта до самаго Александрополя.

Въ виду такого существеннаго для насъ значенія, Ючъ-тапа была укрѣплена *) и скоро представляла сильную, недоступную позицію, о которую упирался лѣвый флангъ дѣйствующаго корпуса, ставшаго, послѣ потери Кизиль-тапы, на линіи Караяльскаго хребта, Байрахтарскихъ холмовъ и Ючъ-тапы. Но при безукоризненныхъ тактическихъ свойствахъ, Ючъ-тапа имѣла большой недостатокъ въ хозяйственномъ отношеніи: около нея, въ разстояніи пяти верстъ, нигдѣ не было воды; она подвозилась, какъ для питья, такъ и для варки пищи, въ кожанныхъ мѣшкахъ, предававшихъ ей отвратительный вкусъ, и при томъ, подвозилась въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что, нерѣдко, люди получали только по крышкѣ въ день. Въ постоянно тревожномъ ожиданіи нападенія непріятеля, аванпостная служба неслась въ высшей степени тяжелая. На ночь, не только сторожевыя части, но и весь полкъ лежалъ на линейкѣ, внѣ палатокъ, въ полной боевой готовности. Изъ Караяла и Байрахтара сюда былъ проведенъ военно-походный телеграфъ, а для наблюденія за дѣйствіями непріятеля поставленъ телескопъ. Мѣстность впереди Ючъ-тапы сдѣлалась ареной постоянныхъ стычекъ между нашими казаками и баши-бузуками, подобно тому, какъ передъ Кизиль-тапою.

---

*) Работы производились подъ руководствомъ поручика Вернера—отставного сапернаго офицера, прибывшаго въ нашъ полкъ во время войны.

Способъ траншейной обороны вошелъ, наконецъ, и у насъ въ моду. По всей линіи расположенія корпуса закипѣла самая энергичная работа по устройству полевыхъ укрѣпленій. Никто болѣе не позволялъ себѣ говорить, что «турки врываются въ землю, какъ кроты». Всѣ согласились, что турки были практичнѣе насъ и въ этомъ отношеніи; можно сказать, они научили насъ уму-разуму.

19-го числа, вечеромъ, на Ючъ-тапу прибыла «наша батарея». Солдатики такъ обрадовались ей, что выбѣжали навстрѣчу, схватили орудія и съ крикомъ «ура» втащили на гору. Батарея была вооружена стальными орудіями, а старыя мѣдныя, какъ оказалось, испортились отъ множества выстрѣловъ, произведенныхъ батареею 13-го августа по Кизиль-тапѣ. На другой же день орудія были прикрыты ложементами, выстроенными друзьями батареи.

18-го августа на укомплектованіе полка пришло изъ 152-го пѣхотнаго запаснаго баталіона 531 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Внѣшній видъ людей, не смотря на трудный и длинный путь слѣдованія, былъ бодрый, здоровый и молодцоватый, но подготовка ихъ въ строевомъ отношеніи не вполнѣ удовлетворительна, почему они двѣ недѣли, подъ командою капитана Чумарова, обучались строю, а потомъ были разбиты по ротамъ.

20-го числа 1-й и 4-й баталіоны нашего полка перешли въ дер. Байрахтаръ и вступили въ составъ колонны генерала Лазарева. На слѣдующій день, новый лагерь Елисаветпольцевъ посѣтилъ Его Императорское Высочество, Главнокомандующій Кавказской арміей; Его Высочество милостиво хвалилъ и благода-

рилъ полкъ за службу и перенесенные труды. Служба въ Байрахтарѣ была такая же тяжелая, какъ и на Ючъ-тапѣ, но хозяйственныя условія далеко лучше. Въ первые дни баталіоны занимались устройствомъ укрѣпленій на холмахъ, впереди лагеря, а потомъ ходили въ прикрытіе батарей. Кромѣ того, баталіоны, черезъ каждыя двѣ недѣли, ходили на смѣну баталіонамъ, оставшимся на Ючъ-тапѣ и испытывавшимъ большія труды и лишенія отъ черезвычайно тяжелой службы и отсутствія воды.

По приказанію генерала Лазарева, въ Байрахтарѣ была сформирована охотничья команда изъ 200 человѣкъ, въ составъ которой вошли люди всѣхъ частей войскъ, расположенныхъ въ Байрахтарскомъ лагерѣ. Начальникомъ команды охотниковъ былъ назначенъ нашего полка прапорщикъ Туркинъ, а помощниками послѣднему—прапорщикъ Славочинскій и одинъ офицеръ отъ Гурійскаго полка. Команда имѣла назначеніе тревожить непріятеля; и, нужно отдать справедливость, она выполняла свою задачу чрезвычайно добросовѣстно и похвально. Отлучаясь каждую ночь съ ранняго вечера, охотники дѣлали неожиданныя нападенія то—на одинъ, то—на другой пунктъ непріятельскаго расположенія, вступали въ открытый бой съ ошеломленнымъ непріятелемъ и отступали назадъ, преслѣдуемые нерѣдко цѣлыми баталіонами и эскадронами турокъ. Нашимъ войскамъ приходилось неоднократно ходить на выручку. Однажды, Кизиль-тапа, встревоженная нашими охотниками, всю ночь была въ страшномъ огнѣ. Обозлившийся непріятель преслѣдовалъ охотниковъ почти до линіи нашихъ аванпостовъ. Не зная

въ чемъ дѣло, всѣ дежурные баталіоны вышли впередъ, и вообще въ нашемъ Байрахтарскомъ лагерѣ поднялась страшная суматоха. Къ разсвѣту, охотники возвращались въ лагерь и отдыхали цѣлый день, чтобы къ вечеру съ новыми силами двинуться опять на трудное и рискованное ночное предпріятіе. Отъ охотниковъ въ особенности доставалось турецкимъ сторожевымъ постамъ; почти каждый разъ они приносили съ собою магазинныя ружья, шашки, пистолеты и другія вещественныя доказательства своихъ отчаянныхъ дѣйствій. Вообще, все время стоянки въ Байрахтарѣ войска провели въ мелкихъ рекогносцировкахъ, производимыхъ для ознакомленія съ возведенными непріятелемъ укрѣпленіями на вновь занятой имъ позиціи 13-го августа, въ ночныхъ движеніяхъ, фуражировкахъ и приготовленіяхъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, которыя должны были открыться съ приходомъ изъ Москвы Гренадерской дивизіи, на усиленіе дѣйствующаго корпуса. Находясь въ разныхъ пунктахъ, Елисаветпольцы могли принимать участіе въ сказанныхъ предпріятіяхъ только частями. Такимъ образомъ, 3-й баталіонъ, 26-го августа, участвовалъ въ рекогносцировкѣ праваго фланга непріятельской позиціи, къ сторонѣ дер. Джала, а ночью, съ 1-го на 2-е сентября, прикрывалъ отступленіе нашей кавалеріи, сдѣлавшей нападеніе на турецкій кавалерійскій лагерь у Инаха-тепеси, причемъ баталіонъ потерялъ двухъ человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыми.

Въ этомъ нападеніи въ особенности отличался мужествомъ и храбростью знаменитый нашъ партизанъ Саматъ–ага, начальникъ Борчалинской сотни; съ своей

отчаянной конницей онъ пронесся опустошительной бурей по линіи непріятельскихъ аванпостовъ и на пространствѣ болѣе 10-ти верстъ истопталъ всѣ встрѣчающіеся лагери, перерубилъ всѣхъ людей, бывшихъ на аванпостахъ и отступилъ, потерявъ до 10-ти человѣкъ Борчалинцевъ убитыми и ранеными; самъ онъ получилъ серьезную рану въ ногу.

За Саматомъ числится много славныхъ подвиговъ въ минувшей войнѣ, а самая жизнь его, вообще, полна интереснѣйшихъ приключеній.

Сынъ борчалинскаго татарина, разбойника, онъ, съ дѣтства, самъ привыкъ къ разбоямъ, грабежамъ и убійствамъ. Шайка его состояла изъ тридцати самыхъ отборныхъ борчалинцевъ *), вооруженныхъ съ ногъ до головы. Райономъ дѣйствій шайки можно считать пространство отъ Каспійскаго моря до Сурамскаго перевала. Убѣжище его, въ Тріалетскихъ горахъ, было открыто и онъ взятъ силою и сосланъ въ Сибирь; но съ пути ему удалось бѣжать въ Турцію. Не смѣя показаться на родинѣ, онъ, во главѣ шайки изъ курдовъ и борчалинцевъ, наводилъ ужасъ на всю мѣстность отъ Карса до Эрзерума. Именемъ его армяне пугали дѣтей своихъ. Такъ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, онъ распустилъ свою шайку и снова поселился въ лѣсахъ Тріалетскихъ горъ.

«Однообразная жизнь въ непроходимой глуши Тріалетскихъ горъ, — разсказывалъ потомъ Саматъ, —

---

*) Борчалинцы — остатки войскъ извѣстнаго въ исторіи полководца Тамерлана; они населяютъ части Тифлисской, Елисаветпольской и Эриванской губерніи.

скоро надоѣла мнѣ до такой степени, что я принужденъ былъ покинуть мѣсто своего нахожденія. Обривъ бороду, покрасивъ усы и переодѣвшись въ грузинскій костюмъ, я отправился прямо въ Тифлисъ. Въ это время въ Тифлисѣ только и было разговора, что о Саматѣ, котораго всякій готовъ былъ видѣть съ удовольствіемъ. Одни хвалили меня за храбрость и самоотверженіе, а другіе, наоборотъ, жестоко бранили за грабежи и убійства въ нашихъ предѣлахъ. Обидно становилось, слушая незаслуженное порицаніе за грабежи въ нашихъ предѣлахъ, приписываемые совершенно напрасно; ни раньше, ни въ эту зиму, я не занимался грабежомъ въ нашихъ владѣніяхъ. А если и были грабежи и убійства, такъ они совершались моими сподвижниками безъ меня. Полиція какимъ-то образомъ пронюхала о моемъ нахожденіи въ Тифлисѣ, но я былъ такъ хорошо загримированъ, что трудно было меня узнать. Нѣсколько разъ, въ присутствіи полицейскихъ чиновниковъ, я кутилъ съ товарищами въ тѣни густыхъ, вѣтвистыхъ деревьевъ Муштаидскаго сада, а съ однимъ изъ нихъ даже говорилъ о подвигахъ разбойника Самата и о томъ, что онъ живетъ въ Тифлисѣ. Все это происходило передъ объявленіемъ войны Турціи.

«Пришла весна 1877 года. Объявили Турціи войну. Войска Русскія частью перешли уже границу, частью—подвигались. Мнѣ ужъ слишкомъ надоѣла скитальческая разбойничья жизнь, для которой я и не былъ рожденъ, но велъ, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ. «Дай, явлюсь начальству»,—подумалъ я;—«напрошусь на войну и, можетъ быть, простятъ мои пре-

грѣшенія». Сказано—сдѣлано. Я одѣлся опять Саматомъ и во всевооруженіи предсталъ передъ княземъ Мирскимъ, помощникомъ Главнокомандующаго Кавказской арміей. Положивъ оружіе передъ ногами его сіятельства, я опустился на одно колѣно и началъ говорить:

— Ваше сіятельство! Я—покорный слуга вашъ, Саматъ-ага.

— Очень пріятно,—проговорилъ князь.

— Сохраните, ваше сіятельство, мнѣ жизнь и свободу, а я постараюсь принести на войнѣ столько пользы Царю и Отечеству, сколько никогда и никто не приносилъ.

— Хорошо, постараюсь: сегодня же доложу Его Высочеству. А пока идите вотъ съ этимъ ординарцемъ на гауптвахту и скажите, что я васъ арестовалъ.

— Слушаюсь,—отвѣтилъ я, поцѣловавъ полу его сюртука.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ на гауптвахтѣ.

Въ слѣдующій день гауптвахту изволилъ посѣтить Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

— Здравствуй, Саматъ!—милостиво поздоровался Великій Князь, увидя меня.

Я припалъ къ ногамъ Его Высочества и какъ-то невольно расплакался.

— Ну, что, покончилъ разбой, образумился?

— Простите, пощадите, Ваше Императорское Высочество,—отвѣтилъ я;—многогрѣшный, богопротивный я человѣкъ, но я постараюсь съ избыткомъ искупить свои злодѣянія, если дадите возможность быть на войнѣ.

— Хорошо, попрошу Государя; но смотри: будь честнымъ гражданиномъ и оправдай мое ходатайство передъ Великимъ Государемъ.

Я разревѣлся и, едва ворочая языкомъ, далъ честное слово.

— А что тебя принудило заниматься такимъ постыднымъ дѣломъ?—спросилъ послѣднiй разъ Его Высочество.

— Въ дѣтствѣ—отецъ, а потомъ—нежеланiе быть въ Сибири,—отвѣтилъ я.

Его Высочество съ сожалѣнiемъ покачалъ головой и оставилъ гауптвахту.

Черезъ три дня, я получилъ свое оружiе и ту свободу, о которой я мечталъ и, благодаря которой, я очернилъ страницы своей жизни сотнями невольныхъ злодѣянiй. Согласно полученнаго предписанiя, я выѣхалъ въ Борчалу, сформировалъ команду изъ 150-ти человѣкъ храбрѣйшихъ Борчалинцевъ и двинулся съ нею на театръ войны; скоро къ командѣ присоединились и мои сотоварищи по разбойничьимъ похожденiямъ — Курды и Карапапахи. Дѣйствительность моего разсказа могутъ подтвердить 16 человѣкъ Борчалинцевъ, состоящихъ въ настоящее время въ моей сотнѣ, которые участвовали даже въ похожденiяхъ моего отца Даштимура».

Таковъ-то былъ Саматъ, служившiй Царю и Отечеству съ громадной пользой и получившiй всѣ награды, доступныя нижнему чину, а потомъ, послѣ сраженiя 20-го и 21-го сентября, произведенный въ прапорщики милицiи.

IX.

Въ Байрахтарскомъ лагерѣ.

5-го сентября, утромъ, 1-я рота Елисаветпольцевъ, спустившись съ Ючъ-тапы, прикрыла отступленіе Тушинской сотни, напавшей въ предъидущую ночь на цѣпь турецкихъ аванпостовъ, причемъ рота, послѣ довольно сильной перестрѣлки съ турецкой кавалеріей, потеряла 3-хъ человѣкъ нижн. чиновъ убитыми и 1-го раненымъ. Потеря Тушинской сотни, какъ говорили, была весьма значительна. За то, Тушинцы изрубили до пятнадцати постовъ и взяли въ плѣнъ около десяти человѣкъ башибузуковъ.

Кстати познакомимся съ Тушинцами, какъ съ замѣчательно храбрыми воинами.

Тушинцы—единственное грузинское племя, и до сихъ поръ цѣликомъ сохранило боевыя качества и преданія своихъ отцовъ и дѣдовъ; населяя окраину Грузіи, смежную съ дикими воинственными народами Кавказа, они всегда охраняли Грузинское царство, какъ Кубанскіе, Терскіе и Черноморскіе казаки охраняли окраины Россіи. Въ исторіи Грузіи упомянуто много случаевъ, когда грузинскіе цари, благодаря этому воинственному племени, усмиряли народы горнаго Кавказа въ два—три мѣсяца. 500 воиновъ Тушинцевъ составляли постоянную армію грузинскихъ царей. Храбрость у Тушинцевъ цѣнится выше жизни. Ни одна дѣвушка-тушинка не выйдетъ замужъ, если ея женихъ не заявитъ о своей

храбрости чѣмъ-нибудь. Раненаго на войнѣ въ спину *), Тушинцы исключаютъ изъ своего общества, а убитаго при такихъ же условіяхъ,—не хоронятъ, а бросаютъ хищнымъ животнымъ на съѣденіе; павшаго же геройски, при возможности, рѣжутъ на части, кладутъ въ переметныя сумы и перевозятъ на родину, чтобы похоронить рядомъ съ славными отцами и дѣдами. По окончаніи боя, Тушинцы отрѣзываютъ у убитаго непріятеля кисти правыхъ рукъ и, прійдя домой, прибиваютъ ихъ къ наружнымъ дверямъ, какъ знакъ храбрости домохозяина.

Тушинцы прибыли въ дѣйствующій корпусъ еще во время стоянки въ дер. Мацра, подъ Карсомъ. Разсказывали, что, однажды, Тушинцы, послѣ ночнаго похожденія, привезли съ собою до двадцати-пяти кистей, какъ доказательство, что они имѣли дѣло съ непріятелемъ. Его Высочество наградилъ ихъ за храбрость, но изволилъ имъ выразить неудовольствіе и предупредилъ, чтобы они въ другой разъ не дѣлали этого. Послѣ двухъ, трехъ стычекъ, баши-бузуки такъ боялись Тушинцевъ, что избѣгали столкновенія съ ними. Благодаря такому обаянію, Тушинцы преспокойно брали воду для питья въ дер. Джала, въ трехъ верстахъ отъ Инахъ-тепеси.

Дикія, чудовищныя громады Кавказа, пріютившія Тушинское племя, положили на нихъ свой особенный отпечатокъ: Тушинецъ угрюмъ, говоритъ медленно, грубо и рѣдко его лицо озаряется улыбкой; защищая

---

*) Рана въ спинѣ считается большимъ позоромъ, какъ несомнѣнное, по мнѣнію Тушинцевъ, доказательство трусости и бѣгства отъ непріятеля.

вѣками свой очагъ и предѣлы отечества отъ воинственныхъ сосѣднихъ племенъ, гдѣ рядомъ съ тысячами побѣдъ шли тысячи неудачъ, Тушинецъ привыкъ къ нимъ до такой степени, что побѣдѣ онъ не радуется, а несчастью — не печалится, а ко всему относится хладнокровно и видитъ во всемъ обыденное, естественное явленіе. Въ этомъ отношеніи Тушинцы рѣзко отличаются отъ остальныхъ племенъ Кавказа, историческая жизнь которыхъ сложилась при совершенно иныхъ условіяхъ, благодаря кавказской природѣ, устроившей для каждаго племени отдѣльное, недоступное гнѣздо. Но не однѣ эти особенности отличаютъ Тушинцевъ отъ остальныхъ племенъ Кавказа: въ то время, какъ у сосѣдей женщины приняли на себя весь хозяйственный трудъ, забиты, изуродованы непосильными работами и играютъ въ семьѣ роль рабочаго скота, Тушинцы работаютъ сами, а женщинамъ предоставлена обязанность лишь воспитывать дѣтей; ихъ любятъ, уважаютъ.

Каковы Тушинцы, таковъ былъ у нихъ и командиръ сотни, ротмистръ Натіевъ: высокій, плотный, среднихъ лѣтъ мужчина, весь увѣшанный орденами, обличавшими въ немъ храбраго человѣка, побывавшаго во всѣхъ углахъ Кавказа, гдѣ только работалъ штыкъ кавказскаго солдата-богатыря *).

7-го сентября, въ расположеніи войскъ дѣйствующаго корпуса произошла маленькая перемѣна: два баталіона 152-го пѣхотнаго Владикавказскаго полка (38-й дивизіи), оставивъ Курюкъ-дара, вторично стали лаге-

---

*) Въ минувшей войнѣ онъ получилъ двѣ раны: въ голову и грудь.

ремъ лѣвѣе нашего полка, а другіе два смѣнили Абхазцевъ, остававшихся до сихъ поръ на Ючъ-тапѣ.

Отъ офицеровъ Владикавказскаго полка я узналъ подробности дѣла 13-го августа; вотъ, какъ объясняли они потерю Кизиль-тапы и участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ:

Въ лагерѣ, за нѣсколько дней, поговаривали о намѣреніи Мухтара-паши овладѣть Кизиль-тапою, но, не допуская такой смѣлости въ туркахъ, никто не вѣрилъ толкамъ и всѣ были совершенно спокойны. Въ ночь съ 12-го на 13-е августа, Кизиль-тапу прикрывалъ баталіонъ Имеретинскаго полка. Какъ передавали казаки Кубанскаго полка, бывшіе въ ту ночь на аванпостахъ, толпы турецкой кавалеріи изъ кавказскихъ горцевъ, съ посаженными на крупахъ лошадей стрѣлками, около трехъ часовъ утра, ринулись на нашу сторожевую линію съ крикомъ: «свои, свои!» — повторяя при этомъ нашъ пропускъ. Принявъ ихъ за своихъ охотниковъ—казаковъ, везшихъ плѣнныхъ турокъ, посты пропустили безпрепятственно. Спустя нѣсколько минутъ, подошли и пѣхотныя части турокъ, которыя скорымъ маршемъ, тѣсня аванпосты, двигались прямо къ подошвѣ Кизиль-тапы. Ссадивъ стрѣлковъ съ коней, горцы повернули назадъ и приняли нашу пѣхотную цѣпь въ шашки.

Услыхавъ выстрѣлы, Имеретинцы бросились впередъ, но тотчасъ же были охвачены съ фланговъ подошедшей турецкой пѣхотой. Началась ожесточенная штыковая борьба, продолжавшаяся около полчаса. Имеретинцы дрались геройски, но, давимые съ трехъ сторонъ въ десять разъ сильнѣйшимъ непріятелемъ, принуждены были отступить, потерявъ 3-хъ офицеровъ ранеными и около 100 нижн. чин. убитыми и ранеными.

Къ разсвѣту, турки окончательно заняли Кизиль-тапу, втащили орудія и открыли огонь по Башъ-кадыклярскому лагерю.

Послѣ первыхъ же выстрѣловъ, Башъ-кадыклярскій лагерь всталъ и началъ движеніе. Первыми двинулись два баталіона Владикавказскаго полка съ 3-й батареею 39-й артиллерійской бригады; за ними—два баталіона Имеретинцевъ и вся кавалерія, бывшая въ Башъ-кадыклярѣ. Ночь была такая темная, что выступившія части потеряли связь и разбрелись въ разныя стороны. Одинъ баталіонъ Владикавказцевъ подошелъ къ самой подошвѣ Кизиль-тапы, предполагая, что она еще не занята турками, но былъ остановленъ сильнымъ залповымъ огнемъ. Потерявъ связь и не имѣя общаго руководителя, войска остановились въ ожиданіи разсвѣта. Утромъ, командованіе боевой линіей принялъ генералъ Чавчавадзе. Найдя возможнымъ взять Кизиль-тапу обратно, генералъ Чавчавадзе привелъ войска въ порядокъ и приказалъ двумъ баталіонамъ Владикавказскаго полка атаковать южную возвышенность Кизиль-тапы. Атаку подготовляли 3-я батарея 39-й артиллерійской бригады и 2-я — 40-й бригады. На Кизиль-тапѣ уже стояли орудія и она была укрѣплена траншеями малой профили.

Ровно черезъ полтора часа послѣ сильной артиллерійской канонады, Владикавказцы, предводимые полковникомъ Романовичемъ, двинулись въ атаку. Турки заняли южную возвышенность густою цѣпью стрѣлковъ; за возвышенностью стояли резервы и кавалерія. Лѣвый флангъ Владикавказцевъ обезпечивали Нижегородскій и Сѣверскій драгунскіе полки съ казачьей

батареею. Подойдя къ возвышенности, полковникъ Романовичъ одинъ баталіонъ оставилъ у подошвы, а съ другимъ пошелъ на штурмъ. Впереди шла 16-я рота поручика Абраменко. Осыпаемые градомъ пуль и гранатъ, Владикавказцы стремительно бросились на возвышенность, покрытую сплошной массой пѣхоты. Скоро 16-я рота выбила турокъ штыками изъ первой линіи траншей. Усыпая поле сотнями труповъ, понадвинулись резервы и съ потрясающимъ ревомъ «ура» обрушились на непріятеля. Послѣ кровопролитной штыковой схватки, турки были опрокинуты, возвышенность занята. Полковникъ Романовичъ тотчасъ же распорядился прочнымъ занятіемъ возвышенности для принятія контръ-атакъ, выславъ густую цѣпь къ сторонѣ большой возвышенности Кизиль-тапы и къ тылу.

Первый удачный шагъ подалъ надежду овладѣть и большою высотою. Послѣ Владикавказцевъ пошли въ атаку Имеретинцы, на сѣдловину, соединяющую возвышенности. Три раза они бросались наверхъ, но безуспѣшно: сѣдловина была сильно укрѣплена и защищалась большими силами турокъ. Лишившись массы людей, Имеретинцы отошли назадъ.

Въ это время, на помощь подошелъ Курюкъ-даринскій отрядъ. Колонна изъ 5-ти баталіоновъ съ 4-мя орудіями (три баталіона Севастопольскаго полка, 1-й и 4-й Кавказскіе стрѣлковые баталіоны и дивизіонъ 6-й батареи 19-й артиллерійской бригады), подъ начальствомъ полковника Комарова, направлена кратчайшимъ путемъ къ подошвѣ Кизиль-тапы, а остальныя части посланы для охраненія фланговъ расположенія дѣй-

ствующаго корпуса, къ которымъ начали подвигаться турецкая пѣхота и кавалерія.

Обогнувъ Кизиль-тапу съ юго-западной стороны, полковникъ Комаровъ было повелъ атаку на большую высоту, но въ это время, турки стали обходить его съ фланга и тыла; онъ остановилъ движеніе, поставилъ колонну лицомъ къ обходившему его непріятелю и вступилъ въ бой. Такимъ образомъ, атака Кизиль-тапы съ сѣверной стороны не состоялась и болѣе не могла состояться, такъ какъ войска всѣ были въ расходѣ, въ резервѣ не осталось ни одного баталіона. Послѣ этого, взоры всѣхъ сосредоточились на Ючъ-тапѣ, гдѣ долженъ былъ показаться отрядъ генерала Девеля, отставившій движеніе въ отрядъ Тергукасова. Насталъ жаркій, душный полдень. На пространствѣ слишкомъ 20-ти верстъ отъ Паргета, до Кизиль-тапы и Ючъ-тапы шелъ ожесточенный бой; надъ землею всюду парилъ густой туманъ пороховаго дыма, воздухъ оглашался ружейной трескотней, орудійными выстрѣлами и криками «ура», слившимися въ непрерывный вой. Воодушевленные успѣхомъ предыдущей ночи, турки бились, какъ львы; но бились они, какъ рыба объ ледъ: наши войска не уступали ни пяди земли, сотнями разстрѣливали и сажали ихъ на штыки.

Вотъ, наконецъ, около Ючъ-тапы потянулись черныя массы отряда Девеля. Солдатики радостно кричали: «наши, наши!» Въ особенности отряду Девеля обрадовались Владикавказцы, которые, подъ убійственнымъ огнемъ съ большой высоты, выдержали уже до пяти атакъ непріятеля, потребовавшихъ не мало жертвъ. Но отрядъ Девеля, перестроившись въ боевой поря-

докъ, остановился и не двигался до 5-ти часовъ вечера. Владикавказцы страшно досадовали и съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ожидали содѣйствія со стороны генерала Девеля. Но, увы! Въ пять часовъ отрядъ повернулъ назадъ и скрылся за Ючъ-тапу. Одновременно Владикавказцы получили приказаніе отступить къ Башъ-кадыкляру. Это былъ самый жестокій часъ для нихъ. Едва только оставили возвышенность, какъ тысячи пуль завыли между, и такъ порѣдѣвшими, рядами отступавшихъ ротъ; до пяти полковъ кавалеріи, выѣхавъ быстро изъ-за Кизиль-тапы, стройно понеслись въ атаку. Остановившись подъ градомъ пуль, роты встрѣтили кавалерію залпами, часть ея уничтожили, а другая повернула назадъ. Войска Башъ-кадыклярскаго лагеря, преслѣдуемыя непріятелемъ до двухъ верстъ, отошли на деревню Байрахтаръ, гдѣ и стали на новой позиціи.

Такимъ образомъ, невнимательность наша относительно занятія Кизиль-тапы стоила намъ до 45-ти офицеровъ и 1,000 нижн. чин. убитыми и ранеными.

Уронъ у непріятеля былъ тоже весьма значительный: говорили, что одними ранеными у нихъ выбыло изъ строя болѣе 1,500 человѣкъ.

Потеря Кизиль-тапы возбудила непріязненныя отношенія между нижними чинами кавказскихъ войскъ и 40-й дивизіи. Кавказцы никакъ не хотѣли согласиться, что Имеретинцы уступили туркамъ Кизиль-тапу послѣ неимовѣрныхъ усилій и ничуть не уронивъ чести русскаго оружія; озлобленіе дошло до того, что у байрахтарскихъ родниковъ вступали въ кулач-

ный бой сотни солдатъ изъ за воды, которую кавказцы не давали виновникамъ потери Кизиль-тапы.

— Покамѣсть Кизилка у турокъ, не будетъ вамъ воды! — кричали кавказцы.

Такая вражда между нижними чинами была бы крайне непріятнымъ явленіемъ въ военное время, если бы нашъ солдатъ не обладалъ способностью забывать все, дѣйствуя въ интересахъ горячо любимаго имъ Царя и Отечества, помимо того, что и обстановка боя сама сближаетъ и невольно объединяетъ людей. Вотъ почему, не смотря на такую вражду, въ дальнѣйшихъ сраженіяхъ кавказцы и 40-я дивизія всегда шли рука объ руку и о «Кизилкѣ» не было и рѣчи.

Посмотримъ теперь, какъ войска Байрахтарскаго лагеря проводили свободное, отъ боевыхъ предпріятій и лагерной службы, время.

Длинный и томительный періодъ стоянки на Байрахтарской позиціи нижніе чины разнообразили пѣніемъ пѣсень, плясками, играми въ «бабки» и «городки», прогулками по базару, раскинувшемуся въ безпорядкѣ позади лагеря, хожденіемъ въ гости къ землякамъ, съ которыми въ волю кутили, веселились; въ другое время, сойдясь впереди лагеря, они съ любопытствомъ обозрѣвали вражескій станъ, перемѣны въ которомъ каждый разъ давали имъ новую пищу для толковъ и пересудовъ; или, сидя въ палаткахъ, беззаботно тарабарничали о впечатлѣніяхъ минувшихъ дней, вспоминая родной очагъ, оставшійся за далекими горами-долами, убитыхъ въ дѣлахъ товарищей, славно положившихъ свою жизнь за Царя и Отечество; вспоминали выбывшихъ изъ строя своихъ начальниковъ, говоря:

«евтотъ такой-то молодчинища, съ нимъ хоть куда— не пропадешь». Бывали у солдатъ и болѣе серьезные разговоры: разсуждали, по своему, о положеніи дѣлъ на европейскомъ театрѣ войны, что «тамъ-де, войска наши застряли около Плевны», что «турка беретъ верхъ, но, не имѣя больше денегъ, перестанетъ воевать и скоро уступитъ все, что потребуетъ отъ него нашъ Батюшка Государь». Откуда они черпали эти свѣдѣнія—трудно сказать. У солдатъ въ этомъ отношеніи удивительное чутье; о сверженіи турецкаго султана Азиса, они говорили между собою нѣсколькими днями раньше, чѣмъ узнали объ этомъ офицеры. Къ способамъ препровожденія времени можно отнести и игру въ «орлянку», которая происходила въ Байрахтарскомъ лагерѣ, около родниковъ, въ глубокой скалистой балкѣ, гдѣ игроки были совершенно скрыты отъ взора начальства. Сюда ежедневно собирались любители всѣхъ родовъ оружія: артиллеристы, саперы, пѣхотинцы, драгуны, казаки и даже милиціонеры.

Однажды, я возвращался изъ Курюкъ-дара. Дорога въ Байрахтарскій лагерь лежала черезъ родники; желая сократить ее, я свернулъ въ сторону и скоро подъѣхалъ къ упомянутой выше балкѣ. На днѣ балки, подъ высокой сѣрой скалой, стояла толпа солдатъ, оглашавшая балку, то—дикимъ, буйнымъ крикомъ, то—громкимъ хохотомъ, то—словами: «орелъ, рѣшотка», которыя глухо повторялись мрачными стѣнами балки, словно, въ ней еще гдѣ-нибудь играли въ орлянку.

Я былъ на полугорѣ, когда одинъ изъ игроковъ тревожно закричалъ: «офице-е-еръ!» Толпа моментально юркнула во всѣ стороны и въ балкѣ водворилась

мертвая тишина. Желая узнать, не было-ли между игроками моихъ однополчанъ, я съѣхалъ прямо къ мѣсту игры. У скалы, на небольшой, нарочно разчищенной площадкѣ, валялись кучи мѣди, серебра и турецкихъ золотыхъ монетъ, приблизительно на 300 рублей. «Вотъ, гдѣ богатство ардаганскаго казначейства!» — подумалъ я. Игроки попрятались въ камняхъ и трещинахъ такъ ловко, что, казалось, въ балкахъ не было ни единаго живаго существа, кромѣ меня. Послѣ непродолжительнаго размышленія, я обратился къ игрокамъ:

— Эй, ребятушки, выходи; бери свои деньги, а не то, увезу!

Никто не отозвался.

— Выходи, ничего не будетъ; не бойся! — обратился я вторично.

Опять молчаніе. Тогда я слѣзъ съ коня и сталъ серебро и золото загребать въ фуражку, приговаривая громко: «спасибо, молодцы, пригодятся; денежки съ неба не упадутъ!» и т. п.

— Ваше благородіе! Виноватъ!—вдругъ огласился воздухъ надо мною.

Я невольно взглянулъ наверхъ. Надъ обрывомъ скалы стоялъ штрафованный рядовой 14-й роты, Иванъ Дьячковъ, весь отрепанный, съ всклокоченными волосами и множествомъ побоевъ, совершенно обезобразившихъ и такъ неказистую его физіономію, на которой одинъ глазъ едва глядѣлъ изъ глубокой посинѣвшей глазной впадины, а другой — совершенно потонулъ въ ней. Я съ трудомъ могъ его узнать.

— Это ты, Дьячковъ?—спросилъ я.

— Виноватъ, ваше благородiе, я! — отвѣтилъ онъ, выпрямившись въ струнку и приложивъ къ козырьку руку, покрытую съ наружной стороны запекшеюся кровью.

— Твои деньги?

— Такъ точно; всѣ мои, ваше благородiе!—произнесъ онъ рѣшительно.

— Никакъ нѣтъ; Дьячковъ брешетъ! — прокричалъ чей-то пискливый голосъ, шагахъ въ пятидесяти отъ меня.

— Ты слышишь, Дьячковъ? Говорятъ: не твои деньги.

— Мои, ваше благородiе; они сами брешутъ: я ихъ сегодня всѣхъ облапошилъ.

Я еще разъ предложилъ игрокамъ выйдти и взять свои деньги, угрожая, въ противномъ случаѣ, отдать ихъ Дьячкову; но никто не рѣшался показаться.

— Явите милость, позвольте взять деньги!—взмолился Дьячковъ, услыхавъ угрозу.

Я приказалъ ему сойдти внизъ, собрать деньги и слѣдовать за мной въ лагерь, что онъ и исполнилъ немедленно, радуясь такому случайному и счастливому обороту дѣла. Мы двинулись въ путь.

— Макарычъ! Выходи, а то, Дьячковъ забралъ наши деньги!—заговорилъ лѣвый берегъ балки.

— Иди, братъ, самъ, коль хочешь: тамъ твоихъ-то деньжатъ побольше!—отвѣтилъ противоположный берегъ.

Скоро я и мой счастливый спутникъ стали подыматься на гору. Обремененный тяжестью звонкой монеты, Дьячковъ задыхался и напрягалъ всѣ свои силы, чтобы не отстать отъ меня; на распухшемъ, шарообразномъ его лицѣ, орошаемомъ струями пота, отра-

жалось необыкновенное блаженство; онъ ежеминутно щупалъ, то—карманы, то—голенища, боясь потерять пріобрѣтенное случайно богатство. Когда мы были на полугорѣ, балка вдругъ огласилась десятками умоляющихъ голосовъ:

— Ваше благородіе! Отдайте деньги! Будемъ Богу за васъ молиться!...

Я остановился, взглянулъ въ балку и, не замѣтивъ никого, поѣхалъ дальше.

— Не правда-ли, ты теперь богатый и счастливый человѣкъ? — обратился я къ Дьячкову, боязливо оглядывавшемуся назадъ.

— Такъ точно; покорнѣйше благодарю, ваше благородіе!—отвѣтилъ онъ, самодовольно улыбаясь.

— Слушай: куда же ты дѣнешь столько денегъ? Родные есть у тебя?

— Много, ваше благородіе: жена, дѣтки, старуха-мать, братишки-малолѣтки; живутъ оченно бѣдно; вотъ и пошлю завтра же, ваше благородіе! Отпишу, чтобы служили въ деревнѣ молебствіе за ваше здоровье.

— Спасибо, спасибо! Да, смотри, отправь всѣ; здѣсь, вѣдь, деньги не нужны: Батюшка-Царь хорошо кормитъ и одѣваетъ своего солдата.

— Слушаю-съ, безпремѣнно всѣ отправлю, ваше благородіе.

— А скажи-ка, Дьячковъ, правду: за что это раскроили тебѣ морду?

— За мошенство, ваше благородіе!—отвѣтилъ Дьячковъ, тяжело вздохнувъ.

— За какое это!?

— Нашли у меня пятачокъ съ двумя орлами, ваше благородіе.

— Откуда же ты его выкопалъ!?

— Еще изъ дому, ваше благородіе; купилъ у фабричнаго за пять цѣлковыхъ.

— Ну, и что же, много выигрывалъ?

— Выигрывать-то—выигрывалъ, ваше благородіе, да дюже накладывали!

Разговаривая такимъ образомъ, мы отошли отъ балки шаговъ около пятисотъ. Я все еще не терялъ надежды, что хозяева унесенныхъ денегъ скоро покажутся и ѣхалъ тихимъ шагомъ. Дьячковъ же, ежеминутно оглядываясь, готовъ былъ бѣжать; но я его останавливалъ и не пускалъ впередъ.

— Идутъ, бѣгутъ, ваше благородіе!—машинально произнесъ мой бѣдный Дьячковъ и какъ-то невольно рванулся впередъ; но, отбѣжавъ шаговъ сто, остановился, подумалъ и вернулся обратно; подъ вліяніемъ обуявшаго его страха, онъ затрясся, какъ осиновый листъ, поблѣднѣлъ, дико водилъ кругомъ глазами и, вообще, все его существо представляло и жалкую, и смѣшную фигуру.

— Что, видно, деньги-то не твои, Дьячковъ? — спросилъ я его.

Но Дьячкову было не до отвѣта,—онъ ничего не слышалъ, ничего не понималъ; окровавленная рука его судорожно двигалась по всему тѣлу, ощупывая въ послѣдній разъ дорогія монеты; губы его нервно подергивались, силясь произнести послѣднее «прости» мимолетному счастью. Видя такой упадокъ духа, я предупредилъ его, что дѣло до побоевъ не дойдетъ, а только

придется возвратить деньги обратно. Но я ошибся: не того боялся Дьячковъ.

— Ваше благородіе!—проговорилъ онъ, собравшись, наконецъ, съ силами;— спасите мнѣ деньги, а тамъ, пущай, хоть башку снимутъ.

— Да, вѣдь, не твои эти деньги?

— Мои, ваше благородіе; вотъ вамъ крестъ—мои: я ихъ выигралъ.

— Можетъ быть; но ты выигралъ ихъ мошенническимъ способомъ.

— Все же выигралъ, ваше благородіе; намедни, они и меня также мошенствомъ общипали.

Дьячковъ, потерявъ всякую надежду удержать за собою деньги, грустно понурилъ голову и только молча посматривалъ на толпу солдатъ, все болѣе и болѣе приближавшихся къ намъ. Скоро игроки, числомъ около 30-ти человѣкъ, окружили насъ; нѣкоторые изъ нихъ стали на колѣни, а другіе, приложивъ руки къ козырькамъ, начали убѣдительно просить о возвратѣ денегъ, причемъ предъявили и фальшивую монету, взятую у Дьячкова. Между ними были и армяне—торговцы, которые, снявъ шапки, съ умилительными гримасами повторяли свою просьбу за солдатами, говоря:

— Баринъ-джанъ! пожальюста, дай дэнги. Дэчковъ машенникъ: пальшивъ монэтъ биль.

Сдѣлавъ игрокамъ строгое внушеніе, я приказалъ Дьячкову возвратить деньги, а солдатамъ—подѣлить ихъ между собою, исключая армянъ, которые, по моему мнѣнію, менѣе нуждались въ деньгахъ. Когда игроки приступили къ дѣлежу, я съ Дьячковымъ двинулись въ лагерь.

— Эхъ, ваше благородіе,—обратился ко мнѣ Дьячковъ дорогой,—если-бы евту деньгу да отдали мнѣ,—вѣкъ бы за васъ молился Богу и мошенствомъ не сталъ бы заниматься!

Въ слѣдующій день, по обыкновенію, Дьячковъ самъ предсталъ передъ ротнымъ командиромъ, подпоручикомъ Черковымъ.

— Ты! Дьячковъ! Ты-ли это? Да откуда столько «фонарей»?!—обратился къ нему подпоручикъ Черковъ, пораженный при видѣ безобразной физіономіи Дьячкова.

— За дѣло; за мошенство, ваше благородіе!—отвѣтилъ онъ чистосердечно.

— Когда ты одумаешься? Такой храбрый солдатъ, —а бродяга. Стыдно! Стыдно!

— Никогда, ваше благородіе; не могу; ужъ планида, значитъ, моя такая.

— А что-же мнѣ съ тобою-то дѣлать?

— Что угодно: убейте, повѣсьте, утопите, хоть что, а не могу...

Подпоручикъ Черковъ расхохотался и прогналъ его вонъ. Какъ оказалось, Дьячковъ меня обманулъ: никакихъ тамъ родныхъ у него не было — ни жены, ни дѣтокъ, ни братишекъ-малолѣтокъ, ни кола и ни двора—бобыль-бобылемъ. Въ ротѣ Дьячковъ считался храбрѣйшимъ солдатомъ, не имѣвшимъ себѣ равнаго, но въ то же время—записнымъ воришкой и бродягой; не смотря на свою беззавѣтную храбрость въ бояхъ, онъ не получалъ награды за отличіе; такъ какъ послѣ каждаго дѣла считалъ непремѣнной обязанностью обокрасть маркитанта, офицера, или своего брата-солдата, но не товарища по ротѣ. Доставаемыя какимъ бы то

ни было путемъ, деньги Дьячковъ цѣликомъ отдавалъ бѣднымъ и нуждавшимся товарищамъ, которые за это любили его и, при возможности, выручали его изъ бѣды. За храбрость и неустрашимость въ дѣлахъ, ротный командиръ относился къ нему снисходительно, что, какъ увидимъ дальше, онъ заслуживалъ вполнѣ справедливо, погибши въ бою съ достоинствомъ, свойственнымъ истинно-русскому солдату...

Въ Байрахтарѣ у меня часто гостили мои земляки—князья и дворяне. Бывало, возвращаясь съ аванпостной службы, они останавливаются около моей палатки и, чуть свѣтъ, поднимаютъ шумъ: «Землякъ! Землякъ! Нѣтъ-ли чаю?» Отказывать, разумѣется, не приходилось: обычай того не терпѣлъ; да къ тому же, и мнѣ всегда доставляло удовольствіе посидѣть и поговорить съ ними о томъ, о семъ. Зная, что грузины чай не особенно уважаютъ, я всегда ставилъ имъ на столъ, вмѣсто самовара, бутылки съ кахетинскимъ виномъ. Балагуря и выпивая стаканъ за стаканомъ, земляки, обыкновенно, засиживались до обѣденной поры и всегда скромный завтракъ незамѣтно обращался въ широкій и шумный пиръ: играла полковая музыка, или «зурна» *), пѣли хоры пѣсенниковъ, танцовали лезгинку...

Однажды князья и дворяне были у насъ на банкетѣ, устроенномъ офицерами 4-го баталіона по случаю пріѣзда князя Макаева, оправившагося отъ раны. Банкетъ кончился обычнымъ порядкомъ, т. е. и гости и хозяева были, что называется, вполнѣ «готовы».

---

*) «Зурна»—національная музыка грузинъ; инструментъ деревянный, въ родѣ рожковъ, употребляемыхъ нашими пѣсенниками.

Въ шесть часовъ вечера князья и дворяне пригласили насъ зайдти къ нимъ въ лагерь «на стаканъ винца». Сознавая обиду, которую могли нанести имъ отказомъ, мы невольно согласились. Скоро «компанія» двинулась въ путь, проходившій черезъ лагерь Лезгинскаго полка. Веселые князья и дворяне то—дружно распѣвали свою «архалало, дарялало», то — танцовали лезгинку подъ звуки любимой «зурны», то, останавливаясь, пили вино, цѣлуясь съ офицерами и выражая имъ пожеланіе всего хорошаго. Когда мы пришли въ лагерь Лезгинскаго полка, командиръ послѣдняго вышелъ на встрѣчу и попросилъ остановиться погостить на нѣсколько минутъ. Большая серебряная чаша, на искусно отполированныхъ бокахъ которой ослѣпительно отражались лучи заходящаго солнца, съ священными словами «аллахъ-верды-эхшіолъ», пошла въ круговую, переходя изъ рукъ въ руки и опоражниваясь въ нѣсколько приступовъ. «Зурна» играла веселую лезгинку. Сбѣжавшіеся со всего лагеря, лезгины начали танцовать, становясь, съ ловкостью обезьяны, то—на носкахъ, то—на пяткахъ и стараясь показать совершенство своего національнаго танца; но они танцовали своеобразно и безъ соблюденія правилъ лезгинки, т. е. сгибались въ колѣняхъ и спинѣ, смотрѣли въ землю и слишкомъ широко размахивали руками. Князьямъ и дворянамъ не понравились такіе рѣзкіе, угловатые пріемы благороднаго и, какъ они выражались, «упоительнаго» танца.

— Э-э, лезгины! Ваша лезгинка; но, видно, не вамъ ее танцовать!—проговорили они съироніей.

Князья и дворяне стали перешептываться, выбирая изъ своей среды танцора. Скоро молодой, красивый и

статный юноша, князь Сико Абашидзе, сдернувъ съ ногъ полсапожки, надѣтые сверхъ «сафьяновыхъ чувьячковъ» *), пошелъ описывать круги; онъ считался вторымъ танцоромъ въ верхней Карталиніи, послѣ своего брата. Лезгины были побѣждены; опустившись какъ-то невольно на колѣни, они, съ выраженіемъ удивленія и чрезвычайнаго наслажденія, стали всматриваться танцору въ ноги, которыя мелькали въ тактъ лезгинки съ такою граціей, гибкостью и проворствомъ, что, казалось, князь Абашидзе не касался земли ногами, а парилъ въ воздухѣ. Довольные побѣдой, князья и дворяне бѣшенно хлопали въ ладоши и кричали: «баракала, баракала!»...**). Нѣсколько человѣкъ лезгинъ, самолюбіе которыхъ должно было неизбѣжно пострадать, вошли въ кругъ и стали безполезно состязаться съ княземъ Абашидзе. Будучи не знакомъ съ дикимъ задоромъ горныхъ сыновъ Кавказа, князь позволилъ себѣ, танцуя, перекидывать длинныя свои ноги черезъ головы состязавшихся лезгинъ. Сидѣвшая толпа шумно поднялась и схватилась за рукоятки кинжаловъ. Отражавшееся на лицахъ лезгинъ удовольствіе и блаженство быстро смѣнилось гнѣвнымъ, свирѣпымъ выраженіемъ. Видя это, и противники изготовились, чтобы не ударить лицомъ въ грязь. И вотъ, немного уже оставалось до кроваваго столкновенія, когда командиръ Лезгинскаго полка, ставъ между противниками, напомнилъ лезгинамъ, что они обнажаютъ оружіе противъ

*) «Сафьяновые чувьячки» надѣваются только танцорами, такъ какъ въ нихъ и легко и удобно танцовать лезгинку.

**) «Баракала» — браво, молодецъ.

своихъ гостей и что тѣмъ самымъ нарушаютъ святость «адата» *). Лезгины сразу присмирѣли. Командиръ полка любезно просилъ князей и дворянъ извиниться, опасаясь мести, существующей у лезгинъ...

Иногда офицеры ѣздили смотрѣть развалины города Ани, который, въ это время, былъ занятъ нашими кавалерійскими частями. Городъ Ани—столица Арменіи—лежитъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Арпа-чая, на томъ мѣстѣ, гдѣ аладжадагскій хребетъ упирается въ рѣку; онъ разрушенъ извѣстнымъ въ исторіи предводителемъ монгольскихъ народовъ, Тамерланомъ (по армянски—Теймурасомъ), въ 1220 годахъ. Для любителей древности, Ани представляетъ, дѣйствительно, любопытнѣйшую картину. Два сохранившихся монастыря, мечеть, громадная каменная стѣна, защищавшая городъ съ западной стороны, и чудовищные обломки домовъ и моста, соединявшаго части города, молча говорятъ о великолѣпіи и величіи бывшей столицы Арменіи. Судя по площади, усѣянной остатками разрушенныхъ зданій, Ани заключалъ въ себѣ сотни тысячъ жителей. Западная, по видимому главная, часть города, лежитъ на высокомъ, съ отвѣсными скалами, мысѣ, образовавшемся отъ соединенія двухъ глубокихъ овраговъ—Арпа-чайскаго и Цахгацаръ (оврага цвѣтовъ); она окружена, съ единственной доступной стороны, толстою, въ нѣсколько сажень, двойною стѣною, увѣнчанною высокими башнями, слегка обвалившимися отъ времени. Восточная часть города значительно превышаетъ западную и вся разрушена. Въ одномъ изъ сохранившихся

---

*) «Адатъ»—обычай.

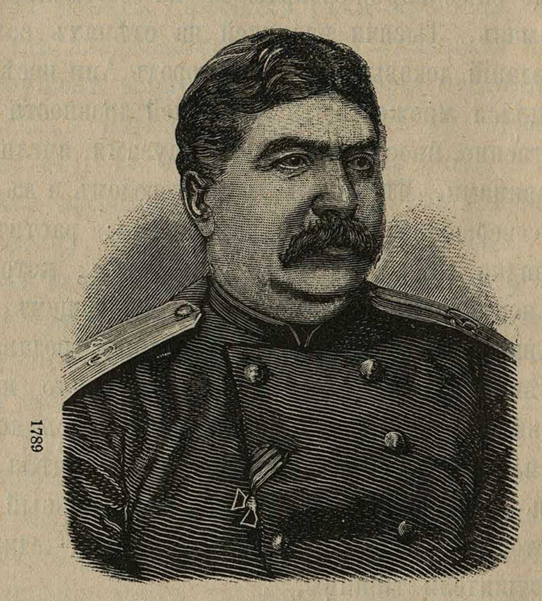
монастырей идетъ богослуженіе на армянскомъ языкѣ; въ немъ находятся гробницы армянскихъ царей. Мечеть—громаднѣйшее зданіе, состоящее изъ однѣхъ стѣнъ и колоннъ, соединяющихся арками; нѣкогда въ немъ собирались, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, царскіе чиновники и народъ, но Тамерланъ пристроилъ минаретъ и обратилъ его въ мечеть, въ которой правовѣрные и до сихъ поръ собираются на богомолье и творятъ намазъ. Тысячи надписей на стѣнахъ сохранившихся зданій доказываютъ, что городъ Ани посѣщается и посѣщался множествомъ любителей древности и, преимущественно, иностранцами: французами, англичанами и итальянцами. Мѣстность, подъ городомъ и въ окружности, совершенно голая и каменистая; растительная жизнь видна лишь въ «оврагѣ цвѣтовъ», который не даромъ получилъ такое названіе. Въ общемъ, развалины Ани производятъ какое-то гнетущее, подавляющее впечатлѣніе на зрителя, отдаетъ какою-то могилой, мертвечиной и невольно думается, что здѣсь, когда-то, люди жили, ѣли, веселились, словомъ, кипѣла жизнь, а теперь—прахъ и одинъ смрадный, могильный прахъ, надъ которымъ порхаютъ, лишь, жаворонки—единственные нарушители тишины.

X.

Наступательныя дѣйствія.—Бой 20-го и 21-го сентября.

Пришла, наконецъ, изъ Москвы 1-я гренадерская дивизія. Полки кавказскихъ гренадеръ, по существующему въ кавказскихъ войскахъ обычаю, встрѣтили друзей по званію, гостепріимно, принявъ на обѣдъ

офицеры—офицеровъ, солдаты — солдатъ. Этотъ день былъ днемъ радости всѣхъ вообще войскъ дѣйствующаго корпуса, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго наступательныхъ дѣйствій. Съ приходомъ московскихъ гренадеръ, силы наши увеличились на столько, что можно было смѣло надѣяться на успѣхъ наступательныхъ дѣйствій, которыя, дѣйствительно, скоро и открылись.



Капитанъ Гургенидзе.
Раненъ въ дѣлѣ 20-го сентября 1877 г.

15-го сентября, 3-й баталіонъ нашего полка двинули на Камбинскій постъ, отстоявшій отъ главныхъ силъ на 60 верстъ, на присоединеніе къ формируемому отряду генерала Шелковникова, предназначенному для противодѣйствія 6-ти таборамъ, слѣдовавшимъ въ

наши предѣлы подъ начальствомъ Адама-паши. Объ участіи 3-го баталіона въ дѣйствіяхъ этого отряда будетъ сказано своевременно.

19-го сентября, поздно вечеромъ, послѣдовало приказаніе снять лагерь и всѣ тяжести направить въ общій вагенбургъ у селенія Первали, людямъ пообѣдать, взять съ собою порціи мяса, сухарей на два дня, по сорока патроновъ сверхъ положеннаго числа, развести на мѣстѣ лагеря костры и быть готовыми къ выступленію; все это доказывало, что предстоитъ дѣло весьма серьезное. Въ лагерѣ поднялся шумъ, трескъ, бѣготня и вообще суета, которая въ такихъ случаяхъ неизбѣжна. Офицеры сдавали казначею письма, завѣщанія и деньги, прося, въ случаѣ смерти, отправить ихъ по адресу. Скоро полковой и ротный обозы, скрипя и треща подъ тяжестью палатокъ и кухонь, двинулись по направленію къ селенію Первали. Лагерное мѣсто озарилось тысячами яркихъ костровъ, вокругъ которыхъ сидѣли и стояли толпы офицеровъ и солдатъ. Ясное, звѣздное небо заволокло густымъ туманомъ дыма.

— Баталіоны, въ ружье!—раздался звонкій голосъ князя Амираджибова.

Баталіоны стянулись въ колонны, зашли лѣвымъ плечемъ и зашагали. Полковой адъютантъ, поручикъ Яновскій, проѣхавъ рысью по колоннамъ, передалъ приказаніе командира полка не курить, не разговаривать и идти людямъ умѣреннымъ шагомъ.

По диспозиціи на 20-е сентября, 1-й, 2-й и 4-й баталіоны полка, въ общемъ составѣ отряда генерала Лазарева, были разбиты по колоннамъ такъ: 1-й бата-

ліонъ назначенъ въ колонну генералъ-маіора Гурчина (резервъ), 2-й баталіонъ—генералъ-маіора Рыдзевскаго (лѣвофланговую) и 4-й—въ колонну полковника князя Амираджибова (правофланговую) *). Цѣль дѣйствій

Подпоручикъ Загобель.
Раненъ въ дѣлѣ 20-го сентября 1877 г.

отряда заключалась въ отвлеченіи вниманія турецкихъ войскъ, занимавшихъ Кизиль-тапу, суботанскія укрѣпленія и высоты Большія и Малыя Ягны; послѣднія предполагалось атаковать войсками Курюкъ-даринскаго

---

*) Такое раздѣленіе, надо полагать, зависѣло отъ того, что нашъ полкъ былъ вооруженъ винтовками Бердана, тогда какъ остальныя войска отряда были вооружены винтовками системы Крынка.

лагеря. Сборнымъ пунктомъ отряда была назначена деревня Огузлы.

Въ одинадцать часовъ вечера, Елисаветпольцы, слѣдуя безъ дороги и въ суровомъ молчаніи, прибыли въ деревню Огузлы, а отсюда, послѣ двухчасоваго отдыха, двинулись по направленію къ Кизиль-тапѣ. Сзади, въ такомъ же порядкѣ, шли и остальныя части отряда: 4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 2-я бригада 40-й пѣхотной дивизіи, три полка кавалеріи, двѣ батареи 1-й гренадерской, двѣ—38-й и двѣ—40-й артиллерійскихъ бригадъ. Для прикрытія движенія и освѣщенія пути слѣдованія отряда была выслана сотня, знакомаго намъ партизана, Самата-аги. Ночь, какъ уже сказано, стояла ясная и звѣздная, но темная до такой степени, что нельзя было узнать рядомъ шедшихъ людей. Съ сѣверо-запада подулъ маленькій вѣтерокъ, за которымъ чуть-слышно доносился глухой трескъ орудійныхъ колесъ, раздававшійся въ войскахъ Курюкъ-даринскаго лагеря, двигавшихся одновременно съ нами къ Большой и Малой Ягнамъ. Не смотря на строгое предупрежденіе, въ рядахъ солдатъ все-таки слышался тихій, таинственный говоръ и искрились махорочные огоньки. Подобравъ свои металлическія «брянчалки» *), офицеры въ глубокой задумчивости шли и ѣхали впереди своихъ частей, сдержанно отплевываясь отъ пыли, обильно засорявшей носъ, ротъ и глаза.

— Мы менѣе великодушны, чѣмъ были наши необразованные прадѣды,—обратился ко мнѣ князь Ма-

---

*) Такъ назывались сабли съ металлическими ножнами.

каевъ, послѣ продолжительнаго и упорнаго молчанія, говоря по грузински: — они всегда предупреждали врага, а мы тайкомъ подбираемся къ нему; не правда-ли, стыдно становится передъ прошлымъ.

Занятый своими думушками, я далъ князю короткій отвѣтъ: «да».— «Счастливый князь человѣкъ,—подумалъ я;—черезъ часъ, быть можетъ, отъ него останется одинъ бездыханный, хладный и ужасный трупъ, а онъ думаетъ о какомъ-то великодушіи, о какихъ-то прадѣдахъ».

Вотъ, наконецъ, озарился востокъ. Запѣли жаворонки. На южномъ небосклонѣ обрисовалась продолговатая вершина Кизиль-тапы, а отдаленнѣйшія горы были еще за полумрачной завѣсой ранняго утра. Впереди послышались первые человѣческіе голоса, нарушившіе тишину утра: «Копакъ-оглы Саматъ!» *). «Донгузъ-оглы Саматъ!» Всѣмъ было понятно въ чемъ дѣло: Саматъ напалъ на турецкіе аванпосты и имѣлъ дѣло съ людьми, хорошо знавшими его особу. Отрядъ продолжалъ двигаться въ походномъ порядкѣ, не смотря на очевидную близость непріятеля. Наша кавалерія, опереживая, бурно пронеслась впередъ и скрылась въ полумрачной дали. Наконецъ, разсвѣло. Отрядъ, не останавливаясь, перестроился въ боевой порядокъ. Показалась мощная фигура генерала Лазарева, въ бѣлой буркѣ и съ башлыкомъ на плечахъ.

— Здорово, кавказская гвардія, славные Геллявердынцы!—раздался его могучій голосъ.

Поле огласилось громкимъ: «здравія желаемъ ва-

*) Копакъ—собака, оглы—сынъ, донгузъ—свинья.

шему превосходительству». Одновременно, на вершинѣ Кизиль-тапы показался клубъ пороховаго дыма, прогудѣлъ первый орудійный выстрѣлъ и надъ головами Елисаветпольцевъ прошипѣла граната, которая, въ шагахъ ста отъ колоннъ, зарылась въ землю. Спустя нѣсколько минутъ, послышались орудійные громы и въ сторонѣ Большой и Малой Ягновъ. Отрядъ занялъ позицію противъ Кизиль-тапы въ разстояніи около $2^1/_2$ верстъ отъ нея, имѣя въ боевой линіи, согласно диспозиціи, 2-й баталіонъ нашего полка. Въ цѣпь были высланы: отъ колонны генерала Рыдзевскаго — 6-я и 7-я роты, командуемыя штабсъ-капитаномъ Занфировымъ и капитаномъ Оганезовымъ, а отъ колонны полковника князя Амиραджибова—13-я, 14-я и 15-я роты, командуемыя капитаномъ Чердилери и подпоручиками Черковымъ и Анисимовымъ; 1-й баталіонъ сталъ въ общемъ резервѣ на линіи полковъ 40-й пѣхотной дивизіи и 4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона; послѣдній, спустя часа два, тоже былъ выдвинутъ въ боевую линію, вправо отъ 4-го баталіона нашего полка. Между двумя баталіонами боевой линіи стали на позиціи: 2-я батарея 1-й гренадерской и 4-я батарея 38-й артиллерійскихъ бригадъ.

Мѣстность, на которой расположился отрядъ, представляла совершенно открытую, гладкую плоскость, постепенно возвышавшуюся противъ Кизиль-тапы и спускавшуюся вправо отъ нея до суботанскихъ укрѣпленій; небольшая рѣчка Мавряκъ-чай прорѣзывала ее съ запада на востокъ, протекая сначала по открытой равнинѣ, а потомъ, впереди Кизиль-тапы, по довольно глубокому, съ отвѣсными, мѣстами, берегами, оврагу,

на лѣвомъ скатѣ котораго раскинулась деревня Кюльверанъ; послѣдняя была брошена жителями. Лѣвый берегъ упомянутаго оврага составлялъ линію нашей позиціи, такъ что вправо отъ деревни Кюль-веранъ лежалъ 4-й баталіонъ, а влѣво—2-й.

Бой начался артиллерійской канонадой, завязавшеюся, около 6-ти часовъ утра, между нашими батареями, Кизиль-тапою и суботанскими укрѣпленіями. Спустя часъ времени, турки выслали съ Кизиль-тапы густую цѣпь стрѣлковъ, которые, занявъ правый возвышенный берегъ оврага, открыли огонь по нашей цѣпи и резервамъ, представившимъ совершенно открытую цѣль, и такимъ образомъ начался бой 20-го сентября, одинъ изъ кровопролитнѣйшихъ для нашего полка.

Такъ-какъ серьезный бой шелъ только въ колоннѣ генерала Рыдзевскаго, а колонна князя Амираджибова вела лишь перестрѣлку, то—усиливая, то—уменьшая ее, то опишу участіе въ немъ 1-го и 2-го баталіоновъ.

Около 8-ми часовъ было замѣчено, что непріятель всѣ свои силы направляетъ на нашъ лѣвый флангъ, поэтому, по приказанію начальника колонны, была выслана въ цѣпь еще 8-я рота, командуемая поручикомъ Джаваховымъ. Въ 10 часовъ съ Кизиль-тапы спустились еще пять таборовъ пѣхоты и до трехъ полковъ кавалеріи; войска эти густыми массами вышли противъ нашего лѣваго фланга, остановились на правомъ берегу маврякъ-чайскаго оврага, открыли бѣшенный огонь по нашей цѣпи, а потомъ, спустя полчаса, перешли въ рѣшительное наступленіе. Прибывшая же кавалерія обогнула нашъ флангъ и, оттѣснивъ сотню Самата-аги, стала угрожать атакой. Не имѣя возмож-

ности противостоять такимъ силамъ, генералу Рыдзевскому пришлось выдвинуть впередъ 1-й баталіонъ, который расположился лѣвѣе ротъ 2-го баталіона, разсыпавъ въ цѣпь 2-ю и 3-ю роты, командуемыя поручикомъ Загобелемъ и капитаномъ Соколовымъ. Турки, съ крикомъ «алла», стремительно бросились на нашъ берегъ; но, обданные адскимъ огнемъ нашихъ «берданокъ», въ разстояніи ста шаговъ, ринулись назадъ въ страшномъ безпорядкѣ, усѣявъ оврагъ сотнями труповъ. Въ то же время, понеслась въ атаку и турецкая кавалерія. Капитанъ Брайловскій поставилъ свою роту фронтомъ къ атакующей кавалеріи, которая стройно и рѣшительно неслась карьеромъ; но, въ виду спокойной, холодной стѣны людей и двухсотъ ружей, молча направленныхъ въ нее, она, въ ста-пятидесяти шагахъ отъ роты, невольно повернула назадъ. Въ это время раздался залпъ, другой... и сотни людей и лошадей рухнулись на землю. Это была первая и послѣдняя атака турецкой кавалеріи въ дѣлѣ 20-го и 21-го сентября; послѣ этого, она избѣгала встрѣчи не только съ пѣхотными частями, но даже съ охотниками Самата-аги. Отброшенная турецкая пѣхота, отойдя на свое старое мѣсто, остановилась и открыла сильный огонь. Какъ мы, такъ и турки оставались въ такомъ положеніи до 12-ти часовъ дня. Сильный, ожесточенный ружейный и артиллерійскій огонь слился въ непрерывный гулъ, которому старательно вторили стонавшіе отъ ранъ солдаты и преждевременно разстрѣлявшіе свои патроны стрѣлки, крича: «патроновъ нѣтъ! Давай патроны!» Въ такой короткій промежутокъ времени у насъ выбыли изъ строя ранеными капитаны:

Брайловскій и Левицкій; штабсъ-капитаны: Марковскій и Джаваховъ; подпоручики: Загобель, Азнауровъ, Сосновскій и Высоцкій; прапорщики: Подсосовъ, Юринъ и Дучаидзе; контуженными: маіоръ Скосаревскій; капитаны: Гургенидзе и Мачаваріани; поручики: Левицкій

Капитанъ (нынѣ подполковникъ) Оганезовъ.

Раненъ въ дѣлѣ 20-го сентября 1877 г.

и князь Аваловъ. Число убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ трудно было знать; но, судя по тому, что санитары и носильщики всѣ были заняты и многіе изъ раненыхъ оставались подъ огнемъ безъ присмотра, оно было велико.

Видя такую убыль въ людяхъ и невыгодное положеніе колонны относительно непріятеля, генералъ Рыдзевскій рѣшилъ заставить турокъ отойдти отъ оврага, атаковавъ ихъ лѣвый флангъ около деревни Кюльверанъ, какъ слабый пунктъ позиціи. Съ этою цѣлью, онъ, потребовавъ командира 2-го баталіона, полковника Якимовскаго, приказалъ ему пустить въ атаку одну изъ ротъ цѣпи съ благонадежнымъ ротнымъ командиромъ. Такой счастливый выборъ палъ на долю капитана Оганезова. Во время передачи приказанія, полковникъ Якимовскій былъ раненъ пулей въ лѣвую руку. Перевязавъ баталіонному командиру рану своимъ платкомъ, капитанъ Оганезовъ поднялъ роту и съ мѣста бросился въ атаку. Перебѣжавъ оврагъ съ крикомъ «ура», подъ градомъ пуль, рота молодецки обрушилась на турецкихъ стрѣлковъ, сидѣвшихъ за обломками камней и, послѣ непродолжительной штыковой схватки, заняла противоположный берегъ. Но ожиданія генерала Рыдзевскаго не оправдались: вмѣсто того, чтобы отойдти назадъ, турки пододвинули резервы и повели противъ капитана Оганезова атаку за атакой.

Пока были патроны, капитанъ Оганезовъ былъ непобѣдимъ: вся впереди лежащая мѣстность была усѣяна храбрыми турками, павшими подъ убійственными залпами 7-й роты. Но вотъ, патроны приходили къ концу; на помощь никто не шелъ; солдаты, посланные за патронами, вернулись съ пустыми руками, а турки возобновляли атаку все съ большей и большей энергіей. Наконецъ, капитанъ Оганезовъ видѣлъ, что резервы наши стягиваются къ лѣвому флангу, гдѣ слышалась сильная ружейная стрѣльба и крикъ «алла»;

все это доказывало, что о помощи нельзя было ему и думать. Оставивъ человѣкъ десять, такъ сказать, на съѣденіе, съ остальными онъ отступилъ назадъ, причемъ люди шли ускореннымъ шагомъ и отстрѣливались. Замѣтивъ отступленіе 7-й роты, турки смѣло кинулись въ атаку, выбили изъ камней десять человѣкъ нашихъ храбрецовъ и одни изъ нихъ, оставшись на гребнѣ, провожали 7-ю роту сильнымъ огнемъ, а другіе перешли въ наступленіе.

Во время отступленія, одинъ изъ унтеръ-офицеровъ былъ тяжело раненъ въ ногу; товарищи не успѣли его взять съ собою. Турки прикололи его штыками, сняли сапоги и одежду и стали топтать ногами. Видя такую безчеловѣчность и тиранство, капитанъ Оганезовъ остановился и обратился къ ротѣ, бѣжавшей въ гору въ разсыпную:

— Ребята, стой! Накажемъ злодѣевъ. Ура!

7-я рота, какъ одинъ человѣкъ, повернулась кругомъ и съ дружнымъ «ура» бросилась внизъ. Воодушевленные успѣхомъ, турки приняли атаку. Начался кровопролитный штыковый бой. Оставшіеся на гребнѣ турки, силою около двухъ ротъ, поднялись, чтобы идти на помощь соотечественникамъ, но въ это время раздались залпы 8-й роты, которые заставили ихъ попрятаться въ грудахъ камней и болѣе не показываться. Цѣпь 8-й роты стала постепенно перебѣгать въ оврагъ, принимая участіе въ рукопашной схваткѣ. Турецкіе солдаты дрались отчаянно, но, уступая врагу въ искуствѣ штыковаго боя, десятками ложились подъ ударами нашихъ храбрецовъ. Скоро Маврякъ-чай, загроможденный турецкими трупами, окрасился въ крас-

ный цвѣтъ. Жалкіе остатки турокъ безъ оглядки бѣжали на гору, осыпаемые градомъ пуль, пускаемыхъ 8-й ротой. Послѣ побоища, маврякъ-чайскій оврагъ, устланный сотнями труповъ, представлялъ человѣческую бойню. 7-я рота отступила назадъ и заняла свое первоначальное мѣсто, правѣе цѣпи 8-й роты. Во время отступленія, капитанъ Оганезовъ былъ раненъ въ ногу и 7-я рота лишилась храбраго и распорядительнаго ротнаго командира.

Дорого стоило туркамъ ихъ злодѣйство! Но не дешево досталась отвага и нашимъ: болѣе трети людей выбыло изъ строя 7-й роты.

Перейдемъ теперь къ дѣйствіямъ 1-го баталіона, командуемаго маіоромъ Скосаревскимъ.

Какъ я уже писалъ, послѣ первой неудачи, турки не возобновляли атаки до 12-ти часовъ дня. Къ этому времени, съ Кизиль-тапы подошли еще свѣжія силы. Генералъ Рыдзевскій, съ своей стороны, стянувъ резервы поближе къ 1-му баталіону, роты котораго всѣ уже были разсыпаны въ цѣпь, приготовился къ отпору, на случай возобновленія турками наступательныхъ дѣйствій.

Старый, закаленный въ бояхъ, кавказскій ветеранъ, маіоръ Скосаревскій, командовавшій въ горской войнѣ партіями охотниковъ нѣсколько лѣтъ, съ невозмутимымъ, холоднымъ спокойствіемъ разъѣзжалъ на своемъ вороновъ конѣ по линіи цѣпи и, подъ градомъ пуль, воодушевлялъ людей, говоря: «быть молодцами! Исправно сажай на штыкъ! Не считай врага: стыдно!...» и т. п. Ни одинъ унтеръ-офицеръ у него не имѣлъ права ложиться и укрыться за камнемъ. «Стой, галунъ, на

ногахъ-съ; наблюдай зорко за врагомъ,—это твое дѣло-съ, а стрѣлять съумѣетъ и рядовой-съ»,—обращался онъ къ унтеръ-офицерамъ, которымъ не стоялось подъ свиставшими и зловѣще визжавшими пулями. Во время первой атаки турокъ, маіоръ Скосаревскій получилъ сильную контузію въ лѣвый високъ и лишился зрѣ-

Прапорщикъ Дучаидзе.
Раненъ въ дѣлѣ 20-го сентября 1877 г.

нія; но герой счелъ неудобнымъ, унизительнымъ оставить строй изъ-за подобнаго пустяка; къ 12-ти часамъ, другая пуля пробила ему фуражку, третья—полу сюртука, а четвертая — ранила лошадь. Вотъ, съ такимъ-то начальникомъ лежалъ на позиціи 1-й бата-

ліонъ, въ ожиданіи новыхъ атакъ со стороны многочисленнаго непріятеля.

Въ полдень, какъ и надо было ожидать, турки возобновили атаку. Оставивъ густую цѣпь на гребнѣ своей позиціи, которая все время атаки должна была обстрѣливать усиленнымъ огнемъ линію нашего расположенія, турки густыми массами спустились въ оврагъ и стали подыматься на гору. По приказанію маіора Скосаревскаго, 1-я рота спустилась нѣсколько ниже, зашла лѣвымъ плечомъ и, незамѣтно для наступавшихъ турецкихъ массъ, залегла за камни, въ полной готовности открыть фланговый огонь, какъ только непріятель бросится въ атаку. Абхазскій полкъ, составлявшій резервъ 1-го баталіона, къ этому моменту пододвинулся ближе и сталъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ цѣпи; это движеніе стоило очень дорого Абхазцамъ, потерявшимъ множество людей убитыми и ранеными. Скоро мазрякъ-чайскій оврагъ огласился потрясающимъ «алла», дружными ружейными залпами и бѣшенымъ одиночнымъ огнемъ. Прижигаемый мѣткимъ фронтальнымъ и фланговымъ огнемъ, непріятель ложился лоскомъ; черезъ нѣсколько секундъ, «алла» замолкло и густыя массы турокъ, давя другъ друга, въ безпорядкѣ хлынули въ оврагъ, въ мертвое пространство. Всѣ думали, что этимъ дѣло и кончится, что турки не въ силахъ больше возобновлять атаки; но не тутъ-то было: въ 2 часа дня, турки опять двинулись въ атаку и еще съ большею энергіей, но опять были отброшены назадъ; только въ одномъ пунктѣ они успѣли дойти до предмета цѣли—до 1-й роты, которая лежала въ сторонѣ отъ прочихъ частей и не принимала въ стрѣльбѣ

участія по неимѣнію патроновъ. Но туркамъ и тутъ не повезло: они нарвались, какъ нарочно, на такую часть, которая состояла, буквально, изъ великановъ. 1-я рота измяла, истоптала непріятеля и преслѣдовала до такой степени неотвязчиво, что маіору Скосаревскому едва удалось ее остановить.

Такимъ образомъ, 1-й баталіонъ, предводимый храбрымъ маіоромъ Скосаревскимъ, молодецки выдержалъ всѣ три атаки. Послѣ этого, непріятель не переходилъ больше въ наступленіе; но, оставаясь на первоначальной позиціи, все-таки сильно вредилъ намъ огнемъ.

Для вразумленія и охлажденія пыла турокъ и избавленія колонны отъ такого невыгоднаго положенія, генералъ Рыдзевскій просилъ начальника отряда разрѣшить произвести общее наступленіе колонной и оттѣснить непріятеля подальше. Разрѣшеніе было получено, но съ условіемъ не увлекаться слишкомъ боемъ и не двигаться далѣе противоположнаго берега маврякъ-чайскаго оврага. Къ удару были предназначены 1-й и 2-й баталіоны нашего полка, поддержанные баталіономъ Абхазскаго полка; кромѣ того, сотня борчалинцевъ, подъ начальствомъ Самата-аги, послана ударить непріятелю во флангъ.

Было 3 часа дня. Палящіе лучи солнца, пробиваясь сквозь густой туманъ пороховаго дыма, застлавшаго мѣсто побоища, въ соединеніи съ жаромъ свинцоваго огня, жгли невыносимо и ужасно. Жажда обезсилила и утомила людей до невозможности. Единственная вода на пространствѣ 6 — 7 верстъ кругомъ, Маврякъ-чай, тихо и соблазнительно журча, протекала

тутъ же, что называется, передъ носомъ, но никто не имѣлъ права ее пить: ни мы, ни турки, — «око видитъ, да зубъ нейметъ». Солдаты давно желали занятія противоположнаго берега, съ цѣлью овладѣть Маврякъ-чаемъ и, не видя такого распоряженія со стороны начальства, таили въ душѣ страшное негодованіе на турокъ.

И вотъ, въ такомъ-то настроеніи были Елисаветпольцы, когда, вдругъ, подняли ихъ и повели въ атаку. Дружное, потрясающее «ура» Елисаветпольцевъ пронеслось громомъ на далекое пространство. Въ виду рѣшительнаго и неуклоннаго движенія непріятеля, турки открыли безпорядочный огонь, а многіе изъ нихъ преждевременно приготовились къ бѣгству, но были удерживаемы офицерами, сабли которыхъ, то и дѣло, сверкали въ воздухѣ. Томимые жаждой, солдаты десятками ломились у Маврякъ-чая, не обращая вниманія на свиставшія и жужжавшія, какъ рой пчелъ, пули.

— Впередъ, Елисаветпольцы! Впередъ, молодцы! Успѣешь напиться!—кричалъ храбрый и неустрашимый маіоръ Скосаревскій, обращаясь къ отставшимъ солдатамъ; онъ лихо сидѣлъ на своемъ ворономъ конѣ; длиннополый сюртукъ его, растегнутый на всѣ пуговицы, свѣсился внизъ, совершенно закрывъ лошадь и ноги сѣдока; изъ-подъ бортовъ сюртука свѣтилась ярко-красная кумачевая рубаха; на груди сіялъ Георгій 4-й степени, въ рукѣ сверкалъ острый клинокъ азіатской шашки; суровое, рѣшительное выраженіе его лица, поросшаго густою съ просѣдью бородою, внушало надежду, уваженіе и страхъ.

«Ура», Елисаветпольцы!—прогудѣлъ еще разъ густой басъ героя, на днѣ оврага. И утомленные солдаты, собравшись съ послѣдними силами, дружно бросились на крутой, скалистый берегъ оврага. Потухшее на время, «ура» снова ожило и потрясающе звучало въ воздухѣ. Еще минута, еще маленькое усиліе—и турки, очистивъ свою позицію повсюду, бѣжали безъ оглядки. Отважный нашъ партизанъ, Саматъ-ага, ждавшій съ нетерпѣніемъ удобнаго момента, съ молодецкой сотней врѣзался въ ряды бѣжавшихъ въ безпорядкѣ турецкихъ войскъ и, изрубивъ, истоптавъ массу людей, довершилъ пораженіе; онъ получилъ двѣ легкія раны. Турки отошли на Кизиль-тапу, оставивъ на мѣстѣ убитыхъ и раненыхъ. Судя по грудамъ стрѣляныхъ гильзъ, непріятель былъ снабженъ патронами въ изобиліи.

Но не долго оставались наши батальоны на вновь занятой позиціи; утоливъ жажду, они, къ крайнему неудовольствію, получили приказаніе возвратиться на прежнюю позицію. Съ отступленіемъ нашимъ, турки опять заняли свое мѣсто и перестрѣлка продолжалась до самаго вечера, но они уже ни разу не рѣшались перейдти въ наступленіе. Этимъ и закончилась дѣятельность лѣваго крыла отряда въ день 20-го сентября.

4-й баталіонъ нашего полка и 4-й стрѣлковый, какъ я писалъ выше, играли второстепенную роль въ дѣлѣ 20-го сентября, ограничиваясь, лишь, перестрѣлкой; послѣдняя велась болѣе, чѣмъ на 1,200 шаговъ, такъ какъ, по неимѣнію закрытій, турки не рѣшались подойти поближе, а мы не имѣли права сходить съ занятаго утромъ мѣста. Не смотря на такую дальность стрѣльбы, правый флангъ терпѣлъ такой же уронъ въ

людяхъ, какъ и лѣвый. Этому способствовала, конечно, совершенно открытая, ровная и гладкая мѣстность, на которой нельзя было найдти даже камешка, чтобы устроить упоръ для ружья, тогда какъ на лѣвомъ флангѣ встрѣчались и камни, и ухабы, и бугры, за которыми скрывались не только одиночные люди, но и цѣлыя отдѣленія и взводы.

Съ ранняго утра и до поздняго вечера, я и мой баталіонеръ лежали на одномъ и томъ же мѣстѣ, у соединенія нашего баталіона съ 4-мъ стрѣлковымъ. Вправо отъ насъ, шагахъ въ тридцати, лежали прапорщикъ Кадіа-швили, влѣво—подпоручики Черковъ и Анисимовъ. Сзади, въ ста-пятидесяти шагахъ, дремали ближайшіе резервы. Между цѣпью и резервами спокойно паслись офицерскія лошади, съ путами на ногахъ и осѣдланныя; онѣ, повидимому, не чувствовали ни страха, ни угрожавшей опасности. Цѣпь стрѣляла энергично и съ большой охотой. За то, офицеры, опустивъ головы на скрещенныя руки, лежали всѣ въ какомъ-то непонятномъ оцѣпененіи, въ какой-то тяжелой дремотѣ: ни одного слова, ни одного движенія, словно, всѣ они уже успѣли умереть. А надъ головами леталъ и падалъ на рыхлую землю рой пуль, распѣвая на всевозможные лады, какъ характеризовали это явленіе солдаты.

— Эй, барабанщикъ! Дай барабанъ! — раздался, вдругъ, голосъ князя Макаева.

Барабанщикъ лѣниво всталъ, перекрестился и, пригнувшись къ землѣ, побѣжалъ къ князю во весь духъ; подбѣжавъ, онъ остановился, опустился на колѣни и произнесъ дребезжащимъ голосомъ:

— Чего извольте, ваше сіятельство?

— Прикрой мнѣ голову барабаномъ,—сказалъ ему князь.

Барабанщикъ торопливо поставилъ барабанъ на указанное мѣсто и, съ быстротою молніи, понесся въ резервъ, на свое мѣсто.

— Однако, надежное у васъ закрытіе, ваше сіятельство, — обратился я къ князю, спустя нѣкоторое время;—кажется, и граната не пробьетъ!

Князь улыбнулся и проговорилъ:

— Да, я такъ, чтобы не смотрѣть на этихъ анафемъ. Неправда-ли, жутко? Я бы предпочелъ идти въ атаку, чѣмъ лежать въ такомъ мучительномъ ожиданіи участи.

Затѣмъ, опять молчаніе, опять дремота. Пули такъ и шлепались то — около головы, то—около ногъ; сначала онѣ заставляли переползать съ мѣста на мѣсто, но потомъ, когда ихъ прожужжало тысячи, онѣ производили уже слабое впечатлѣніе, такъ что въ одно время я успѣлъ даже, какъ слѣдуетъ, всхрапнуть и возбудить зависть въ князѣ Макаевѣ, который едва могъ меня разбудить, громко крича:

— Адъютантъ, маршъ за патронами!

Пробужденіе мое было крайне непріятно. Я былъ всецѣло погруженъ въ глубокій сонъ. Видѣлъ я гдѣ-то и какихъ-то съ ногъ до головы вооруженныхъ турокъ; они гнались за мною съ намѣреніемъ убить, когда какая-то сверхъестественная сила быстро подняла меня на воздухъ, оставивъ подо-мною изумленныхъ преслѣдователей. Паря въ небѣ, я торжествовалъ, подсмѣиваясь надъ ними и былъ неизмѣримо счастливъ. Но въ этотъ счастливый моментъ въ ушахъ моихъ

прозвучало слово: «маршъ». Я проснулся и, увы! Оказалось, я былъ далекъ отъ такого счастья. Покачавъ съ сожалѣніемъ головой, я всталъ, подошелъ къ своей лошади, распуталъ ей ноги и сѣлъ; въ то время, когда я садился, мимо моего живота просвистала пуля такъ близко, что мнѣ показалось, что она прошла черезъ животъ. Отпустивъ уздечку, я какъ-то невольно прикрылъ животъ ладонями, поблѣднѣлъ, широко раскрылъ глаза и бросилъ на бѣлый свѣтъ, небо, землю и ярко сіявшее солнце послѣдній прощальный взглядъ. Но недолго оставался я въ такомъ положеніи; не чувствуя ни боли, ни теплоты текущей крови, ни лихорадочнаго озноба, которыя неизбѣжны при пораненіи, я боязливо сталъ отымать ладони и, какова была радость, когда я увидѣлъ себя совершенно здравымъ и невредимымъ!

Пришпоривъ лошадь, я вихремъ помчался по направленію къ дальнимъ резервамъ. Тутъ всѣ лежали въ такомъ же оцѣпененіи и забытьи, какъ и въ боевой линіи; шелъ такой же свинцовый дождь, какъ и тамъ, съ тою, лишь, разницей, что здѣсь чаще встрѣчались убитые и раненые, и чаще звали санитаровъ, которые, потому, никакъ не могли дойдти до боевой линіи, чтобы и тамъ оказать необходимую услугу. Отъѣхавъ еще около версты отъ послѣдняго резерва, я встрѣтилъ капитана Луковскаго, на котораго было возложено питаніе патронами, сообщилъ ему о недостаткѣ патроновъ и вернулся обратно. Пустивъ лошадь на пастьбу, я легъ опять на то мѣсто, гдѣ лежалъ раньше. Въ цѣпи не случилось ничего новаго за мое отсутствіе, кромѣ того, что люди стрѣляли нѣсколько рѣже и кричали чаще: «патроновъ нѣтъ!...»

Спустя нѣкоторое время, прискакали въ цѣпь три человѣка фурштатовъ съ патронами, сбросили мѣшки и, прижавшись къ лошадямъ, умчались обратно. Патроны были разобраны моментально; ими одинаково воспользовались и стрѣлки 4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, вооруженные винтовками «Бердана № 1-й», съ откиднымъ затворомъ. Стрѣльба ожила. Я посмотрѣлъ часы; стрѣлка указывала 12 часовъ безъ десяти минутъ. Съ лѣваго фланга доносилось громкое «алла» и учащенная залповая и одиночная стрѣльба. «Вѣрно, турки пошли въ атаку»,—подумалъ я. Резервы наши, съ разомкнутыми рядами, подвигались все влѣво и влѣво. Кизиль-тапа, просто, неистовствовала, стрѣляя по переходившимъ и перебѣгавшимъ нашимъ войскамъ. Скоро, на сѣромъ карабахскомъ конѣ, мелькнула мощная фигура князя Амираджибова, мчавшагося на крикъ «алла» и ружейные залпы. Словомъ, все давало знать, что на далекомъ лѣвомъ флангѣ происходитъ что-то необыкновенное.

Около трехъ часовъ пополудни, на лѣвомъ флангѣ, «алла» смѣнилось крикомъ «ура», изъ чего не трудно было намъ заключить, что наши перешли въ наступленіе. Воодушевленныя дружнымъ «ура», ясно доносившагося съ лѣваго фланга, 13-я и 14-я роты сами, безъ приказанія, пошли въ атаку; но, видя повсемѣстное отступленіе непріятеля, вернулись назадъ. Такое произвольное и безцѣльное движеніе произошло вслѣдствіе желанія людей завладѣть Маврякъ-чаемъ и напиться воды, отсутствіе которой довело ихъ до крайняго истомленія. Однако, до Маврякъ-чая никто не добѣжалъ: она, оказалось, находилась слишкомъ далеко,

и такимъ образомъ 4-му баталіону пришлось томиться жаждою до поздняго вечера. Затѣмъ, правый флангъ въ продолженіе дня больше ничего не предпринималъ.

Послѣ трехъ часовъ пополудни, я еще три раза ѣздилъ за патронами, встрѣчая на пути одну и ту-же картину и ощущая одно и то-же впечатлѣніе. Во время одной изъ этихъ поѣздокъ, я, стягивая подпруги своей лошади, случайно замѣтилъ, что злодѣйка-пуля, напугавшая меня, пробила полу моего сюртука, сѣдельный кобуръ и разщепила ручку револьвера. Томительное однообразіе и нахожденіе подъ страхомъ смерти до такой степени безжалостно тянуло время, что каждая минута казалась цѣлою вѣчностью. Не вѣря правильному ходу своихъ часовъ, я, то и дѣло, справлялся у князя Макаева о времени и страшно досадовалъ, что часы мои, какъ на зло, точь въ точь совпадали съ часами князя. Такое непріятное состояніе заставило меня выкурить, въ продолженіе дня, болѣе ста папиросъ, вслѣдствіе чего, къ вечеру, я почувствовалъ сильное головокруженіе и, вообще, слабость во всемъ организмѣ; однако, это не мѣшало мнѣ продолжать курить безпрерывно и, въ концѣ-концовъ, дошло дѣло до того, что пришлось собирать окурки и, куря ихъ, гримасничать отъ горечи затягиваемаго дыма. Мало того, я не побрезгалъ даже выкурить и окурокъ, выпавшій изъ руки убитаго стрѣлка, который все время лежалъ впереди меня шагахъ въ трехъ. Бѣдный солдатикъ, еще въ полдень выпросилъ у меня папиросу, говоря:

— Позвольте, ваше благородіе, одну сигару!

Онъ закурилъ папиросу и легъ на свое мѣсто.

Черезъ нѣсколько минутъ, вслѣдствіе-ли недостатка патроновъ, или, просто, надоѣло всѣмъ стрѣлять, огонь нашей цѣпи почти прекратился, а турки, пользуясь безопаснымъ моментомъ, усилили огонь до такой степени, что становилось невыносимо лежать. Я приказалъ людямъ стрѣлять чаще. Всѣ начали стрѣлять, а сосѣдъ мой еще продолжалъ лежать на боку тихо и неподвижно; въ лѣвой рукѣ, о которую упиралась его голова, смотрѣвшая къ сторонѣ праваго фланга, дымилась на половину выкуренная папироса.

— Эй, стрѣлокъ!—крикнулъ я.—Кури, или стрѣляй; чего такъ попусту лежишь?!

Стрѣлокъ не дрогнулъ, не произнесъ ни одного слова. «Спитъ»,—подумалъ я и, протянувъ шашку, сталъ ею тормошить стрѣлка, повторяя приказаніе еще громче. Скоро отъ толчковъ, дѣлаемыхъ шашкой, рука его свободно вытянулась впередъ, отбросивъ дымившуюся папироску на нѣсколько вершковъ еще дальше, а голова упала внизъ. Я, разумѣется, тотчасъ же догадался въ чемъ дѣло; но, полагая, все-таки, что онъ тяжело раненъ, досталъ изъ кармана санитарку *), подползъ къ нему, чтобы совершить долгъ человѣколюбія; но, увы! мой бѣдный сосѣдъ не нуждался въ человѣколюбіи: онъ былъ трупъ, холодный, безобразный трупъ; на затылкѣ и переносицѣ свѣтились двѣ правильныя дыры, на губахъ его застыла пѣнистая,

---

*) Санитарка—клеенчатый мѣшочекъ съ корпіей, марли, кровеостанавливающей ватой, бинтикомъ и проч. принадлежностями для перевязки раны; онѣ были розданы офицерамъ съ переходомъ за-границу, какъ подарокъ отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны.

алая кровь. Я съ сожалѣніемъ покачалъ головой и поползъ на свое мѣсто.

Наконецъ-то, насталъ вечеръ. Прошли безконечные, мучительные часы дня. Стрѣльба повсюду прекратилась. Всѣ свободно вздохнули, ожили и разговорились съ необъяснимой отрадой на душѣ. По раздавшемуся съ Кизиль-тапы сигналу, турки отошли назадъ, а мы, выставивъ впередъ сторожевые посты, остались ночевать на своихъ мѣстахъ. Резервы получили разрѣшеніе развести огни, употребляя для этого массу сухаго бурьяна и осоки, которыми изобиловало мѣсто расположенія резервовъ. Скоро князь Амираджибовъ потребовалъ къ себѣ баталіонныхъ командировъ, для отдачи приказанія на завтрашній день. Отъ нечего дѣлать и я поѣхалъ съ своимъ баталіонеромъ. Мы, наугадъ, поѣхали на самый большой огонь, пламя котораго подымалось на нѣсколько сажень и пріѣхали какъ разъ къ князю Амираджибову. Онъ лежалъ на разостланной черной буркѣ, окруженный своимъ штабомъ, офицеромъ, пріѣхавшимъ съ приказаніемъ отъ начальника отряда и нижними чинами, поддерживавшими огонь, обильно подкладывавшими бурьяну и осоки. Князь, по обыкновенію, вѣжливо привѣтствовалъ пріѣзжавшихъ баталіонныхъ командировъ и предлагалъ присѣсть; когда собрались всѣ, онъ запросто, не вставая, объявилъ приказаніе, а по окончаніи, приказалъ своему человѣку, Михайлѣ, подать ужинъ. Затѣмъ, завязался игривый разговоръ о впечатлѣніяхъ минувшаго дня. Расторопный Михайло, между тѣмъ, наложилъ и наставилъ на бурку, передъ княземъ, всего-всего, и бутылокъ пятнадцать краснаго и бѣлаго кахетинскаго вина. Не

останавливая разговора, общество начало ужинать, съ жадностью поѣдая отварное мясо и потягивая кахетинское прямо изъ бутылокъ. Эта обстановка невольно напоминала мнѣ вполнѣ подходящую картинку, нарисованную знаменитымъ нашимъ поэтомъ-партизаномъ, Давыдовымъ:

«Друзья! Помню васъ и я
Испивающихъ ковшами,
Возсѣдавшихъ вкругъ огня
Съ красно-сизыми носами».

А тутъ, признаться, были носы, да еще какіе— старые, кавказскіе, заскорузлые носы, которые чуяли присутствіе спирта на далекое-далекое пространство! Поужинавши, мы пожелали гостепріимному и уважаемому командиру покойной ночи и разъѣхались. Ночь прошла тихо, спокойно. Турки до самаго разсвѣта трубили въ рожки, играя то—свои сигналы, то—наши, что доказывало постоянное ихъ безпокойство и ожиданіе непріятеля; сигналами они поддерживали бдительность въ часовыхъ, сознавая ихъ неблагонадежность.

Съ разсвѣтомъ, колонны заняли ту же самую боевую линію и въ такомъ же порядкѣ расположенія частей, какъ наканунѣ, съ тою лишь разницею, что 1-й баталіонъ поступилъ въ колонну Амираджибова и сталъ за нею въ резервѣ. До двухъ часовъ дня турки не предпринимали ничего, ограничиваясь лѣнивою орудійною стрѣльбою. Томительное бездѣйствіе подъ палящими лучами солнца, при отсутствіи воды, тяжело ложилось на людей, которые, отъ нечего дѣлать, въ продолженіи этого времени, съ помощью штыковъ, успѣли соорудить рядъ отличнѣйшихъ закрытій, по-

заботясь даже о своихъ начальникахъ. Къ предстоявшему бою, котораго мы никакъ не могли дождаться, солдаты получили по 150—200 патроновъ, которые сохранялись въ подсумкахъ, карманахъ, сухарныхъ мѣшочкахъ, башлыкахъ и даже голенищахъ; многіе взяли и больше, расчитывая что бой будетъ имѣть такой же оборонительный характеръ, какъ вчера, и придется стрѣлять съ мѣста. Не смотря на труды и лишенія, перенесенныя въ эти полторы сутки, какъ офицеры, такъ и солдаты высматривали бодро, молодцовато и были отлично воодушевлены.

Около восьми часовъ утра, на высотѣ Нахарчи, т. е. на высшей точкѣ Аладжи-дагскаго хребта показались клубы пороховаго дыма, вырывавшіеся изъ орудій въ нашу сторону. Это былъ отрядъ генерала Шелковникова, зашедшаго въ тылъ турецкимъ войскамъ. Всѣхъ обуяла неизмѣримая радость въ виду этихъ дымковъ. Послѣ этого стало понятно, почему бездѣйствовала Кизиль-тапа: она послала часть своего гарнизона залечить опасную рану, нанесенную турецкимъ войскамъ генераломъ Шелковниковымъ. Намъ было ужасно досадно, что кругомъ все гремѣло, все трещало на пользу общей задачи, а мы лежали безполезно, безучастно, скучая и хандря. Но вотъ, наконецъ, судьба сжалилась и надъ нами: около двухъ часовъ съ Кизиль-тапы спустилась жиденькая цѣпь, заняла деревню Кюль-веранъ и открыла стрѣльбу по цѣпи 2-го баталіона. Лихо забарабанилъ 2-й баталіонъ, сразу отразилось обильное снабженіе патронами. Черезъ полчаса уже и грянуло «ура». Это, пошла цѣпь на цѣпь, но неудачно: турки, утвердившись въ ка-

менныхъ стѣнахъ разрушенной деревни, отбросили нашихъ смѣльчаковъ и просили не горячиться. Пришлось подождать.

Во время отступленія нашей цѣпи, отличился рядовой 8-й роты, еврей, Абрамъ Спивакъ. Храбрый израильтянинъ, ворвавшись въ саклю, напалъ на турецкаго офицера, который ловко отпарировалъ удары штыка своей саблей. Вспомнивъ, что за взятіе офицера въ плѣнъ, можно получить Георгіевскій крестъ, Спивакъ отступилъ назадъ и предложилъ офицеру сдаться въ плѣнъ, говоря:

— Гашпадинъ фичеръ! шавѣтываю сдаться, шлѣдовать жа мной, инаце, вхузе будетъ: сицась придетъ помосцъ.

Въ это время, наша цѣпь, потерпѣвъ неудачу, отошла назадъ. Турки не преслѣдовали. Какой-то обтрепанный баши-бузукъ, съ магазиннымъ ружьемъ въ рукахъ, остановился противъ дверей сакли и свободно озирался, ничего не зная о происходившемъ недалеко отъ него. Увидя свободную позу баши-бузука, Спивакъ тотчасъ же сообразилъ, что онъ покинутъ товарищами; еврей не потерялся: оставивъ офицера, онъ, съ быстротой молніи, налетѣлъ на баши-бузука, стоявшаго на пути, прикололъ его штыкомъ и во весь духъ пустился бѣжать. Турки открыли по немъ суетливую, безвредную стрѣльбу. Взявъ ружье убитаго баши-бузука, турецкій офицеръ съ такою же силою погнался за дерзкимъ непріятелемъ. Скоро Спивакъ, потерявъ силы, остановился и прилегъ за надгробнымъ камнемъ, въ шагахъ 300 отъ нашей цѣпи. Когда турецкій офицеръ дошелъ до края магометанскаго кладбища, Спи-

вакъ сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ, но промахнулся. Офицеръ тоже легъ за камнемъ; такимъ образомъ, находясь другъ отъ друга въ пятидесяти шагахъ, т. е. на разстояніи вѣрнаго, смертельнаго выстрѣла, должна была пострадать та сторона, которая раньше оставитъ свое мѣсто. Турецкіе стрѣлки уже начали, одинъ за другимъ, перебѣгать на кладбище. Положеніе нашего героя становилось все хуже и опаснѣе, а между тѣмъ, ему нельзя было даже поднять головы изъ-за камня, чтобы прицѣлиться въ врага, который только и выжидалъ этого случая. Долго думалъ Спивакъ, какъ ему выкрутиться изъ бѣды и, наконецъ-то, пришла въ голову спасительная мысль. Онъ сгребъ за камнемъ кучку земли, положилъ на нее свою кепку козырькомъ впередъ, а самъ, ползкомъ, сошелъ въ промоину, огибавшую кладбище съ правой стороны. Офицеръ произвелъ три выстрѣла по открывшейся кепкѣ; по третьему выстрѣлу, кепка свалилась съ кучки внизъ, а офицеръ привсталъ, чтобы вернуться въ деревню. Въ это время сбоку раздался выстрѣлъ и офицеръ, упавъ, задрыгалъ ногами. Захвативъ съ собою магазинное ружье, красную феску и серебряные часы, какъ вещественныя доказательства, что убитъ офицеръ, Спивакъ побѣжалъ къ товарищамъ, провожаемый огнемъ трехъ-четырехъ турецкихъ стрѣлковъ, успѣвшихъ перебѣжать на кладбище.

За этотъ подвигъ рядовой Абрамъ Спивакъ награжденъ лично Его Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ знакомъ отличія Военнаго ордена 4-й степени.

4-й баталіонъ, не имѣя впереди непріятеля, лежалъ въ спокойствіи и тишинѣ за своими траншеями, въ не-

терпѣливомъ ожиданіи очереди, и лишь чуткимъ ухомъ прислушивался къ грому боя, шедшаго на лѣвомъ флангѣ. Я и князь Макаевъ сидѣли подъ шинельнымъ навѣсомъ, за прочнымъ окопомъ, который былъ устроенъ внимательными солдатами спеціально для любимаго баталіоннаго командира; въ томительномъ бездѣйствіи

Протоіерей о. Ефстафій Хуцiевъ.

мы успѣли нѣсколько разъ обѣдать, опорожнить бутылокъ пять кахетинскаго вина, выкурить десятки папиросъ, вдоволь поспать, а времени оставалось все-таки еще такъ много, что мы, для развлеченія, было совсѣмъ рѣшили прогуляться на лѣвый флангъ, когда къ намъ пришелъ полковой священникъ (онъ же дивизіонный протоіерей) Евстафій Хуцiевъ.

— Миръ вамъ!—проговорилъ почтенный старикъ, подходя къ намъ.

Онъ былъ весь въ поту и задыхался отъ усталости. Мы пригласили духовнаго отца въ свое скромное жилище и стали разспрашивать о томъ, о семъ изъ резервной жизни. Обтерѣвъ потъ съ старческаго лица длиннымъ и широкимъ рукавомъ, кашлянувъ раза три, отецъ началъ свой долгій, трагическій разсказъ объ убитыхъ и раненыхъ, о докторахъ, про сцены и картины на перевязочномъ пунктѣ и пр. и пр.; разсказъ закончилъ словами:

— Много, много пролито христіанской крови, Боже милосердный!

Затѣмъ, духовный отецъ попросилъ дать ему что-нибудь поѣсть и выпить. Прапорщикъ Кидіа-швили, по просьбѣ князя Макаева, уступилъ отцу два стакана вина и полъ-арбуза. Насытившись вполнѣ достаточно, отецъ Евстафій облокотился о внутренній скатъ окопа и проговоривъ: «подремать бы, усталъ», — закрылъ глаза.

Это было около 5-ти часовъ вечера. Солнце, сошедшее на западный небосклонъ, сквозь легкія, перистыя тучки, обливало землю яркимъ свѣтомъ, но грѣло значительно слабѣе, чѣмъ въ полдень. Съ Суботанскихъ укрѣпленій повѣяло пріятной прохладой и послышалось тихое журчаніе сухой, желтой осоки, которая придавала окружавшей насъ природѣ скучный, унылый, осенній оттѣнокъ. Правый флангъ ожилъ: люди встали, весело заговорили, закурили трубочки и начали грызть сухарики—полудневать. У Кюль-верана шла, по прежнему, энергичная ружейная стрѣльба,

изрѣдка заглушаемая орудійными выстрѣлами, раздававшимися, то—на нашихъ батареяхъ, то—на Кизильтапѣ. Скоро войска Курюкъ-даринскаго лагеря, послѣ неудачныхъ предпріятій, стали отходить назадъ, преслѣдуемыя воодушевленнымъ непріятелемъ довольно энергично и смѣло; видя это отступленіе, сердце болѣзненно забилось и по тѣлу пробѣжала непріятная дрожь. Солдаты пригорюнились и выражали свою досаду словами: «Ишь, паршивая татарва!»

Таково было положеніе дѣла, въ такомъ озлобленномъ настроеніи находились Елисаветпольцы, когда, въ 5 часовъ вечера, непріятель, силою около 8-ми баталіоновъ, спустился съ Суботанскихъ укрѣпленій и, слѣдуя открытой равниной, взялъ направленіе прямо на нашъ правый флангъ. Въ разстояніи 2,000 шаговъ, турки остановились, перестроились въ боевой порядокъ, окопались и открыли бѣшенный огонь. Три полка сувари направились въ обходъ нашего праваго фланга; для встрѣчи ихъ, полковникъ князь Амираджибовъ выслалъ вправо, въ боевую линію, 1-й баталіонъ, бывшій въ резервѣ за 4-мъ Кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ. Спустя нѣсколько минутъ, князь Амираджибовъ подъѣхалъ къ цѣпи 4-го баталіона, сопровождаемый адъютантомъ, жалонернымъ офицеромъ и завѣдывающимъ хозяйствомъ въ полку, подполковникомъ Нельдихинымъ; послѣднему тогда же было поручено наблюденіе за лѣвымъ флангомъ 4-го баталіона, завязавшимъ перестрѣлку съ цѣпью турецкихъ стрѣлковъ, вышедшихъ изъ Кюль-верана. Видя, что цѣпь наша лежитъ внѣ прицѣльнаго выстрѣла, князь Амираджибовъ приказалъ передвинуть ее впередъ на 500 шаговъ.

Передъ этимъ движеніемъ, отецъ Евстафій, надѣвъ эпитрахиль, вышелъ изъ окопа и, подъ градомъ падавшихъ пуль и гранатъ, осѣнилъ крестомъ встававшую цѣпь, вслухъ молясь о спасеніи христіанъ и дарованіи имъ побѣды надъ врагомъ. Повернувшись лицомъ къ сіявшему кресту, люди цѣпи набожно крестились и кланялись.

Какъ ни тяжело было солдатамъ разставаться съ траншеями, стоившими столько труда, а пришлось ихъ покинуть; движеніе началось всею цѣпью и шагомъ.

— Что же, братцы, опять, значитъ, жариться подъ огнемъ безъ толку? Давай, гаркнемъ въ штыки и все тутъ!—подстрекнулъ товарищей знакомый намъ рядовой Дьячковъ.

— Давай, такъ давай!—согласились товарищи.

— Ну, слушай!—предупредилъ Дьячковъ.— Разъ, два, три,—ура!!

Товарищи дружно подхватили. И вотъ, грянуло то знаменитое, небывалое «ура», которое обратило Елисаветпольцевъ въ безчувственныхъ автоматовъ, заставивъ пробѣжать безъ отдыха 2,000 шаговъ и броситься непріятелю въ смертельное объятіе; ни строгій, останавливающій, гласъ начальства, ни миріады пуль и гранатъ, злобно просѣкавшихъ воздухъ вдоль и поперекъ, ни, повидимому, холодныя, грозныя стѣны турецкихъ войскъ, ничто не могло удержать неуклоннаго и бурнаго теченія опьяненныхъ сномъ Елисаветпольцевъ.

Беззавѣтною и молодецкою этою удалью солдатъ я былъ тронутъ до слезъ и какое-то непонятно тяжкое чувство душило меня и захватывало дыханіе.

«Не страшитъ васъ грозное, ужасное будущее: вы очерствѣли, онѣмѣли и безсострадательны къ себѣ въ служеніи святому долгу — въ защитѣ Царя, Отечества и религіи. Счастлива ты, матушка-Россія, имѣя такихъ славныхъ и вѣрныхъ сыновъ!»

Вотъ, какія мысли роились въ моей головѣ, заставляя волноваться и плакать. Затѣмъ, буря грознаго «ура» поглотила все мое существо; я ѣхалъ впередъ безъ сознанія страха, въ какомъ-то забытьи, въ какомъ-то безчувственномъ оцѣпенѣніи; предъ собою я видѣлъ, какъ сквозь прозрачный туманъ, движущіеся силуэты людей, ружейные дымки, холмы и горы...

Вотъ, и Мавря къ-чай. Цѣпь, какъ по командѣ, грохнулась на землю, напилась воды, вздохнула—и дальше. Турецкія войска, вышедшія изъ Суботана, стояли неподвижно, осыпая насъ тысячами пуль; надъ головою, то и дѣло, мяукали, какъ кошки, шрапнели, пускаемыя изъ Кизиль-тапы; сзади, изъ Кюль-верана шелъ огненный дождь—самый страшный въ нравственномъ отношеніи. Подъ такимъ свинцовымъ ураганомъ не приходилось бывать ни до этого боя, ни послѣ Елисаветпольцамъ.

— Вернись, скажи Чердилери, чтобы выбилъ турокъ изъ Кюль-верана, — приказалъ мнѣ князь Макаевъ, видя сильный вредъ, наносимый тыльнымъ огнемъ.

Я поскакалъ назадъ и передалъ приказаніе.

Атакующій правый флангъ наступалъ въ такомъ порядкѣ: впереди бѣжали 14-я, 15-я и 16-я роты 4-го баталіона, правѣе и нѣсколько позади (шаговъ на 400)— Стрѣлки и 1-я, 3-я и 4-я роты 1-го баталіона, а сзади,

въ шагахъ 700, наступали роты Гурійскаго полка съ разомкнутыми рядами; батареи наши, оставивъ укрѣпленія, перешли вправо, на ровное мѣсто, и весь огонь направили на суботанскія войска; кавалерія эскадронами двигалась за правымъ флангомъ Гурійцевъ; въ моментъ штыковаго боя, за Елисаветпольцами очутился 3-й баталіонъ лейбъ-Эриванскаго полка, присланный на подкрѣпленіе Его Императорскимъ Высочествомъ — Главнокомандующимъ арміею, наблюдавшимъ за ходомъ боя съ высоты Караяла. По словамъ очевидцевъ, Его Высочество беззавѣтную и смѣлую атаку Елисаветпольцевъ апплодировалъ и прислалъ адъютанта узнать, какіе баталіоны участвовали въ атакѣ.

На обратномъ пути я видѣлъ прапорщика Коташова, убитаго пулей, затѣмъ, его ротнаго командира (16-й роты) подпоручика Чернявскаго и князя Макаева, раненыхъ въ ноги; послѣднихъ санитары несли на носилкахъ. Далѣе, я встрѣтилъ рядоваго 13-й роты Бѣловицкаго; онъ лежалъ въ 10-ти шагахъ отъ берега Маврякъ-чая и въ изнеможеніи кричалъ:

— Ой, батюшки! Воды! Умираю!

— Что съ тобою, землякъ, раненъ? — спросилъ я его.

— Никакъ нѣтъ, ваш... діе... Воды!... ой!

Я вынулъ изъ сѣдельнаго кабура бутылку съ водой, бросилъ внизъ, около Бѣловицкаго, и поскакалъ дальше.

Убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ встрѣчалось, сравнительно, очень мало. На линіи цѣпи Стрѣлковаго и 1-го баталіоновъ, съ обнаженной саблей въ рукѣ, ѣхалъ князь Амираджибовъ съ прапорщикомъ

Поповымъ, который состоялъ при князѣ для передачи приказаній.

— Поѣзжайте, скажите артиллеристамъ, чтобы перестали стрѣлять, или были внимательны къ своему дѣлу, иначе, передайте, доложу корпусному командиру! — приказывалъ князь прапорщику Попову, голосомъ взбѣшеннаго, выведеннаго изъ терпѣнія, человѣка.

И дѣйствительно, наши дистанціонныя гранаты разрывались надъ нашею же цѣпью.

Скоро роты 4-го баталіона заняли небольшой отрогъ Кизиль-тапы и, такимъ образомъ, стали между суботанскими войсками и гарнизономъ Кизиль-тапы; часть людей легла лицомъ къ Кизиль-тапѣ, откуда угрожала атакой турецкая кавалерія, а другая начала обстрѣливать цѣпь и резервы суботанскихъ войскъ фланговымъ огнемъ. На маленькую площадь, гдѣ пріютились наши роты, сосредоточила огонь вся наличная артиллерія непріятеля. Гарнизонъ Кизиль-тапы двинулся внизъ, чтобы сбить нашихъ смѣльчаковъ съ занятой позиціи, но, видя бѣгство своего праваго фланга, вернулся назадъ. На площадкѣ былъ адъ артиллерійскаго огня, но солдаты лежали совершенно спокойно, не обращая ровно никакого вниманія на тысячи гранатъ, разрывавшихся въ воздухѣ и усердно бороздившихъ землю между нашими героями.

— Шалишь, мы поняли васъ: вы только гремѣть умѣете! — говорили молодцы, обращаясь къ разрывавшимся гранатамъ.

Однако, такой же адъ былъ и въ турецкой цѣпи: въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ она значительно порѣдѣла и турецкіе санитары безостановочно уносили

убитыхъ и раненыхъ офицеровъ; нижніе же чины оставались безъ присмотра и уходили изъ цѣпи только легко раненые. Не смотря на это, турки порѣшили достойно и честно встрѣтить непріятеля; они пододвинули резервы и подъ адскимъ огнемъ стояли твердо, не колеблясь, въ ожиданіи бурно и грозно стремившагося непріятеля. Но не долго имъ пришлось постоять такимъ образомъ. Обновилось, ожило и грянуло пуще прежняго русское, молодецкое «ура», вырывавшееся изъ усталыхъ, но могучихъ грудей солдатъ. Спереди на турецкія колонны обрушились Стрѣлки и 1-й баталіонъ, а на флангъ—роты 4-го баталіона. Завязалась кровопролитная штыковая борьба, продолжавшаяся около пяти минутъ. Массы смѣшались. «Ура» смѣнилось глухими ударами прикладовъ, звяканіемъ и бряцаніемъ шашекъ, послѣдними вздохами умирающихъ, раздирающимъ душу крикомъ раненыхъ... И въ этомъ адскомъ хаосѣ, то и дѣло, слышались слова:

— Назадъ, ваше благородіе: мы сами справимся!

Торопливо шли на помощь удалые Абхазцы и Гренадеры, задыхаясь отъ усталости; но дѣло обошлось и безъ нихъ. Не выдержавъ дружнаго, молодецкаго напора Елисаветпольцевъ и Стрѣлковъ, турки дрогнули и ринулись назадъ. Напрасно храбрые турецкіе офицеры старались остановить своихъ соотечественниковъ, рубя ихъ шашками и дѣйствуя угрозами и убѣжденіями; напрасно вышли на помощь два послѣднихъ табора: они были потоптаны и разсѣяны въ паническомъ страхѣ отступавшею волною своихъ собратовъ. Идя по кровавому пути, неотвязчиво преслѣдовали Елисаветпольцы и стрѣлки бѣжавшаго въ страшномъ безпорядкѣ врага,

насѣдая на шею и уничтожая послѣдняго, то—прикладомъ, то—штыкомъ, то—выстрѣлами въ упоръ. Видя, что солдаты слишкомъ увлеклись преслѣдованіемъ и врѣзались въ турецкую позицію почти острымъ угломъ, офицеры начали останавливать ихъ, громко крича:

— Ребята, стой! Стой!

Но солдаты, какъ будто, потеряли слухъ; они продолжали свое дѣло, работая штыками и прикладами, какъ сѣрые скворцы, уничтожающіе ненавистную и многочисленную саранчу, и Богъ вѣсть, что случилось бы съ нашими молодцами, если бы ихъ не остановилъ вечерній мракъ. Я говорю: «Богъ-вѣсть, что случилось» потому, что въ это время съ склоновъ Аладжи спускались на помощь массы турецкихъ войскъ, которыя могли поглотить горсть нашихъ храбрецовъ.

И такъ, кончился памятный для Елисаветпольцевъ бой. На гремѣвшую и гудѣвшую землю опустилась мрачная завѣса ночи. Стрѣльба прекратилась всюду и только стоны раненыхъ и площадная брань турецкихъ солдатъ, остановившихся на укрѣпленныхъ холмахъ Суботана, еще нарушали тишину вечера.

Въ это время, къ цѣпи подъѣхалъ адъютантъ Его Высочества; онъ искалъ командира полка, но, не найдя послѣдняго, обратился къ людямъ съ словами:

— Ребята, Елисаветпольцы! Его Высочество приказалъ вамъ держаться на новой позиціи, если можете.

Солдаты отвѣтили:

— Какъ не можно, ваше высокоблагородіе; коль взяли и удержать смогимъ!

Адъютантъ похвалилъ солдата за храбрость и уѣхалъ.

Вернемся къ дѣйствіямъ лѣваго фланга.

Подполковникъ Нельдихинъ, вслѣдствіе переданнаго мною капитану Чердилери приказанія, тотчасъ же распорядился очисткою Кюль-верана отъ непріятеля, поражавшаго атакующія наши части тыльнымъ огнемъ. Предупредивъ командующаго 2-мъ баталіономъ о намѣреніи атаковать Кюль-веранъ, подполковникъ Нельдихинъ приказалъ капитану Чердилери начать движеніе, а самъ, войдя въ порожнія укрѣпленія нашихъ батарей, вооружился биноклемъ и сталъ наблюдать за ходомъ боя. Въ это время, «шальная» пуля, пущенная неизвѣстно откуда, ударилась о бинокль; одна часть ея, разбивъ стекло, влетѣла въ бинокль, а другая—скользнувъ по трубкѣ, раздробила подполковнику Нельдихину нижнюю челюсть.

Поддерживаемый охотниками Гурійскаго полка, разсыпавшимися правѣе цѣпи 13-й роты, капитанъ Чердилери перешелъ въ наступленіе. Остановивъ роту въ 400 шагахъ отъ деревни, онъ обстрѣливалъ послѣднюю минутъ пять, а потомъ бросился въ атаку. Сильный огонь непріятеля не могъ остановить нашихъ молодцовъ; они ворвались въ деревню и приняли турокъ въ штыки. Турки оказали такое серьезное сопротивленіе, что пришлось штурмовать каждую саклю отдѣльно. Однако, въ короткое время, деревня была очищена и непріятель, перебѣжавъ оврагъ, остановился на противоположномъ укрѣпленномъ берегу; одновременно, турки отступили и передъ 2-мъ баталіономъ. Приведя роту въ порядокъ, капитанъ Чердилери повелъ вторую атаку. Турки безъ боя уступили укрѣпленія и, поспѣшно отступивъ, утвердились въ нашихъ

батареяхъ, выстроенныхъ подпоручикомъ Лавровымъ въ періодъ стоянки полка около Кюль-верана. Войска, бывшія противъ 2-го баталіона, тоже, не оказавъ никакого сопротивленія, отошли и стянулись къ упомянутымъ батареямъ. Турки, повидимому, рѣшились здѣсь встрѣтить противника съ должнымъ достоинствомъ. На противоположномъ берегу оврага, Елисаветпольцы остановились, оправились, отдохнули и перешли въ смѣлое наступленіе. Скоро грянуло послѣднее, рѣшительное «ура» и Елисаветпольцы, ворвавшись въ укрѣпленія, дали туркамъ такой чувствительный толчокъ, что они не могли остановится до самой Кизильтапы. Преслѣдованіе было остановлено приказаніемъ полковника князя Амираджибова вернуться назадъ.

Вечеромъ, въ 10 часовъ, войска вернулись обратно на свои мѣста.

Разчувствованный подвигами своего полка, полковой маркитантъ, Захаръ Джембулатовъ, на свой счетъ угостилъ Елисаветпольцевъ ужиномъ, выдавъ въ роты, безъ мѣры, водки, вина, по два фунта мяса на человѣка, папиросъ, мохорки и даже конфектъ.

Бой 20-го и 21-го сентября стоилъ Елисаветпольцамъ очень дорого; въ трехъ баталіонахъ выбыло изъ строя убитыми: оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 31; ранеными: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 14, нижнихъ чиновъ 225; контужеными: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 3; безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ 8.

XI.

Дѣло 3-го баталіона 19-го и 20-го сентября. — Начало рѣшительныхъ дѣйствій.

22-го сентября, въ 12 часовъ дня, оставивъ занимаемыя позиціи, Елисаветпольцы отошли 5 верстъ назадъ и стали лагеремъ съ западной стороны Караяла, гдѣ уже были въ сборѣ войска Курюкъ-даринскаго лагеря, потерпѣвшія неудачу въ намѣреніи отрѣзать армію Мухтара-паши отъ Карса и взять ее въ плѣнъ. Въ виду сильнаго утомленія людей, еще засвѣтло была пробита заря, солдаты пропѣли «Отче нашъ» и «Боже, Царя храни» и легли спать, уснувъ тѣмъ крѣпчайшимъ, богатырскимъ сномъ, которымъ можно спать послѣ трехдневнаго необычайнаго физическаго и нравственнаго труда. 4-й же баталіонъ, назначенный на аванпосты и въ прикрытіе батареи, выстроенной саперами впереди лагеря въ разстояніи одной версты, былъ лишенъ этого удовольствія.

На другой день, въ 10 часовъ утра, всѣ офицеры и нижніе чины, особенно выдѣлившіеся мужествомъ и храбростью въ дѣлѣ 20-го и 21-го сентября, были собраны у ставки Его Императорскаго Высочества. Августѣйшій Главнокомандующій лично возлагалъ ордена на героевъ, милостиво благодаря, хваля и разспрашивая ихъ о сдѣланныхъ ими отличіяхъ; при этомъ, два хора музыки играли «Боже, Царя храни», а тысячи офицеровъ и нижнихъ чиновъ, присутствовавшихъ на торжествѣ, кричали героямъ нескончаемое

«ура». По окончаніи раздачи наградъ, Его Высочество вспомнилъ офицеровъ, командовавшихъ охотниками— прапорщиковъ Туркина и Славачинскаго, потребовалъ ихъ и, милостиво благодаря за перенесенные труды и лишенія, возложилъ на нихъ по ордену св. Владиміра 4-й степени. Затѣмъ, герои, увѣшанные орденами, прошли церемоніальнымъ маршемъ и разошлись по своимъ частямъ. Весь день въ лагеряхъ слышались «ура», пѣсни и музыка,—шла «обливка наградъ».

Въ числѣ героевъ—нижнихъ чиновъ, бывшихъ у ставки Его Высочества, съ чувствомъ собственнаго достоинства стоялъ и нашъ Абрамъ Спивакъ. Какъ еврею, Его Высочество пожаловалъ ему Георгіевскій крестъ съ изображеніемъ двухглаваго орла, установленный для иновѣрцевъ. Оставшись недоволенъ этимъ, Спивакъ тотчасъ же обратился къ Великому Князю съ просьбой:

— Васе Императорское Высоцество! Явите милошть, пожвольте мнѣ крестъ съ вшадникомъ.

— А развѣ не все-равно?—спросилъ Его Высочество, улыбаясь.

Свита и всѣ близстоявшіе невольно разсмѣялись.

— Никакъ нѣтъ, Васе Императорское Высоцество: крешта шпѣтушкомъ зиды не видали, не повѣрять и не будуть меня поцитать,—отвѣтилъ Спивакъ.

Его Высочество, похлопавъ его по плечу, еще разъ поблагодарилъ за храбрость и перемѣнилъ крестъ, сказавъ:

— Это рѣдкость.

***

Обратимся къ дѣйствію отряда генерала Шелковникова.

Было уже сказано, что 3-й баталіонъ Елисаветпольцевъ выступилъ на Камбинскій постъ, для присоединенія къ отряду Шелковникова, предназначенному для дѣйствія въ тылу арміи Мухтара-паши; 18-го числа, вечеромъ, пройдя 65 верстъ пути, баталіонъ прибылъ на Камбинскій постъ одновременно съ двумя баталіонами Бакинскаго полка, слѣдовавшими изъ Эриванскаго отряда. Въ составъ отряда, кромѣ названныхъ частей, входили: три баталіона Севастопольскаго и одинъ—Владикавказскаго пѣхотныхъ полковъ, 6-я батарея 19-й артиллерійской бригады, дивизіонъ горной и ракетная батареи и двѣ сотни казаковъ. Собираясь, отрядъ стоялъ лагеремъ на лѣвомъ берегу рѣки Арпачай, черезъ которую командой саперъ былъ наведенъ мостъ.

Чтобы пройдти въ тылъ, отряду предстояло сначала отбросить назадъ шесть таборовъ Адама-паши, прикрывавшихъ проходъ, утвердившись на высотахъ Кизиль-Кугулъ. Вечеромъ того же дня, отрядъ, въ полномъ составѣ, двинулся въ путь и, пройдя 15 верстъ, къ разсвѣту предсталъ предъ Кизыль-кугульскими высотами, укрѣпленными траншеями въ нѣсколько ярусовъ. Войска, еще до разсвѣта, перестроились въ боевой порядокъ, имѣя 3-й баталіонъ Елисаветпольцевъ въ боевой линіи въ такомъ порядкѣ: 9-я и 12-я роты были въ цѣпи, а 10-я и 11-я — въ резервѣ. Атака предстояла фронтальная. Съ разсвѣтомъ, непріятель открылъ одновременно орудійный и ружейный огонь, по обыкновенію, ужасный. Но отрядъ двигался безоста-

новочно, рѣшительно и спокойно, какъ на мирныхъ маневрахъ. Въ 150-ти шагахъ отъ первой линіи укрѣпленій 3-й баталіонъ остановился, усилилъ огонь и сталъ стягивать свои ближайшіе резервы для удара въ штыки. Холодное и смѣлое наступленіе нашихъ войскъ возбудило въ рядахъ непріятеля суету и безпорядокъ: турецкіе офицеры едва удерживали робкихъ подчиненныхъ, а артиллеристы стали убирать орудія съ позиціи. Видя это, 3-й баталіонъ совсѣмъ уже всталъ, чтобы броситься впередъ, но былъ остановленъ неожиданно раздавшимся въ тылу сигналомъ «отступленіе». Всѣ были непріятно поражены; какъ ужъ ни хотѣлось отрываться отъ задуманной цѣли, но, дѣлать нечего: приказано — надо исполнить; провожаемый сильнымъ огнемъ, баталіонъ сталъ отходить назадъ такъ же стройно и въ порядкѣ, какъ и при наступленіи; къ вечеру отрядъ вернулся къ Камбинскому посту.

Не успѣли солдатики погрызть сухариковъ и переобуться, какъ отрядъ поднялся и двинулся форсированнымъ маршемъ неизвѣстно куда. Всѣ терялись въ догадкахъ и предположеніямъ не было предѣла; одни думали, что отрядъ идетъ для присоединенія къ главнымъ силамъ, другіе—на Инахъ-тепеси, третьи—въ обходъ позиціи Адама-паши и т. д. Отрядъ шелъ въ строгой тишинѣ, безъ приваловъ, быстро переходя въ непроницаемой темнотѣ ночи съ горы на гору, съ оврага въ оврагъ, по какой-то тропинкѣ, заваленной обломками камней и вьющейся тысячами зигзаговъ. Подбились сильно солдатики, но шли пока бодро, молодцовато. Чуть-свѣтъ, отрядъ втянулся въ широкое и

глубокое дефилэ *) и вышелъ, наконецъ, на колесную дорогу. По гладкимъ склонамъ дефилэ, поросшимъ густой травой, паслись громадныя стада овецъ и табуны лошадей, хозяева коихъ, въ виду отряда, бѣжали въ горы, объятые паническимъ страхомъ. Вдали сѣрѣла деревня Дигоры, за которою, на полумрачномъ западномъ небосклонѣ, грозно обрисовывалась высота Нахарчи — высшая точка Аладжадагскаго хребта. При видѣ этой картины и относительнаго направленія движенія отряда, сразу стало всѣмъ понятно въ чемъ дѣло. «Что-то будетъ?», — думалось каждому; чувствуя и видя небольшой остатокъ силъ въ людяхъ, офицеры выражали сомнѣніе въ возможности взобраться на чудовищную, изрѣзанную глубокими балками, стѣну Нахарчи. Однако, отрядъ, уповая на Бога, двигался все впередъ и впередъ, быстрѣе и быстрѣе. Уже совершенно разсвѣло. Жители деревни Дигоры вышли съ хлѣбомъ и солью. Высокаго роста, сѣдобрадый мулла, опустившись на колѣни, поставилъ передъ начальникомъ отряда круглый деревянный подносъ съ солью, лавашами и сыромъ.

— Алла сагларъ санъ! — привѣтствовалъ жителей генералъ Шелковниковъ.

Жители низко поклонились. Перекинувшись съ ними нѣсколькими словами относительно занятія Нахарчи турками, генералъ Шелковниковъ обогналъ отрядъ. Скоро, миновавъ Дигоры, отрядъ потянулся на гору,

*) Дефилэ—узкое мѣсто, проходъ; напримѣръ: гать, мостъ, горное ущелье, углубленная дорога, просѣка и т. д.; однимъ словомъ, мѣсто, которое войска не могутъ проходить широкимъ фронтомъ.

ничуть не умѣряя шага. Проникнутые сознаніемъ, что, чѣмъ раньше подымутся на верхъ, тѣмъ больше вѣроятности занять Нахарчи безъ боя, солдаты шли безостановочно и не жалѣя силъ. Двѣ сотни казаковъ съ горными орудіями, навьюченными на вьюки, двигались впереди, поворачивая то — вправо, то — влѣво на болѣе доступные косогоры. Наконецъ, лучи восходящаго солнца освѣтили вершину Нахарчи, на которой царствовала совершенная тишина; очевидно, турки еще не замѣтили насъ. Отрядъ перестроился въ боевой порядокъ. Полусотня казаковъ, подъ командой капитана Бакинскаго полка, Баба-Кевхаева, рысью выѣхала на верхъ и скрылась. Черезъ полчаса, казакъ, спустившійся съ горы, доложилъ начальнику отряда, что турецкій караулъ *) изъ 13-ти человѣкъ сувари и одного кулу-гаси (эскадроннаго командира) взятъ въ плѣнъ безъ выстрѣла и что вершина никѣмъ не занята. Извѣстіе объ этомъ быстро облетѣло отрядъ; обрадованные солдаты прибавили шагу, напрягая послѣднія усилія; но, съ полугоры, подъемъ сталъ до такой степени крутъ, что по сухой травѣ, покрытой росой, ноги начали скользить назадъ и людямъ пришлось идти, упираясь о ружья и цѣпляясь за камни и траву. Немного уже оставалось до вершины, когда солдаты, потерявъ послѣднія силы, стали ложиться десятками.

---

*) По словамъ капитана Баба-Кевхаева, турецкій караулъ принялъ нашихъ казаковъ за своихъ всадниковъ, такъ какъ многіе въ турецкой кавалеріи (преимущественно выселившіеся съ Кавказа горцы) носили совершенно одинаковый костюмъ съ нашими казаками. Кулу-гаси, какъ оказывается, «смѣялся и никакъ не хотѣлъ допустить, что онъ окруженъ русскими».

— Впередъ, впередъ, ребята! Еще немного осталось! — слышались голоса ротныхъ командировъ.

— Рады бы, ваше благородіе, да мочи нѣтъ, устали! — отвѣчали бѣдные солдатики, задыхаясь отъ усталости.

Особенно строго и не придирались офицеры къ такимъ, чувствуя на себѣ ту непосильную тяжесть, съ которою боролись солдаты; тѣ же, которымъ силы еще не измѣнили, шли сами, не ожидая напоминаній. Въ 7 часовъ утра отрядъ занялъ высоту и взору представилась такая картина: лагери турокъ, разбросанные по всему хребту на пространствѣ 15—20-ти верстъ, большими и малыми группами, были разбиты съ тщательнымъ соблюденіемъ дистанціи и интерваловъ; за Кизиль-тапою стояли 6 таборовъ въ сомкнутыхъ колоннахъ въ ожиданіи чего-то; изъ суботанскихъ укрѣпленій торопливо двигалась пѣхота, съ нѣсколькими орудіями, къ Большимъ Ягнамъ; въ разныхъ пунктахъ Аладжа-дагскаго хребта сіяли, на утреннемъ солнцѣ, стальныя крупповскія пушки; вершина Инахъ-тепеси была срѣзана такъ ловко, что ни одинъ искусный артиллеристъ не съумѣлъ бы попасть гранатою съ фронтальной стороны... Появленіе наше было до такой степени неожиданно для турокъ, что въ ближайшемъ лагерѣ турецкіе солдаты и офицеры преспокойно сидѣли у костровъ, умывались, а нѣкоторые, подбоченившись, гуляли впереди лагеря.

Выстрѣлы нашихъ горныхъ орудій возвѣстили туркамъ о занятіи Нахарчи русскими войсками. Поднялась страшная тревога: сотни одиночныхъ всадниковъ бѣшенно мчались изъ лагеря въ лагерь, изъ укрѣпленія

въ укрѣпленіе, оповѣщая начальство о появленіи въ тылу русскихъ войскъ; артиллеристы, вынося орудія изъ укрѣпленій на открытое мѣсто, ставили ихъ по направленію къ Нахарчи; массы пѣхоты, выходя изъ Кизиль-тапы, Суботана, Авліара и другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, поспѣшно стягивались къ занятому мѣсту позиціи. Около 9-ти часовъ, турки обступили вершину Нахарчи и повели атаку за атакой; подъ градомъ пуль, они бросались на верхъ, по крутымъ, обрывистымъ склонамъ съ такою смѣлостью и самоотверженіемъ, что, нерѣдко, дѣло доходило до штыковаго боя. Имѣя по 120-ти патроновъ на рукахъ, наша цѣпь, буквально, засыпала турокъ пулями. Наши горныя орудія, стрѣляя картечью почти въ упоръ, дѣлали широкія прорѣхи въ колоннахъ непріятеля. Скоро сѣверо-западный склонъ Нахарчи запестрѣлъ сотнями красныхъ фесокъ и зеленыхъ мундировъ. По мѣрѣ прибыванія свѣжихъ силъ, непріятель возобновлялъ атаки все чаще и чаще. Окутанная пороховымъ дымомъ, Нахарчи представляла издали видъ огнедышащей горы. Утомленные и совершенно обезсиленные двухдневнымъ бодрствованіемъ, сопряженнымъ съ тяжкими ночными движеніями, голодомъ и жаждой, солдаты едва-едва выдерживали упорный бой; многіе изъ нихъ, не смотря на раздававшійся гулъ и трескъ, засыпали въ цѣпи и начальствующимъ лицамъ приходилось ихъ будить.

До 4-хъ часовъ вечера отрядъ Шелковникова былъ непобѣдимъ и торжествовалъ, гордо посматривая съ высоты Нахарчи; но, послѣ этого времени, кончились патроны и для отряда насталъ жестокій часъ: нашимъ храбрецамъ, съ послѣдними звуками берданокъ, приш-

лось не отступать, съ свойственнымъ имъ достоинствомъ, а, буквально, удирать, спасаясь отъ грозной тучи непріятельскихъ войскъ, преслѣдовавшихъ по пятамъ. Это было ужасное отступленіе, описать котораго невозможно! По сигналу, поданному начальникомъ отряда, цѣпь и резервы, подъ напоромъ превосходнаго непріятеля, сразу ринулись внизъ, въ глубокую балку, и смѣшались до такой степени, что не было уже ни ротъ, ни баталіоновъ, и отрядъ представлялъ видъ нестройной массы людей. Помимо того, что въ подобныхъ случаяхъ трудно разобрать людей, и мѣстность была до такой степени убійственная, что только одиночные люди и могли по ней двигаться.

Занявъ берега балки 12-ю таборами, турки провожали насъ, до самаго вечера, перекрестнымъ огнемъ. Тысячи баши-бузуковъ, разсыпавшись по всему склону, въ упоръ и на выборъ, стрѣляли нашихъ солдатъ, которые, не имѣя патроновъ, не могли оказать ровно никакого сопротивленія. Напрасно раненые и подбившіеся солдаты просили товарищей взять ихъ съ собою и спасти отъ гибели, подымая раздирающій душу стонъ и крикъ; они не могли вызвать состраданія и дѣлались жертвами возмутительнаго звѣрства хищныхъ баши-бузуковъ.

Одного любимаго унтеръ-офицера, раненаго въ ногу, поручикъ, князь Аваловъ, пожелалъ спасти; взваливъ его на спину, князь скорыми шагами понесъ любимца внизъ, но старческія силы измѣнили ему и онъ сталъ отставать отъ отряда. Баши-бузуки, съ обнаженными шашками, стали нагонять.

— Бросьте меня, ваше сіятельство, — проговорилъ

бѣдный унтеръ-офицеръ, видя опасность, угрожавшую князю;—лучше погибнуть одному, чѣмъ вдвоемъ!

Не хотѣлось князю Авалову оставлять унтеръ-офицера, но баши-бузуки уже были въ 50-ти шагахъ; видя, что по прямому пути невозможно уйдти отъ хищниковъ, князь, перекрестившись, бросился въ кручу. Несчастный унтеръ-офицеръ былъ изрубленъ въ куски. Князь Аваловъ, летя съ уступа на уступъ, наконецъ, достигъ дна кручи и, весь разбитый, прижался къ выбоинѣ скалы. Дѣло съ баши-бузуками кончилось перебранкой площадными словами. Пролежавъ подъ скалой до поздняго вечера, князь Аваловъ пришелъ въ себя, всталъ и двинулся въ неизвѣстный путь.

— Погибъ, бѣдный Шоло! *) — съ выраженіемъ сожалѣнія и ужаса проговорили его товарищи-очевидцы.

Другой случай. Два солдата 11-й роты (одинъ—рядовой Сафронякъ, а другаго—не помню), проспали отступленіе отряда и, когда они проснулись, то впереди джигитовали сотни баши-бузуковъ, преслѣдовавшіе поспѣшно отступавшій отрядъ. Послѣ непродолжительнаго размышленія, молодцы рѣшили пробиться, или лечь костьми. Это тѣмъ болѣе было возможно, что они имѣли на рукахъ по 120-ти патроновъ. Молодцы наши, перекрестившись, начали движеніе, слѣдуя по мѣстности, доступной лишь для одиночныхъ людей. Это происходило на глазахъ всего отряда. Хищные баши-бузуки яростно кинулись на, по видимому, легкую жертву, одинъ за другимъ, но въ такомъ же порядкѣ кувыркались они съ лошадей, поражаемые мѣткими пулями

*) «Шоло»—ласкательное—Соломонъ.

двухъ берданокъ; ихъ пало уже болѣе сорока человѣкъ, когда наши молодцы прошли цѣпь баши-бузуковъ и совершенно было избавились бѣды. Но, раненый въ ногу, товарищъ Сафроняка сталъ отставать, а Сафронякъ не хотѣлъ оставлять его.

— Иди, братъ, домой: зачѣмъ ты умрешь изъ-за меня; я отдамся врагу, а тамъ...

Бѣдный солдатикъ расплакался и больше ничего не могъ сказать. Сафронякъ поцѣловалъ его трижды и пошелъ дальше, продолжая отстрѣливаться. Раненый солдатъ тотчасъ же былъ изрубленъ баши-бузуками на мельчайшія части. Ссадивъ еще нѣсколько человѣкъ съ коней, Сафронякъ ушелъ совершенно благополучно, отдѣлавшись лишь ничтожными ранами въ лѣвой ногѣ, о которыхъ знали только его товарищи.

Съ поздними сумерками, турки прекратили преслѣдованіе. Отрядъ сошелъ внизъ, кое-какъ стянулся въ правильный строй и свободно вздохнулъ, хотя до полнаго спокойствія было еще далеко: предстояло найдти путь отступленія и продолжать движеніе подъ мучительнымъ ожиданіемъ встрѣчи съ войсками Адама-паши, который могъ перерѣзать путь отступленія и совершенно уничтожить отрядъ, разстроенный и неспособный къ сопротивленію. Послѣ получасоваго отдыха, совершеннаго въ ожиданіи кавалеріи, посланной для розысканія пути дальнѣйшаго слѣдованія, отрядъ вытянулся и лѣниво зашагалъ. Ночь стояла тихая, но совершенно темная. Около 5-ти верстъ отрядъ шелъ безъ дороги, по мѣстности, изрѣзанной множествомъ балокъ и овраговъ, затѣмъ, спустился къ деревнѣ Дигоры и свернулъ на каменную дорогу, по которой на-

ступалъ. Мысль о встрѣчѣ съ Адамомъ-пашой сильно безпокоила всѣхъ. Много поработали и казаки въ эту ночь; всю ночь были они въ разъѣздѣ, освѣщая путь и высматривая непріятеля; многіе изъ нихъ уступили раненымъ офицерамъ своихъ лошадей и шли за отрядомъ пѣшкомъ, ведя подъ-руки подбившихся солдатъ, для призрѣнія которыхъ не имѣлось никакихъ средствъ. Однако, турки, по свойственной имъ безпечности, не воспользовались прекраснымъ случаемъ отрѣзать путь отступленія обезсиленному и совершенно разстроенному нашему отряду. Въ 4 часа утра отрядъ прибылъ на Камбинскій постъ и остановился на продолжительномъ отдыхѣ. Люди поѣли горячей пищи и полегли спать. Къ 3 часамъ дня отрядъ двинулся для присоединенія къ главнымъ силамъ. Казаки остались подбирать отставшихъ нижнихъ чиновъ, которыхъ, конечно, было весьма много. Раненые и отставшіе солдаты подходили къ главнымъ силамъ въ продолженіи недѣли, испытывая страшныя страданія отъ боли, холода и голода; нѣкоторые изъ раненыхъ шли ползкомъ. Поручикъ, князь Аваловъ, пройдя мимо Инахъ-тепеси, незамѣтно, на другой день, утромъ, пришелъ на Ючъ-тапу.

Въ дѣлахъ 19-го и 20-го сентября, 3-й баталіонъ потерялъ убитыми нижнихъ чиновъ 22 человѣка; ранеными: офицеровъ—3 *), нижнихъ чиновъ—73; контуженными: офицеровъ—3, нижнихъ чиновъ—73; безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ 6 человѣкъ.

---

*) Ранены: поручикъ Аваловъ и прапорщики: Манучаровъ и Линштремъ.

За всѣ эти дѣла полкъ получилъ по 15-ти георгіевскихъ крестовъ на роту и почти всѣ офицеры были представлены къ наградамъ.

***

Дѣло 20-го и 21-го сентября, кончившееся неудачей, можно считать только преддверіемъ рѣшительныхъ дѣйствій съ нашей стороны. 25-го сентября былъ сформированъ отрядъ генералъ-лейтенанта Лазарева въ болѣе сильномъ составѣ (23 баталіона съ соотвѣтствующимъ числомъ артиллеріи и кавалеріи), чѣмъ отрядъ генерала Шелковникова, съ цѣлью обойдти непріятельскую позицію и, ставъ въ тылу, разобщить полевыя войска Мухтара-паши съ карсскимъ гарнизономъ; этотъ моментъ и считается началомъ рѣшительныхъ дѣйствій.

27-го сентября, аванпостныя части увѣдомили корпуснаго командира объ очищеніи непріятелемъ Кизиль-тапы; нашему полку, поднятому по тревогѣ, приказано было немедленно занять ее. Отступленіе турокъ, какъ слѣдствіе двухдневнаго боя, стоившаго столько крови, какъ несомнѣнный фактъ нравственнаго паденія противника, произвело на всѣхъ отрадное впечатлѣніе. Полкъ, съ громкими пѣснями, прошелъ 7—8 верстъ и занялъ Кизиль-тапу.

— Ишь, какъ тебя избороздила, изрыла проклятая татарва!—обращались солдатики къ своей старой знакомой—«Кизилкѣ».

Кизиль-тапа была укрѣплена, дѣйствительно, безподобно: на крутыхъ, недоступныхъ склонахъ ея вились глубокія, въ полъ-роста, траншеи, какъ съ перед-

ней, такъ и съ тыльной стороны; на вершинѣ выстроены прочныя батареи съ закрытіями для прислуги; между батареями громоздилась большая бесѣдка съ шелевчатымъ навѣсомъ, для предохраненія отдыхавшихъ отъ солнечныхъ лучей; съ тыльной стороны поднималась крутыми зигзагами шоссированная дорога.

Капитанъ (подполковникъ) Чердилери.
Раненъ въ дѣлѣ 27-го сентября 1877 г.

Однако, этимъ не ограничилась задача нашего полка; скоро онъ былъ вызванъ въ поддержку отряда генерала Геймана, предпринявшаго наступленіе противъ суботанскихъ укрѣпленій. Ставъ на позиціи лѣвѣе отряда Геймана, «по-баталіонно, въ одну линію», мы оттянули часть гарнизона суботанскихъ укрѣпленій,

и войска, шедшія съ гребня Аладжи на помощь, и тѣмъ дали генералу Гейману возможность, послѣ упорнаго боя, занять Суботанъ.

Въ этотъ день полкъ потерялъ: одного нижняго чина убитымъ и одного офицера *), и 11 нижнихъ чиновъ ранеными.

Затѣмъ, полкъ вернулся назадъ и сталъ бивакомъ между Кизиль-тапою и дер. Кюль-веранъ.

На слѣдующій день, полкъ былъ опять двинутъ въ отрядъ генерала Геймана, расположенный впереди дер. Суботанъ, а отсюда, 30-го сентября, возвратился къ Кизиль-тапѣ и впереди нея, въ двухъ верстахъ, сталъ бивакомъ, имѣя позиціей небольшой, укрѣпленный непріятелемъ, холмъ. При полку находилась 3-я батарея 38-й артиллерійской бригады; орудія были поставлены на холмѣ, въ готовыя укрѣпленія.

Въ этотъ день, вечеромъ, къ намъ пріѣхалъ корпусный командиръ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ; послѣ обычнаго привѣтствія, онъ осмотрѣлъ передовую позицію, измѣнилъ расположеніе баталіоновъ, отодвинувъ ихъ нѣсколько назадъ и вправо, приказалъ командѣ саперъ усилить профиль батарей и затѣмъ, сойдя съ коня, присѣлъ на камень около 1-го баталіона, въ обществѣ своего штаба, командира полка, князя Амираджибова, и баталіонныхъ командировъ. Турецкія батареи, словно, видѣли, или узнали о присутствіи высокопоставленнаго лица на нашей позиціи, усилили огонь, направляя гранаты преимущественно на свиту корпуснаго командира. Однако, это не мѣшало

---

*) Раненъ капитанъ Чердилери.

обществу вести оживленный разговоръ о минувшихъ неудачныхъ бояхъ, вліяніи ихъ на нравственное состояніе непріятеля, о движеніи генерала Лазарева и т. д.; всѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, смѣялись, хохотали и, стоя, покуривали папиросы. Генер. Лорисъ-Меликовъ съ княземъ Амираджибовымъ были на «ты», какъ родственники, женатые на родныхъ сестрахъ.

Скоро турки прекратили стрѣльбу и казаки наши привели къ корпусному командиру турецкаго парламентера — штабъ-офицера съ трубачемъ и однимъ сувари. У вблизи стоящихъ офицеровъ невольно блеснула радостная мысль о сдачѣ турецкой арміи. Парламентеру открыли глаза и, каково же было разочарованіе всѣхъ, когда онъ, доставъ изъ кармана тридцать золотыхъ монетъ, попросилъ корпуснаго командира, отъ имени Мухтара-паши, передать ихъ какому-то мирилаю (полковнику), взятому въ плѣнъ у Большихъ Ягновъ. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ отказался принять деньги и съ неудовольствіемъ сказалъ ему:

— Напрасно безпокоились: у нашего Государя плѣнные не будутъ въ обидѣ; всѣ будутъ сыты и довольны судьбою.

Парламентеръ сконфузился и положилъ деньги въ карманъ. Выведенный изъ себя такимъ неблаговиднымъ поступкомъ, князь Амираджибовъ порядкомъ побранилъ парламентера, не стѣсняясь присутствіемъ корпуснаго командира.

1-го октября, полкъ съ 3-й батареей 38-й артиллерійской бригады, подъ начальствомъ полковника князя Амираджибова, сопровождалъ кавалерію, высланную на усиленіе отряда генерала Лазарева; проводивъ ее до

развалинъ города Ани, полкъ вернулся обратно, слѣдуя весь день подъ безвреднымъ артиллерійскимъ огнемъ Инахъ-тепеси.

2-го октября, Его Императорское Высочество, объѣзжая войска, расположенныя на позиціяхъ передъ Аладжею, посѣтилъ и бивуакъ нашего полка; Августѣйшій Главнокомандующій благодарилъ полкъ за усердную службу, храбрость и, выказанную въ минувшихъ бояхъ, отвагу.

При объѣздѣ, нижнимъ чинамъ было приказано не вставать. Послѣ объѣзда, Его Высочество потребовалъ къ себѣ офицеровъ; увидя, какъ немного осталось ихъ, Его Высочество прослезился и, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, произнесъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Васъ слѣдуетъ озолотить, господа! Прошу беречь себя, иначе, славный полкъ останется безъ офицеровъ.

Затѣмъ, Его Высочество слѣзъ съ коня и, сопровождаемый офицерами, сталъ обходить ближайшія роты, обращаясь къ солдатамъ съ разными вопросами. Солдаты смѣло отвѣчали и были въ высшей степени одушевлены и довольны милостивымъ вниманіемъ Августѣйшаго Главнокомандующаго. Между прочимъ, Его Высочество подошелъ къ группѣ солдатъ, окружавшихъ небольшой костеръ, на огнѣ котораго въ котелкѣ что-то варилось, и спросилъ:

— Что варите, молодцы?

— Кавардакъ, Ваше Императорское Высочество,— отвѣтилъ смѣло рядовой Иванъ Калашниковъ.

— Что это за «кавардакъ»?

— Сухари съ костянымъ масломъ, Ваше Императорское Высочество!

— Какъ, съ костянымъ?

— Такъ точно; чѣмъ ружья смазываютъ, Ваше Императорское Высочество!

— Ну, и что же, вкусный?

— Такъ точно, Ваше Императорское Высочество!— отвѣтилъ Калашниковъ, улыбаясь.

— А ну ка, дай попробовать.

Калашниковъ торопливо поднялъ котелокъ, вытащилъ изъ кармана шинели деревянную ложку и, подавая, сказалъ:

— На доброе здоровье, Ваше Императорское Высочество!

Отпробовавъ кушанье солдатской изобрѣтательности, Его Императорское Высочество милостиво похвалилъ солдатъ.

Поблагодаривъ еще разъ за службу и храбрость, Его Императорское Высочество, въ 4 часа пополудни, уѣхалъ по направленію къ Кизиль-тапѣ, у подошвы которой строилась батарея на два 24-хъ-фунтовыхъ орудія, для дѣйствія противъ Инахъ-тепеси; батарея эта стрѣляла днемъ и ночью, безпрерывно тревожа гарнизонъ Инахъ-тепеси. Другая такая же батарея была сооружена впереди суботанскихъ укрѣпленій, которая такъ же безпрерывно обстрѣливала всю непріятельскую позицію, отъ Нахарчи до Авліара.

И такъ, въ ожиданіи результата обходнаго движенія, предпринятаго генераломъ Лазаревымъ, которое должно было рѣшить вопросъ о сокрушеніи и плѣненіи арміи Мухтара-паши, дѣятельность остальныхъ войскъ

ограничивалась лишь артиллерійской перестрѣлкой и ложными маневрированіями съ цѣлью оттянуть непріятельскія войска и тѣмъ содѣйствовать движенію обходнаго отряда. Объ успѣхахъ же, дѣлаемыхъ генераломъ Лазаревымъ, мы могли пока судить: по орудійнымъ выстрѣламъ, чуть слышно раздававшимся въ тылу непріятеля, по поспѣшно увозимымъ орудіямъ съ гребня Аладжи, по порѣдѣвшимъ и совершенно снятымъ лагерямъ, по очисткѣ Большихъ и Малыхъ Ягновъ и по очевидной суетѣ, которая неизбѣжна въ подобныхъ случаяхъ. Предпріятіе генерала Лазарева было смѣлое, рискованное, и потому, по истинѣ, геройское; отрядъ его могъ быть уничтоженъ, или смятъ такимъ же образомъ, какъ Шелковникова. Поэтому, можно себѣ представить, какъ сильно и тревожно бились сердца остальныхъ войскъ въ ожиданіи извѣстій отъ генерала Лазарева. Но, видно, судьбою начертано было ему побѣждать враговъ; въ этотъ день, на орлокскихъ высотахъ, онъ разбилъ на голову карсскій гарнизонъ, отбросилъ назадъ отрядъ, спустившійся съ Аладжи, и сталъ въ тылу анатолійской арміи, въ гордомъ сознаніи своей непобѣдимости. Извѣстіе объ этомъ получено въ полночь, но мы узнали только въ слѣдующій день, во время общаго наступленія.

Съ разсвѣтомъ 3-го октября, 4-му баталіону, подъ командой капитана Чердилери, было приказано занять деревню Керхана, расположенную у подножія Аладжи, а остальнымъ баталіонамъ слѣдовать за нимъ въ боевомъ порядкѣ. Въ 8 часовъ утра баталіонъ подошелъ къ деревнѣ и, обмѣнявшись съ башибузуками нѣсколькими выстрѣлами, занялъ ее безпрепятственно.

Остальные баталіоны почему-то отстали и, въ моментъ занятія деревни Керхана, они находились отъ 4-го баталіона болѣе чѣмъ въ одной верстѣ. Не смотря на это, капитанъ Чердилери нашелъ необходимымъ отступить отъ полученнаго приказанія и передвинуть баталіонъ еще на полверсты впередъ; и баталіонъ занялъ позицію гораздо болѣе удобную, чѣмъ представляла Керхана. Скалы и громадные обломки камней, которыми изобиловала новая позиція, отлично скрывали людей, не смотря на то, что баталіонъ лежалъ въ входящемъ углу непріятельскихъ укрѣпленій и былъ обстрѣливаемъ огнемъ прямаго выстрѣла.

Спустя часъ времени, подошли и остальныя части полка, 1-й и 2-й баталіоны заняли позицію правѣе 4-го баталіона, а 3-й — сталъ въ общемъ резервѣ, за лѣвымъ флангомъ. Лѣвѣе насъ, до Инахъ-тепеси, расположился Владикавказскій пѣхотный полкъ. Сзади, ниже Керхана, стали на позиціи: 3 батарея 38-й, 5-я батарея 19-й артиллерійскихъ бригадъ и 4-я Кубанская конная батарея. Войскамъ строго приказано было не наступать до распоряженія.

Мѣстность, занимаемая непріятелемъ впереди нашего полка, круто спускалась съ гребня Аладжи, тремя большими уступами, которые были укрѣплены траншеями такой профили, что могли смѣло выдержать артиллерійскій огонь; всѣ укрѣпленія были заполнены турецкими войсками, ружья которыхъ, сверкая на яркомъ солнцѣ, показывали ихъ направленія. Скалы, овраги и обломки камней, которыми былъ усѣянъ весь склонъ до самаго гребня, давали возможность насту-

пающей сторонѣ хорошо укрываться отъ взора и выстрѣловъ противника.

Въ то время, какъ мы, прикованные къ своимъ позиціямъ приказаніемъ не наступать, вели лишь ружейную и артиллерійскую стрѣльбу съ непріятелемъ, колонна генерала Геймана штурмовала ключь позиціи, Авліаръ. 64 полевыхъ и 2 осадныхъ орудія, поставленныя совокупно, громили Авліаръ до 12-ти часовъ дня; неумолкаемый громъ ихъ слился въ протяжный гулъ. Вершина Авліара, забрасываемая тысячами гранатъ и шрапнелей, была окутана облакомъ пороховаго дыма, высокій столбъ котораго виднѣлся на далекомъ пространствѣ. Храбрые турецкіе артиллеристы неугомонно огрызались отъ превосходной непріятельской артиллеріи, стрѣляя изъ шести крупповскихъ орудій. Въ полдень артиллерійская стрѣльба замолкла и Кавказскіе гренадеры, предводимые отважнымъ генераломъ Гейманомъ, пошли на приступъ; ни крутые склоны Авліара, ни сильныя укрѣпленія, ни бѣшенный ружейный огонь, — ничто не въ силѣ было остановить геройскаго натиска. Опрокинутый, непріятель усѣялъ вершину Авліара сотнями труповъ.

Одновременно получилъ приказаніе о наступленіи и генералъ Кузьминскій, начальникъ лѣвофланговой колонны.

До этого періода, капитанъ Чердилери, подпоручикъ Черковъ, Анисимовъ и я лежали въ углубленіи довольно высокой скалы, которая служила такой прекрасной защитой отъ пуль и гранатъ, что даже и сверху не могли залетѣть къ намъ граната, или осколокъ шрапнели. Изрѣдка, подпоручикъ Черковъ и Ани-

симовъ, какъ командиры ротъ, бывшихъ въ то время въ цѣпи, покидали логовище и отправлялись къ своимъ частямъ освѣдомиться о раненыхъ и убитыхъ и, вообще, ознакомиться съ положеніемъ дѣла. Замѣтивъ, что, въ извѣстное время, русскіе офицеры открыто разгуливаютъ по цѣпи, турки вознамѣрились ихъ убить. Съ этою цѣлью, около десяти человѣкъ арабистанцевъ, оставивъ укрѣпленія, спустились внизъ и залегли за камнями въ разстояніи вѣрнаго выстрѣла. Цѣпь наша тотчасъ же предупредила своихъ ротныхъ командировъ о зломъ умыслѣ непріятеля. Они рѣшили, не выходить больше безъ особенной надобности. Кстати, деньщикъ мой принесъ мнѣ обѣдъ и мы принялись уничтожать холодную баранину, запивая ее кахетинскимъ виномъ.

Обѣдъ нашъ былъ вдругъ прерванъ раздавшимся въ цѣпи крикомъ: «дуй его! тю! тю!» Мы торопливо выбѣжали изъ-за скалы. Оказалось, что восемь человѣкъ нашихъ смѣльчаковъ, поднявшись наверхъ по узкому, вьющемуся крутыми зигзагами, тальвегу, неожиданно напали на злоумышленниковъ и, сажая на штыки, гнали ихъ въ гору. Турки открыли огонь со всѣхъ видимыхъ укрѣпленій по горсти нашихъ храбрецовъ. Въ ста шагахъ отъ укрѣпленія, смѣльчаки залегли за камнями; въ періодъ общаго наступленія, они первыми бросились на траншеи и примѣромъ храбрости увлекли сотни товарищей.

Затѣмъ, мы опять расположились подъ скалой и продолжали обѣдать. Уже третья бутылка приходила къ концу, когда къ намъ подъѣхалъ полковой адъютантъ, поручикъ Яновскій, и проговоривъ: «хлѣбъ-соль», сталъ слѣзать съ коня.

— Что новенькаго? — предупредилъ его капитанъ Чердилери.

— Новенькаго? Новенькаго очень много, но не скажу, пока не угостите стаканчикомъ винца,—отвѣтилъ поручикъ Яновскій, опустившись на булыжникъ, около бутылки съ виномъ.

Онъ налилъ стаканъ, выпилъ, вздохнулъ съ выраженіемъ удовольствія, обтеръ длинные усищи рукавомъ и началъ:

— Вотъ, что новенькаго: князь приказалъ вамъ открыть наступленіе, соображая движеніе съ 1-мъ и 2-мъ баталіонами—это разъ; а во вторыхъ, просилъ, если будетъ возможно, наступать не густыми массами, во избѣжаніе напрасной потери людей; въ третьихъ,— Авліаръ уже взятъ Кавказскими гренадерами, съ чѣмъ васъ и поздравляю, друзья!

Мы были такъ озадачены неожиданно-пріятной новостью, что всѣ, какъ одинъ, крикнули «ура» и въ восторгѣ стали обниматься и цѣловаться. Полурота 14-й роты, лежавшая недалеко отсюда, видя ликующее наше настроеніе, невольно заразилась и приняла «ура»; отъ нея приняли остальныя части и скоро весь 4-й баталіонъ ревѣлъ, потрясая воздухъ громкимъ, восторженнымъ «ура», хотя никто не зналъ въ чемъ дѣло. Озадаченные турки прекратили стрѣльбу, высунулись изъ-за укрѣпленій и съ удивленіемъ обозрѣвали нашу позицію.

Испугавшись за цѣпь, которая подъ вліяніемъ этого «ура», могла броситься въ атаку, недождавшись резервовъ, капитанъ Чердилери торопливо выбѣжалъ изъ-за скалы, но, видя, что люди лежатъ спокойно,

вернулся обратно и тотчасъ же приказалъ мнѣ распорядиться передвиженіемъ резервовъ впередъ. Двѣ остальныя роты 4-го баталіона лежали въ 200 шагахъ, за ротными поддержками. Перебѣжавъ небольшую площадку, я спустился внизъ и передалъ приказаніе. Роты начали перебѣгать небольшими группами и послѣдовательно, вслѣдствіе чего, не смотря на сильный огонь непріятеля, урона въ людяхъ не было вовсе. Скоро показались и роты 3-го баталіона; онѣ, почему-то, наступали развернутыми колоннами и съ барабаннымъ боемъ, какъ при движеніи въ атаку. Колонны были окутаны тучей пыли, поднимавшейся отъ множества падавшихъ пуль и гранатъ. Санитары суетились и работали энергично, изъ чего не трудно было видѣть, что изъ строя выбывала масса людей. Запыхавшіеся отъ движенія правильнымъ строемъ, роты 3-го баталіона вышли на линію резервовъ 4-го баталіона и остановились. Въ это время, маіоръ Илькевичъ получилъ смертельную рану въ лѣвую половину груди и въ руку; онъ успѣлъ слѣзть съ коня, прилечь, издать нѣсколько болѣзненно-тяжелыхъ вздоховъ и стоновъ и затѣмъ скончался *). Совершенно такое же приготовленіе къ атакѣ шло и на участкахъ 1-го и

---

*) Тѣло покойнаго Илькевича было увезено преданнымъ слугою Хабидулинымъ въ гор. Александрополь и предано землѣ, на «холмѣ чести», съ подобающимъ торжествомъ и церемоніей, при громадномъ стеченіи народа. Ея Императорское Высочество Ольга Ѳеодоровна, Августѣйшая Попечительница больныхъ и раненыхъ воиновъ Кавказской арміи, узнавъ о такомъ человѣколюбивомъ дѣяніи и преданности магометанина Хабидулина, изволила потребовать его, милостиво благодарить и поощрить вознагражденіемъ деньгами, въ размѣрѣ ста рублей, сверхъ произведеннаго на погребеніе расхода.

2-го баталіоновъ. Видя это, непріятель все больше и больше усиливалъ огонь, такъ что, къ моменту атаки, вмѣсто одиночныхъ выстрѣловъ, носился въ воздухѣ какой-то протяжный, потрясающій нервы, вой, временами нарушавшійся громомъ пушекъ.

Хоръ полковой музыки заигралъ «Боже, Царя храни». Едва слышный мотивъ гимна, мелодично звучавшій у подножія Аладжи, тихо напоминалъ намъ Великаго Государя, дорогое Отечество, священную идею войны и все, что способно воодушевлять, возбуждать и укрѣплять нравственно военнаго человѣка въ его опасной и многотрудной борьбѣ съ врагами; какую-то непонятно-восторженную отраду разливали эти звуки на сердцѣ.

Вотъ, такимъ-то чувствомъ были объяты Елисаветпольцы, когда раздался сигналъ «наступленіе»; загрохотали барабаны и началась атака.

Офицеры разошлись по своимъ мѣстамъ. Капитанъ Чердилери, тихо проговоривъ: «Господи, сохрани мнѣ жизнь для многочисленной моей семьи», трижды перекрестился, сѣлъ на лошадь и выѣхалъ впередъ. Я послѣдовалъ за нимъ пѣшкомъ, такъ какъ коня не было у меня: онъ былъ убитъ въ дѣлѣ 27-го сентября. Въ это время, 1-й и 2-й баталіоны уже двигались въ атаку. Впереди цѣпи 2-го баталіона, съ обнаженными саблями, сверкавшими на солнцѣ, шли широкими и частыми шагами поручикъ князь Аваловъ и прапорщикъ Славачинскій; далѣе виднѣлась фигура командира 1-го баталіона, маіора Скосаревскаго; между баталіонами ѣхалъ командиръ полка со своимъ штабомъ.

Вслѣдъ за 1-мъ и 2-мъ баталіонами двинулся и 4-й, поддержанный 3-мъ баталіономъ, подъ командою капитана Састисовскаго.

Ясный октябрьскій день, дышавшій съ ранняго утра осенней прохладой, давалъ людямъ возможность двигаться быстро и безъ утомленія. Ни крутизна подъема, ни скалы и камни, ни бѣшенный свинцовый ураганъ, — ничто не могло удержать твердаго, рѣшительнаго и неуклоннаго движенія Елисаветпольцевъ. Скоро полковой участокъ огласился громовымъ «ура». Сначала 2-й баталіонъ бросился въ штыки на исходящій уголъ непріятельскихъ укрѣпленій и занялъ ихъ, за нимъ 1-й, а потомъ 4-й баталіонъ. Сильное сопротивленіе встрѣтилъ только 1-й баталіонъ, который велъ рукопашный бой около 10-ти минутъ.

Въ этой схваткѣ особенно выдѣлился мужественный фельдфебель 1-й роты Арнаутовъ; онъ ворвался въ толпу непріятельскихъ солдатъ и, работая саблей, уложилъ восемь человѣкъ, а когда занесъ саблю, чтобы убить девятаго, получилъ смертельную рану въ грудь и упалъ.

Съ этого момента турки отступали безостановочно, а мы преслѣдовали по пятамъ. Благодаря прохладѣ дня, да ногамъ, которыя привыкли безпрепятственно и легко бѣгать по крутизнамъ еще въ горахъ Кавказа, солдаты быстро обогнали турокъ; послѣдніе уже не стрѣляли, а старались только уйдти отъ непріятеля. Видя такое нравственное паденіе въ непріятелѣ, солдаты наши тоже перестали стрѣлять и, забѣгая передъ таборами, великодушно предлагали имъ положить оружіе и сдаться въ плѣнъ. Сотни нижнихъ

чиновъ и офицеровъ охотно клали оружіе и сдавались молодцамъ въ плѣнъ.

На участкѣ Владикавказскаго пѣхотнаго полка турки держались упорно, такъ что относительно нашего полка они были въ тылу. Ефрейторъ *) 14-й роты, Максимъ Коробка, отпросился у ротнаго командира забрать въ плѣнъ ближайшую цѣпь турокъ.

— Убьютъ тебя! — обратился къ Коробкѣ подпоручикъ Черковъ.

— Убьютъ, ну, и на здоровье, ваше благородіе: однимъ солдатомъ будетъ меньше; за то, если сдадутся, я могу спасти отъ смерти еще больше!—отвѣтилъ спокойно Коробка.

Получивъ разрѣшеніе, Коробка скорыми шагами перешелъ небольшую балку и сталъ подходить къ турецкой цѣпи. Одинъ изъ офицеровъ, опустивъ саблю въ ножны, вышелъ на встрѣчу. Коробка остановился и взялъ «на плечо».

— Что угодно, молодецъ?—спросилъ офицеръ порусски, но съ польскимъ акцентомъ.

— Прошу положить оружіе и сдаться въ плѣнъ войскамъ Великаго Русскаго Царя, ваше высокоблагородіе!—отвѣтилъ смѣло Коробка.

— И ты не боишься, что пришелъ одинъ?

— Какъ изволите видѣть, ваше высокоблагородіе!

— Молодецъ! Такому не грѣшно и въ плѣнъ отдаться.

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!—произнесъ Коробка еще смѣлѣе и громче.

---

*) Одинъ изъ числа смѣльчаковъ, прогнавшихъ турецкихъ стрѣлковъ, намѣревавшихся убить подпоручиковъ Черкова и Анисимова.

Офицеръ вернулся обратно, собралъ нѣсколько человѣкъ сотоварищей, переговорилъ съ ними и крикнулъ:

— Эй, молодецъ! Возьми, веди всѣхъ къ своимъ!

Коробка вторично взялъ «наплечо», подошелъ къ турецкой цѣпи и скомандовалъ:

— Эй, кардашъ, маршъ налѣво!

При этомъ онъ рукою указалъ направленіе, куда слѣдовать. Цѣпь встала и, слѣдуя пригнувшись къ землѣ, по затраншеи, вышла на участокъ нашего полка, гдѣ стрѣльбы уже не было. Коробка выстроилъ ихъ «справа рядами» и повелъ внизъ. Около деревни Керхана команду встрѣтилъ командиръ Владикавказскаго полка, остановилъ ее, разспросилъ Коробку, какимъ образомъ онъ взялъ турокъ въ плѣнъ, похвалилъ и подарилъ ему десять рублей. Когда полкъ собрался на гребнѣ Аладжи, Коробка явился ротному командиру и доложилъ, что онъ взялъ въ плѣнъ 300 человѣкъ, при чемъ показалъ и красненькій кредитный билетъ. За такое отличіе Коробка получилъ Георгіевскій крестъ 3-й степени; 4-ю степень онъ имѣлъ за взятіе Геллявердынскихъ высотъ.

Скоро и Владикавказцы выбили турокъ изъ укрѣпленій и погнали ихъ наверхъ. Все пространство отъ Инахъ-тепеси, Нахарчи и участка нашего полка, на нѣсколько верстъ, было усѣяно турецкими войсками, бѣжавшими безъ оглядки и въ паническомъ страхѣ; они бѣжали сначала по направленію къ Нахарчи, а отсюда повернули на западъ и пронеслись передъ нашимъ полкомъ. Наши солдаты, находя неприличнымъ и недостойнымъ стрѣлять по такому непріятелю, пропу-

стили ихъ безпрепятственно. Однимъ словомъ, это было безпорядочное, постыдное бѣгство, которое трудно себѣ представить. Намъ становилось стыдно и неловко при мысли, что сражались съ такимъ неблагоустроеннымъ и необузданнымъ непріятелемъ.

Къ 4-мъ часамъ вечера Аладжа былъ повсюду очищенъ турецкими войсками, которыя сосредоточились на самостоятельной высотѣ Чифтъ-тепеси. Съ одной стороны они были окружены Кавказскими гренадерами, съ другой—Московскими, съ третьей—отрядомъ генерала Лазарева, а четвертая сторона, юго-западная, пока оставалась открытою.

Едва только полкъ собрался въ баталіонныя колонны и принялъ поздравленіе съ побѣдой отъ князя Амираджибова, какъ получилъ приказаніе спуститься съ гребня Аладжи и прикрыть турокъ съ юго-западной стороны. Такое приказаніе пришлось не совсѣмъ по вкусу, утомленнымъ четырехчасовымъ боемъ и непрерывнымъ наступленіемъ по крутизнамъ Аладжи, Елисаветпольцамъ; но, дѣлать нечего, приказано — надо идти. Полку были приданы двѣ батареи и Ахалцыхская конная милиція. Съ сумерками, полкъ двинулся въ походномъ порядкѣ, прикрывшись съ фронта милиціонерами, а со стороны Чифтъ-тепеси, параллельно которой совершалось движеніе, пѣхотною цѣпью. Движеніе по незнакомой мѣстности, въ страшной темнотѣ ночи и постоянномъ опасеніи нападенія со стороны непріятеля, который могъ обрушиться всей массой, было въ высшей степени трудно, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; но, воодушевленные успѣхомъ дня, люди шли бодро и молодцовато.

Строжайше было запрещено курить, разговаривать и выходить изъ строя, такъ что полкъ двигался въ строгомъ порядкѣ, тишинѣ и въ постоянной готовности встрѣтить непріятеля. Около 10-ти часовъ ночи, голова колонны вышла на какую-то возвышенность и, увидя впереди, въ разстояніи 5-ти верстъ, громадное число бивуачныхъ костровъ, остановилась. Какъ только баталіоны стянулись на возвышенности, тотчасъ же были перестроены въ боевой порядокъ такимъ образомъ: 1-й и 2-й баталіоны съ одной батареею стали лицомъ къ виднѣвшимся кострамъ, а 3-й и 4-й, съ другою батареею,—къ Чифтъ-тепеси. Въ обѣ стороны были высланы, на разстояніи около полверсты, секреты и кавалерійскіе пикеты. Начальникъ Ахалцыхской милиціи, маіоръ Іоселіани, получилъ приказаніе разузнать, чьи войска бивуакировали на мѣстѣ, гдѣ виднѣлись костры.

Скоро тяжелое нравственное бремя, лежавшее на сердцахъ Елисаветпольцевъ въ ожиданіи погрома разбитой, но многочисленной орды турецкихъ войскъ, было сброшено радостнымъ извѣстіемъ о сдачѣ непріятеля. Маіоръ Іоселіани доложилъ князю Амиради́ибову, что впереди насъ стоитъ отрядъ генерала Лазарева и что турецкія войска выслали парламентера и сдаются на капитуляцію. Трудно представить себѣ всеобщій восторгъ, объявшій полкъ!...

Желая быть свидѣтелемъ столь рѣдкаго случая сдачи арміи, князь Амираджибовъ поручилъ командованіе полкомъ подполковнику Якимовскому, а самъ, вмѣстѣ съ маіоромъ Іоселіани, поручикомъ Яновскимъ и прапорщикомъ Третьяковымъ поѣхалъ на мѣсто переговоровъ.

Вотъ, какъ разсказывали поручикъ Яновскій и прапорщикъ Третьяковъ процессъ сдачи арміи на бумагѣ.

По пріѣздѣ на мѣсто, мы застали у генерала Роопа двухъ пашей: Омера-пашу, по типу нѣмца, и Гасана-пашу,—истаго турка; первый былъ въ арміи дивизіоннымъ начальникомъ, а второй — начальникомъ штаба арміи; оба, повидимому, были серьезны и съ тактомъ, присущимъ образованному человѣку. Въ ожиданіи корпуснаго командира, генералъ Роопъ все время разговаривалъ съ Омеръ-пашой на французскомъ языкѣ. Гасанъ-паша же, какъ неговорившій по французски, не принималъ участія въ разговорѣ и только изрѣдка перешептывался о чемъ-то съ своимъ соотечественникомъ. Наконецъ, пріѣхалъ адъютантъ Его Высочества, полковникъ Петерсъ, а вслѣдъ за нимъ и корпусный командиръ. Послѣ обычнаго привѣтствія и знакомства, начались переговоры, которые окончились въ непродолжительное время. Затѣмъ, полковникъ Петерсъ легъ на землю и, при огаркѣ свѣчки, сталъ писать подъ диктовку корпуснаго командира условія капитуляціи, по которымъ остатки турецкой арміи сдавались въ плѣнъ безусловно, а офицерамъ, въ уваженіе ихъ отличій, оставлено оружіе. Когда условія капитуляціи были подписаны обѣими сторонами, корпусный командиръ поздравилъ присутствовавшихъ съ побѣдой. Турецкіе генералы уѣхали къ своимъ войскамъ.

Съ разсвѣтомъ 4-го октября полкъ подошелъ къ высотѣ Чифтъ-тепеси, гдѣ уже шелъ пріемъ плѣнныхъ турокъ. Оставивъ оружіе на вершинѣ Чифтъ-тепеси, турецкія войска спускались внизъ и здѣсь, у подошвы,

принимали ихъ Россійскіе гренадеры *). Плѣнники были худы, тощи, сгорблены, босы, отрепаны и, вообще, имѣли крайне жалкій видъ; очевидно, правительство мало заботилось о нихъ, или оно не имѣло средствъ кормить и одѣвать. Въ тотъ же день плѣнники выступили въ городъ Александрополь; ихъ сопровождали части 1-й гренадерской дивизіи.

По окончаніи сдачи, 2-й и 4-й баталіоны нашего полка остались на Чифтъ-тепеси охранять трофеи, а 1-й и 3-й—стали лагеремъ впереди деревни Визинкёвъ, гдѣ Его Императорское Высочество поздравилъ ихъ съ побѣдой и милостиво благодарилъ за службу въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, говоря: «мои дорогіе, мои славные Елисаветпольцы» и т. п. Нѣсколько баталіоновъ 1-й гренадерской дивизіи вернулись на мѣсто побоища, прибрать и похоронить нашихъ и турецкихъ убитыхъ. Остальныя войска корпуса двинулись къ Карсу, торопясь обложить его.

Въ сраженіи 3-го октября, нашъ полкъ, благодаря Бога и умѣнію офицеровъ разумно руководить своими частями, понесъ, сравнительно, незначительную потерю; всего выбыло изъ строя: убитыми—1 штабъ-офицеръ и 8 нижнихъ чиновъ и ранеными—36 нижнихъ чиновъ.

Нѣсколько словъ о трофеяхъ боя 3-го октября.

Имущество, оставленное намъ турками, было сложено въ 28-ми кучахъ, по числу сдавшихся таборовъ; кучи состояли изъ ружей, тесаковъ, штыковъ, шашекъ,

---

*) Въ плѣнъ взято: 7 пашей, 26 штабъ-офицеровъ, 224 оберъ-офицера и 7,000 нижнихъ чиновъ. Трофеями были: 2 знамени, 35 орудій и 8,000 ружей Пиподи, Снайдера и Винчестера.

ранцевъ и подсумковъ, сваленныхъ въ безпорядкѣ. Судя по поломаннымъ и погнутымъ ружьямъ и шашкамъ, турки разставались съ ними съ чувствомъ досады и озлобленія; то же самое доказывала и артиллерійская сбруя, изрѣзанная на куски. На вершинѣ и уступахъ Чифтъ-тепеси въ безпорядкѣ стояли 35 крупповскихъ орудій, совершенно одинаковыхъ калибровъ, и артиллерійскія лошади; послѣднія были, какъ и сами турки, худы, тощи и голодны до такой степени, что ѣли землю и грызли камни; внѣшній видъ ихъ далеко не удовлетворялъ условіямъ артиллерійскихъ лошадей. Всѣ удивлялись, какъ, такой мелкой породы, лошади могли возить тяжесть орудія, да еще по такимъ малодоступнымъ мѣстамъ, какъ Чифтъ-тепеси, на которую и пѣхота съ трудомъ подымется. Около орудій были разбросаны артиллерійскіе снаряды и патроны въ такомъ обиліи, что ихъ могло смѣло хватить на два сраженія. Вообще, надо сознаться, турки были вооружены лучше, чѣмъ мы, а что же касается снабженія артиллерійскими припасами, то они стояли несравненно выше насъ.

Чифтъ-тепеси осаждалась оравой торговцевъ-армянъ, которые торчали тутъ дни и ночи, чтобы урвать ружья Пибоди, или Винчестера, и перепродать ихъ съ большей выгодой; нерѣдко имъ удавалось воровскимъ образомъ и другими путями увозить цѣлые вьюки ружей; но казаки, большею частью, ловили ихъ и драли нагайками жесточайшимъ образомъ. Предпріятіямъ торговцевъ способствовали темныя дождливыя ночи и неизбѣжное при этомъ отсутствіе бдительности въ часовыхъ, провѣрить которыхъ не было никакой возмож-

ности, такъ какъ никто не зналъ числа ружей подъ сдачей.

6-го октября, 2-й и 4-й баталіоны перешли въ общій лагерь полка, а 9-го—полкъ выступилъ въ деревню Большая Тикма, находившуюся въ 15-ти верстахъ отъ Карса, на юго-восточной сторонѣ. Дорога отъ деревни Визинкёвъ до Большаго Тикма имѣетъ направленіе съ сѣверо-востока на юго-западъ; она проходитъ магараджикскія высоты, черезъ деревню Магараджикъ и спускается въ долину Карсъ-чая, представляя затрудненія для движенія обоза только въ одномъ мѣстѣ—у переправы черезъ глубокую магараджикскую балку; въ день движенія по ней нашего полка она была слегка грязновата.

Въ 4 часа утра уже весь полкъ вытянулся по дорогѣ. Хмурыя, осеннія тучи плотно заволокли небосводъ и меленькими капельками побрызгивалъ дождичекъ шедшую колонну и непривѣтливое окружавшее пространство. Не смотря на это, подъ живымъ впечатлѣніемъ только что минувшихъ дней боеваго грома и блистательной побѣды, колонна шумѣла и гудѣла, оглашая воздухъ громкими пѣснями. Дружно тянули солдатики старинную кавказскую пѣсню:

„Горныя вершины,
Я васъ вижу вновь,
Карсскія долины—
Кладбище удальцовъ...“ и т. д.

Не доходя магараджикскихъ высотъ, полкъ остановился на маломъ привалѣ. Солдаты переобулись и успѣли погрызть сухариковъ. Погода перемѣнилась: дождичекъ пересталъ брызгать и земля покрылась не-

проницаемымъ слоемъ тумана. Около 11-ти часовъ, полкъ прибылъ въ деревню Магараджикъ и расположился впереди нея на продолжительномъ отдыхѣ; такой отдыхъ былъ вызванъ необходимостью дождаться обоза, который отсталъ, загрузнувъ въ небольшое болотце, встрѣтившееся на пути. Солдатики, по привычкѣ, пошли въ деревню купить чего-нибудь съѣдомаго, но вернулись съ пустыми руками: кромѣ голодныхъ кошекъ и собакъ, оставленныхъ хозяевами на произволъ судьбы, въ деревнѣ никого не оказалось. Офицеры окружили артельный фургонъ, выложили неприхотливый, дорожный запасъ закусокъ, водки и кахетинскаго вина и, обѣдая, весело балагурили, смѣялись и пѣли:

„Гой, ты, Днѣпръ, ты мой широкій,
Лейся быстрою волной,
Днѣпръ широкій и глубокій,
Ты кормилецъ мой родной...“ и т. д.

Какъ бы сочувствуя всеобщему настроенію, разгулялась и погода: туманъ сталъ рѣдѣть и подыматься наверхъ и, мѣстами, проглянули теплые солнечные лучи. Подъ далекими волнами тумана открылась чудная панорама города Карса и его могущественныхъ твердынь, кругомъ него, на отрогахъ Визинкёвскихъ горъ, у деревень Мацра, Аравартана, Большой Тикмы и т. д. забѣлѣли правильныя линіи нашихъ лагерей. Въ окрестностяхъ царствовала мертвая тишина.

Наконецъ-то подошелъ обозъ и полкъ, вытянувшись, сталъ, подъ звуки «Славянскаго марша», спускаться внизъ. Съ горы люди шли такъ быстро, что приходилось ихъ останавливать, чтобы не отсталъ

обозъ, который спускался такъ же медленно, какъ двигался на гору. У деревни Азатъ-кёй полкъ остановился на нѣсколько минутъ, помогъ обозу выбраться изъ магараджикской балки и продолжалъ движенiе, не останавливаясь до рѣки Карсъ-чай; здѣсь люди скатали шинели, надѣли ихъ черезъ плечо, сняли обувь и, перейдя рѣку вбродъ, выстроились въ сомкнутыя колонны, чтобы вступить въ лагерь правильнымъ строемъ. Въ 6 часовъ вечера, пройдя 40 верстъ пути, полкъ сталъ лагеремъ впереди деревни Большая Тикма, въ 400 шагахъ отъ ставки Его Императорскаго Высочества, который милостиво привѣтствовалъ баталiоны по мѣрѣ вступленiя ихъ въ лагерь.

Но не долго оставались мы у деревни Большая Тикма. На другой же день, чуть свѣтъ, князь Амираджибовъ получилъ предписанiе выступить вмѣстѣ съ 3-й батареею 39-й артиллерiйской бригады и двумя отдѣленiями артиллерiйскаго парка на соединенiе съ отрядомъ генерала Геймана, двинувшагося за Саганлугскiя горы съ цѣлью воспрепятствовать соединенiю отряда Измаила-паши, быстро отступавшаго, съ 10-ю баталiонами, изъ Эриванской губернiи.

Изъ деревни Большая Тикма къ Саганлугу идутъ двѣ дороги: одна, правая,—по волнообразной, гористой мѣстности черезъ деревню Бегли-ахметъ, а другая, лѣвая, — по низменной, черезъ деревню Катанлы; послѣдней, какъ ровной, удобной и кратчайшей, было дано предпочтенiе.

Такъ какъ передовыя части саганлугскаго отряда выступили днемъ раньше, то намъ, чтобы догнать, пришлось двинуться усиленнымъ маршемъ; это вызвало

необходимость оставить на мѣстѣ всѣ тяжести, даже ранцы, и выступить на легкѣ, имѣя съ собою только восьмидневный сухарный запасъ и по парѣ нижняго бѣлья. Исключенія не составили и офицеры, которые, почему-то, разсчитывали, что экспедиція продлится семь-восемь дней.

XII.

На пути къ Саганлугу.

Съ утра погода стояла пасмурная и, по временамъ, накрапывалъ дождичекъ; затѣмъ проглянуло солнышко, и мы, почувствовавъ приливъ свѣжихъ силъ, двигались легко и быстро по грязноватой проселочной дорогѣ.

Скоро полкъ пришелъ въ деревню Катанлы и остановился на высокомъ лѣвомъ берегу Карсъ-чая на маломъ привалѣ. Впереди разстилалась обширная долина рѣки, испещренная черными прямоугольниками пашень; влѣво тянулась голая, дикая цѣпь горъ съ востока на юго-западъ; онѣ упирались въ высокій хребетъ Саганлугскихъ горъ, остроконечные зубцы которыхъ грозно обрисовывались въ далекой синевѣ неба. Мѣстность отъ этихъ зубцовъ послѣдовательно опускалась къ долинѣ Карсъ-чая. Дорога наша, извиваясь змѣйкой по ровной долинѣ, терялась въ отрогахъ Саганлуга.

Черезъ полчаса, полкъ, перейдя рѣку вбродъ, зашагалъ по привольнымъ полямъ и лугамъ долины. Солдаты невольно затянули:

„Поле чистое, турецкое,
Когда мы тебя пройдемъ...“ и т. д.

Они, конечно, не знали, что мы это чистое и безконечное турецкое поле должны были пройдти сегодня же. Разношерстные жители долины—турки, армяне, туркмены и кавказскіе горцы-эмигранты, вспахивавшіе по сторонамъ дороги поля, въ виду русскихъ войскъ прекращали временно работы, приближались къ дорогѣ и почтительно кланялись.

— Эй, кардашъ, Мухтарка гамусомъ *) пропалъ!—обращались къ нимъ шутники-солдаты.

— Аллахъ! Аллахъ! — произносили турки въ отвѣтъ, простерши руки къ небу.

Въ 5 часовъ пополудни, полкъ остановился у деревни Али-софи, расположенной на отрогахъ саганлугскаго хребта. Отсюда Саганлугъ былъ хорошо виденъ, даже различали отдѣльныя деревья, торчавшія на гребняхъ горъ, какъ телеграфные столбы. На душѣ чувствовалась какая-то отрада при мысли, что мы вступимъ, наконецъ, въ полосу лѣса, гдѣ можно развести костры, обогрѣться и поблагодушествовать хоть одну ночь; а ночи въ это время были уже сырыя и довольно холодныя.

Было около 9-ти часовъ, когда полкъ началъ втягиваться въ дикія и скалистыя громады Саганлуга, покрытыя слоемъ строеваго хвойнаго лѣса. Густой туманъ, окутавшій вершины горъ еще засвѣтло, къ этому времени спустился внизъ и застлалъ все окружающее пространство. Деревья покрылись измозозью и зеленый оттѣнокъ хвойнаго лѣса смѣнился бѣлымъ, хрустальнымъ. Наконецъ, голова колонны,

---

*) Гамусомъ—кругомъ, совершенно.

пройдя мимо круглой рощицы, стала спускаться на небольшую долинку, на которой, сквозь туманъ, тускло свѣтились бивуачные огоньки Кавказскихъ гренадеръ. «Вотъ, и дома!» —заговорили солдатики съ радостью, увидя огоньки. Скоро полкъ свернулся въ баталіонныя колонны и сталъ бивуакомъ за гренадерами, на берегу небольшой рѣчки Байбуртъ-чай, имѣя артиллерію и отдѣленія парка въ серединѣ.

Съ южной стороны къ бивачному мѣсту прилегала одна изъ терассъ Саганлуга, покрытая густымъ слоемъ сосноваго лѣса; съ востока огибали безлѣсные скалистые холмы, у подошвъ которыхъ ютилась деревня Нижній Сарыкамышъ; съ сѣверной и западной сторонъ разстилалась долина Байбуртъ-чая,—болотистая и поросшая бурьяномъ и высокой желтой осокой; за долиной тянулись отроги Саганлуга, гребни которыхъ были покрыты молодымъ сосновымъ лѣскомъ и осинникомъ.

Какъ только баталіоны заняли свои мѣста и составили ружья въ козлы, тотчасъ же послѣдовало приказаніе о нарядѣ рабочей команды, для посылки въ лѣсъ за дровами на варку пищи и разведеніе бивачныхъ костровъ. Обезсиленные пятидесятиверстнымъ переходомъ, рабочіе солдаты собирались лѣниво и злились въ душѣ на выпавшую тяжкую долю; но, что дѣлать? И вотъ, скоро на терассѣ *) застучали топоры и тесаки, раздался трескъ валежнаго лѣса и утомленный крикъ рабочихъ, стаскивавшихъ внизъ бревна. На

*) На этой терассѣ, въ настоящее время, расположена штабъ-квартира Елисаветпольскаго полка.

южномъ горизонтѣ блеснуло зарево множества огней, разведенныхъ рабочими. Въ ожиданіи топлива, остальные люди полка, закутавшись въ шинели, стояли около ружейныхъ козелъ, плотно прижавшись другъ къ другу. На берегу Байбуртъ-чая давно уже вырыли жолобы, поставили котлы и положили въ нихъ съѣстные припасы, но варка, по неимѣнію дровъ, еще не производилась. Многіе изъ офицеровъ пошли погостить и погрѣться къ гренадерамъ, которые, въ то время, какъ на нашемъ бивакѣ царствовала тишина и холодъ пронизывалъ душу, благодушествовали, весело толпясь около жаркихъ костровъ. Въ 11 часовъ ночи туманъ сталъ подыматься вверхъ и покрытыя изморозью окрестности начали послѣдовательно выясняться. Гренадеры снялись съ бивака и двинулись дальше въ таинственной тишинѣ. Окоченѣвшіе отъ холода, солдатики тотчасъ же воспользовались огнями гренадеръ.

Но вотъ, послышался тупой трескъ фургоновъ, везшихъ дрова; за ними обрисовались сгорбленные силуэты рабочихъ съ громадными бревнами на могучихъ, несокрушимыхъ плечахъ. «Подымай! Опускай!...»—то и дѣло слышался крикъ бѣдныхъ солдатиковъ, задыхавшихся и изнемогавшихъ подъ непосильными тяжестями бревенъ. Разбуженные шумнымъ появленіемъ рабочихъ, люди встали, приняли дрова и съ лихорадочною радостью начали складывать ихъ въ костры. Мелькнули фосфорическіе огоньки «сѣрничковъ» *), загорѣлась сухая осока, за нею костры—и бивачное

*) «Сѣрничками» солдаты называли спички фабрики Ведерникова онѣ воспламеняются медленно, но не тухнутъ и въ ненастную погоду.

мѣсто озарилось яркимъ пламенемъ огней. Въ воздухѣ разлился запахъ сосновой смолы. Бивакъ ожилъ: всюду слышались шутки, остроты, пѣсни... Солдаты отогрѣвались и сушили одежду, поворачиваясь къ огню ежеминутно то—спиною, то—лицомъ, то—бокомъ; густой паръ, отдѣлявшійся отъ нихъ, вмѣстѣ съ дымомъ костровъ подымался наверхъ высокимъ столбомъ въ холодномъ, но совершенно тихомъ, неподвижномъ воздухѣ.

Около двухъ часовъ ночи, люди выпили по чаркѣ водки, поужинали и легли спать; нѣкоторые же изъ нихъ не спали всю ночь и провели время въ балагурствѣ.

Эту ночь я провелъ въ обществѣ старшаго врача Самборскаго, капитана Чердилери и подпоручика Черкова. Послѣ ужина, состоявшаго изъ солдатскаго супа и сухариковъ, мы улеглись спать. Постелью намъ служили осока и бурки. Я и подпоручикъ Черковъ лежали вмѣстѣ подъ одной буркой, а врачъ Самборскій съ капитаномъ Чердилери—шагахъ въ пяти отъ насъ, въ неглубокой промойнѣ. Скоро мы, докуривъ послѣднія папиросы, погрузились въ глубокій сонъ.

— Господа! господа!—раздался неожиданно голосъ врача Самборскаго,— посмотрите, какой-то молодецъ возвращается изъ деревни съ добычей.

Я и поручикъ Черковъ, изъ подъ бурки, взглянули въ сторону Сарыкамыша и увидали солдата, несшаго два большихъ куска сыра и барана.

— Не Дьячковъ-ли мой? Давай, прослѣдимъ, куда онъ пойдетъ,—предложилъ мнѣ подпоручикъ Черковъ.

— Разумѣется, кто же можетъ быть, кромѣ ва-

шего Дьячкова: такихъ субъектовъ нѣтъ въ полку,— замѣтилъ капитанъ Чердилери.

— Совершенно справедливо; но онъ мнѣ нѣсколько дней тому назадъ клялся Богомъ, въ присутствіи роты, что перестанетъ воровать, и если только окажется, что это Дьячковъ, то я вздую его, каналью! — договорилъ Черковъ съ выраженіемъ досады и озлобленія.

Вѣроятно, изъ боязни встрѣтиться съ начальствомъ, неизвѣстный солдатъ свернулъ вправо, перешелъ черезъ рѣчку и скорыми шагами направился къ кухнямъ, а отсюда, спустя нѣсколько минутъ, опять переправился на правый берегъ и скрылся въ массѣ солдатъ, окружавшихъ костры 4-го батальона.

— Держу пари, что это мой Дьячковъ!—проговорилъ подпоручикъ Черковъ.

И съ этими словами, онъ всталъ, накинулъ бурку и торопливо отправился на поиски. Подойдя къ мѣсту расположенія своей роты, онъ спросилъ, сидѣвшихъ вокругъ костра солдатъ, гдѣ Дьячковъ и не былъ-ли онъ въ отсутствіи.

— Дьячковъ боленъ, ваше благородіе; онъ никуда не ходилъ!—доложилъ смѣло и увѣренно подошедшій дневальный.

— Кто сюда принесъ барана?

— Не могу знать. Тутъ многіе приходили и уходили, но Дьячкова не было между ними,—повторилъ дневальный, нѣсколько потерявшись.

— Про барана я тебя спрашиваю. Кто сюда приносилъ?

— Тутъ... здѣсь... сюда... никакъ нѣтъ... кажись, въ 1-й батальонъ пронесли... Виноватъ, про-

глядѣлъ, ваше благородіе!—произнесъ дневальный, совершенно потерявшись.

Изъ этихъ словъ подпоручикъ Черковъ заключилъ, что неизвѣстный солдатъ долженъ быть непремѣнно Дьячковъ, тѣмъ болѣе, что изъ района баталіона съ бараномъ въ рукахъ никто не выходилъ.

— Ну, скажи, ребята, правду; ничего не будетъ. Кто приходилъ съ бараномъ; не Дьячковъ-ли?—обратился Черковъ къ солдатамъ, сидѣвшимъ у костра.

— Никакъ нѣтъ. Дьячковъ боленъ, ваше благородіе!—отвѣтили солдаты не колеблясь.

Однако, Черковъ не повѣрилъ имъ. Онъ приказалъ дневальному разбудить и привести къ нему Дьячкова. Солдаты съ усмѣшкой переглянулись между собою. Перешагнувъ черезъ спящихъ людей, дневальный остановился, сдернулъ съ Дьячкова шинель и сталъ его тормошить, говоря:

— Землякъ, встань! Ротный командиръ требуетъ.

Дьячковъ болѣзненно замычалъ, но не пошевельнулся.

— Ну, вставай! Ишь, какъ крѣпко спитъ! Вставай, вставай, землякъ!—повторилъ дневальный.

Но Дьячковъ, словно, умеръ; ни одного слова, ни одного движенія.

— Тащи его за ноги, прохвоста!—вскричалъ въ гнѣвѣ Черковъ.

Люди проснулись, встали, окружили Дьячкова и выражали удивленіе и сожалѣніе, словно, не понимали въ чемъ дѣло. Схвативъ за обѣ ноги, дневальный приволокъ Дьячкова къ костру. Подпоручикъ Черковъ поразился, увидя блѣдное, безжизненное лицо Дьячкова;

онъ приказалъ попросить врача, ничуть не сомнѣваясь въ томъ, что Дьячковъ дѣйствительно боленъ и весьма опасно. Не прошло и пяти минутъ, какъ явился врачъ Самборскій и сталъ изучать свойство болѣзни Дьячкова, то—прикладывая ухо къ груди, то—выслушивая біеніе пульса.

— Да, въ безнадежномъ состояніи!—проговорилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія и притворнаго безпокойства.—Придется употребить послѣднее средство—убить, или оживить.

Солдаты-очевидцы поблѣднѣли отъ этихъ роковыхъ словъ и тревожно переглянулись между собою; «не умеръ-ли на самомъ дѣлѣ?»—подумали они; многіе изъ нихъ уже объявили людямъ другихъ ротъ о неожиданной кончинѣ Дьячкова и всюду слышалось:

— «Умеръ Дьячковъ, 14-й роты».

Въ подобныхъ случаяхъ, врачъ Самборскій употреблялъ средства простыя, но радикальныя. Прежде всего, онъ прижегъ папиросной носъ; но это средство не произвело должнаго дѣйствія: у Дьячкова не дрогнулъ ни одинъ мускулъ, хотя на носу вскочилъ волдырь и послышалось шипѣніе горѣвшаго тѣла.

— Вотъ, чертовская сила воли!—проговорилъ Самборскій, удивленно покачивая головой. — Попробуемъ другое средство—послѣднее.

Товарищи Дьячкова пришли въ ужасъ.

— Солдатъ храбрый, страсть какой, ваше благородіе; хоть-бы въ страженіи убили—жаль!—обратились они къ ротному.

Затѣмъ, Самборскій досталъ изъ саквояжа небольшую склянку, поставилъ голову Дьячкова на затылокъ

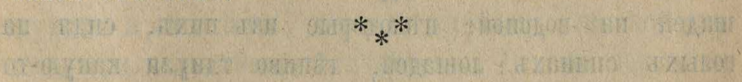
и влилъ ему въ ноздри полсклянки нашатырнаго спирту. Безнадежно больной, Дьячковъ моментально пришелъ въ чувство: сначала судорожно задрыгалъ ногами, руками и головой, зафыркалъ, какъ испугавшаяся собаки, кошка; затѣмъ, перевернувшись на животъ, подобралъ подъ него ноги, уткнулъ носъ въ землю и завертѣлся колесомъ, разбрасывая руками и ногами землю во всѣ стороны и подымая пыль; минутъ десять, вертясь, фыркалъ, мычалъ, отплевывался и, наконецъ, сталъ бранить себя, говоря:

— Подлецъ Дьячковъ! Анафема, а не человѣкъ; такъ тебѣ и слѣдуетъ, прохвосту, — не шали!

Когда дѣйствіе нашатырнаго спирта прошло, онъ всталъ, бросилъ на Самборскаго косой взглядъ и сказалъ ему, обливаясь слезами:

— Что вы сдѣлали, ваше высокоблагородіе; вѣдь такъ можно человѣка убить!

Затѣмъ, Дьячковъ упалъ на колѣни передъ ротнымъ командиромъ, сознался въ воровствѣ и умолялъ простить, давши вторично честное слово бросить свое, непозволительное солдату, ремесло. Люди 4-го баталіона долго не могли успокоиться, острили и подсмѣивались надъ бѣднымъ Дьячковымъ, который всячески отгрызался отъ нихъ.



На другой день я проснулся очень рано. Утро стояло холодное и пасмурное. Вершины грознаго Саганлуга, какъ и наканунѣ, были объяты туманомъ. Высокій, стройный лѣсъ, плотно покрывшій крутые, скалистые склоны Саганлуга, сурово молчалъ, сіяя

ослѣпительной бѣлизной. Надъ бивуачнымъ мѣстомъ неподвижно стояло облако дыма. Солдаты спали богатырскимъ сномъ подъ неизмѣнными шинелями, покрывшимися, за ночь, изморозью. Дневальные мѣрно шагали вдоль ружейныхъ козелъ, закутавшись въ башлыки.

Въ виду всей этой картины, мнѣ невольно вспомнились тѣ достопамятныя времена, когда здѣсь, т. е. на мѣстѣ, гдѣ бивуакировалъ нашъ полкъ, останавливались побѣдоносныя роты графа Паскевича-Эриванскаго и Ермолова, передъ тѣмъ, какъ перешагнуть черезъ чудовищныя громады Саганлуга; ихъ привлекала сюда прекрасная мѣстность. Переходъ графа Паскевича черезъ Саганлугъ и теперь воспѣвается кавказскими солдатами:

«Твой неодолимый строй,
Съ тобой солдаты—всѣ герои;
Черезъ неприступный Саганлугъ
Перешагнулъ Паскевичъ вдругъ...» и т. д.

Около 8-ми часовъ утра люди проснулись, встряхнули шинели и начали суетиться и заботиться о чаепитіи, копаясь около потухавшихъ огней. На офицерской линіи заботливые деньщики чистили платье своихъ господъ, сѣдлали лошадей и тоже заваривали чай. На задней линіи фурштаты вели полковыхъ лошадей на водопой; нѣкоторые изъ нихъ, сидя на голыхъ спинахъ лошадей, лѣниво тянули какую-то пѣсню. На берегу Байбуртъ-чая кашевары укладывали на ротные фургоны кухонное имущество. Предусмотрительные солдаты и деньщики, окончивъ утренній туалетъ, поспѣшили въ деревню, закупить на дорогу куръ, яицъ, хлѣба и т. п. Собравшись по-ба-

таліонно, офицеры принялись завтракать и, не взирая на холодъ и, вообще, крайне неудобную обстановку, пѣть пѣсни. Думали-ли Елисаветпольцы, что это дикое мѣсто когда-нибудь попроситъ ихъ остановиться на продолжительное жительство, что здѣсь придется пѣть еще не одну пѣсню!

Ударилъ барабанъ, раздались привѣтственные возгласы... и полкъ двинулся. У водяной мельницы, не работавшей въ то время и находившейся въ одной верстѣ отъ бивуачнаго мѣста, голова колонны перешла на лѣвый берегъ Байбуртъ-чая и продолжала движеніе сначала по болотистой полянѣ, а потомъ втянулась въ узкое дефилэ. Вправо отъ дороги, у входа въ другое ущелье, ютилась деревня Верхній Сарыкамышъ, населенная кавказскими переселенцами-осетинами, выселившимися сюда послѣ покоренія Кавказа, въ 1859 году; дома строены въ срубъ, съ плоскими земляными крышами, но всѣ выбѣлены и деревня издали производитъ пріятное впечатлѣніе, въ особенности, если зритель предварительно присмотрѣлся къ деревнямъ коренныхъ жителей—армянъ и турокъ. Пройдя около двухъ верстъ по тѣнистому дефилэ, полкъ остановился на нѣсколько минутъ, чтобы освободить артиллерію и паркъ, застрявшіе въ болотѣ. Это былъ первый шагъ къ тѣмъ трудамъ и лишеніямъ, которые ожидали Елисаветпольцевъ при дальнѣйшемъ слѣдованіи. Отсюда дорога въ Эрзерумъ развѣтвляется: одна идетъ вправо, по ущелью, на деревни Хандари и Зивинъ, а другая—на Милидюзъ и Менджингертъ, вверхъ по теченію Байбуртъ-чая. Чтобы не встрѣтиться съ Мухтаромъ-пашей, который, по отступленіи, занялъ памятную для насъ зи-

винскую позицію, саганлугскій отрядъ двинулся по лѣвой дорогѣ, разсчитывая, что Мухтаръ-паша, въ виду движенія превосходнаго непріятеля въ обходъ, самъ очиститъ зивинскую позицію. За то же и была дорога! Что ни шагъ, то тина, или глубокая выбоина, наполненная всякою грязью. Солдатамъ поминутно приходилось, по поясъ въ грязи, чинить ее съ помощью камней, вѣтвей, или сухой осоки и вытаскивать орудія и ящики парка, увязшіе съ лошадьми. Лошади до такой степени измучились, въ особенности парковыя, что едва-едва перебирали ногами. Были случаи, когда солдаты, вынувъ изъ ящиковъ снаряды, несли ихъ на себѣ нѣсколько верстъ.

Около 12-ти часовъ дня, полкъ, оставивъ Байбуртъ-чай, съ ея грязною, болотистою дорогой, повернулъ вправо и, пройдя версту, сталъ подыматься на высокую и крутую гору, по которой узкая дорога, загроможденная обломками камней, вилась сотнями зигзаговъ. Съ лѣвой стороны надъ дорогой висѣла отвѣсная скала до 200 шаговъ вышины, а съ правой—примыкала зіяющая пропасть; на днѣ послѣдней сѣрѣла груда громаднѣйшихъ камней (вѣроятно, въ нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ каждый), сорвавшихся когда-то съ упомянутой скалы. Смотря на это дикое, чудовищное явленіе природы, на душѣ становилось какъ-то тяжело, жутко. Бѣдные солдаты, замѣтивъ, что безъ ихъ содѣйствія дѣло не обойдется и чуя предстоявшій имъ неимовѣрный трудъ, опустились на землю въ виду подъема, закурили «цыгарки» и, съ выраженіемъ злой досады, посматривали на орудія, паркъ и непривѣтливый дальнѣйшій путь слѣдованія.

Для поднятія тяжестей, полковникъ князь Амираджибовъ распредѣлилъ полкъ такимъ образомъ: 1-й баталіонъ былъ назначенъ для расчистки дороги, 2-й— для поднятія батарей, а 3-й и 4-й баталіоны — отдѣленій парка. Послѣ отдыха, продолжавшагося около одного часа, 1-й баталіонъ приступилъ къ работѣ, заключавшейся въ отбрасываніи камней съ дороги, рубкѣ деревьевъ и засыпаніи и выкладываніи углубленій землей и вѣтвями. Солдаты работали не жалѣя силъ и съ большой охотой; они распѣвали пѣсни и забавлялись, сбрасывая въ пропасть большіе, пудовъ по пятидесяти, камни, которые летѣли внизъ съ грохотомъ и трескомъ, потрясающимъ землю. Когда 1-й баталіонъ исправилъ дорогу на разстояніи версты, 2-й—приступилъ къ втаскиванію орудій съ помощью веревокъ и семи-восьми паръ лошадей; послѣднія были изнурены до такой степени пройденнымъ путемъ, что оказывали рабочимъ самое незначительное содѣйствіе, почему рабочіе нѣсколькихъ орудій, изъ сожалѣнія, ихъ выпрягли совершенно. Вслѣдъ за орудіями стали поднимать на гору и парковые ящики. Здѣсь усилій понадобилось еще больше, такъ какъ тяжестями орудій дорога была испорчена.

Въ 7 часовъ вечера орудія были на гребнѣ Саганлуга, у безлѣсной, голой вершины Сурпъ-хачъ *), а ящики еще на полугорѣ. Остроконечная вершина Сурпъ-хача была окутана облакомъ тумана и покрыта первымъ снѣгомъ. Дулъ сильный, пронизывающій вѣтеръ. Лѣсъ шумѣлъ какъ-то тоскливо, уныло; съ пе-

---

*) Сурпъ-хачъ—высшая точка Саганлугскаго хребта.

регибавшихся въ разныя стороны деревьевъ обильно сыпались шишки и колючки. Въ чащѣ шумѣвшаго лѣса, то и дѣло, слышался трескъ валежника и негодующіе голоса солдатъ, собиравшихъ дрова въ темнотѣ ночи и натыкавшихся случайно то—на деревья, то—на камни. Скоро яркое зарево огней освѣтило лѣсной боръ и густой дымъ застлалъ далекое пространство. Стоя вкругъ костровъ, солдаты тихо разговаривали, варили чай и «кавардакъ», сушили одежду и, вертя надъ пламенемъ рубахи, выживали оттуда надоѣдливыхъ насѣкомыхъ.

Между тѣмъ, другая половина людей все еще возилась съ парковыми ящиками и, изнывая подъ непосильными тяжестями, тянула: «ну-ка, дернемъ еще разикъ, ухъ!» Много силъ потратили солдатики; трудно не только описать, но даже представить себѣ тѣ труды и лишенія, которые они испытали въ этотъ памятный для Елисаветпольцевъ день. Только въ 10 часовъ ночи парковые ящики были втащены на гору и вторая половина людей отдыхала около костровъ, оставленныхъ, двинувшимися дальше, 1-мъ и 2-мъ баталіонами. Силѣ страданій людей, при подниманіи ящиковъ, не мало способствовало и то обстоятельство, что работа производилась на высотѣ 8,500 фут. надъ уровнемъ моря, гдѣ воздухъ былъ разрѣженъ до такой степени, что едва возможно было дышать.

При дальнѣйшемъ движеніи полкъ растянулся на 7—8 верстъ. Благодаря обилію топлива и тысячамъ костровъ, разводимыхъ по мѣрѣ движенія полка, солдаты обогрѣвались и не чувствовали холода; кромѣ того, костры давали возможность частямъ, слѣдовав-

шимъ сзади, идти не ощупью, а по освѣщенной дорогѣ. Около 12-ти часовъ ночи голова колонны стала спускаться внизъ по отлогому спуску. Внизу, на широкой полянѣ, виднѣлись бивуачные огни гренадеръ, остановившихся возлѣ деревни Менджингертъ. Видя близость бивуачнаго мѣста, солдаты свободно вздохнули и прибавили шагу. Скоро около костровъ обозначились человѣческія фигуры и въ тишинѣ ночи послышалось ржаніе и фырканье лошадей. Солдаты шли все быстрѣе и быстрѣе. Наконецъ, заиграла музыка маршъ и голова колонны, сойдя на поляну, свернулась въ баталіонныя колонны и составила ружья въ козлы. Гренадеры сообщили намъ пріятную новость объ отступленіи Мухтара-паши съ зивинской позиціи. Генералъ Гейманъ, какъ оказалось, выслалъ къ Зивину одинъ баталіонъ и двѣ сотни казаковъ, которые, послѣ незначительной перестрѣлки съ партіей баши-бузуковъ, заняли его безпрепятственно.

Спустя часъ времени, подошли и остальныя части полка. Солдаты жаловались на боль въ плечахъ, ногахъ и рукахъ, причиненную парковыми ящиками; лишившись силъ, большинство, не ожидая ужина, улеглось спать. Гренадеры, въ 2 часа ночи, двинулись дальше. Небольшой остатокъ ночи прошелъ благополучно: высокія горы, окружавшія поляну, защитили людей отъ холода и сильнаго вѣтра, шумѣвшаго на лѣсистыхъ гребняхъ горъ.

Въ 7 часовъ утра, полкъ, оставивъ 3-й баталіонъ у Менджингерта, для охраны тыльныхъ сообщеній, выступилъ въ деревню Хоросанъ, расположенную на лѣвомъ берегу рѣки Араксъ, у южнаго подножья Саган-

луга. Дорога въ Хоросанъ идетъ, сначала, по песчаному и, мѣстами, каменистому грунту, между горными тѣснинами, а потомъ, въ одной верстѣ отъ Аракса, поворачиваетъ на западъ и прилегаетъ по подошвѣ Саганлуга, незамѣтно спускающейся къ рѣкѣ; отъ поворота, по сторонамъ дороги, виднѣлись пашни, а на берегахъ Аракса—заросли ивняка и разной листвы. Далѣе, за Араксомъ, стелется слегка волнообразная мѣстность, довольно густо усѣянная мрачными, неприглядными армянскими селеніями. Тамъ и сямъ виднѣются бѣлыя, безъ куполовъ, церкви, указывающія на присутствіе въ этой мѣстности христіанскаго населенія. Благодаря теплому солнечному дню и прекрасному состоянію дороги, полкъ, пройдя свободно, безъ задержекъ и особенной траты силъ, 25 верстъ пути, въ 6 часовъ вечера прибылъ на новую стоянку совершенно благополучно. Здѣсь были въ сборѣ всѣ части Саганлугскаго отряда и въ слѣдующій день, въ виду сильнаго изнуренія людей и лошадей, была назначена дневка. Многочисленные жители дер. Хоросанъ—армяне и туркмены открыли за лагеремъ цѣлый базаръ, продавая весьма дешево всевозможные съѣстные продукты. Люди почистились, помылись и отдохнули.

Въ ночь съ 12-го на 13-е число октября Измаилъ-паша, преслѣдуемый генераломъ Тергукасовымъ, бивуакировалъ у деревни Мацра, на противоположной сторонѣ рѣки Аракса. Изъ нашего лагеря бивуачные огни непріятеля были видны довольно ясно. Генералъ Гейманъ зналъ, что мы находились ближе къ Киприкейскому мосту, чѣмъ отрядъ Измаила-паши; зналъ такъ

же, что день нашего отдыха дастъ непріятелю возможность опередить насъ и переправиться черезъ Киприкейскій мостъ безпрепятственно и, такимъ образомъ, не оправдается цѣль движенія Саганлугскаго отряда.

Въ 5 часовъ вечера разъѣзды сообщили начальнику отряда о переходѣ Измаила-паши черезъ Киприкейскій мостъ. Саганлугскій отрядъ былъ двинутъ впередъ по тревогѣ. Самъ начальникъ отряда, взявъ всю кавалерію, на рысяхъ двинулся въ Киприкей, разсчитывая поправить дѣло; но было уже поздно: Измаилъ-паша ушелъ благополучно.

Нашъ полкъ, оставленный опять для сопровожденія парка, выступилъ нѣсколько позже гренадеръ. Съ наступленіемъ сумерекъ, небо заволокло черными тучами, начались сильные громовые раскаты и полилъ проливной дождь. Съ шумомъ и ревомъ потекла дождевая вода по полямъ и оврагамъ, пересѣкавшимъ путь слѣдованія Елисаветпольцевъ, образовавъ липкую, непролазную грязь и слякоть. Промокшіе до костей, солдаты, то и дѣло, останавливались и выносили на своихъ плечахъ, застрявшіе въ грязи, парковые ящики. О форсированномъ движеніи при такихъ условіяхъ, конечно, не приходилось и думать, поэтому полкъ двигался медленно и только къ 7-ми часамъ утра пришелъ въ дер. Киприкей.

Деревня Киприкей населена турками, лежитъ на высокомъ холмѣ, при впаденіи Гасанъ-калинской рѣчки въ Араксъ, въ одной верстѣ отъ большаго каменнаго моста, черезъ который переправился Измаилъ-паша. Прилежащія къ деревнѣ, горы укрѣплены и, по словамъ жителей, наканунѣ на нихъ стоялъ Мухтаръ-

паша съ остатками разбитой своей арміи, съ цѣлью удержать за собою мостъ, для переправы войскъ Измаила-паши.

Очень можетъ быть, что генералъ Гейманъ считалъ рискованнымъ ввязываться въ бой, такъ-какъ Мухтаръ-паша занималъ сильную позицію и, кромѣ того, могъ быть вовремя поддержанъ Измаиломъ-пашою, находившимся отсюда менѣе чѣмъ въ одномъ переходѣ. Такъ или иначе, а Измаила-пашу мы, какъ выражались солдаты, «проспали», и такимъ образомъ, дали непріятелю возможность соединиться и встрѣтить насъ на Девебойнѣ и подъ Эрзерумомъ, что, какъ увидимъ, стоило намъ многихъ жертвъ и усилій.

Послѣ двухъ часовъ отдыха, Елисаветпольцы двинулись дальше, въ городъ Гасанъ-кала. Дорога въ Гасанъ-кала идетъ по низменной, болотистой мѣстности и крайне неудобна для движенія, въ особенности послѣ такихъ дождей, которые шли въ предшествующую ночь. Множество павшихъ лошадей, поломанныхъ арбъ и зарядныхъ ящиковъ, встрѣчавшихся по пути, указывали на крайнюю торопливость отступленія войскъ Измаила-паши. Въ 7 часовъ вечера полкъ прибылъ въ Гасанъ-кала и у сѣрныхъ бань остановился на непродолжительный отдыхъ.

Гасанъ-кала—небольшой, грязненькій, городокъ съ узкими, безобразными улицами; маленькіе одноэтажные домики строены изъ булыжника, на глинѣ, или навозѣ, крыши—плоскія, земляныя. Мѣстность, пріютившая городъ, дикая, скалистая и издали на ней нельзя отличить домовъ отъ скалъ. Въ окрестностяхъ валялось множество убитыхъ турокъ. Это были плоды дѣя-

тельности нашей кавалеріи, нагнавшей здѣсь хвостъ поспѣшно отступавшихъ войскъ Измаила-паши. Судя по числу убитыхъ, здѣсь происходилъ ожесточенный бой.

Черезъ часъ полкъ вытянулся и лѣниво зашагалъ по обширной Гасанъ-калинской равнинѣ, доходящей вплоть до Девебойнскаго хребта. Ночь стояла совершенно темная. Одновременно съ выступленіемъ, пошелъ маленькій дождичекъ, который съ каждой минутой все усиливался и, наконецъ, обратился въ ливень. Равнина была вся залита водой, выступившею изъ береговъ Гасанъ-калинской рѣчки; говорили, что мѣстные жители нарочно спустили эту воду, чтобы затормозить движеніе нашихъ войскъ. Движенія-то не удалось имъ затормозить, но бѣдствій причинили намъ много. И такъ обезсиленные, солдаты, слѣдуя по поясъ въ водѣ, промочили одежду и обувь, прозябли отъ холода и сырости и, потерявъ немногій остатокъ силъ, стали цѣлыми взводами ложиться на сырую землю, подъ страшнымъ ливнемъ. Обозныя лошади совершенно отказывались служить и обозу пришлось остановиться на островкахъ, ждать разсвѣта. Нѣкоторые, потерявъ полкъ изъ виду и не видя дороги, свернули въ сторону и пошли бродить по равнинѣ на всю ночь. Были даже такіе, которые, замѣтивъ въ темнотѣ ночи огни въ городѣ Гасанъ-кала, вернулись обратно и переночевали у городскихъ жителей—турокъ.

Прапорщикъ Абудковъ, отставшій отъ полка, забрелъ въ сторону на пять верстъ и, не найдя лагеря, переночевалъ въ какой-то деревнѣ; на другой день его привезли жители совершенно больнымъ. Однимъ словомъ, все пространство отъ Гасанъ-кала до дер. Ку-

руджукъ, около которой отрядъ сталъ лагеремъ, было усѣяно отставшими и заболѣвшими солдатами, и можно безошибочно сказать, что въ эту ночь въ лагерь пришло не болѣе четверти полка. Немыслимо описать картину того бѣдствія, которое испытали бѣдные солдаты въ ту роковую ночь. Ничего не можетъ быть ужаснѣе такого шествія, безъ дороги, по рѣкамъ и болотамъ и подъ проливнымъ дождемъ! Лучше выдержать три кровопролитныхъ сраженія, чѣмъ провести одну такую ночь. Многіе изъ солдатъ остались навсегда въ этихъ болотахъ и топяхъ. Въ слѣдующій день, къ вечеру только, подтянулся хвостъ полка, да и то, благодаря постоянной и неусыпной заботливости полковника князя Амираджибова, который, при первой-же возможности, выслалъ на помощв весь полковой и ротный обозъ. Конечно, всѣхъ немыслимо было поднять: большинство шло пѣшкомъ, покачиваясь въ стороны отъ слабости и ежеминутно останавливаясь на отдыхъ. Околодокъ былъ весь заполненъ больными людьми и многіе, не выдержавъ ужасныхъ послѣдствій этой, памятной для Елисаветпольцевъ, ночи, умерли въ лагерѣ, не выразивъ ни одного упрека злой судьбѣ, словно, это такъ и слѣдовало. Миръ праху вашему, славные, доблестные сослуживцы!

15-го октября стоялъ теплый солнечный день. Полкъ устроился правильнымъ лагеремъ. Люди обсушились, починили одежду и обувь и спокойно предались обыденной лагерной жизни. Пища готовилась отмѣнная. Богатыя окрестности лагеря давали возможность пріобрѣтать весьма дешево и въ изобиліи капусту, бураки, лукъ и другіе съѣстные припасы. Не менѣе

были довольны своей судьбой и отрядныя лошади, которыхъ кормили до сыта, до отвала, ячменемъ и енжой *), стоившими въ деревняхъ, что называется, дешевле грибовъ.

Такимъ образомъ, отрядъ простоялъ у Куруджука до 23-го октября. Въ этотъ періодъ подошелъ и Эриванскій отрядъ, отставшій отъ преслѣдуемаго непріятеля на два перехода. Начальникъ Саганлугскаго отряда произвелъ, 19-го октября, съ нѣсколькими баталіонами, небольшую рекогносцировку, которая имѣла цѣлью познакомиться съ характеромъ девебойнской позиціи и расположеніемъ на ней войскъ Мухтара-паши; кромѣ того, она должна была проучить турецкую кавалерію, надоѣдавшую нашимъ аванпостамъ.

XIII.

Взятіе укрѣпленія Узунъ-Ахметъ.

Девебойна **) имѣетъ видъ подковы, обращенной на востокъ; посерединѣ проходитъ дорога въ Эрзерумъ. Правый флангъ Девебойнской позиціи упирался въ высокій, недоступный хребетъ Паланъ-Текенъ, а лѣвый—въ скалистый и совершенно недоступный хребетъ—Карабаязидъ; между этими хребтами тянутся дугою рядъ самостоятельныхъ высотъ, отлично укрѣпленныхъ и вооруженныхъ крупповскими орудіями—полевыми и пятнадцати-фунтоваго калибра; одна изъ этихъ высотъ—Узунъ-Ахметъ составляетъ ключъ по-

---

*) Енжа—сѣянная трава, вродѣ клевера, очень сытная; полъ пуда енжи замѣняетъ пудъ сѣна.

**) Девебойна—верблюжья шея.

зиціи, имѣетъ форму усѣченнаго конуса съ крутыми и скалистыми скатами. Слабѣйшій пунктъ позиціи— правый флангъ; сюда и было обращено все вниманіе турецкаго мушира, сосредоточившаго въ этомъ пунктѣ половину всей арміи. Мѣстность впереди девебойнской позиціи совершенно открыта и не представляетъ никакихъ условій для скрытнаго движенія войскъ.

По диспозиціи на 23-го октября, Саганлугскій отрядъ былъ раздѣленъ на четыре колонны, изъ коихъ четвертой *), подъ командой князя Амираджибова, предписано было штурмовать центръ непріятельской позиціи—Узунъ-Ахметъ, а остальнымъ, не вдаваясь въ бой, ограничиться артиллерійской перестрѣлкой и ждать результата атаки четвертой колонны.

Ночь на 23-е октября была ясная, но довольно холодная. Люди пообѣдали еще съ вечера и получили приказаніе имѣть завтра съ собою по фунту мяса, остатки восьмидневнаго сухарнаго запаса, полученнаго еще въ Б. Тикмѣ, и по 60-ти патроновъ; обыкновенно, какъ и всегда передъ боемъ, имъ не спалось; сначала, сидя въ палаткахъ, они тихо балагурили, чтобы не нарушать спокойствія начальствующихъ лицъ, потомъ, выбросивъ изъ палатокъ подстилочное сѣно, подожгли его и, поддерживая огни до разсвѣта, смѣялись, острили, выпивали водочку и нерѣшительно тянули:

«Что-жъ ты, Маша пріуныла,
Не слыхать твоихъ рѣчей» и т. п.

---

*) Въ составъ этой колонны входили: три баталіона нашего полка, два—Бакинскаго, два—Кубинскаго, 3-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, два баталіона Крымскаго полка, 3-я батарея 39 артиллерійской бригады и 4-я Кубанская конная батарея.

Но вотъ, прозвучала «утренняя заря», закопошился и заговорилъ лагерь Саганлугскаго отряда. Озарился востокъ и сквозь волнистый туманъ глянулъ робкій лучъ южнаго солнца. Суета и бѣготня: кто чай пьетъ, кто водочку тянетъ прямо изъ бутылки, кто чиститъ ружье, сѣдлаетъ лошадь, цѣлуются, прощаются... Прогремѣлъ «сборъ». Войска торопливо выстроились впереди лагеря. По лагерю вихремъ пронесся генералъ Гейманъ; онъ здоровался, войска громко привѣтствуютъ. Всѣ оживлены, воодушевлены и трепетно ждутъ слова «впередъ». Вотъ, и къ намъ примчался начальникъ отряда, остановился, поздоровался и обратился къ полку:

— Елисаветпольцы! Я много, много слышалъ о вашихъ доблестяхъ, о вашихъ боевыхъ качествахъ, но я желаю лично убѣдиться въ этомъ; для этого, вы должны взять сегодня ключъ Девебойнской позиціи. Желаю вамъ успѣха, ребята!

Затѣмъ, отрядъ разобрался по колоннамъ, согласно диспозиціи и началъ движеніе. Отойдя версты три отъ лагеря, отрядъ раздѣлился: первыя три колонны, подъ личнымъ начальствомъ генерала Геймана, направились противъ праваго фланга непріятельской позиціи, а четвертая, подъ командой полковника князя Амираджибова,—противъ лѣваго.

Въ этотъ славный для Елисаветпольцевъ день я состоялъ при князѣ Амираджибовѣ для передачи приказаній, а мои обязанности, по должности баталіоннаго адъютанта, отправлялъ прапорщикъ Лебедевъ.

День 23-го октября былъ солнечный, теплый. Плававшій на окрестныхъ горахъ, туманъ, съ восходомъ солнца, сталъ постепенно разсѣеваться и, наконецъ,

совершенно исчезъ, открывъ грозныя стѣны, запиравшихъ Саганлугскій отрядъ, хребтовъ. Открылась на западномъ небосклонѣ и Девебойна съ тысячами турецкихъ палатокъ и лоснившимися на утреннемъ солнцѣ крупповскими стальными пушками. Дорога, идущая въ городъ Эрзерумъ, черной лентой извивалась по широкой, гладкой равнинѣ и терялась въ горныхъ громадахъ Девебойны, у высоты Узунъ-Ахметъ.

Около 9-ти часовъ утра, колонны, не останавливаясь, перестроились въ боевой порядокъ. Одновременно, турки открыли артиллерійскій огонь изъ 15-ти-фунтовыхъ крѣпостныхъ орудій; снаряды этихъ орудій долетали до деревни Куруджукъ, въ которой находился перевязочный пунктъ. Турки не обращали никакого вниманія на выставленный въ деревнѣ флагъ съ крестомъ, хотя, надо полагать, они знали и безъ флага, что въ Куруджукѣ, кромѣ докторовъ и больныхъ, не могло быть никого и ничего.

4-я колонна, перестроившись въ боевой порядокъ, двинулась, сначала къ лѣвому флангу позиціи, на Карабаязидъ, а потомъ повернула на центръ—къ Узунъ-Ахмету. Части колонны, по приказанію князя Амиражибова, двигались съ разомкнутыми рядами. Въ разстояніи 2000 шаговъ отъ Узунъ-Ахмета колонна остановилась и открыла артиллерійскій огонь, одновременно по Узунъ-Ахмету и Кара-баязиду; для этого, 3-я батарея 39-й артиллерійской бригады была поставлена однимъ дивизіономъ къ фронту непріятельской позиціи, а другимъ—къ флангу. «Наша батарея», какъ и во всѣхъ минувшихъ сраженіяхъ, отличилась и тутъ: не прошло и полчаса, какъ на возвышеніи Узунъ-Ахмета

показалось громаднѣйшее облако пороховаго дыма,— это былъ взорванъ пороховой погребъ. Громкое «ура», вдругъ раздавшееся въ 4-й колоннѣ, выразило удовольствіе и радость нашихъ солдатиковъ въ виду взрыва. Офицеры апплодировали молодецкую «нашу батарею».

Черезъ часъ заняли боевыя позиціи и остальныя колонны и артиллерійская стрѣльба приняла широкіе размѣры. Стоя на совершенно открытомъ мѣстѣ, подъ градомъ осколковъ и картечей, наши артиллеристы стрѣляли съ удивительнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Полковникъ Мусхеловъ съ своими офицерами: поручикомъ Макара-швили и подпоручиками Шульманомъ и Проскураковымъ имѣли хладнокровіе даже завтракать и курить папиросы, сидя недалеко отъ орудій.

Въ 11 часовъ дня съ Карабаязида, поражавшаго 4-ю колонну фланговымъ огнемъ, спустились внизъ толпы баши-бузуковъ и открыли по нашему флангу бойкій огонь. Князь Амираджибовъ приказалъ командиру 3-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, полковнику Крузенштерну, поставить баталіонъ лицомъ къ баши-бузукамъ и выслать цѣпь. Такимъ образомъ завязалась первая ружейная стрѣльба. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникъ праваго крыла отряда, генералъ Тергукасовъ, выслалъ изъ общаго резерва къ Карабаязиду два баталіона Бакинцевъ, два—Таманцевъ и 4-ю Кубанскую конную батарею. 4-я Кубанская батарея, мѣткимъ огнемъ, вытѣснила баши-бузуковъ изъ сильныхъ естественныхъ закрытій; не имѣя возможности взобраться обратно на скалистый Карабаязидъ, баши-бузуки въ

безпорядкѣ прогарцовали къ Узунъ-Ахмету, подъ градомъ пуль 4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, возбудивъ въ нашихъ людяхъ громкій смѣхъ. Баталіоны же, высланные изъ общаго резерва, подошли къ скаламъ Карабаязида, залегли за камни и оставались тамъ до конца сраженія совершенно бездѣятельно, если не считать, что они охраняли фланги 4-й колонны.

Въ такомъ положеніи находился отрядъ до 2-хъ часовъ дня. Артиллерійскій бой разгорался все сильнѣе и сильнѣе по всей линіи. Турки отвѣчали многочисленной нашей артиллеріи со свойственною имъ живостью. Санитары, возвращавшіеся съ перевязочнаго пункта, сообщали намъ неутѣшительныя вѣсти о числѣ раненыхъ, когда, собственно говоря, бой еще не начинался. Найдя атаку достаточно подготовленною, князь Амираджибовъ приказалъ боевой линіи открыть наступленіе. 4-я колонна передвинулась на одну версту, слѣдуя шагомъ, подъ убійственнымъ фронтальнымъ и фланговымъ артиллерійскимъ огнемъ. Отсюда подошва Узунъ-Ахмета находилась всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ. Четыре турецкихъ орудія, стоявшія на нижней террасѣ, съ приближеніемъ колонны снялись съ позицій и поднялись на гору. Наши батареи остались на мѣстѣ до конца боя.

Одновременно передвинулись впередъ и лѣвофланговыя колонны, сосредоточиваясь противъ крайняго пункта непріятельской позиціи. Замѣтивъ это, и турки стали стягиваться къ своему правому флангу, такъ, что на нашихъ глазахъ съ Узунъ-Ахмета спустились четыре баталіона пѣхоты съ легкой батареею.

Высота Узунъ-Ахмета, имѣющая издали форму правильнаго усѣченнаго конуса, вблизи представляетъ нѣсколько иной видъ; она раздѣлена почти пополамъ довольно глубокимъ тальвегомъ, начинающимся съ западной окраины возвышенія; восточные склоны чрезвычайно круты, скалисты и укрѣплены глубокими траншеями.

Въ этомъ положеніи находились до 4-хъ часовъ пополудни. Наши артиллеристы обстрѣливали Девебойну все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ ожесточеніемъ, а турецкіе, наоборотъ, ослабили огонь значительно.

— Плохо-съ, — проговорилъ князь Амираджибовъ, обращаясь ко мнѣ и поручику Яновскому; — у меня все время играетъ только одинъ глазъ.

Князь вѣрилъ въ предубѣжденія, но такъ себѣ, для шутки.

— Достаточно и одного глаза, чтобы побѣдить турокъ, ваше сіятельство! — замѣтилъ Яновскій.

Князь улыбнулся и попросилъ насъ отъѣхать подальше. Затѣмъ настало молчаніе.

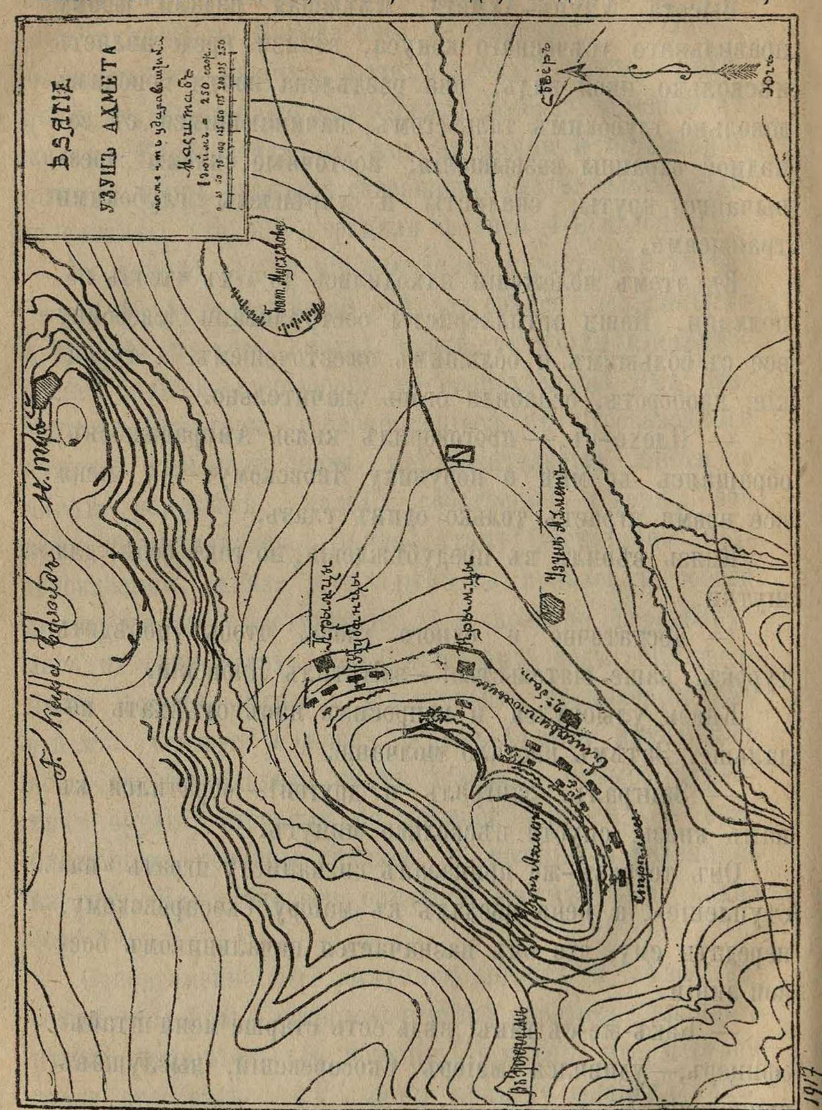
— Заигралъ, заигралъ и другой! — обратился къ намъ князь, спустя нѣсколько минутъ.

Онъ тотчасъ-же приказалъ сигналисту играть «наступленіе», а меня послалъ къ маіору Скосаревскому, передать ему, что онъ назначается начальникомъ боевой линіи.

— Какъ-же-съ такъ; вѣдь есть старше меня штабъ-офицеръ, — удивился маіоръ Скосаревскій, выслушавъ приказаніе.

Князь Амираджибовъ не любилъ останавливаться передъ такими неудобствами, какъ назначеніе «млад-

шаго» начальникомъ,—что, иногда, въ дѣлѣ военномъ,



больше чѣмъ необходимо, для достиженія извѣстной цѣли. Маіоръ Скосаревскій былъ, дѣйствительно, храб-

рый человѣкъ, онъ не терялся въ самые трудные моменты боя и распоряжался такъ же разумно, какъ на парадномъ плацу.

Въ первый періодъ атаки, части 4-й колонны были расположены въ такомъ порядкѣ: въ первой линіи стояли 1-й и 4-й баталіоны нашего полка, имѣя четыре роты въ цѣпи и 2-й баталіонъ въ полковомъ резервѣ. За ними—два баталіона Кубинскаго и два Крымскаго полковъ. 4-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ составлялъ общій резервъ колонны. Князю Амираджибову подчинялись и четыре баталіона, высланные къ Карабаязиду.

Въ 4 часа, по сигналу «наступленіе», колонна перешла въ наступленіе по частямъ, сначала боевая линія, а потомъ, резервы. Сильный артиллерійскій и ружейный огонь съ Узунъ-Ахмета и Карабаязида сталъ вырывать изъ строя такъ много людей, что невозможно было двигаться шагомъ; по этому, войскамъ пришлось, съ крикомъ «ура», бѣжать около 900 шаговъ и остановиться у подошвы Узунъ-Ахмета, подъ покровительствомъ скалъ и обрывовъ. Отсюда и начался упорный и кровопролитный бой 23-го октября.

Условія мѣстности и расположеніе непріятеля вызвали необходимость удлиннить боевую линію. Для этого, два баталіона Кубинскаго полка, по приказанію князя Амираджибова, вышли изъ линіи резервовъ и, двигаясь вправо, развернулись въ боевой порядокъ, а 4-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ такимъ же образомъ выдвинулся влѣво. Такое передвиженіе частей колонны, подъ адскимъ ружейнымъ огнемъ, на разстояніи почти прямого выстрѣла, стоило, конечно, громад-

нѣйшихъ жертвъ, но, какъ я писалъ выше, князь Амираджибовъ не щадилъ ничего, лишь бы цѣль была достигнута.

Было около $5^1/_2$ часовъ, когда я вернулся съ праваго фланга, передавши Таманцамъ и Бакинцамъ приказаніе о наступленіи. Узунъ-Ахметъ былъ весь окутанъ облакомъ пороховаго дыма, въ которомъ, то и дѣло, обрисовывались свѣжіе, густые клубы орудійныхъ выстрѣловъ. Въ воздухѣ, зловѣще шипя, носились миріады гранатъ, пуль и осколковъ, взрывавшихъ землю и поднимавшихъ пыль. Съ далекаго лѣваго фланга едва-едва долетали звуки частаго ружейнаго огня и протяжнаго «ура». Какъ оказалось послѣ, это Тифлисцы и Мингрельцы штурмовали правый флангъ непріятельской позиціи; штурмъ не удался и стоилъ громадныхъ жертвъ. Наша боевая линія, пріютившись подъ скалами и обрывами Узунъ-Ахмета, лежала неподвижно, ограничиваясь ружейной стрѣльбой. Князь Амираджибовъ былъ задумчивъ и сильно опечаленъ черепашьимъ движеніемъ дѣла.

— Чортъ возьми!—пробормоталъ князь въ досадѣ.

Онъ приказалъ горнисту играть «всѣ» и «атака», а поручику Яновскому — ѣхать и передать приказаніе маіору Скосаревскому, чтобы онъ непремѣнно распорядился атакой. Но боевая линія перешла въ атаку безъ приказанія, по сигналу. Послѣ упорнаго штыковаго боя цѣпи съ цѣпью, турки уступили намъ нижній уступъ Узунъ-Ахмета и отбѣжали на гору, а наши роты, перебѣжавъ уступъ подъ страшнымъ огнемъ съ плато, залегли за камни, въ 300 шагахъ отъ непріятельскихъ укрѣпленій.

Во время этой перебѣжки, люди 3-й роты нашего полка, не выдержавъ сильнаго непріятельскаго огня, вопреки приказанію ротнаго командира, потеряли стройность и бѣжали въ безпорядкѣ, въ разсыпную. Когда рота остановилась на вышесказанномъ мѣстѣ, поручикъ Загобель собралъ людей, выстроилъ ихъ на открытомъ мѣстѣ, развернутымъ фронтомъ и, подъ градомъ пуль, сталъ обучать ружейнымъ пріемамъ, не прекращая ученья до тѣхъ поръ, пока изъ строя не выбыло нѣсколько человѣкъ ранеными и нижніе чины не просили помилованія.

Возвратившись, поручикъ Яновскій доложилъ князю Амираджибову подлинныя слова маіора Скосаревскаго: «Прошу не безпокоиться, князь; разобьемся въ лепешку, или Узунъ-Ахметъ возьмемъ сегодня же».

Князь просіялъ отъ радости и произнесъ:

— Этотъ человѣкъ безконечно храбръ и надеженъ; я очень доволенъ и спокоенъ, что назначилъ его начальникомъ боевой линіи, а не кого-нибудь другаго.

Около 6-ти часовъ вечера, 4-й баталіонъ нашего полка началъ карабкаться на скалы и обрывы, надъ которыми тянулись сѣрыя стѣны укрѣпленій, украшенныя щетиной штыковъ. Люди подсаживали другъ друга и верхніе вытягивали нижнихъ на скалы съ помощью протянутыхъ ружей, или рукъ. Первыми поднялись 14-я и 15-я роты, командуемыя подпоручиками Черковымъ и Анисимовымъ; первый поднялся на лѣвую половину Узунъ-Ахмета, а второй—на правую. Роты были раздѣлены глубокимъ скалистымъ тальвегомъ. Утомленные крутымъ подъемомъ, люди собрались въ правильный строй и легли отдохнуть. Тѣмъ временемъ,

остальныя части колонны, точно такимъ же образомъ, карабкались и подымались наверхъ одна за другою. Правильнаго строя при такихъ условіяхъ мѣстности, разумѣется, и не могло быть, поэтому, 4-я колонна разсѣялась въ безпорядкѣ по всему восточному склону Узунъ-Ахмета; части перемѣшались и люди исполняли приказанія ближайшихъ офицеровъ.

Поручикъ Черковъ.
(Раненъ въ дѣлѣ 23-го октября 1877 г.)

Чуя приближеніе роковой минуты, турки засуетились, зачастили огонь и стали стягивать резервы. Четыре табора, двинутые утромъ на помощь правому флангу, теперь возвращались назадъ усиленнымъ маршемъ.

Но вотъ, грянуло молодецкое «ура» и 14-я рота, предводимая храбрымъ ротнымъ командиромъ, рванулась впередъ. Два дружныхъ залпа, вырвавъ изъ молодецкой роты нѣсколько человѣкъ, пролетѣли черезъ головы. Въ виду неуклоннаго движенія непріятеля, турецкіе стрѣлки, оставивъ траншею, бросились назадъ. Подпоручикъ Черковъ занялъ траншею и началъ вынимать замки изъ орудій. Но, спустя нѣсколько минутъ, турки остановились, оправились, бросились на дерзкаго непріятеля съ крикомъ «алла» и отбили траншею обратно. Подпоручикъ Черковъ, не имѣя патроновъ и резерва сзади, принужденъ былъ уступить мѣсто, превосходившему его числомъ, непріятелю и отойдти назадъ, до благопріятнаго случая. Турки открыли огонь по карабкающейся колоннѣ съ прежней силой.

Минутное торжество наше, въ виду занятія небольшой части Узунъ-Ахметскихъ укрѣпленій 14-й ротой, на время омрачилось. Князь Амираджибовъ поблѣднѣлъ, понурилъ голову и въ страшной досадѣ кусалъ себѣ усы. Прикрывъ ладонями глаза отъ лучей заходящаго солнца, князь Амираджибовъ сосредоточилъ взоръ на правой половинѣ Узунъ-Ахмета, на которой, какъ я писалъ выше, отдыхала 15-я рота съ подпоручикомъ Анисимовымъ. Въ то время, когда 14-я рота, отойдя назадъ, легла за закрытіями, подпоручикъ Анисимовъ, поддержанный 13-й ротой, повелъ роту въ атаку. Разлились въ воздухѣ протяжные звуки «ура», послышался безпорядочный огонь поколебленнаго нравственно непріятеля и подпоручикъ Анисимовъ обрушился съ ротой на траншеи. Турки дрогнули и обратились въ постыд-

ное бѣгство. «Ура!»—вскричалъ князь Амираджибовъ, приведенный въ восторгъ картиной атаки и, пришпоривъ лошадь, во весь духъ поскакалъ впередъ.

Это былъ самый трудный, самый ожесточенный и кровопролитный моментъ боя. Одиночныхъ выстрѣловъ уже не было слышно, въ воздухѣ носился какой-то однообразный, металлическій гулъ, смѣшанный съ крикомъ «ура» и «алла». Сотни раненыхъ, шедшихъ на перевязочный пунктъ, и убитыхъ, валявшихся на скалистомъ склонѣ Узунъ-Ахмета, указывали на жестокость боя.

Занявши траншеи, подпоручикъ Анисимовъ весь огонь направилъ на укрѣпленія, впереди которыхъ лежала 14-я рота. Не смотря на то, что люди находились подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ, они стрѣляли настолько спокойно и мѣтко, что турецкіе стрѣлки засуетились и начали, одинъ за другимъ, покидать укрѣпленія. Офицеры, стоя сзади съ обнаженными саблями и револьверами, убивали бѣглецовъ и едва удерживали цѣпь. Четыре табора, слѣдовавшіе съ праваго фланга форсированнымъ маршемъ, уже поднимались на возвышенность. Еще нѣсколько минутъ —и мы отказались-бы совсѣмъ отъ Узунъ-Ахмета, или же онъ потребовалъ бы отъ насъ неимовѣрныхъ жертвъ.

Но Елисаветпольцамъ благоволила судьба въ минувшую войну. Заручившись резервами изъ ротъ 2-го баталіона и замѣтивъ въ турецкой цѣпи колебаніе, подпоручикъ Черковъ поднялъ своихъ храбрецовъ и вторично кинулся на укрѣпленія. Послѣ незначительной рукопашной схватки, турки обратились въ бѣгство, оставивъ двумъ нашимъ героямъ 16 орудій.

Вслѣдъ за нашимъ полкомъ грянуло «ура» Кубинцевъ и 4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона и пошло преслѣдованіе всѣми силами на разстояніи около одной версты. Четыре табора, успѣвшіе къ этому времени подняться наверхъ, были смяты, отступавшими въ паническомъ страхѣ, соотечественниками. Подпоручикъ Черковъ, получивъ рану, лишившую его правой руки, вернулся на перевязочный пунктъ.

На противоположной окраинѣ возвышенности, 4-я колонна остановилась и бросила преслѣдованіе. Защитники Узунъ-Ахмета, давя другъ друга, безпорядочной толпой ринулись въ оврагъ, провожаемые слабымъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ; взойдя на слѣдующую гору, они остановились, пришли въ себя и начали отстрѣливаться.

Потерявъ тактическій пунктъ позиціи, около котораго проходилъ единственный путь для отступленія, турки, побросавъ артиллерію, отовсюду стали стекаться къ Узунъ-Ахмету и скоро, на широкой сѣдловинѣ, въ 500 шагахъ впереди 4-й колонны, кишмя кишѣла пятнадцати-тысячная толпа, разбитаго и совершенно деморализованнаго непріятеля, медленно поднимавшагося на крутую гору, командующую надъ Узунъ-Ахметомъ съ западной стороны. Не имѣя патроновъ для бичеванія уходившаго изъ подъ носа непріятеля, 4-я колонна подняла крикъ: «кавалерію! давай кавалерію!» Это было въ 7 часовъ вечера. На дворѣ стоялъ полумракъ. Артиллерія наша, не зная ничего объ отступленіи непріятеля, все еще продолжала обстрѣливат высоты. На далекомъ лѣвомъ флангѣ, тамъ и сямъ, вспыхивали ружейные огоньки: это наша кавалерія перестрѣливалась съ турецкою.

20*

Не знаю: услыхала-ли наша кавалерія гласъ вопіющей 4-й колонны, или двинулась по вдохновенію, но, спустя нѣсколько минутъ, она съ громомъ и шумомъ влетѣла на вершину Узунъ-Ахмета и остановилась въ виду крутыхъ обрывовъ и скалъ западнаго склона высоты. «Не сюда! Не сюда! Маршъ кругомъ!» — кричали солдаты, видя, что кавалерія въѣхала на гору совершенно не кстати. Начальникъ кавалеріи, Калбами-ханъ, ошибся: ему слѣдовало объѣхать Узунъ-Ахметъ съ лѣвой стороны, по большой дорогѣ. А было, дѣйствительно, гдѣ поработать кавалеріи; упустили весьма хорошій случай.

Въ 8 часовъ вечера огонь повсюду смолкъ и на высотахъ Девебойны воцарилась тишина.

Насколько неожиданна была для турокъ потеря Девебойны, можно судить изъ того, что на вершинѣ Узунъ-Ахмета остались нетронутыми офицерскія палатки, въ которыхъ въ порядкѣ стояли желѣзныя кровати съ постельными принадлежностями, столы съ серебряными и золотыми часами, кофейными чашечками, стаканами, карточками, преспапье и пр. и пр. Въ палаткѣ казначея солдаты нашли и подѣлили мѣшки съ золотыми монетами и кредитными билетами. Начальникъ отряда, войдя въ роскошную кибитку турецкаго главнокомандующаго, засталъ въ ней турецкаго полковника, Ибрагима-агу, пришедшаго сюда за полученіемъ приказаній отъ своего мушира; въ кибиткѣ, какъ и въ офицерскихъ палаткахъ, было оставлено Мухтаромъ-пашой все его имущество и переписка, съ топографическими планами и картами.

Съ 9-ти часовъ пошелъ сначала дождь, а потомъ снѣгъ, такъ что, къ разсвѣту, снѣгу выпало вершковъ шесть глубины. Многихъ раненыхъ не успѣли прибрать до слѣдующаго дня; знаетъ, лишь, одинъ Богъ, что перенесли страдальцы въ теченіе этой ночи, подъ снѣгомъ, не перевязанные, не прикрытые. Войска остались на занятыхъ съ вечера мѣстахъ, разобравшись по полкамъ, баталіонамъ и ротамъ. Сторожевыхъ частей не было выслано въ томъ безошибочномъ сознаніи, что непріятель, разбитый и нравственно уничтоженный былъ не способенъ къ ночнымъ затѣямъ. Такъ что, въ 10 часовъ ночи, на Узунъ-Ахметской возвышенности не было видно ни одной живой души: всѣ покоились подъ снѣгомъ и спали богатырскимъ сномъ.

Полковникъ князь Амиραджибовъ, поручикъ Яновскій и я поселились на ночь въ турецкой палаткѣ. При свѣтѣ огарка свѣчи, князь Амираджибовъ продиктовалъ поручику Яновскому краткое донесеніе, къ начальнику праваго крыла, генералу Тергукасову, слѣдующаго содержанія:

«Поздравляя ваше превосходительство съ побѣдой, доношу, что ключъ Девебойнской позиціи, Узунъ-Ахметъ, взятъ Елисаветпольцами».

Тѣмъ временемъ, знакомый намъ Михайло, развернулъ, въ углу палатки, салфетку съ всевозможными закусками и подалъ нѣсколько бутылокъ краснаго, кахетинскаго вина. Окончивъ писаніе, князь предложилъ намъ закусить и въ то же время предупредилъ меня, чтобы я, послѣ ужина, отвезъ записку къ генералу Тергукасову. Только-что князь выпилъ рюмку водки, на дворѣ раздался звучный, симпатичный голосъ:

— Князь, будьте любезны, примите меня на жительство. Я иду съ своимъ ужиномъ и виномъ.

— Пожалуйте, прошу покорно; веселѣе будетъ,— отвѣтилъ князь Амираджибовъ, отщипывая себѣ кусочекъ хлѣба.

Развернулись полы палатки и передъ нами предстала мощная фигура командира Крымскаго полка, полковника Юрковскаго, бывшаго начальника Тифлисскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища.

— Здравствуйте, господа! Хлѣбъ-соль! —проговорилъ онъ, обтирая платкомъ лицо, намокшее отъ снѣга.

Полковникъ Юрковскій занялъ мѣсто около князя Амираджибова. Деньщикъ его, вошедшій вслѣдъ за нимъ, положилъ на салфетку двѣ курицы, нѣсколько бутылокъ вина и вышелъ изъ палатки. Затѣмъ, мы, ужиная, разговорились о томъ, о семъ, о впечатлѣніяхъ минувшаго дня. Полковникъ Юрковскій все время всматривался въ меня, и такъ настойчиво, что я сконфузился и покраснѣлъ.

— Не Мусхеловъ-ли вы? — произнесъ онъ наконецъ.

— Да, полковникъ; Мусхеловъ, —отвѣтилъ я, обрадованный.

— Мой питомецъ?

— Да, да, полковникъ; вашъ,—повторилъ я.

Онъ обрадовался, пригнулся и поцѣловалъ меня, сказавъ:

— Очень радъ, безпредѣльно радъ. Всѣ мои питомцы оказались благовоспитанными, честными и храбрыми. Черковъ и Анисимовъ возвратили мнѣ поло-

вину моей жизни. Очень, очень радъ. Не превда-ли, какіе молодцы, а, князь? — обратился онъ къ князю Амираджибову.

Князь Амираджибовъ утвердительно кивнулъ головой.

Оставивъ свое общество еще за ужиномъ и мирной бесѣдой, я сѣлъ на измученную свою лошадь, добытую на Чифть-тепеси, и поѣхалъ. Ночь стояла тихая, безвѣтренная; снѣгъ падалъ большими хлопьями. По сторонамъ чернѣли обломки камней, которыми была усѣяна вся возвышенность на пространствѣ квадратной версты. Вдали, съ восточной стороны Узунъ-Ахмета, виднѣлись чьи-то бивуачные огни. «Можетъ быть, гдѣ-нибудь тамъ генералъ Тергукасовъ», — подумалъ я и рѣшилъ ѣхать прямо на эти огни, хотя князь Амираджибовъ и предупредилъ меня, что генералъ Тергукасовъ долженъ быть въ лагерѣ. Мнѣ страшно не хотѣлось ѣхать въ лагерь, — 15 верстъ туда и столько же обратно; я былъ сильно изнуренъ, обезсиленъ дневнымъ бодрствованіемъ и нуждался въ спокойствіи. Покачиваясь взадъ и впередъ, какъ пьяный, я, наконецъ, съѣхалъ съ каменистаго Узунъ-Ахмета на ровное, гладкое поле. Кляча моя, почувствовавъ подъ ногами ровную почву, прибавила шагу и стала нѣсколько рѣзвѣе. Огни—все ближе и ярче. Вотъ, около нихъ уже обрисовались казацкія фигуры съ длиннополыми черкесками и бешметами; казаки, копошась около огней, балагурили и жарили изъ баранины шашлыки.

— Ребята, казаки! Не знаете-ли, гдѣ генералъ Тергукасовъ?—обратился я къ нимъ, подъѣзжая ближе къ

огнямъ. Казаки встали, сдернули полы черкесокъ, заткнутыя сзади за поясъ и отвѣтили:

— Никакъ-нѣтъ, ваше благородіе!

Непріятно звякнули эти слова въ моихъ ушахъ, да дѣлать нечего. Я подъѣхалъ къ слѣдующей группѣ огней, но и тамъ не оказалось генерала Тергукасова. Я несся рысью въ лагерь, когда, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ вправо, въ неглубокой котловинѣ, замѣтилъ еще группу огней. Я остановилъ лошадь. Въ головѣ блеснула тревожная мысль, что я могу даромъ прокатиться въ лагерь и, про всякій случай, рѣшилъ справиться. Подъѣзжаю. У огней тишина и спокойствіе, хотя народу было много.—«Здѣсь генералъ Тергукасовъ?»—спрашиваю перваго казака.—«Такъ точно; здѣсь»,—отвѣтилъ казакъ тихо, боязливо. Я слѣзъ съ коня и пошелъ къ генералу Тергукасову, провожаемый добрымъ казакомъ. Онъ сидѣлъ на корточкахъ, подъ буркой, у громаднаго костра, рядомъ съ полковникомъ Генеральнаго штаба Филипповымъ; увидя меня, онъ привсталъ и спросилъ: «Что новенькаго? Что хорошаго?» Я поздравилъ съ побѣдой и передалъ записку. Прочитавъ въ запискѣ, вслухъ, слова: «Узунъ-Ахметъ взятъ Елисаветпольцами», Тергукасовъ выразилъ радость, подошелъ ко мнѣ и, поцѣловавъ, поздравилъ съ побѣдой. Затѣмъ, онъ предложилъ полковнику Филиппову написать донесеніе начальнику отряда, а мнѣ—ѣхать обратно.

— Передайте князю мое сердечное поздравленіе съ побѣдой,—сказалъ онъ мнѣ, когда я сѣлъ на лошадь и собрался ѣхать.

Около 12-ти часовъ ночи я вернулся обратно. Не до-

ѣзжая 200 шаговъ до палатки, отъ голода и окончательнаго истощенія силъ, моя кляча упала и испустила духъ. Мое общество еще разговаривало, сидя за ужиномъ. Я передалъ поздравленіе князю и, опустившись на колѣнн, налилъ себѣ стаканъ вина.

— Ну, что? Усталъ вѣрно?—спросилъ меня князь.

— Порядкомъ, ваше сіятельство! — отвѣтилъ я, поднося ко рту стаканъ.

— А вотъ, прочтите эту записку со вниманіемъ.

Я поставилъ стаканъ, взялъ записку и прочелъ: «Князю Амираджибову. Предписываю немедленно спустить въ лагерь, впереди Узунъ-Ахмета, четыре баталіона и батарею». Разумѣется, я сразу понялъ въ чемъ дѣло.

—Идите,—добавилъ князь,—и спустите: два баталіона отъ нашего полка, по баталіону отъ Кубинскаго и Крымскаго полковъ и 5-ю батарею 31-й артиллерійской бригады.

Я вышелъ. Но, какъ найти баталіоны подъ снѣгомъ, въ часъ ночи! «Жалко мнѣ васъ, солдатики! Природа пригрѣла васъ, прикрыла холоднымъ, но бѣлымъ, чистенькимъ одѣяльцемъ; вы спите, богатыри, такимъ сладкимъ, невозмутимымъ сномъ, а я, извергъ, иду лишить васъ этого благодушнаго состоянія». Иду твердо, не колеблясь; подо мной хруститъ мягкій, свѣжій снѣжокъ. Вотъ, нашелъ я на ружейные козла; но хозяевъ нѣтъ, сгинули, сквозь землю провалились!

— Эй, вы, народы! Покажись, хотя одинъ, чортъ возьми!—кричу я.

Никого и ничего. Мнѣ становится страшно, видя себя одинокимъ. Иду дальше. Опять ружейные козла.

— Кто тутъ? Проснись!—крикнулъ я.

Въ одномъ мѣстѣ сдвинулся съ мѣста снѣгъ. Я подошелъ и обрадовался, увидя двигавшіяся руки и ноги живаго человѣка.

— Землякъ! Скажи-ка, какого ты полка?—спросилъ я.

— Убирайся къ лѣшему! Чаго тутъ шатаешься?—отвѣтилъ сердито солдатикъ.

Но я сталъ его тормошить, схвативъ за руку.

— Посмотри, любезный; вѣдь съ тобою говоритъ офицеръ.

Солдатикъ протеръ глаза рукавомъ, открылъ ихъ и, увидя меня, проговорилъ:—«виноватъ, ваше благородіе, простите».

— Гдѣ баталіонный командиръ?—спросилъ я.

— Баталіонный? Не могу знать. Поищемъ, ваше благородіе.

Онъ всталъ, разбудилъ одного, другаго, третьяго, четвертаго; но баталіоннаго командира никто не могъ указать.

Шагахъ въ двадцати отъ меня еще захрустѣлъ, развернулся снѣгъ и вылѣзла изъ него человѣческая фигура, закутанная въ бурку.

— Что за шумъ?—произнесъ незнакомецъ хриплымъ, сонливымъ голосомъ.

Солдатики узнали, по голосу, своего баталіоннаго.

— Вотъ, ваше благородіе, баталіонный!—сказали они мнѣ. Я подошелъ и передалъ приказаніе.

— Эхъ, батенька, еслибы вы знали, какъ трудно теперь подниматься!—обратился ко мнѣ баталіонный, щелкая зубами.

А это было около 2-хъ часовъ ночи. Небо прояснилось и ударилъ сильный морозъ; снѣгъ такъ и трещалъ подъ ногами. Пожелавъ баталіонному счастливаго пути, я отправился дальше. «Ну,—думалъ я, —Крымцевъ нашелъ, слава Богу, но гдѣ-то обрѣтаются Кубинцы и наши ребята?» Перешелъ овражекъ, другой, вскарабкался на небольшую скалу и вышелъ опять на ровное мѣсто; вижу рядъ ружейныхъ козелъ. Подойдя къ первой группѣ ружей, я разгребъ снѣгъ, добылъ одного молодца и спросилъ его, какой онъ части.

— Стрѣлки тутъ, стрѣлки! Проваливай дальше! — отвѣтилъ сердито молодецъ.

Я подошелъ къ другой группѣ—стрѣлки; подошелъ къ третьей — все стрѣлки и стрѣлки. Еще овражекъ, еще скала — и я подошелъ къ турецкой палаткѣ, покрытой толстымъ слоемъ снѣга. Не сомнѣваясь, что въ палаткѣ живетъ начальство, я распахнулъ полы и сталъ громко кричать: «господа! господа!»...

— Вупять кто-то безпокоитъ! — промычалъ, спросонокъ, полковникъ Якимовскій.

— Федоръ Афанасьевичъ! Я къ вамъ съ приказаніемъ.

— Вупять все приказаніе. Что тамъ случилось?

— Командиръ полка приказалъ 1-му и 2-му баталіонамъ спуститься внизъ, въ лагерь, и немедленно.

— Вупять спуститься. Зачѣмъ? Какое теперь время. Вишь, зубъ на зубъ не попадетъ: да и людей гдѣ искать!

— Приказалъ непремѣнно теперь-же спуститься,— повторилъ я.

— Ну, ну, ладно; пойду.

— А маіора Скосаревскаго, не знаете, гдѣ найти?

— Идите съ Богомъ; вупять самъ найду,—сказалъ старикъ, выходя изъ палатки.

— А Кубинцевъ не можете указать, Федоръ Афанасьевичъ? И отъ нихъ баталіонъ долженъ спуститься.

— Идите, идите. Они тоже здѣсь; я имъ скажу.

Было около 4-хъ часовъ утра. Звѣзды уже погасли и мягкій алый свѣтъ восходящаго солнца чуть-чуть освѣтилъ восточный горизонтъ. Морозъ усилился до ледяныхъ сосулекъ на усахъ и бородѣ. Пройдя шаговъ 200 по возвышенности, я сталъ спускаться въ глубокій, скалистый тальвегъ; разъ десять упалъ, оцарапалъ себѣ руки и, наконецъ, остановился на маленькой терраскѣ, откуда шли опять скалы и обрывы. Присѣлъ я на камень и задумался: «чортъ возьми, вотъ доля-то выпала! Гдѣ я найду теперь батарею?» Вдругъ, тальвегъ огласился крикомъ людей: «ну! впередъ! налегай! ну-ну-уу!»—«Господи,—подумалъ я,—хоть-бы это была 5-я батарея». И я пошелъ опять кувыркаться. Вижу: дѣйствительно, батарея; ерзаетъ, бѣдная, и никакъ не поднимется на крутую гору. На душѣ стало значительно легче, хотя еще не зналъ какая батарея. Не доходя 100 шаговъ, я крикнулъ:—«Которая батарея?» —«Пята, ваше благородіе»!—отвѣтилъ какой-то молодецъ. Вздохнувъ свободно, я подошелъ и передалъ командиру приказаніе.

— Передайте князю, что и завтра не выберусь изъ этой проклятой мѣстности; пусть другую назначитъ,—произнесъ молодой батарейный, выведенный изъ себя тяжко проведенною ночью.

Уже совершенно разсвѣло, когда я вернулся обратно. Въ палаткѣ раздавалось храпѣніе сладкаго сна. Я былъ совершенно разбитъ, обезсиленъ и шатался, какъ пьяный; все бы отдалъ за одинъ вольготный сонъ, за теплое, удобное помѣщеніе; но гдѣ было его взять? Около палатки, шагахъ въ 50-ти, валялось пять—шесть боченковъ съ порохомъ; я приказалъ штабъ-горнисту высыпать порохъ, а боченки употребить на топливо. Черезъ нѣсколько минутъ я лежалъ около маленькаго кострика и отогрѣвалъ то — спину, то — животъ, переворачиваясь съ боку-на-бокъ.

И такъ, кончился славный бой. Знаменитая въ исторіи, Девебойна не удержала на своемъ грозномъ хребтѣ своихъ хозяевъ, попираемыхъ необъятною мощію русскаго солдата. Трофеями боя были: 46 орудій разнаго калибра, весь турецкій лагерь, масса шанцеваго инструмента, галетъ и проч.

Потери нашего полка заключались: въ 1-мъ убитомъ офицерѣ (капитанъ Соколовъ) и 27-ми нижн. чинахъ; въ 2-хъ раненыхъ офицерахъ (подпоручикъ Черковъ и прапорщикъ Карпинскій) и 124-хъ нижнихъ чинахъ.

XIV.

Подъ Эрзерумомъ.

24-го октября нашъ полкъ спустился совсѣмъ съ Узунъ-Ахмета и сталъ лагеремъ впереди него, въ турецкихъ палаткахъ. 25-го—были похороны убитыхъ героевъ; въ этотъ же день присоединился къ полку 3-й баталіонъ, остававшійся въ Менджингертѣ, для охраны тыльныхъ сообщеній.

Въ лагерѣ, подъ снѣгомъ, нашли тѣло знакомаго намъ рядоваго Дьячкова, задушеннаго въ объятіяхъ гиганта-арабистанца, истекшаго кровью отъ полученной штыкомъ раны. Товарищи разсказывали слѣдующее о несчастіи, постигшемъ бѣднаго Дьячкова: «Когда 14-я рота была отброшена назадъ съ занятыхъ укрѣпленій, тамъ остался унтеръ-офицеръ, раненый въ ногу,—односельчанинъ Дьячкова. Арабистанецъ, задушившій Дьячкова, сорвалъ съ унтеръ-офицера Георгіевскій крестъ и прикололъ его штыкомъ. Замѣтивъ это звѣрство, Дьячковъ вскричалъ: «Погоди, подлецъ, дорого станетъ тебѣ это звѣрство!» Послѣ этого, Дьячковъ зорко слѣдилъ за злодѣемъ. Когда мы перешли въ наступленіе, Дьячковъ бѣжалъ по пятамъ за арабистанцемъ. На противоположномъ концѣ возвышенности, цѣпь была остановлена, но Дьячковъ, не слушаясь никакихъ приказаній, понесся внизъ и скрылся во біракѣ вечера, чтобы найдти себѣ славную смерть. Миръ праху твоему, Дьячковъ! Ты былъ записной воръ, но честный, храбрый слуга Царя и Отечества!»

Послѣ 25-го числа снѣгъ растаялъ, но дни, все-таки, стояли весьма холодные. Дѣятельность полка ограничивалась очереднымъ хожденіемъ въ прикрытіе передовой позиціи, остальное же время сиживали въ палаткахъ и пѣли пѣсни, хотя солдатамъ было и не до пѣсень: они, до сихъ поръ, протягивали восьмидневный сухарный запасъ, полученный въ Б. Тикмѣ. Вообще, полкъ началъ чувствовать недостатокъ въ провіантѣ, такъ-какъ въ окрестностяхъ всѣ продукты были уничтожены, частью—нашими войсками, частью—

турецкими, а доставка ихъ, въ виду экстренности движенія за Саганлугъ, не была предусмотрѣна.

Скоро въ отрядѣ стали поговаривать о штурмѣ крѣпости Эрзерума. Говору этому, разумѣется, всѣ были рады, такъ-какъ взятіе Эрзерума сулило дать войскамъ теплыя квартиры, провіантъ и проч.

26-го числа, утромъ, всѣ командиры полковъ, баталіоновъ и ротъ были потребованы на ближайшую, къ городу Эрзеруму, высоту, для осмотра и ознакомленія съ крѣпостными верками, подъ руководствомъ полковника Войнова, состоявшаго, до войны, въ Эрзерумѣ Россійскимъ консуломъ. Съ высоты этой были видны только восточные верки и укрѣпленіе Ахали, расположенное на равнинной сторонѣ города съ юга. Полковникъ Войновъ, согласно уже составленной диспозиціи, указывалъ, кому куда и на какое укрѣпленіе идти; объяснялъ характеръ укрѣпленій и идущихъ къ нимъ дорогъ. Разсказъ его былъ на столько утѣшителенъ, что всѣ разъѣхались въ пріятномъ настроеніи и съ сладкой надеждой, въ недалекомъ будущемъ, поселиться въ Эрзерумѣ и провести холодные зимніе мѣсяцы въ полной нѣгѣ.

27-го числа, передъ штурмомъ, генералъ Девель пожелалъ повидаться и побесѣдовать съ любимыми Елисаветпольцами, съ которыми не видался почти три мѣсяца, послѣ кизиль-тапинской катастрофы, когда онъ отъѣхалъ въ Эриванскій отрядъ. Полкъ выстроился развернутымъ фронтомъ впереди турецкаго лагеря. Солдаты были безпредѣльно рады случаю взглянуть на любимаго «отца-генерала». Скоро знакомый голосъ прозвучалъ:

— Здорово, голубчики, Гелявердынцы-ы!

Земля затряслась отъ торжественнаго, громоваго возгласа тысячной массы, нечаявшей души въ генералѣ Девелѣ.

— Какъ живется, можется, голубчики-и?!

— Покорнѣйше благодаримъ!—отвѣчали солдатики, теряясь отъ радости.

— Голубчики, Гелявердынцы! Сегодня штурмъ. Постарайтесь взять Эрзерумъ, голубчики! А тамъ—все: банька, хлѣбецъ, хаты, теплы-ынь—благодать!

— Постараемся, ваше превосходительство! — гаркнули солдатики, какъ одинъ.

— То-то, смотри у меня! — замѣтилъ генералъ Девель.

— Все заберемъ, отецъ родной!—послышалось въ рядахъ.

Затѣмъ, генералъ Девель подъѣхалъ къ офицерамъ, собравшимся на правомъ флангѣ; а солдаты, съ крикомъ «ура», разбѣжались по палаткамъ.

Въ 5 часовъ вечера послѣдовало распоряженіе для ночнаго движенія и штурма города Эрзерума. Долго готовиться не приходилось: надѣлъ шашку, накинулъ бурку—и готовъ.

По диспозиціи, Саганлугскій отрядъ былъ раздѣленъ на четыре колонны, причемъ, въ составъ колонны полковника князя Амираджибова, кромѣ нашего полка, вошли $3^1/_2$ баталіона Бакинцевъ; задача колонны заключалась въ штурмѣ восточныхъ верковъ Эрзерума, носившихъ общее названіе «Азизіе». Прочія же колонны должны были одновременно напасть на различные пункты укрѣпленій Эрзерума и даже на самый

городъ. При колоннахъ находились команды артиллеристовъ, для дѣйствія изъ турецкихъ орудій, въ случаѣ удачи. Колонна князя Амираджибова была распредѣлена такъ: 1-й, 2-й и 3-й баталіоны нашего полка должны были взять лѣвое Азизіе; три баталіона Бакинскаго — правое Азизіе, а 4-й баталіонъ, съ двумя ротами Бакинцевъ, составляли общій резервъ. Кромѣ того, съ тремя баталіонами нашего полка находились охотники отъ 4-го баталіона, подъ командой прапорщика Абудкова.

Въ 6 часовъ вечера колонна князя Амираджибова начала движеніе. Путь былъ не далекій: всего 9—10 верстъ. Погода стояла чудная: въ воздухѣ царствовала тишина, а въ голубомъ небосводѣ мелькали миріады звѣздъ. Перейдя гору, другую, колонна спустилась въ котловину и у поста Хана остановилась на отдыхъ. Мимо насъ, въ таинственной тишинѣ, прошли, сначала, гренадеры, потомъ колонна генерала Авинова, а затѣмъ—генерала фонъ-Шака. Отъ поста части колонны Амираджибова разошлись по своимъ путямъ, а 4-й баталіонъ, съ двумя ротами Бакинцевъ, вошелъ сначала въ какое-то узкое дефилэ, а потомъ, поднявшись вправо на гору, остановился.

Судя по темнотѣ ночи, совершенному незнакомству съ мѣстностью, по которой вначалѣ блуждали наши войска и отсутствію проводниковъ изъ мѣстныхъ обывателей, можно было раньше сказать, что штурмъ не увѣнчается успѣхомъ.

Постоявъ съ полчаса на мѣстѣ, 4-й баталіонъ двинулся дальше; пути баталіонъ не имѣлъ, шелъ, положительно, наугадъ, то и дѣло поднимаясь съ горы на

гору, въ строгой тишинѣ и порядкѣ. Наконецъ, баталіонъ сошелъ куда-то внизъ и остановился. Спустя часъ, влѣво, въ оврагѣ, послышался какой-то шумъ. Капитанъ Чердилери послалъ меня узнать, что это за явленіе. Оказалось, что колонны генерала фонъ-Шака и полковника Крузенштерна сбились съ дороги и никакъ не могли выбраться на равнинную сторону Эрзерума,—къ цѣли своего движенія; между тѣмъ, одновременно съ нашей колонной, они должны были открыть дѣйствія противъ укрѣпленія Ахали. Около 11-ти часовъ, 4-й баталіонъ подвинулся еще около версты впередъ и легъ, въ твердомъ намѣреніи не трогаться до тѣхъ поръ, пока не вызовутъ обстоятельства. Въ воздухѣ стало довольно свѣжо. Закутавшись въ бурки, мы чуткимъ ухомъ прислушивались, не раздадутся-ли выстрѣлы съ крѣпостныхъ верковъ; но прошло томительныхъ три часа и кругомъ, все-таки, было тихо и спокойно. По разсчету, Бакинцы должны были дойдти раньше всѣхъ, въ полночь, но правое Азизіе молчало, какъ и всѣ остальныя укрѣпленія. Мы пріуныли и терялись въ догадкахъ, отыскивая причины такого неожиданнаго, непонятнаго явленія. Но вотъ, наконецъ, на правомъ Азизіѣ мелькнулъ ружейный огонекъ, за нимъ—другой, третій, все чаще и чаще; послышался залпъ, другой — и Азизіе засверкало тысячами огней, смѣшанныхъ съ широкимъ пламенемъ орудійныхъ выстрѣловъ. Одна граната разорвалась такъ близко около 4-го баталіона, что осколкомъ контузило князя Амираджибова.

Такимъ образомъ, пламенѣло Азизіе около полчаса и, затѣмъ, огонь стихъ сразу. Моментальное прекраще-

ніе огня твердо увѣрило насъ, что Азизіе взято. Князь Амираджибовъ приказалъ двигаться на помощь. Баталіонъ перестроился въ боевой порядокъ и сталъ подниматься наверхъ, имѣя двѣ роты Бакинскаго полка въ общемъ резервѣ. Это было около 3-хъ часовъ утра. Поверхность земли была уже на столько освѣщена, что на разстояніи 50—100 шаговъ можно было видѣть фигуры людей и большіе камни. Съ запада повѣялъ тихій, но холодный, пронизывающій вѣтерокъ. На равнинной сторонѣ Эрзерума послышались одиночные ружейные выстрѣлы, а въ сторонѣ лѣваго Азизіе блеснули линіи залповаго огня. Торопливо шагали солдатики на гору, постукивая каблучками по грудамъ камней, которые густо усѣяли путь слѣдованія. Баталіонъ, наконецъ, взобрался на гору, преодолѣвъ безконечный подъемъ и остановился на минутный отдыхъ. До праваго Азизіе оставалось всего около двухъ верстъ. Цѣпь вложила въ ружья патроны, опасаясь случайной встрѣчи съ непріятелемъ. Вотъ, уже раздалась команда и баталіонъ всталъ для движенія дальше. Но въ это время мимо лѣваго фланга пронеслись фигуры какихъ-то людей, оглашая воздухъ тяжелыми, болѣзненными вздохами и стонами. Капитанъ Чердилери приказалъ мнѣ узнать, что это за люди. Оказалось, что это больные и раненые Бакинцы.

— Нѣтъ-ли съ вами офицера?—спросилъ я ихъ, желая узнать что-нибудь о судьбѣ Бакинскаго полка.

— Такъ точно, — отвѣтили солдатики; — тамъ, сзади, ѣдетъ командующій полкомъ.

Я поѣхалъ къ хвосту тянувшейся больной команды и наткнулся на полковника Панкратьева.

— Полковникъ! — обратился я къ нему; — позвольте узнать, въ какомъ положеніи впереди наше дѣло?

Онъ безнадежно махнулъ рукой, покачалъ головой и сказалъ:

— Не ходите дальше: и наши и ваши—всѣ разбиты, отброшены назадъ; многихъ взяли турки въ плѣнъ.

Я былъ ошеломленъ этими словами; подъѣхавъ къ князю Амираджибову, я передалъ подлинныя слова полковника Панкратьева.

Печальное извѣстіе навело на всѣхъ страшное уныніе и тоску. Солдаты таинственно перешептывались, а офицеры, разсѣвшись по одиночкѣ, не говорили между собою, словно поссорились.

Прошелъ часъ, прошелъ другой; уже разсвѣло—а никого не видать: ни нашихъ, ни Бакинцевъ. Князь Амираджибовъ волнуется, злится и не знаетъ, какъ быть, что предпринять. Вдругъ, правое Азизіе заговорило: ружейная стрѣльба, орудійный громъ, крикъ, шумъ... «Неужели Бакинцы возобновили штурмъ? Значитъ, дѣло еще не швахъ!»—произнесъ князь Амираджибовъ и приказалъ двигаться. Но движеніе не состоялось, такъ какъ изъ Азизіе высыпала какая-то масса, не то — пѣхота, ни то — кавалерія. Солдаты подняли крикъ: «кавалерія! кавалерія!» Переднія роты встали, зарядили ружья и приготовились встрѣтить огнемъ. Тутъ ужъ всѣ потеряли головы. Масса все ближе и ближе къ намъ; наконецъ, замѣтили, что это пѣхота, а не кавалерія. Но чья: наша или непріятельская?—спрашивали другъ друга въ не-

доумѣніи. Спустя полчаса, изъ укрѣпленія вышла другая масса, гораздо больше. Огонь становился все сильнѣе и сильнѣе. Князь Амираджибовъ сталъ догадываться; онъ злился, кусалъ усы и, въ порывѣ досады, сердился на свою лошадь и билъ ее шпорами.

Въ первой группѣ оказались 500 человѣкъ плѣнныхъ турокъ, а во второй — сами Бакинцы. 4-й баталіонъ подвинулся впередъ, занялъ высоты и прикрылъ отступленіе Бакинцевъ. Бакинцы были отрепаны, многіе безъ шапокъ, съ окровавленными лицами, мундирами и штыками; словомъ, видно было, что они работали штыками и прикладами. Еще съ первымъ огнемъ заняли они укрѣпленіе, взявши часть гарнизона въ плѣнъ, утвердились въ немъ и ждали подкрѣпленій, чтобы двинуться дальше. Передъ разсвѣтомъ турки опомнились; видя, что русскіе не появляются нигдѣ, они всѣми силами обрушились на Бакинцевъ. Не теряя надежды, что подойдутъ резервы, Бакинцы геройски отражали натискъ непріятеля впродолженіи двухъ часовъ. Къ утру турки стали окружать укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ. Не видя резервовъ и боясь за путь отступленія, Бакинцы рѣшили отдать укрѣпленіе. Сначала они выслали плѣнныхъ, а потомъ, оставивъ одну роту, такъ сказать, на съѣденіе, отступили сами, взявъ болѣе 300 человѣкъ раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Теперь посмотримъ, что случилось съ тремя баталіонами нашего полка и остальными колоннами.

Оставивъ постъ Хана, наши баталіоны, предводимые подполковникомъ Якимовскимъ, прошли узкое дефилэ, по которому пролегаетъ большая дорога,

идущая въ Эрзерумъ, потомъ, зайдя лѣвымъ плечомъ, стали бродить съ оврага въ оврагъ, съ горы на гору и, около 12-ти часовъ ночи, остановились у фонтана, находившагося въ трехъ верстахъ отъ городскихъ стѣнъ. Не зная, гдѣ находится лѣвое Азизіе и куда двигаться дальше, подполковникъ Якимовскій приказалъ поручику Вернеру взять десять человѣкъ охотниковъ и отправиться на поиски. Въ ожиданіи возвращенія охотниковъ, баталіоны пролежали у фонтана до двухъ часовъ ночи; но, видя, что никто не возвращается, двинулись дальше, расчитывая на счастливый случай. Однако, такой случай не представился: побродивъ еще часъ, по изрѣзанной оврагами и балками мѣстности, они вернулись обратно, къ фонтану. Послѣ долгихъ пересудовъ и совѣщаній, укрѣпленіе взялся найти маіоръ Скосаревскій. Люди подбились до такой степени, что едва могли найти пять человѣкъ, способныхъ слѣдовать за маіоромъ Скосаревскимъ. И вотъ, двинулась вторая экспедиція. Зная, что Азизіе лежитъ сѣвернѣе эрзерумской дороги, маіоръ Скосаревскій оріентировался на сѣверъ и сталъ подыматься на какую-то крутую, скалистую гору. На каждые 200—300 шаговъ экспедиція останавливалась, всматривалась въ очертанія горъ и прикладывала уши къ землѣ, въ надеждѣ услышать хоть одно турецкое словечко. Экспедиція перевалила три-четыре горы, столько-же овраговъ и балокъ, тысячу разъ останавливалась, всматривалась, чутко прислушивалась и, все-таки, ничего не нашла. Маіоръ Скосаревскій рѣшилъ вернуться обратно, но, въ это время, впереди, на горѣ, послышался какой-то говоръ. «А-а, кажется нашли, ребята! Вотъ

проклятое Азизіе гдѣ скрывается!» — сказалъ Скосаревскій солдатамъ, какъ-бы утѣшая ихъ, что не даромъ прогулялись, помучились. Онъ съѣхалъ къ подошвѣ горы, слѣзъ съ коня и сталъ осматривать гору: на вершинѣ чернѣла земляная стѣна укрѣпленія, виднѣлись фигуры какихъ-то людей. На скатѣ горы, какъ изъ земли, выросъ какой-то верховой. Скосаревскій предупредилъ людей, чтобы молчали. Люди притаились. Верховой—все ниже и ниже, прямо на экспедицію. Солдаты зарядили ружья и приготовились убить ѣхавшаго турка. Но у турка споткнулась лошадь и онъ, чистымъ, русскимъ языкомъ проговорилъ: «ну, дьяволъ!»

— Кто вы такой?—спросилъ Скосаревскій.

— А вы кто?

— Я? Я—маіоръ Скосаревскій.

— А я—подпоручикъ Габаевъ,—отвѣтилъ турокъ. —Какъ вы сюда попали? —продолжалъ онъ.—А я у себя, въ правомъ Азизіе. Ждемъ резерва и не дождемся, а турки, подлые, уже что-то затѣваютъ, кричатъ, галдятъ впереди Меджидіе *).

— А мы вотъ, все ищемъ, ищемъ свое Азизіе и никакъ его не найдемъ. Я, кажется, возьму, да сюда и приведу баталіоны; будетъ гораздо лучше, чѣмъ ходить, Богъ знаетъ, куда!

— Пожалуйста, господинъ маіоръ, будьте добры; а то, куда я поѣду и какъ найти резервъ въ такую темень!—обрадовался подпоручикъ Габаевъ намѣренію Скосаревскаго.

---

*) Меджидіе—сомкнутое укрѣпленіе, въ одной верстѣ отъ Азизіе къ городу.

Затѣмъ, они разъѣхались. На обратномъ пути маіоръ Скосаревскій взялъ другое направленіе, не оставляя мысли, все-таки, найти лѣвое Азизіе. Вотъ, экспедиція перевалила двѣ горы и съ кошачьею осторожностью подымается на третью. Люди ежеминутно пригибались къ землѣ и осматривали впереди лежащую мѣстность.

— Тутъ что-то есть, ваше высокоблагородіе,—предупредилъ одинъ изъ нихъ, замѣтивъ на скатѣ горы какую-то черную, продолговатую полоску.

Скосаревскій слѣзъ съ коня, намѣреваясь лично убѣдиться, есть-ли что-нибудь, или солдатъ ошибся. Въ это время, лошадь его фыркнула и, почти одновременно, надъ черной полоской блеснули ружейные огни; надъ головами нашихъ молодцовъ, какъ рой пчелъ, прожужжали сотни пуль. Не сомнѣваясь болѣе, что здѣсь находится укрѣпленіе Азизіе, маіоръ Скосаревскій, оставивъ людей, поспѣшилъ къ фонтану; но, увы! здѣсь уже никого не было. Подполковникъ Якимовскій, видя, что дѣло клонится къ разсвѣту, а посланные на поиски не возвращаются, повелъ баталіоны домой.

Совершенно при такихъ же условіяхъ находились и остальныя колонны; всю ночь онѣ блуждали по южнымъ окрестностямъ города Эрзерума, измаялись до полнаго истощенія силъ и, ничего не найдя, пошли домой.

Между тѣмъ, князь Амираджибовъ, ничего не зная о судьбѣ нашихъ баталіоновъ, сильно безпокоился за ихъ участь. Въ 5 часовъ утра только вернулся поручикъ Яновскій и утѣшилъ князя, доложивъ, что наши баталіоны совершенно благополучно слѣдуютъ въ лагерь

по узкому дефилэ, эрзерумской дорогой, вмѣстѣ съ остальными войсками.

Едва только Бакинцы отступили, какъ неисчислимыя и разъяренныя массы непріятеля ворвались въ укрѣпленіе, обороняемое ротой капитана Тамаева, на долю котораго палъ счастливый жребій—спасти товарищей отъ гибели и, поднявъ на штыки храбрыхъ защитниковъ, сначала заняли его, а потомъ перешли въ наступленіе. Обремененные сотнями раненыхъ и тяжеловѣсными замками крѣпостныхъ орудій, Бакинцы отходили очень медленно. Многотысячная турецкая кавалерія, поддерживаемая пѣхотой, начала бросаться съ трехъ сторонъ. Не имѣя ни однаго патрона, Бакинцы останавливались и, съ помощью штыковъ, геройски отражали кавалерійскія атаки.

Видя такое критическое положеніе Бакинцевъ, князь Амираджибовъ приказалъ капитану Чердилери передвинуть баталіонъ на слѣдующую высоту и помочь имъ. Прогнавъ нѣсколькихъ баши-бузуковъ, успѣвшихъ предупредить насъ занятіемъ упомянутой высоты, баталіонъ остановился и открылъ, неожиданно для турокъ, такой мѣткій, залповый огонь, что непріятельская кавалерія моментально бросилась назадъ и произвела переполохъ въ своей пѣхотѣ, которая остановилась, какъ бы озадаченная. Бакинцы отступили. Непріятельская пѣхота опомнилась, пришла въ порядокъ и начала быстрое наступленіе на занимаемую 4-мъ баталіономъ высоту. Конечно, напоръ многочисленнаго непріятеля былъ не по силамъ одному 4-му баталіону; подошли еще два баталіона нашего полка и разгорѣлся ожесточенный бой. Много мужества и само-

отверженія выказалъ 4-й баталіонъ, въ особенности 15-я и 16-я роты, предводимыя отважными командирами, подпоручикомъ Анисимовымъ и прапорщикомъ Шумовымъ. При этомъ, нужно замѣтить, что мы сражались безъ артиллеріи, такъ-какъ наша артиллерія, послѣ Девебойнскаго боя, не имѣла ни одного снаряда. Турки же, наоборотъ, были богаты артиллеріей: помимо крѣпостныхъ, они выдвинули до 16-ти полевыхъ орудій. Но артиллерійскій огонь непріятеля направлялся, преимущественно, на знакомое намъ дефилэ, въ которомъ, въ это время, копошились отступавшія наши колонны. Около 2-хъ часовъ дня, наши баталіоны начали отступать. Турки напирали сильно и смѣло.

Около 4-хъ часовъ пополудни наши баталіоны отошли на постъ Хана, а турки, въ виду отряда, прекратили преслѣдованіе и убрались во-свояси.

Потери, въ этомъ дѣлѣ, были только въ 4-мъ баталіонѣ нашего полка, не считая, конечно, Бакинцевъ. Убито: нижнихъ чиновъ—3; ранено: оберъ-офицеровъ—2 (капитанъ Балакиревъ и прапорщикъ Абудковъ), нижнихъ чиновъ—32; безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ—3.

За дѣло 28-го октября, 4-й баталіонъ получилъ по пяти знаковъ отличія на роту.

* *
*

Съ 29-го октября, нашъ полкъ, въ общей очереди отряда, назначался на работы для устройства укрѣпленій на высотѣ Узунъ-Ахметъ; кромѣ того, баталіоны, поочередно, ходили въ аванпостную цѣпь, располагавшуюся впереди лагеря, по дорогѣ въ Эрзе-

румъ. Съ этого дня выпалъ глубокій снѣгъ, начались вѣтры, мятели и морозы, доходившіе нерѣдко до 30° Р. Нужно быть очевидцемъ, чтобы представить себѣ тѣ страданія и бѣдствія, которыя испытывалъ отрядъ; онѣ невообразимы, непонятны для человѣка, который не встрѣчалъ ничего подобнаго на пути жизни. Живя въ палаткахъ при самой невыносимой погодѣ и трудностяхъ службы, солдаты не имѣли ни теплой одежды, ни обуви, ни продовольственныхъ припасовъ, такъ, что нашъ полкъ ѣлъ болѣе двухъ недѣль одну только пшеничную крупу, а офицеры пекли себѣ въ золѣ лепешки. На второй недѣлѣ въ отрядѣ не стало уже чаю, сахару и спиртныхъ напитковъ; отсутствіе этихъ предметовъ, какъ согрѣвающихъ средствъ, усилило испытанія до невѣроятной степени. Лазареты и околодки всѣ были переполнены больными. Между тѣмъ, доставка означенныхъ предметовъ была совершенно невозможна: дорогу занесло глубокимъ снѣгомъ, а о расчисткѣ ея нельзя было и думать, такъ-какъ оба отряда были заняты болѣе существеннымъ дѣломъ. На сколько сильна была потребность въ спиртныхъ напиткахъ и чаѣ, можно судить по тому, что офицеры за бутылку водки платили, въ послѣдніе дни стоянки, по 5 руб., а за фунтъ сахару — полтора рубля! Только несокрушимая, желѣзная натура и чудовищная сила воли нашего солдата могли перенести такія ужасныя невзгоды и бѣдствія!

8-го ноября, день св. Архистратига Михаила, нашъ полкъ праздновалъ полковой праздникъ. Праздникъ выразился отпускомъ солдатамъ по фунту пшеничной крупы и по одному мѣстному «лавашу». Этотъ день,

кромѣ того, былъ днемъ всеобщей радости Саганлугскаго отряда: карсскій блокирующій отрядъ, послѣ геройскаго штурма, взялъ крѣпость Карсъ. Не смотря на бѣдственное положеніе, всюду играла музыка, пѣли пѣсни и кричали восторженное «ура».

10-го ноября нашъ полкъ, поэшелонно, выступилъ на зимнія квартиры и расположился: 1-й баталіонъ съ штабомъ полка—въ дер. Амракомъ, 2-й — въ дер. Камацоро, 3-й — въ дер. Ишки и 4-й—въ дер. Гюндыванъ. Деревни эти находятся на правой сторонѣ Аракса, ниже Киприкёя. Для помѣщенія людей были заняты у жителей саманники, буйволятники и, отчасти, жилыя помѣщенія, въ которыхъ были наскоро устроены печи, подстилки и хлѣбопекарни. Солдаты получали печеный хлѣбъ и вкусную, питательную пищу, такъ-какъ у мѣстныхъ жителей можно было достать въ изобили капусты, бураковъ, луку и другія овощи. Свободная и всеобильная жизнь на зимнихъ квартирахъ, при значительно легкой службѣ, благодѣтельно повліяла на здоровье людей, солдаты подбодрились, ожили и, видимо, поправились послѣ перенесенныхъ невзгодъ и лишеній на пресловутой Девебойнѣ. Кромѣ того, почти во всѣхъ этихъ деревняхъ были устроены бани и люди имѣли возможность вымыться, помыть бѣлье и избавиться отъ одолѣвавшихъ ихъ насѣкомыхъ. Кстати, къ этому времени подвезли всѣ офицерскія и солдатскія вещи, оставленныя въ деревнѣ Большая Тикма.

Въ это время я командовалъ 6-й ротой, которую принялъ отъ заболѣвшаго капитана Подскочимо, послѣ дѣла 28-го октября. Съ моей ротой мнѣ досталось

жить въ деревнѣ Комацоръ, въ домѣ армянина-кузнеца, человѣка весьма зажиточнаго и вѣскаго въ своемъ деревенскомъ міркѣ. Кунацкая комната, отданная добрымъ домохозяиномъ въ полное мое распоряженіе, была отдѣлена отъ буйволятника деревянными перилами, за которыми стояли на привязи буйволы, быки, лошади, коровы, телята и овцы; въ углу комнаты выдавался небольшой каминокъ съ грубою рѣзьбою и нишами для складыванія разныхъ вещичекъ, а на потолкѣ свѣтилось маленькое отверстіе, вентилировавшее зданіе и дававшее свѣтъ; комната, не смотря на суровость зимы, никогда не отоплялась, воздухъ нагрѣвался отъ присутствія скота, такъ что каминокъ существовалъ лишь для услажденія взора. Кстати, дрова были очень дороги, продавались на вѣсъ. Вообще и обстановка моя была незавидная, но послѣ девебоинскихъ невзгодъ, я чувствовалъ себя какъ въ раю. Сосѣдство животныхъ не только не стѣняло, но даже доставляло мнѣ пріятную забаву. Деревня Комацоръ населена армянами, не считая двухъ–трехъ семействъ турокъ. Армяне занимаются исключительно земледѣліемъ; въ жизни ихъ проглядываетъ обыкновенная деревенская простота и патріархальность; но они плутоваты, жадны къ деньгамъ и, вообще, эгоисты до мозга костей, въ противоположность своимъ сосѣдамъ—туркамъ. Языкъ и религію армяне сохранили въ цѣлости, не смотря на долговѣчность ихъ порабощеннаго положенія среди магометанскаго народа; но за то, они совсѣмъ не похожи на тѣхъ гордыхъ, самолюбивыхъ и храбрыхъ армянъ, которые стяжали своему царству славу и историческую извѣстность. Армянки въ высшей степени добронравны

и красивы, въ особенности дѣвицы; но красота, какъ у южанокъ, сохраняется только до замужества, а потомъ исчезаетъ. За то, сами армяне—безобразны: низенькаго роста, тщедушны, блѣдны и черты лица рѣдко встрѣчаются правильныя. Армяне, какъ турки, брѣютъ головы, и въ церкви, во время богослуженія, стоятъ въ фескахъ или чалмахъ. До прихода русскихъ, они не имѣли права вывѣшивать колоколовъ внѣ церкви, а звонили внутри. Населеніе приняло насъ чисто съ христіанскимъ радушіемъ, но за то, безъ денегъ, и соломки нельзя было достать, въ особенности у армянъ, бывавшихъ въ городѣ Эрзерумѣ и знакомыхъ съ торговыми премудростями. Однажды, я гостилъ у комацорскаго мухтара *), не менѣе богатаго, чѣмъ мой домохозяинъ. Всего, всего было вдоволь, а вниманья, и любезности—еще больше. Окончивъ обѣдъ, я всталъ, отблагодарилъ и направился къ дверямъ; но не тутъ-то было: куча дѣтей гостепріимнаго мухтара обступила меня и, схватившись за полы сюртука, начала просить: «Ага! моя баугушъ, пара ертуръ, Ага-джанъ!... **) Дѣлать нечего: я вынулъ кошелекъ и роздалъ по одному абасу. Не успѣлъ я выйдти, какъ мухтаръ отобралъ у дѣтей деньги и спряталъ. Такой способъ вымогательства практиковался сплошь и рядомъ.

Замѣчательно, что армяне приняли отъ своихъ сосѣдей костюмъ, образъ жизни, даже измѣнили нѣкоторыя обрядовыя стороны въ своей церкви, а такія прекрас-

---

*) Мухтаръ—старшина.

**) Это значитъ: «Господинъ! Я бѣдный, денегъ не имѣю. Господинъ!

ныя качества, какъ гостепріимство, прямодушіе, честность и любовь къ ближнему, — къ нимъ не привились въ продолженіи столькихъ столѣтій господства турокъ!

28-го ноября полкъ выступилъ на новыя мѣста квартированія впереди города Гасанъ-кала и расположился: штабъ полка съ 1-мъ баталіономъ — въ дер. Кечванъ, 2-й — въ дер. Чигинъ-дыры, 3-й—въ дер. Эзермыкъ и 4-й — въ дер. Парсухъ. При проходѣ полка черезъ Гасанъ-кала, онъ былъ привѣтствованъ корпуснымъ командиромъ, который благодарилъ его за службу и отличія въ дѣлахъ, при чемъ, замѣтивъ, что у многихъ солдатъ обувь въ весьма непривлекательномъ видѣ, приказалъ немедленно выдать 500 паръ сапогъ. Во время стоянки въ этихъ деревняхъ впервые обнаружились одиночныя заболѣванія тифомъ, которыя, однако, не имѣли серьезныхъ послѣдствій. Тифъ былъ занесенъ въ полкъ выздоровѣвшими людьми, выписанными изъ гасанъ-калинскаго госпиталя, гдѣ тифозная эпидемія свирѣпствовала уже въ полной силѣ. Стоянка на новомъ мѣстѣ была значительно при худшихъ условіяхъ, чѣмъ раньше. Жители были обобраны нашими войсками на столько, что и за самую щедрую плату нельзя было найдти продуктовъ, необходимыхъ для варки пищи, вслѣдствіе чего солдаты жили, что называется, въ проголодь, и здоровье ихъ замѣтно ухудшалось.

Въ началѣ декабря въ полку произошла большая перемѣна, а именно: Высочайшимъ приказомъ, состоявшимся въ 8-й день ноября 1877 года, командиръ полка, полковникъ князь Амираджибовъ произведенъ

въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять при Кавказской арміи, а вмѣсто него, приказомъ по арміи, отъ 13-го ноября того-же года, впредь до Высочайшаго утвержденія, назначенъ командующимъ полкомъ бывшій командиръ Кабардино-кумыкскаго конно-иррегулярнаго полка полковникъ Мазаракій.

Полковникъ Мазаракій.

Первые годы своей служебной дѣятельности князь Амираджибовъ провелъ въ Грузинскомъ полку. Кому, на Кавказѣ, не извѣстно, что Грузинскій полкъ съ искони считается школою кавказскихъ офицеровъ; здѣсь получило свое военно-воспитательное начало большинство тѣхъ кавказскихъ ветерановъ, которые без-

устанно боролись съ чудовищными громадами Кавказа и покорили его надменные народы. Нигдѣ, ни въ одномъ полку не были такъ развиты героизмъ и товарищество, какъ въ этой школѣ. Князь Амираджибовъ, своей особой, вполнѣ напоминалъ такой типъ: онъ былъ безпредѣльно храбръ, разуменъ, распорядителенъ и успѣлъ внушить въ подчиненныхъ любовь и уваженіе къ своей особѣ, какъ къ начальнику и какъ къ человѣку. Онъ взятъ изъ Грузинскаго полка въ адъютанты Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, какъ образцовый офицеръ, въ особое милостивое вниманіе къ Грузинскому полку. Подвинувшись быстро въ чинахъ, князь Амираджибовъ, въ 1876 году, принялъ нашъ полкъ отъ полковника Разумихина. Первые-же шаги его по образованію, обмундированію и улучшенію матеріальнаго благосостоянія, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ полка, обнаружили знаніе дѣла и любовь къ службѣ; все это тотчасъ-же снискало князю Амираджибову любовь и уваженіе, которыми онъ не переставалъ пользоваться и въ будущее время.

24-го декабря, генералъ-маіоръ князь Амираджибовъ, уѣзжая изъ отряда, объѣхалъ всѣ части полка и со слезами прощался съ ними, благодарилъ за службу, молодцоватость въ дѣлахъ и желалъ успѣха и на будущее время. Елисаветпольцы слишкомъ много были обязаны князю Амираджибову, чтобы не высказать ему свою признательность за дружескимъ столомъ. Послѣ объѣзда, общество офицеровъ пригласило его въ деревню Тарсухъ, гдѣ былъ поданъ неприхотливый обѣдъ на 40 человѣкъ. При въѣздѣ въ деревню играла

музыка, а люди 4-го баталіона, выйдя изъ черты деревни вмѣстѣ съ офицерами, привѣтствовали любимаго командира полка неумолкаемымъ «ура». Затѣмъ, маіоръ Скосаревскій пригласилъ князя къ столу и пошли, по кавказскому обычаю, рѣчи, тосты, пѣніе «мравалъ жамія» и др. пѣсень, во время которыхъ князь Амираджибовъ и плакалъ, и смѣялся. Поздно вечеромъ, князь всталъ, взялъ стаканъ и, обходя офицеровъ, съ каждымъ цѣловался и прощался. Однообразный звукъ «Славянскаго марша» и потрясающее «ура» обозначили отъѣздъ любимца Елисаветпольцевъ. Солдаты побѣжали за экипажемъ и долго-долго кричали вслѣдъ дорогому командиру послѣднее «прости» и «ура».

Въ тотъ же день въ штабъ полка прибылъ и новый командиръ полка, полковникъ Мазаракій, который тотчасъ же приступилъ къ осмотру и пріему полка. Но не успѣлъ онъ осмотрѣть и одного баталіона, какъ получилъ предписаніе выступить съ полкомъ за Эрзерумъ, для блокады его, такъ что три остальныхъ баталіона осмотрѣлъ онъ дорогой.

Утромъ, 25-го декабря, полкъ, получивъ 8-ми-дневный сухарный запасъ, двинулся въ путь. Зима была въ полномъ своемъ величіи: глубокій снѣгъ, сильныя мятели и трескучій морозъ. Между тѣмъ, большинство людей не имѣло обуви, ноги были обмотаны тряпками и сырой бычачьей кожей, взятой у маркитанта; многіе шли безъ шароваръ, а мундиры были съ ободранными полами и рукавами.

Смѣшную картину представляли солдатики въ своей нищенской одеждѣ и много удивленія вызывала ихъ несокрушимая натура. Посинѣли, съёжились солдатики.

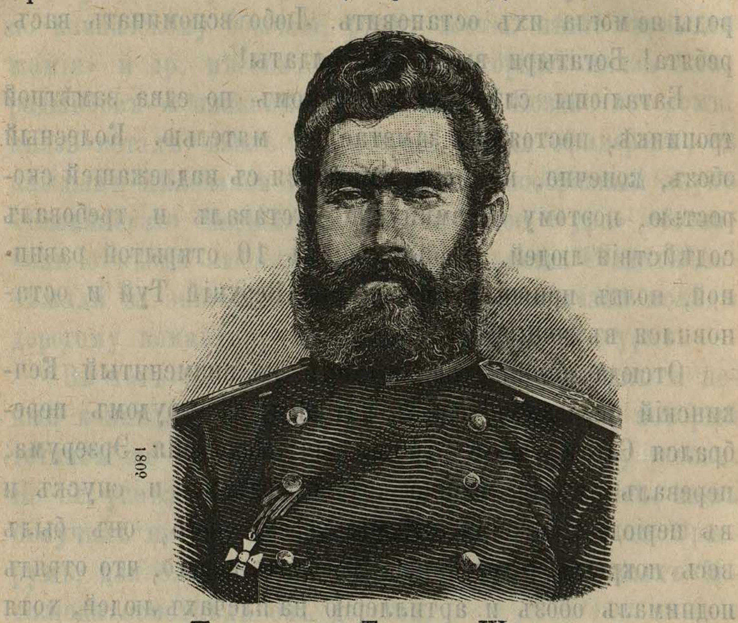
идя и прорѣзывая ногами глубокій снѣгъ, побѣлѣли густыя бороды призывныхъ старцевъ и повисли на нихъ цѣлыя льдины; ни снѣгъ, ни мятели, заметавшія путь слѣдованія, ни морозъ, никакая сила природы не могла ихъ остановить. Любо вспоминать васъ, ребята! Богатыри вы, а не солдаты!

Баталіоны слѣдовали гуськомъ по едва замѣтной тропинкѣ, постоянно заметаемой мятелью. Колесный обозъ, конечно, не могъ двигаться съ надлежащей скоростью, поэтому ежеминутно отставалъ и требовалъ содѣйствія людей. Пройдя верстъ 10 открытой равниной, полкъ пришелъ въ деревню Верхній Туй и остановился въ ней ночевать.

Отсюда начинается подъемъ на знаменитый Кечкинскій перевалъ, черезъ который съ трудомъ перебрался Саганлугскій отрядъ для обложенія Эрзерума; перевалъ имѣетъ весьма крутой подъемъ и спускъ и въ періодъ движенія отряда черезъ него, онъ былъ весь покрытъ гололедицей. Говорить нечего, что отрядъ поднималъ обозъ и артиллерію на плечахъ людей, хотя дорога и была разработана саперами.

На другой день, пройдя еще версты три по слегка волнообразной мѣстности, до деревни Кечка, полкъ сталъ подыматься на перевалъ. 1-й баталіонъ остался въ Кечкѣ на нѣсколько дней, для поднятія трехъ батарей 39-й артиллерійской бригады. Дорога, какъ я уже писалъ, была покрыта гололедицей, блиставшею, какъ стекло. На перевалѣ дулъ сильный вѣтеръ, но мятели не было, такъ какъ снѣгъ къ этому времени совершенно замерзъ. Упираясь объ ледъ ружьями, солдаты начали карабкаться по гололедицѣ, дѣлая два шага

впередъ — шагъ назадъ, а нерѣдко — шагъ впередъ — 200 назадъ; въ такихъ случаяхъ, одинъ, упавшій впереди, сбивалъ съ ногъ человѣкъ 15—20 и толпа людей съ бранью скользила внизъ, бросая ружья и стараясь



Прапорщикъ Григора-Швили.
(Раненъ въ дѣлѣ 21-го сентября 1877 г.)

удержаться за какой-нибудь камень, чтобы остаться на полугорѣ. Полагаю, и этой картинки вполнѣ достаточно, чтобы имѣть представленіе о кечкинскомъ перевалѣ; считаю лишнимъ описывать, сколько труда стоило поднять артиллерію и обозъ. Это былъ громадный, чудовищный трудъ.

30-го декабря полкъ, постепенно, занялъ деревни на южной сторонѣ Эрзерума: штабъ полка и 2-й ба-

таліонъ — дер. Бадышенъ, 1-й — дер. Мюркъ, 3-й — дер. Харзынгосъ и 4-й — Кегахоръ; линія эта поступила подъ начальство начальника авангардной блокадной линіи—генералъ-маіора Цытовича.

Въ деревняхъ этихъ, баталіоны заняли жительскія сакли и буйволятники, которые были очищены отъ навоза и мусора и, по возможности, приспособлены для житья. Въ первый періодъ блокады частямъ отряда жилось очень хорошо. Благодаря обилію съѣстныхъ припасовъ, пища готовилась вкусная, давали печеный хлѣбъ, а службу несли пустую: въ четыре дня разъ на аванпостахъ—и все тутъ. Опасеній нападенія непріятеля не было никакихъ, такъ какъ мы были совершенно уединены глубокимъ, непроходимымъ снѣгомъ, не говоря уже о томъ, что турки, обезсиленные рядомъ неудачъ, не могли быть для насъ грозою. Но скоро, вслѣдствіе обилія потребителей, запасъ провіанта и другихъ съѣстныхъ припасовъ былъ уничтоженъ и насталъ голодъ. Засуетились. Туда, сюда — нашли какихъ-то меджлисовъ*), которые указали нѣсколько амбаровъ казенной пшеницы. Но гдѣ и какъ ее перемолоть? Мельницъ нашли много, но онѣ не работали: замерзла вода. Вотъ и пошли гонять голодныхъ людей на тяжкія работы, для расчистки рѣчекъ и каналовъ; но вода, протекавшая на мельницы, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ, опять замерзала и, такимъ образомъ, поработавъ цѣлый день, люди возвращались домой утомленные, голодные и холодные. Какъ ни желательно было не тревожить жителей, которые ока-

*) Меджлисъ—чиновникъ турецкаго интендантскаго вѣдомства.

зали отряду и такъ не мало услугъ, но пришлось поневолѣ отступить отъ совѣсти: ихъ принудили дѣлиться съ отрядомъ всѣми ужасами голоднаго періода блокады. «Лучше умереть жителямъ, чѣмъ войскамъ»,— стали поговаривать въ отрядѣ, чуя бѣду. И дѣйствительно, ежедневно, коммисія изъ трехъ офицеровъ и деревенскаго мухтара, наряжаемая приказомъ по полку, обходила всѣ безъ исключенія сакли и самымъ тщательнымъ образомъ обыскивала и опредѣляла матеріальную состоятельность домохозяевъ, не разбирая—армянинъ-ли страдаетъ, или турокъ. Солдаты лазали, щупали, стучали и осматривали все—и стѣны, и потолокъ, и подполье, и даже подземелье; они напрактиковались въ этомъ до такой степени, что ударомъ ноги безошибочно опредѣляли, находится что-нибудь подъ землей, или нѣтъ. А жители, въ свою очередь, тоже изыскивали всевозможные способы укрыть имущество отъ прозорливой коммисіи, безжалостно отбиравшей зимнюю пропорцію довольствія. Надо было видѣть слезы, вопли и раздирающій душу крикъ несчастныхъ мужичковъ, обремененныхъ многочисленными семействами! Надо было видѣть ту холодность и безпечное равнодушіе, съ которымъ относились къ этому несчастію мужиковъ наши сердобольные и богобоязливые солдаты—подъ немилосерднымъ вліяніемъ голода! Найдя муку, пшеницу, лаваши, или продукты для варки пищи, коммисія на глазъ опредѣляла вѣсъ ихъ и одну половину уносили солдаты, а другую возвращали хозяину, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день взять еще половину отъ этой половины. Деньги уплачивали по таксѣ, объявленной приказомъ по отряду, кредитными

билетами. Но что значили для громаднаго Саганлугскаго отряда такія крошки! Все-таки, солдаты не получали дачу хлѣба цѣлые дни и были голодны.

Какъ-бы вслѣдствіе недостаточнаго кормленія людей и квартированія въ сѣрыхъ, грязныхъ помѣщеніяхъ, рядомъ со скотомъ, появилась тифозная эпидемія, распространившаяся повсемѣстно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Ни старанія высшаго начальства, ни частныхъ начальниковъ, ни медиковъ, тратившихъ десятки пудовъ карболовой кислоты для оздоровленія помѣщенія нижнихъ чиновъ, —ни что не могло остановить распространенія этой ужасной эпидеміи. Чудовищный тифъ обуялъ весь отрядъ и пожралъ тысячи людей!

Благодаря необыкновенной энергіи единственнаго въ полку врача, Еленева, въ январѣ мѣсяцѣ у насъ было всего 125 человѣкъ больныхъ. Но скоро честный труженникъ самъ заболѣлъ и умеръ и въ полку не осталось больше человѣка, способнаго вести борьбу съ неумолимымъ бичемъ природы. Съ 1-го февраля болѣзненность начала распространяться въ полку съ ужасающею быстротою и цифра больныхъ возрасла до 800 человѣкъ, а смертность — отъ 6-ти до 10-ти человѣкъ въ день.

Видя быстрое распространеніе болѣзни, полковникъ Мазаракій предписалъ капитану Чердилери позаботиться устройствомъ просторныхъ помѣщеній для полковаго лазарета въ дер. Кегахоръ, назначеніемъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ для присмотра за больными, очисткой деревни и окрестностей отъ скотскаго навоза, труповъ животныхъ и другой падали. Много труда

положилъ 4-й баталіонъ, заботясь объ оздоровленіи деревни, загроможденной цѣлыми горами навоза и мусора; почти двѣ недѣли длилась тяжелая работа въ глубокомъ снѣгу и въ мятели. Помѣщенія были

Прапорщикъ Калачевъ.
Раненъ въ дѣлѣ 21-го сентября 1877 г.

устроены, приспособлены для тифозныхъ больныхъ, но они были все таки тѣсны и холодны. При громадномъ скопленіи больныхъ, лазаретъ не имѣлъ ни бѣлья, ни посуды, ни медикаментовъ; послѣдніе, впрочемъ, не могли и пригодиться при отсутствіи врачей. Составъ прислуги мѣнялся шесть разъ въ продолженіе одного мѣсяца. Словомъ, болѣзнь косила людей направо и налѣво. Болѣе половины офицеровъ лежало безъ памяти

и въ бреду. Людей въ ротахъ осталось такъ мало, что некого было наряжать на службу; вмѣсто сплошной аванпостной цѣпи, высылался караулъ, состоящій изъ 5—6 человѣкъ. Болѣзнь приняла форму самой злокачественной эпидеміи, а съ нею возрастала и смертность. Въ концѣ-концовъ, умирающихъ стало ежедневно столько, что армянскіе священники отказались ихъ хоронить, даже за самое щедрое вознагражденіе. За больными офицерами ухаживали товарищи, но такъ-какъ съ средствами противъ болѣзни никто не былъ знакомъ, то, конечно, помощь была безполезна: выздоравливалъ тотъ, кому судьба благоволила. Чтобы утѣшить бѣдныхъ нижнихъ чиновъ, офицеры, назначенные для ухода, ходили съ термометрами, измѣряли температуру и обнадеживали больныхъ непремѣннымъ выздоровленіемъ. Тихо, безропотно подчинялись солдатики горькой долѣ; ни однаго слова, ни одного упрека; сомкнетъ глаза, вдохнетъ послѣднимъ глубокимъ вздохомъ—и конецъ. Царствіе небесное вамъ, богатыри! Гдѣ-то покоятся теперь ваши кости? Не удалось вамъ сложить ихъ на родимой Руси, съ которою вы прощались около Карзаха, обливаясь слезами, словно чувствовали, что содѣлаетесь жертвой чудовищнаго, безпощаднаго тифа!

Тифозная эпидемія похитила у насъ: врача Еленева, штабсъ-капитана Марковскаго, подпоручика Бартенева и 900 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

* * *

7-го января турками была произведена вылазка, ограничившаяся орудійной стрѣльбою изъ крѣпостныхъ

орудій. Вызванные по тревогѣ, баталіоны, простоявъ 2—3 часа подъ ружьемъ, возвратились обратно.

21-го января, на укомплектованіе полка пришло 387 человѣкъ ополченцевъ, болѣе половины которыхъ остались въ попутныхъ госпиталяхъ.

Прапорщикъ Славачинскій.
(Раненъ въ дѣлѣ 21-го сентября 1877 г.)

Въ первыхъ числахъ февраля въ отрядѣ стало извѣстно о заключеніи между Россіей и Турціей перемирія, по которому турки обязались очистить крѣпость Эрзерумъ. 15-го числа турки начали выходить изъ крѣпости, а одновременно, наши кавказскіе гренадеры, занимавшіе Девебойнскую позицію, переходить въ нее. По этой-же причинѣ, нашъ полкъ пере-

двинулся ближе къ городу и расположился въ ближайшихъ окрестностяхъ: штабъ полка и 1-й баталіонъ — въ дер. Чифтликъ, 2-й — въ дер. Соукъ-Чемрукъ, 3-й—въ дер. Мудырга и 4-й—въ дер. Кянъ; лазаретъ остался на прежнемъ мѣстѣ, въ дер. Кегахоръ.

7-го марта, полкъ, поэшелонно, выступилъ въ новыя мѣста квартированія и занялъ деревни по тракту отъ города Эрзерума до Карса, на правомъ берегу рѣки Араксъ. Баталіоны выступали въ составѣ 200 штыковъ въ каждомъ. При проходѣ черезъ Эрзерумъ, баталіоны были привѣтствованы начальникомъ отряда, генералъ-лейтенантомъ Гейманомъ, который благодарилъ полкъ за службу и понесенные труды; обращаясь къ командиру полка, генералъ Гейманъ, между прочимъ, выразился: «Да, они у васъ смотрятъ молодцами; ихъ хоть сейчасъ можно въ бой пустить!» Молодцами-то, дѣйствительно, смотрѣли, въ сознаніи, что выходятъ изъ тифознаго ада, но для боя ужъ слишкомъ не годились.

2-го мая части полка сосредоточились въ лагерѣ, у дер. Падыжванъ, въ 7-ми верстахъ отъ города Гасанъ-Кала, оставивъ, временно, 4-й баталіонъ на сообщеніяхъ отъ дер. Кикрикёй до Ардоста, 1-й баталіонъ— въ городѣ Гасанъ-Кала, а 7-ю роту—въ дер. Никёвъ съ слабосильной командой.

Кстати о слабосильной командѣ.

Слабосильную команду составляли люди, оправившіеся послѣ тифа и требовавшіе возстановленія силъ съ помощью чистаго воздуха и доброкачественной пищи; она была учреждена полковникомъ Мазаракіемъ сейчасъ-же по выступленіи полка изъ подъ Эрзерума.

Команда получала усиленную дачу провіанта и приварка, ежедневно водку и чай. Люди поправлялись, дѣйствительно, быстро и вступали въ строй.

14-го мая сообщенія отъ Киприкея до Ардоста были заняты 52-мъ резервнымъ баталіономъ, а 4-й баталіонъ выступилъ въ общій лагерь. Въ Падыжванѣ полкъ былъ занятъ строевыми ученьями мирнаго времени.

8-го іюня полкъ двинулся къ городу Эрзеруму и съ юго-восточной стороны его, въ одной верстѣ, сталъ лагеремъ въ общемъ сборѣ Саганлугскаго отряда. Здѣсь, полкъ, очередуясь съ частями отряда, занималъ караулъ въ городѣ Эрзерумѣ и прошелъ лагерныя занятія съ практическою стрѣльбою.

Въ свободное отъ службы время, какъ офицеры, такъ и нижніе чины увольнялись въ отпускъ въ городъ Эрзерумъ, для разныхъ покупокъ и препровожденія времени. Эрзерумъ, въ это время, носилъ чисто русскій характеръ. Магазины и лавки были почти всѣ заняты русскими торговцами и на каждомъ шагу вывѣски гласили: «Русскій магазинъ красныхъ товаровъ г. Попова», «Русское добро» и т. д. Улицы города были очищены отъ мусора, дохлыхъ собакъ и кошекъ, которыя, до нашего прихода, никогда не прибирались и, разлагаясь, заражали воздухъ. Въ началѣ вступленія нашихъ войскъ въ Эрзерумъ, была страшная дороговизна; такъ, напримѣръ, рюмочка коньяку стоила 60 коп., а фунтъ хлѣба 20 коп. Къ времени же выступленія, бутылка того-же коньяку опустилась въ стоимости на 30 коп.

Подъ Эрзерумомъ, въ нашей дивизіи произошла

большая перемѣна: всѣми любимый отецъ-генералъ, по болѣзненному состоянію, оставилъ дивизію, а на мѣсто его заступилъ, бывшій командиръ 1-й бригады 39-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Цытовичъ.

Много, много сожалѣній вызвалъ отъѣздъ Федора Даниловича въ средѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ дивизіи.

Начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Девель, въ прощальномъ своемъ приказѣ, отъ 16-го апрѣля 1878 года, такъ оцѣниваетъ отличія и труды, понесенныя въ минувшую компанію Елисаветпольцами:

«По случаю болѣзни, происходящей отъ раны, лишающей возможности продолжать службу въ строю, Высочайшимъ приказомъ въ 7-й день апрѣля, я отчисленъ отъ командованія 39-й пѣхотной дивизіей. Разставаясь со славною дивизіей, не могу не выразить настоящимъ приказомъ глубокое впечатлѣніе, которое навсегда врѣзали въ мое сердце ея доблестные подвиги, самоотверженіе и тѣ примѣрныя качества, кои были постояннымъ ея достояніемъ.

«Боевые товарищи! Когда надъ нами повисла грозная туча, готовая разразиться войною, вы, отъ генерала до солдата, съ напряженнымъ усердіемъ старались достигнуть, по всѣмъ отраслямъ военнаго образованія, того совершенства, безъ котораго побѣда немыслима. Я осмотрѣлъ васъ по полкамъ и, восхищаясь вами, притаилъ душевное удовольствіе съ надеждою въ будущемъ до боевой развязки. Началась война—и надежды мои оправдались: гордитесь геройскими подвигами, которыми вы украсили страницы военной хроники вашихъ доблестныхъ полковъ. Ваша боевая

дѣятельность, въ теченіи 11-ти-мѣсячной упорной борьбы, составляетъ солидный томъ достославной лѣтописи. Не могу не извлечь изъ него, хотя краткій, перечень болѣе выдающихся подвиговъ:

«4-го мая истекшаго года, Елисаветпольцы, послѣ восьми-часоваго упорнаго боя, взяли штурмомъ укрѣпленную Гелляпердынскую позицію и затѣмъ, не переводя духа, овладѣли фортомъ Омеръ-Оглы-Табія съ десятью орудіями. Фортъ Омеръ-Оглы-Табія составляетъ ключь всей обороны и, овладѣвши этимъ ключемъ, вы растворили ворота въ Ардаганъ. Съ той минуты, гарнизонъ былъ уже готовъ къ поспѣшному отступленію.

«5-го мая, Бакинцы, въ числѣ прочихъ, овладѣли остальными укрѣпленіями, городомъ, и Ардагану нанесли послѣдній ударъ. Это была первая побѣда, возрадовавшая Государя и весь Русскій народъ. Осада Карса предназначена была исключительно 39-й дивизіи. Съ 4-го по 27-е іюня всѣ тяжести ночныхъ фортификаціонныхъ работъ, ночныхъ и денныхъ прикрытій и бдительности сторожевой службы вы вынесли на своихъ плечахъ. Въ теченіи 23-хъ сутокъ находились подъ неумолкаемымъ артиллерійскимъ огнемъ карскихъ укрѣпленій, отражали вылазки непріятеля, въ знойные дни—томились жаждою, въ ненастье—лежали въ траншеяхъ по горло въ водѣ. Осадная война медленно искупаетъ жертвы, приносимыя осаждающимъ. Кромѣ самоотверженія, она требуетъ томительнаго терпѣнія и неослабной настойчивости. Вы вполнѣ обладали этими качествами и уже близокъ былъ славный конечный результатъ вашихъ неусыпныхъ трудовъ,

если бы зивинская случайность не заставила снять осады.

«Послѣ снятія осады, 39-я дивизія занимала почетное мѣсто, составляя авангардъ главныхъ силъ корпуса. Она принимала участіе въ рекогносцировкахъ, небольшихъ стычкахъ съ непріятелемъ, въ пораженіи турецкаго отряда, напавшаго на нашъ лагерь у развалинъ Ани, и 13-го августа, отдѣльная колонна этой дивизіи способствовала къ огражденію нашего лѣваго фланга отъ обхода войсками Мухтара-паши. Когда же, по военнымъ обстоятельствамъ, представилась необходимость раздробить дивизію на части, то и тутъ, дѣйствуя частями, вы показали себя истинными героями.

«20-го и 21-го сентября, Елисаветпольцы и два баталіона Бакинцевъ, въ числѣ прочихъ, наступая на армію Мухтара-паши, показали себя вполнѣ достойными вѣковой славы и боеваго закала Кавказской арміи.

«3-го октября, Дербентцы, Елисаветпольцы и два баталіона Бакинцевъ, находясь при главныхъ силахъ, подъ личнымъ предводительствомъ Августѣйшаго Главнокомандующаго, принимали участіе въ достославномъ бою, уничтожившемъ всю армію Мухтара-паши.

«Во время преслѣдованія бѣжавшей арміи Измаила-паши, полки ваши соединились и 39-я дивизія вновь была въ сборѣ.

«Мы стояли у преддверія Эрзерума, для достиженія котораго необходимо было овладѣть передовыми укрѣпленіями Деве-Бойны. Составлена диспозиція и вамъ предоставлена честь неодолимаго штурма. 23-го октября,

въ 9 часовъ утра, завязался обоюдный артиллерійскій огонь; ни что не могло остановить вашего движенія, и не прошло еще двухъ часовъ, вы уже были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вершины Деве-Бойны. Взоры всѣхъ, съ трепетомъ души и нетерпѣливымъ ожиданіемъ были обращены къ вамъ въ тѣ торжественныя минуты, когда васъ и вашего врага покрыла черная туча пороховаго дыма, когда ружейный огонь ожесточился, громы орудій потрясали воздухъ и когда, въ этомъ чудовищномъ хаосѣ, алчная смерть торжествовала. Еще одно усиленное напряженіе—и вы, по кровавому пути, достигли предназначенной цѣли. Деве-Бойна взята вами! Честь вамъ и вѣчная слава!

«Въ ночь съ 27-го на 28-е октября предпринята атака Эрзерума...

«Только мужество, самоотверженіе и солидарность, всегда присущія 39-й дивизіи, спасли остатки непобѣдимыхъ. Елисаветпольцы и Кубинцы поспѣшили на помощь роднымъ братьямъ, при выходѣ ихъ изъ Азизіе. Бакинцы прибыли въ лагерь съ баталіономъ плѣнныхъ, принадлежностями отъ турецкихъ орудій, изнуренные, окровавленные, оборванные, съ погнутыми штыками и залитыми кровью стволами; но, увы! многихъ изъ своихъ товарищей не досчитались! Не предстояло никакой возможности забрать съ собою убитыхъ и большую часть раненыхъ.

«Этимъ изумительнымъ подвигомъ закончилась ваша боевая дѣятельность. Еще разъ повторю: гордитесь своей славой, но не усыпляйте себя ею! Сохраните тотъ воинственный духъ, съ которымъ вы не знали неудачъ въ теченіи всей компаніи. Пусть онъ

всосется въ вашу кровь и да будетъ наслѣдственнымъ достояніемъ для потомства 39-й дивизіи. Я не дорожилъ жизнью, будучи съ вами, ибо видѣлъ васъ всегда восторгающимися кровавымъ пиромъ. Вы шли на него съ неудержимымъ увлеченіемъ, считая честь выше всѣхъ разсчетовъ, и для васъ было безразлично: жить или умереть. Я самъ ежеминутно готовился сойти туда, гдѣ невозмутимо покоятся наши незабвенные, геройски павшіе на полѣ битвы, но смерть пощадила меня, зарубивъ на костяхъ, осколкомъ гранаты, глубокій, вѣчный знакъ того счастливаго времени, когда я дѣлился съ вами восторгами и невзгодами боевой жизни. Въ вашихъ рядахъ я получилъ этотъ знакъ чести, вашею кровію искупленъ для меня Георгій 3-й степени. Вотъ памятники, неразрывно связанные съ 39-ю дивизіею, которые я унесу съ собою въ могилу!

«Покончивъ съ живою силой, вамъ суждено было испытать борьбу съ другимъ неодолимымъ врагомъ. Чудовищный тифъ со своею свирѣпостью обуялъ васъ и тысячи людей сдѣлались его жертвой. Борьба за честь смѣнялась борьбою за жизнь. Въ обоихъ случаяхъ вы остались съ полнымъ самоотверженіемъ.

«Дорогіе сослуживцы! Я пользовался вашею любовью, уваженіемъ и преданностью. Подобныя отношенія подчиненныхъ къ начальнику могли быть вызваны только теплотою души и моею искренностью къ вамъ, какъ отца къ дѣтямъ. Если вы вѣрили въ эти чувства, то присоедините къ нимъ и мою благодарность за вашу безукоризненную службу.

«Душевно благодарю бывшаго командира 156-го пѣхотнаго Елисаветпольскаго полка, генералъ-маіора

князя Амираджибова, какъ главнаго виновника въ доведенiи ввѣренной ему части до превосходнаго состоянiя, такъ равно, какъ полководца, подъ управленiемъ котораго полкъ совершалъ чудеса храбрости.

«Отъ души благодарю баталiонныхъ командировъ и завѣдывающаго хозяйственною частью, за ихъ мужество, самоотверженiе и точное выполненiе лежавшихъ на нихъ обязанностей: полковника Нельдихина, подполковниковъ: Якимовскаго и князя Макаева; маiоровъ: Скосаревскаго, Чердилери и князя Мачабели.

«Подполковнику Илькевичу вѣчная память!

«Благодарю отъ души ротныхъ командировъ и субалтернъ-офицеровъ! Вы постоянно были впереди, подавая примѣръ мужеству и храбрости. Ваше безграничное самоотверженiе увлекло за собою сокрушающую силу и, въ этомъ геройскомъ увлеченiи, вы со многими изъ вашихъ храбрыхъ товарищей простились на всегда. Помянемъ вѣчною памятью погибшихъ за честь и славу нашего оружiя!

«Драгоцѣнные солдаты! Я былъ всегда съ вами, нигдѣ не покидалъ васъ, не могу забыть и въ этомъ приказѣ. Сердечное спасибо вамъ, братцы, за вашу славную службу, поведенiе и молодецкую удаль. Я видѣлъ васъ въ огнѣ, въ рукопашной схваткѣ, гдѣ вы не щадили ни своей, ни вражьей жизни! Видѣлъ раненыхъ, не издававшихъ ни малѣйшаго стона! Видѣлъ умирающихъ, когда эта разбитая могучая сила, тихо, безмолвно покорялась неизбѣжному! Русская кровь течетъ въ вашихъ жилахъ и нѣтъ вамъ подобныхъ! Въ трескучiй морозъ вы не зябли, жгучее солнце васъ не обжигало! Три дня не ѣвши—были сыты, два дня не

пивши не чувствовали жажды! Промокши до костей— въ 2 минуты высыхали; отсчитавъ 100 верстъ, устали не знали, и спали вы, молодцы, на сырой землѣ богатырскимъ сномъ!

«Бывало время, голубчики, когда непосильные труды утомляли и васъ, героевъ. Но лишь только раздался священный звукъ: «впередъ, за Батюшку Царя!»—вы встрепенулись, въ глазахъ блеснула молнія, мчитесь грозою, все сокрушаете и нѣтъ силы могучѣе васъ!

«40 лѣтъ неразлучно я прожилъ съ вами и люблю васъ всѣмъ сердцемъ. Не мое, ребятушки, а Государево спасибо вы достойно заслужили. Что-же касается до меня, то разставаясь съ вами, буду молить Всемогущаго Бога, да ниспошлетъ Онъ вамъ щедрыя милости!

«Да будетъ вѣчная память вашимъ товарищамъ, отдавшимъ Господу Богу свою беззавѣтную душу!»

XV.

Заключеніе.

30-го августа, въ день тезоименитства въ Бозѣ почившаго Государя Императора, послѣ молебствія, всѣмъ войскамъ Эрзерумскаго лагеря произведенъ былъ общій церемоніальный маршъ въ присутствіи турецкихъ делегатовъ, прибывшихъ для принятія крѣпости Эрзерума, консуловъ иностранныхъ державъ и многихъ знатныхъ эрзерумскихъ жителей. Всѣ они были въ восторгѣ отъ стройности движенія войскъ и вида людей.

1-го сентября полкъ выступилъ во вновь назначенную штабъ-квартиру—въ Нижній Сарыкамышъ, куда и прибылъ 11-го числа того-же мѣсяца. На другой

день, въ присутствіи командующаго дивизіей, генералъ-маіора Цытовича, было приступлено къ выбору мѣста подъ штабъ-квартиру. Избранная мѣстность представляетъ собою широкую возвышенность *), покрытую густымъ сосновымъ лѣсомъ. Почва, по преимуществу, песчаная.

Послѣ двухдневнаго отдыха, Елисаветпольцы приступили къ спѣшной работѣ по постройкѣ помѣщенія для офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Въ работѣ принимали участіе не только рядовые, но и унтеръ-офицеры и фельдфебеля, знавшіе мастерства. Сознаніе, что ни сегодня, такъ завтра, начнутся морозы, двигало работы съ такою быстротой, что къ 20-му ноября помѣщенія были окончательно отстроены и полкъ, поселившись въ нихъ, повелъ обыкновенную жизнь мирнаго времени. Конечно, до полнаго удобства еще многаго не хватало, но объ этомъ не приходилось заботиться.

3-го октября, штабъ-квартиру осчастливилъ посѣщеніемъ Его Императорское Высочество, генералъ-фельдмаршалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ; для помѣщенія Его, за неимѣніемъ приличной квартиры, былъ разбитъ наметъ, украшенный флагами и цвѣтами. Возлѣ намета, въ ожиданіи Высочайшаго Гостя, стояла рота со знаменемъ, хоръ полковой музыки, а полкъ выстроился шпалерами по пути слѣдованія. Около 4-хъ часовъ пополудни показался поѣздъ Его Высочества, окруженный всадниками изъ мѣстныхъ жителей, выѣхавшихъ на встрѣчу. Подъѣхавъ къ полку, Его Вы-

---

*) Та самая терраса, гдѣ Елисаветпольцы вырубали лѣсъ на топливо при движеніи за Саганлугъ.

сочество привѣтствовалъ нижнихъ чиновъ: «здорово, мои Елисаветпольцы!» На привѣтствіе обожаемаго Главнокомандующаго, послѣ обычнаго «здравія желаемъ», раздалось восторженное «ура», не умолкавшее до тѣхъ поръ, пока Его Высочество не подъѣхалъ къ церковному намету, гдѣ былъ встрѣченъ протоіереемъ Хуціевымъ съ крестомъ и святою водой. По принятіи почетнаго караула и ординарцевъ, Его Высочество изволилъ приказать полку приготовиться къ смотру. Черезъ полчаса, полкъ выстроился покоемъ въ сомкнутыхъ баталіонныхъ колоннахъ. Подъѣхавъ къ полку, Его Высочество, въ самыхъ лестныхъ словахъ, благодарилъ полкъ за боевыя отличія и понесенные труды и обрадовалъ нижнихъ чиновъ извѣстіемъ, что всѣ, призванные изъ запаса, нижніе чины будутъ вскорѣ уволены домой. Затѣмъ, Его Высочество сошелъ съ коня, вызвалъ 33 человѣка изъ числа раненыхъ, но не получившихъ награды за отличія, и тутъ-же возложилъ на нихъ знаки отличія Военнаго ордена. Кромѣ того, пять человѣкъ офицеровъ, по приказанію Его Высочества, были представлены къ наградамъ.

Еще до пріѣзда Его Высочества, командиръ полка, полковникъ Мазаракій, по просьбѣ общества офицеровъ, ходатайствовалъ по начальству о разрѣшеніи устроить обѣдъ Его Высочеству. На это ходатайство послѣдовало разрѣшеніе, но съ тѣмъ однако, что всѣ расходы по устройству обѣда Его Высочество взялъ на себя. Въ 5 часовъ вечера къ столу были приглашены всѣ офицеры и свита. За обѣдомъ Его Высочество провозгласилъ тостъ: «за здоровье доблестныхъ офицеровъ Елисаветпольскаго полка!»—всталъ и обошелъ кругомъ стола,

чокаясь съ офицерами бокаломъ; при этомъ Его Высочество смѣялся, разговаривалъ съ офицерами и замѣчалъ, когда нѣкоторые изъ нихъ, не имѣя стакановъ, не догадывались чокнуться бутылкой. Въ самый разгаръ веселья, Его Высочество получилъ телеграмму отъ Его Императорскаго Величества, въ Бозѣ почившаго Государя Императора, и вслухъ прочелъ: «Поздравляю славныхъ Елисаветпольцевъ съ Георгіевскими знаменами...» Офицеры были до такой степени тронуты такою неожиданною Высочайшею милостью, что почти всѣ прослезились. Болѣе чѣмъ полчаса звучало въ воздухѣ торжественное, неумолкаемое «ура». Вечеромъ, Его Высочество, окруженный офицерами, изволилъ прогуливаться около намета, при чемъ хоръ офицеровъ пѣлъ всевозможныя пѣсни. Съ наступленіемъ ночи, окрестныя горы были иллюминованы тысячами костровъ, изображавшихъ дни подвиговъ полка: 4-е мая, 20 и 21-е сентября, 3-е октября и 23-е октября. На другой день Его Высочество выѣхалъ изъ Сарыкамыша, сопровождаемый всѣми офицерами верхомъ, а нижніе чины провожали около одной версты, оглашая воздухъ потрясающимъ «ура». Проѣхавъ версты 3—4, Его Высочество остановился, подозвалъ офицеровъ и еще разъ благодарилъ за службу и пріемъ, которымъ остался очень доволенъ.

Въ заключеніе, приводимъ въ подлинникѣ приказъ по Кавказской арміи, которымъ Его Императорское Высочество осчастливилъ войска по окончаніи военныхъ дѣйствій:

«Вступленіемъ вчерашняго числа въ городъ Батумъ окончились боевые труды ваши, войска Кавказской арміи!

«На высотахъ Аладжи, Драмъ-Дага и Девебойны, на веркахъ Ардагана и Карса, подъ стѣнами Эрзерума и Баязета, и въ горныхъ трущобахъ Аджаріи, Кабулетъ, Чечни и Дагестана—вы закрѣпили вѣковую славу!

«Теперь съ миромъ и чистою совѣстью—на отдыхъ!

«Расходясь съ боеваго поля, вы уносите съ собою сознаніе честно выполненнаго долга и заслуженную признательность Отечества!

«Послѣднему солдату въ вашихъ рядахъ извѣстно, какъ гордится вами вашъ главнокомандующій!

«Спасибо вамъ еще разъ за все: за ваши геройскіе подвиги, за вашу тяжелую, трудовую службу, за вашу стойкость въ лишеніяхъ, за ваше безпредѣльное самоотверженіе!»

***

За отличія въ минувшую войну, полкъ Всемилостивѣйше былъ пожалованъ Георгіевскими знаменами, а офицеры и нижніе чины, за военное отличіе, — орденами.

***

Къ десяти-лѣтней годовщинѣ штурма Елисаветпольцами Гелляверлынскихъ высотъ и форта Эмиръ-оглы-табія 4-го мая 1877 года.

Грянулъ звукъ трубы военной
Ранней утренней порой...
Полкъ могучій, долгу вѣрный,
Славной двинулся тропой.
Въ блескѣ чуднаго востока
Гасли звѣзды въ небесахъ,
Беззаботно пташки звонко

Распѣвали на лугахъ;
И цвѣтовъ душистый, нѣжный
Запахъ въ воздухѣ царилъ, —
Къ жизни мирной, безмятежной
Міръ чарующій манилъ...
Но героевъ строй надменный,
Дара жизни не цѣня,
Ставилъ шагъ лишь равномѣрный,
Колыхаясь и шумя.
Солнца лучъ по горнымъ кряжамъ
Бросилъ лишь свой яркій свѣтъ,
Рой гранатъ по твердямъ вражьимъ
Звякнулъ утренній привѣтъ.
Межъ рядами, вихремъ бурнымъ,
Конь, вздымая пыль, промчалъ;
На немъ съ взоромъ грознымъ, хмурымъ
Гордо Девель возсѣдалъ.
«Въ добрый путь, на супостата, —
Обращался онъ къ войскамъ:
«Богъ сподобилъ васъ, ребята,
«Дать впервые бой врагамъ!
«Взоръ священный Государя,
«Руси славные сыны,
«Съ гордымъ чувствомъ упованья
«Смотритъ зорко съ вышины!
«Вамъ надежды, упованья
«Надо эти оправдать:
«Надо, вонъ, тѣ укрѣпленья,
«Лечь костьми всѣмъ, или взять!»
Радуясь священной волѣ
Всероссійскаго Царя,

Полкъ грядущей тяжкой долѣ
Крикнулъ громкое «ура»!
И скалистыми тропами,
Съ цѣпью длинной впереди,
Торопливыми стопами
Подошелъ къ Гелляверды.
Пули, бомбы и шрапнели,
Съ выси страшной и крутой,
Вдругъ зловѣще зашипѣли
Надъ воинственной толпой.
И протяжный пушекъ грохотъ,
Слившись съ залповой стрѣльбой,
Словно, бурныхъ волнъ злой ропотъ,
Вихремъ несся надъ землей.
Но колонна боевая,
Мощи рыцарской полна,
Шла, путь кровью заливая,
Непреклонна, холодна;
Шла поспѣшно, все рѣдѣя
И смыкая вновь ряды,
Къ твердямъ «турка-лиходѣя»,
Въ вышинѣ Гелляверды.
Ни орудій громъ ужасный,
Ни свинцовый, страшный градъ,
Ни свирѣпость смерти страшной
Не могли ея сдержать.
Обогнувъ могучимъ строемъ
Тверди грозныя дугой,
Полкъ героевъ, съ бурнымъ воемъ,
Въ бой понесся штыковой.
Сшиблись массы... мигъ ужасный

Битвы памятной насталъ:
Закипѣлъ бой рукопашный,
Штыкъ суровый заблисталъ...
Какъ волковъ голодныхъ стая,
Воетъ злобная толпа,—
Стоны, вопль, «ура» лихое
Потрясаютъ небеса.
Полегли въ порывѣ бранномъ
Жертвы храбрыя враговъ,
Потекла ручьемъ багрянымъ
По землѣ людская кровь...
Дрогнулъ турокъ, пораженный
Мощной вражеской рукой
И съ позиціи укрѣпленной
Хлынулъ шумною толпой
Къ сторонѣ, гдѣ ужъ искрился
Ихъ спасенія кумиръ,
Клокоталъ, ревѣлъ и злился
Фортъ чудовищный Эмиръ.
Полкъ отваги беззавѣтной,
Ставъ на выси, отдохнулъ.
Вѣтеръ тихій, перелетный
Освѣжающе дохнулъ.
Снова пули и гранаты
Высь крутую бороздятъ,
Пуще прежняго солдаты
Жаждой битвы всѣ горятъ.
Прозвучалъ сигналъ «атаки»—
Общей радости сигналъ,—
Вновь къ лихой штыковой дракѣ
Молодецкій полкъ призвалъ.

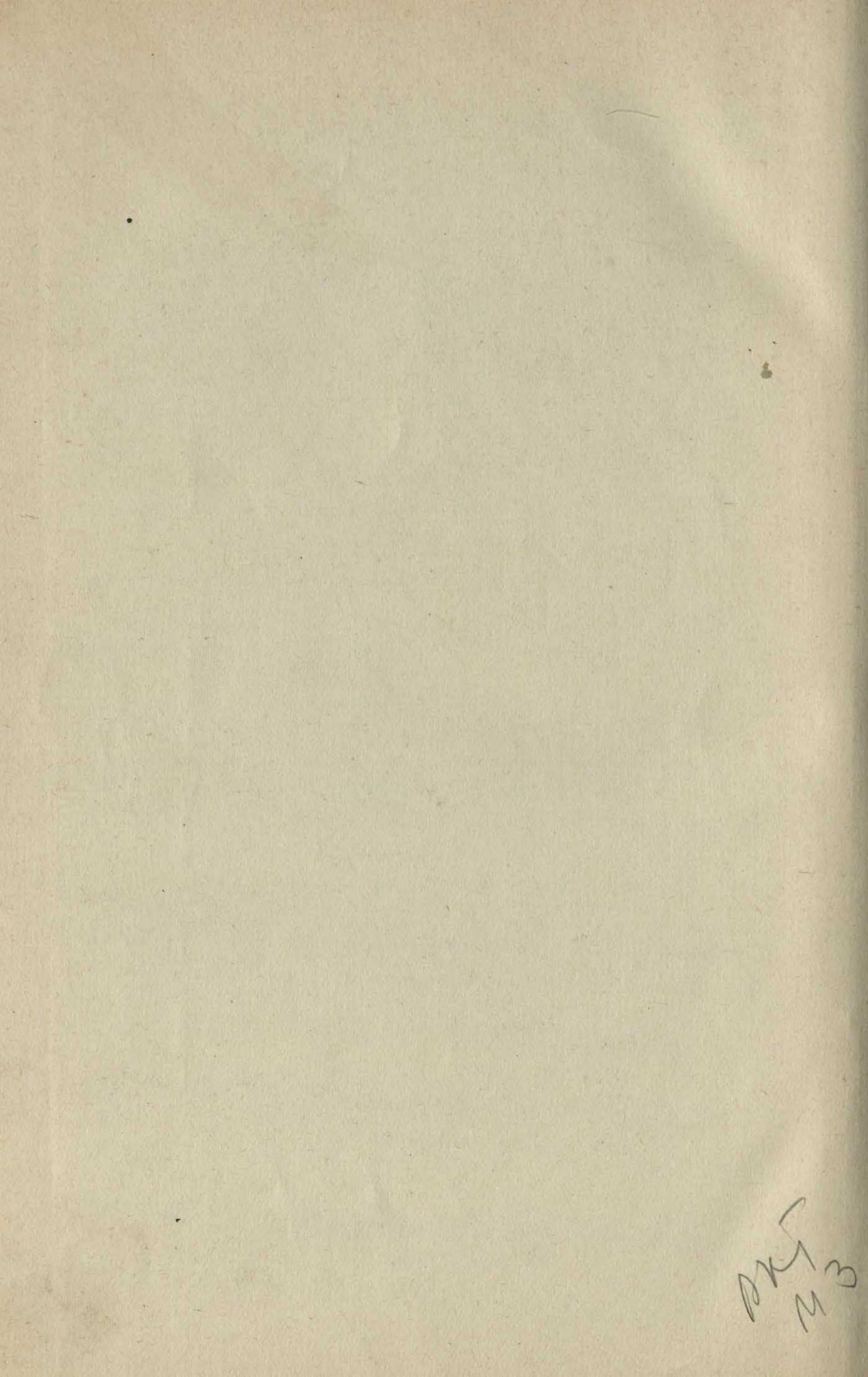
Подъ огнемъ врага смертельнымъ
Взвился полкъ на бранный пиръ...
Палъ къ стопамъ Царя священнымъ
И чудовищный Эмиръ.

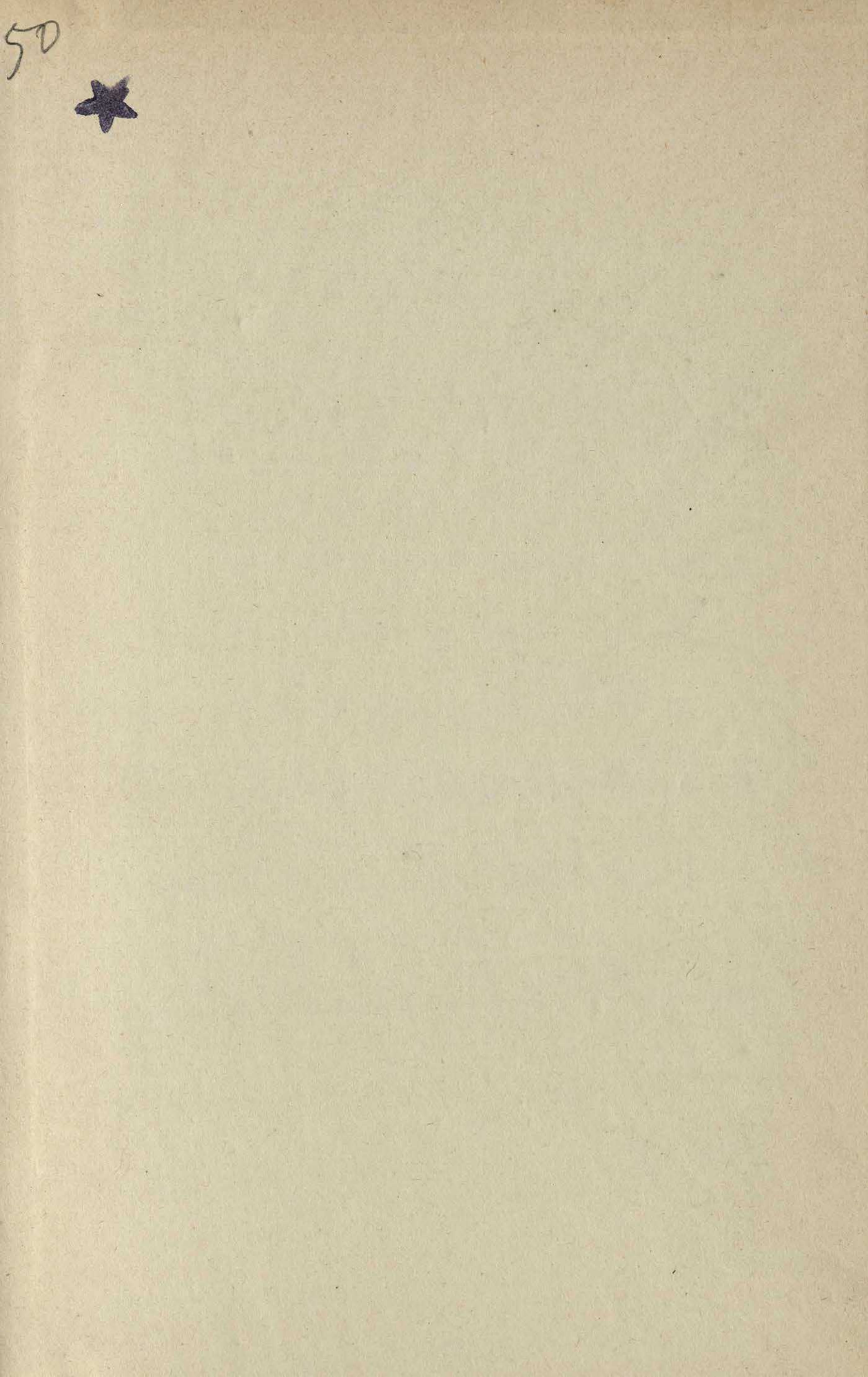
* *
*

Списокъ знакамъ отличія, полученнымъ офицерами и нижними чинами 156-го пѣхотнаго Елисаветпольскаго полка:

Св. Георгія 3-й степени	1
» » 4-й »	6
Св. Анны 2-й степени.	4
» » 3-й »	23
» » 4-й »	20
» Владиміра 4-й степени	18
» Станислава 1-й степени	1
» » 2-й »	8
» » 3-й »	30
Золотой наперстный крестъ	1
Знаковъ отличія, полученныхъ нижними чинами	896

ОГЛАВЛЕНІЕ




50